

МИР
МИСТИКИ
WORLD
OF
MYSTERY

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ
В ПОЛНОЧЬ

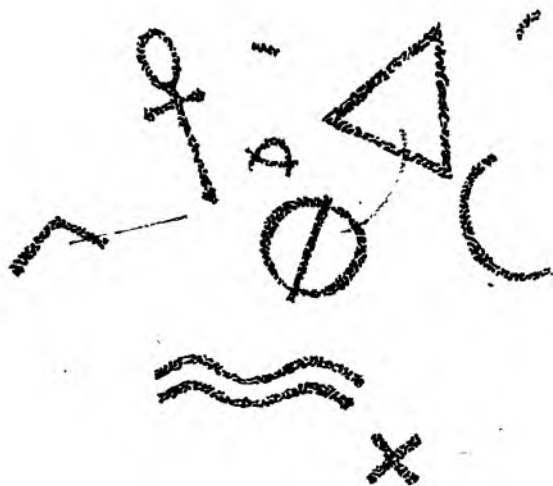

МИР
МИСТИКИ

WORLD
OF
MYSTERY

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ

МОСКВА
RENAISSANCE
ЕВРО-САД
1993

ББК 84
О-59

Серия
МИР МИСТИКИ

Основатель серии *И. В. Розова*

Художественный редактор серии
Ф. Е. Барбышев

Художник
А. Л. Бондаренко

О-59 Они появляются в полночь. Антология редкой литературы о вампирах/Пер. с англ. *А. В. Чикина, И. В. Феоктистовой.*— М.: Издательство «Ренессанс». СП «ИВО — СиД» (Серия «Мир мистики»), 1993.—380 с.

Во всей зловещей литературе о потустороннем мире нет другого такого существа, которое вызывало бы больший ужас, отвращение и нездоровый интерес, чем Вампир. Ни один другой монстр не привлекал столь пристального внимания со стороны признанных мастеров этого жанра, и ни одно другое создание из власти тьмы не сумело вдохновить литераторов и стать героем столь многочисленных и выдающихся кошмарных историй.

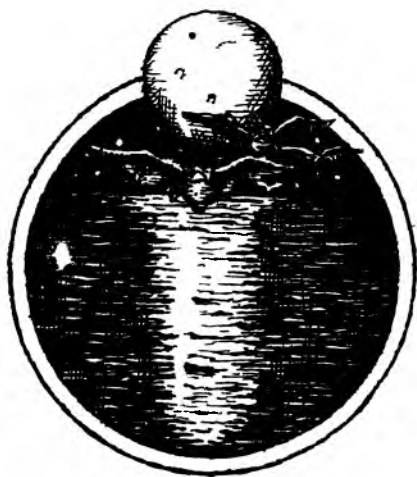
В основу нашего сборника легла книга, составленная Питером Хайнингом, «Они появляются в полночь». Во второй части книги «Синдром Дракулы» — рассказы *У. Тенна, Д. Келлера, Р. Блоха, Г. Каттнера и Р. Шпехта.* Завершает повествование о Вампирах повесть *А. К. Толстого «Упырь».*

О 47030000002—080
Б(03)—73—93 подписное

ББК 84

ISBN 5—8396—0041—5

- © Перевод: *А. В. Чикин, И. В. Феоктистова*, 1993;
- © Оформление: *А. Л. Бондаренко*, 1993;
- © Составление: *В. В. Громова*, 1993.

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ

**Антология редкой литературы о вампирах,
составленная Питером Хейнингом**

Но чу, гляди, как в круг людской
Крадется чья-то тень.
Кроваво-красная, с тоской
Вползает в ясный день.
О, как же корчится она
В смертельной пляске мук!
Напившись крови допьяна,
Клыки свои воткнув
В плоть человечесю и сполна
Насытив свой недуг.
Стенают ангелы в крови
Нечеловечьих мук.

Эдгар Аллан По

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вампир — мертвое тело, живущее в могиле, покидая ее по ночам для того, чтобы высасывать кровь у живых людей, поддерживая таким образом себя в отличном состоянии и продолжая свое существование. Вампиры не подвержены, в отличие от других мергвецов, воздействию глена.

Георг Конрад Хорст,
немецкий философ и оккультист

Во всей зловещей литературе о потустороннем мире нет другого такого существа, которое вызывало бы больший ужас, отвращение и нездоровый интерес, чем Вампир. Ни один другой монстр не привлекал столь пристального внимания со стороны признанных мастеров этого жанра, и ни одно другое создание из власти тьмы не сумело вдохновить литераторов и стать героем столь многочисленных и выдающихся кошмарных историй.

В отличие от других страшных героев художественной и научной литературы, а также произведений искусства о разнообразных зловещих явлениях, Вампир имеет под собой вполне реальную основу. Корни литературы о Вампирах довольно глубоки: легенды и сказки многих народов можно встретить в глубокой древности. Вампиры фигурируют в народных преданиях стран, довольно отдаленных друг от друга, как Китай и Германия, Индия и Мексика, а рассказы об их преступлениях доходят до нас и в более поздние времена из самых отдаленных уголков Европы, Греции и Малайи. И хотя почти все рассказы и легенды очень подробно описывают происшествия и злодеяния, совер-

щенные этими ужасными созданиями, они всегда несколько туманно дают описание внешнего вида Вампиров.

Для того чтобы иметь наиболее полное представление, о чем же, собственно, идет речь, лучше всего обратиться к работам знаменитого оккультиста Монтегю Саммерса, в частности, к его ставшим классическими двум исследованиям, посвященным природе вампиризма. «Вампир и Вся его Родня» и «Вампир в Европе». В первом из них он анализирует многочисленный, веками накопленный материал о сущности вампиризма за многие столетия и рисует самым исчерпывающим образом картину именно так, как только заинтересованный читатель смог бы пожелать.

Монтегю Саммерс дает определение Вампиру как «существу, обладающему более чем экстраординарными способностями к бессмертию и непомерному злодейству, существу, исполненному гнусных, грубых и эгоистических страстей, злодейских амбиций, наслаждающемуся своей нескazanной жестокостью и кровью жертв».

О внешнем же облике Вампира он пишет следующее: «Как правило, Вампира описывают как существо исключительно костлявое и изможденное с уродливой внешностью и горящими красными глазами, полными вожделения. Следует, однако, отметить, что, когда он утолит жажду, напившись теплой человеческой крови, тогда тело его раздувается и оплывает. Он становится похож на огромную пиявку, насосавшуюся крови до такой степени, что готова лопнуть от пресыщения. Кожа его может быть холодна как лед, но может и пылать от жара, обжигая как горящий уголь, она имеет мертвенно-бледный оттенок, губы же Вампира, наоборот, полные, вздутые, всегда красного цвета; зубы — белые и сверкающие клыки, которыми он впивается в шею своих жертв, прокусывая вену и высасывая из нее жизненные соки, необходимые ему для поддержания существования, возвращения снова к активной жизни, — длинные и острые. Часто можно увидеть, как его уродливое лицо искажается в коварной усмешке, он рычит, обнажая ужасные клыки, и тогда, как пишет Леоне Алаччи, в темном провале рта сияют его ослепительно белые зубы. Именно поэтому во многих странах людей с заячьей губой воспринимают как Вампиров, считая этот дефект неоспоримым признаком вампиризма. В Болгарии, например, существует поверье о том, что Вампир имеет только одну ноздрю, а в некоторых районах Польши уверяют, что у него на кончике языка острие, подобное жалу пчелы. Говорят, что ла-

дони рук у Вампира покрыты шерстью, а ногти изогнуты и похожи на когти большой птицы, костяшки скрюченных пальцев черны от сгустков и потеков засохшей человеческой крови. Дыхание Вампира невыразимо смердит, в нем запах трупного разложения и кладбищенская вонь».

Независимо от того, уважаемый читатель, взяли ли вы эту книгу для того, чтобы поразвлечься занимательным чтением, или действительно готовы поверить в существование Вампиров, мы пока оставим в покое описание внешности и характерных черт этих ужасных созданий. Однако если же вы всерьез заинтересовались вампиризмом и хотите провести более глубокие исследования в этой области, что ж, могу только переадресовать вас к упомянутым классическим исследованиям мистера Саммерса.

Что же касается появления Вампиров на страницах художественной литературы, то начало этому было положено несколько позже. В 1819 году Джон Вильям Полидори пишет рассказ «Вампир», который, кстати, включен в данное собрание. И с этого времени вплоть до наших дней ужасный персонаж кочует по многочисленным занимательным и захватывающим рассказам и романам, написанным признанными мастерами пера. Следует все же отметить, что наш трактат не претендует на полноту освещения темы, поскольку при работе над ним пришлось допустить некоторые сокращения и пропуски по той простой причине, что мы не смогли повторять общеизвестные классические произведения, много раз издававшиеся и переиздававшиеся, — и опытный, искушенный читатель этого вида литературы несомненно с ними знаком. Такие выдающиеся произведения, как «Кармила» Шеридана Ле Фану, «Береника» Эдгара Аллана По, «Прекрасный Вампир» Теофиля Готье и другие, конечно же, заслуживают включения в наше собрание. Хотя бы потому, что это — классика литературы о Вампирах, но, к сожалению, включив эти классические произведения в антологию, я бы не смог опубликовать некоторые чрезвычайно редкие и захватывающие рассказы, которые мне удалось разыскать. Читателя же, незнакомого с произведениями о Вампирах, я отсылаю к собраниям сочинений упомянутых здесь авторов. Также необходимо отметить, что произведения в данной антологии расположены в хронологическом порядке, для того чтобы читателю было легче познакомиться с развитием стилей, сюжетов и подходов к трактовке этой увлекательной темы.

Начинается книга с двух удостоверенных в их подлин-

ности современных рассказов, которые мне удалось найти: невероятная история Монтегю Саммерса о Фритце Хаарманне, «Ганноверском Вампире», и не менее достоверное повествование Августа Харе о таинственных событиях на ферме Кроглин Грэйндж. Мне показалось, что они прекрасно вводят читателя в мир произведений, которые приведены в нашем собрании далее. Ну а если у вас некрепкая психика, слабые нервы — я вас предупреждал!

И наконец, мне бы хотелось от всей души выразить благодарность людям, оказавшим мне неоценимую помощь в составлении этой антологии: Лесли Фрюину, моему издателю; Бэйзилу Копперу за его справочный материал; многочисленным издателям и агентам, оказавшим мне материальную поддержку; а также людям, затратившим свое драгоценное время на розыски для меня редких историй. Этих людей было так много, что привести здесь все их имена просто невозможно; Курта Сингера, помогавшего мне в области американской литературы; Пирл Лоури, мою секретаршу, отпечатавшую на машинке значительную часть материала: и, наконец, но ни в коем случае не в меньшей степени, разумеется, мою жену Филиппу, разделившую с самого начала проекта все тяготы составления антологии вместе со мной. Она по праву может считаться соавтором. Всем им выражаю свою глубокую благодарность и искренние поздравления.

Питер Хэйнинг

Броксбурн, Хертфордшайр
октябрь 1968 года

ГАННОВЕРСКИЙ ВАМПИР

У

тром 17 апреля 1925 года на первой странице номера лондонской газеты «Дейли экспресс» было помещено следующее невероятное сообщение:

«МОЗГ ВАМПИРА ПЛАН ЕГО СОХРАНЕНИЯ ДЛЯ НАУКИ

16 апреля, четверг Берлин (Центральные новости) Тело Фритца ХААРМАННА, казненного вчера в Ганновере за совершение двадцати семи убийств, не будет захоронено до тех пор, пока его не обследуют в Геттингенском университете

Ввиду исключительности характера преступлений — большинство жертв Хаарманна были закусаны до смерти — данный случай вызвал огромный интерес среди немецких ученых Руководство университета, вероятно, примет меры по извлечению и сохранению мозга Хаарманна»

Фритц Хаарманн, прозванный «Вампиром из Ганновера», родился 25 октября 1879 года. Его отец, Олле Хаарманн, работавший кочегаром на паровозе, был хорошо известен как грубый, своенравный и вспыльчивый человек. Фритц, младший сын в семье, отца боялся и ненавидел одновременно. В юности Фритц Хаарманн учился в церковной школе, а затем в школе унтер-офицеров Нью-Брайсаке. Показательно то, что он всегда отличался скудоумием, тупостью и неспособностью к учению, но таким, по-видимому, и должен быть хороший солдат. Когда его демобилизовали по причине слабого здоровья, он вернулся домой и вскоре предстал перед судом по обвинению в совращении малолетних. Он был признан невменяемым и направлен в сумасшедший дом в Хилдесхайме. Оттуда ему удалось совершить побег и после этого найти пристанище в Швейцарии. Некоторое время спустя он вернулся домой, но из-за ежедневных яростных стычек с отцом жизнь дома стала для него невыносимой. Поэтому он снова поступил на военную службу и был направлен в образцовый 10-й егерский батальон, расквартированный в городе Калмар в Эль-

засе. Там он проявил себя с наилучшей стороны, и поэтому, когда ушел на пенсию по состоянию здоровья, характеристики на него были самые положительные. Он вновь вернулся домой, и скандалы возобновились, дело нередко доходило до драки. В 1903 году он прошел обследование у врача-специалиста, доктора Андре, который признал его умственно отсталым, но, однако, не нашел оснований для помещения его в сумасшедший дом. Постепенно Фритц Хаарманн опустился до положения бродяги; иногда он приторговывал на улицах, бывало, жульничал и воровал, снова и снова попадал он в тюрьму то за воровство, то за кражу со взломом, то за непристойные действия, то за мошенничество. В 1918 году он вышел на свободу после длительного срока заключения. Германия была уже другой. Он вернулся в Ганновер, и в старом квартале города ему удалось открыть небольшой продовольственный магазин. Там же он занимался уличной торговлей мясом, на которое в ту пору продуктового дефицита и всеобщего голода был громадный спрос. Было у него и еще одно занятие. Он был стукачом: уголовник, превратившийся в тайного агента и осведомителя, он наводил полицию на людей, находившихся в розыске. «Сыщик Хаарманн» — такое прозвище дали ему покупательницы. От них не было отбоя, потому что в его магазине всегда имелся большой выбор свежего мяса, а цены на него каким-то образом неизменно были ниже, чем у других мясников и поставщиков продовольствия в этом квартале.

В центре Ганновера находился Большой железнодорожный вокзал. И именно в эту часть города стекались огромные толпы людей со всех уголков истерзанной Германии. Среди них были дезертиры, бродяги и бездомные. Сюда стекались беженцы из других городов. Они искали работу, пытались раздобыть продукты, бессмысленно и лениво слонялись по городу, не зная, чем себя занять. Легко представить, что, несмотря на отчаянную нехватку сил и средств, полиция по мере возможности внимательно следила за тем, что происходило на вокзале и в его окрестностях, а Хаарманн помогал ей в этом. В полночь, в глухие ночные часы он обычно проходил по залам ожидания пассажиров третьего класса мимо скрючившихся во сне людей, внезапно будил какого-нибудь испуганного юнца, требовал показать билет и допытывался, откуда и куда он следует. Обычно юнец рассказывал всхлипывая какую-нибудь грустную историю, а добрый Хаарманн предлагал ему место для ноч-

лега и еду в своем доме, расположенном в деловой части города.

Насколько это сейчас возможно установить, первым юношей, оказавшимся таким образом дома у милосердного Хаарманна, был убежавший из дома семнадцатилетний Фридель Роте. 29 сентября 1918 года его мать получила почтовую открытку, и так уж случилось, что в тот же самый день вернулся с войны отец Фриделя. Родители были полны решимости найти своего сына и вскоре начали поиски. Один из приятелей Фриделя сообщил им, что их пропавший сын познакомился с каким-то сыщиком, который и предложил тому крышу над головой. Нашлись и другие зацепки, и, приложив невероятные усилия, так как у полицейских властей были куда более важные дела, чем поиски беглых школьников, семье Фриделя все-таки удалось заставить полицейских произвести обыск в доме Хаарманна на Целларштрассе, 27. Когда полицейские внезапно ворвались в дом Хаарманна, то там обнаружили Хаарманна и какого-то юношу в такой недвусмысленной позе, что, даже будучи дружками Фритца, они вынуждены были его арестовать. В соответствии со статьей 175 уголовного кодекса Германии за исключительно непотребные действия Хаарманн был приговорен к девяти месяцам тюремного заключения. Четыре года спустя в ожидании суда по обвинению в двадцати четырех убийствах Хаарманн показал: «В тот момент, когда полиция арестовала меня, голова Фриделя Роте лежала под газетой за кухонной плитой, позднее я ее выбросил в канал».

В сентябре 1919 года Хаарманн познакомился с Гансом Грансом, красивым молодым человеком, который позднее оказался вместе с ним на скамье подсудимых. Гранс относился к тому опасному типу выроdkов-психопатов, который только в наши дни стал явлением довольно обычным. В нем соединились самые отвратительные человеческие пороки: жулик и вор, скандалист, тайный осведомитель, провокатор, убийца, громила, сутенер и, что хуже всего, шантажист. Влияние этого Ганимеда на Хаарманна было абсолютным. Именно по его наущению совершались многие убийства: в ноябре 1923 года семнадцатилетний Адольф Ханнаппель был убит лишь потому, что Грансу понравились его брюки; 5 января 1924 года за свою «франтовскую рубашку» заплатилась жизнью тоже семнадцатилетний Эрнст Шпикер. Именно Гранс разрабатывал детали преступлений, именно он очень часто и заманивал жертву.

В 1918 году Ганновер, город с населением в 450 тысяч человек, был широко известен тем, что в нем проживало много гомосексуалистов. По крайней мере в списках полиции значилось около пятисот человек, предлагавших себя в этом качестве. Из них самые красивые и шикарно одетые посещали кафе Крокке на Джорджштрассе, одном из первых бульваров в новом Ганновере; другие же встречались со своими друзьями на вечеринках гомосексуалистов в Кауленбергер Форштадт или в старом зале для собраний; и, наконец, на самой нижней ступени находилась танцплощадка «У пижона Гисси», где ловили клиентов бедные юнцы. Именно там, например, Гранс и подцепил юного Эрнста Шпикера, которому безвкусная рубашка стоила жизни.

Рассказывая о поведении Хаарманна на суде, газеты того времени писали: «На протяжении всего длительного судебного разбирательства Хаарманн вел себя совершенно благодушно и невозмутимо.. Подробности зверских убийств, за которые Хаарманн вскоре заплатит своей жизнью, крайне отвратительны. Все его жертвы были в возрасте от 12 до 18 лет, и было доказано, что обвиняемый действительно продавал людям человеческое мясо. Как-то раз он сделал колбаски у себя на кухне, а потом он и его покупатель приготовили их и съели... Некоторые психиатры утверждают, что двадцать четыре убийства вряд ли исчерпывают полный список зверских преступлений Хаарманна, и, по их оценке, общее число жертв достигает пятидесяти человек. Почти по всем пунктам обвинения Хаарманн делал подробнейшие признания, и целыми днями суд выслушивал повествование о том, как он расчленял тела жертв и как избавлялся от останков. Он постепенно отвергал мысль о своем безумии, однако при этом неизменно утверждал, что все убийства были совершены в состоянии ужаса и что он не отдавал отчета в своих действиях. Данное утверждение было, однако, отвергнуто судом, в решении которого указывалось, что, по собственным словам обвиняемого, ему требовалось сжимать жертву таким образом, чтобы можно было прокусить горло. Подобные действия обязательно носили до определенной степени осмысленный и целенаправленный характер».

В одной из газет о Хаарманне было сказано следующее: «Он обвиняется в убийстве двадцати семи молодых людей, и ужас от этих деяний многократно усиливается утверждением о том, что подсудимый якобы продавал

покупателям своего магазина мясо тех жертв, которых не съел сам. Вместе с Хаарманном на скамье подсудимых оказался молодой человек, его друг Ганс Гранс, которого обвинили в непосредственном участии в убийствах, а впоследствии в подстрекательстве к их совершению и получении похищенной собственности. Полиция продолжает розыск третьего человека по имени Карл, также мясника, который, как утверждалось, дополняет зловещее трио... Прокурор имеет около двухсот свидетельств того, что все пропавшие юноши были умерщвлены тем же самым ужасным способом. Хаарманн обычно приводил молодых людей к себе домой и после обильной трапезы начинал расхваливать их внешность. Затем он убивал свои жертвы, прокусив их горло. Их одежду он выставял на продажу в своем магазине, а тела расчленял и выбрасывал с помощью Карла».

На открытом суде, однако, Хаарманн признал, что Гранс часто сам подбирал для него жертвы. Он также утверждал, что Гранс неоднократно избивал его за то, что ему не удавалось убить ту «дичь», которую он ему приводил. Бывало, Хаарманн хранил трупы до их расчленения у себя в шкафу. Позади его дома протекала река, и кости и черепа выбрасывались в воду. Некоторые из них были обнаружены, но их происхождение оставалось тайной до тех пор, пока полицейский инспектор не нанес внезапного визита домой к обвиняемому для выяснения причин конфликта между Хаарманном и спасшейся жертвой.

Подозрения наконец пали на него главным образом из-за того, что в мае, июне и июле 1924 года в реке Лейн были обнаружены человеческие кости черепа. Газеты писали, что в течение 1924 года исчезли по крайней мере 600 человек; из них большая часть были юноши от 14 до 18 лет. Ночью 22 июня на железнодорожной станции произошла ссора между Хаарманном и юношей по имени Фрици, который обвинил первого в непотребных действиях. Оба были доставлены в центральный полицейский участок, и пока Хаарманн находился там, его дом в Красном Ряду подвергся тщательному обыску, в результате чего были найдены неопровержимые доказательства его злодеяния. Вскоре Хаарманн обвинил Гранса в пособничестве, так как к тому времени их отношения уже окончательно испортились. Хаарманн был приговорен к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение с помощью тяжелого меча. Гранс был приговорен к пожизненному заключению, впоследствии этот приговор заменили двенадцатью годами

тюремного заключения. В соответствии с законом Хаарманн был казнен в среду 15 апреля 1925 года.

Данный случай является, вероятно, одним из самых необычных доселе случаев вампиризма. Жестокий эротизм в сочетании со смертельным укусом в горло типичен для Вампира, и, может быть, выбор казни — через отсечение головы — не был простой случайностью, ибо этот способ один из наиболее эффективных для уничтожения Вампира.

Конечно, в широком смысле слова, получившего ныне такое распространение, Фритц Хаарманн был самым настоящим Вампиром.

ВАМПИР ИЗ «КРОГЛИН-ГРЭЙНДЖ»

История,
рассказанная капитаном Фишером,
в изложении Августа Харе

амилия Фишер, так начал свой рассказ капитан, может кому-то показаться очень плебейской, однако этот род имеет очень древнее происхождение и вот уже много сотен лет владеет в Камберленде очень любопытным особняком со странным названием «Кроглин-Грэйндж». Отличительная черта особняка состоит в том, что никогда за всю свою очень длинную историю он не превышал одного этажа; но перед ним есть терраса с прекрасным видом вдаль и обширным участком, простирающимся до церквушки в лощине.

Когда с годами семья Фишеров разрослась и обогатилась настолько, что «Кроглин-Грэйндж» показался им мал, у них достало здравого смысла не пристраивать еще один этаж и тем самым сохранить вековую неповторимость особняка. Они уехали на юг и поселились в Торкомбе, что неподалеку от Гилдфорда, а в «Кроглин-Грэйндж» пустили жильцов.

Им крайне повезло с постояльцами: двумя братьями и сестрой. В округе ими не могли нахвалиться. Соседи победнее видели в них само воплощение доброты и благодетели; те, кто стоял на более высокой социальной ступени, отзывались о них как о достойном пополнении небольшого местного общества. Что касается самих жильцов, то они были в восторге от своего нового места жительства. Планировка особняка могла привести в отчаяние кого угодно, но только не их. Одним словом, «Кроглин-Грэйндж» устраивал их во всех отношениях.

Зиму новые жильцы «Кроглин-Грэйндж» провели с максимальным для себя удовольствием: они пользовались любовью жителей округи и их приглашали на все вечеринки.

Наступило лето. Один из дней выдался невыносимо, убийственно жарким. Из-за палящего зноя заниматься активной деятельностью не представлялось возможным, и братья провели день за чтением книг лежа в тени деревьев, а их сестра просидела на веранде, томясь от безделья. Рано поужинав, все собрались на веранде и просидели там без движения до позднего вечера, наслаждаясь вечерней прохладой и любясь окружающей природой. Солнце скрылось, и над лесополосой, отделявшей их участок от погоста, появилась луна. Взобравшись высоко в небо, она залила всю лужайку серебристым светом, оживила и выпатила длинные тени деревьев.

Пожелав друг другу спокойной ночи, молодые люди разошлись по своим комнатам. Оказавшись у себя, девушка закрыла окно на щеколду, но ставни запирать не стала — в этом тихом месте опасаться было нечего. Она улеглась в постель, но из-за сильной духоты никак не могла заснуть. Тогда она, подоткнув повыше подушки, стала любоваться восхитительной, чарующей красотой летней ночи. Через какое-то время ее внимание привлекли два огонька, мерцавшие среди деревьев. Присмотревшись, девушка увидела, что огоньки являются частью чего-то темного и несомненно мерзкого, временами то пропадающего в тени деревьев, то возникающего вновь, но уже более крупным и явственным. Оно приближалось, не останавливаясь ни на секунду. Ее охватил панический ужас. Ей невыносимо хотелось выбежать из комнаты, но дверь находилась близко от окна и была заперта изнутри на ключ — пока откроешь, тварь подойдет еще ближе.

Девушке хотелось кричать, но голос не слушался ее — язык как будто присох к горлу.

Вдруг — впоследствии она так и не смогла объяснить почему — ей показалось, что ужасная тварь свернула в сторону, начала обходить дом и больше к ней не приближалась. Тотчас же выпрыгнув из постели и подбежав к двери, она попыталась открыть ее, но тут услышала настойчивое царапанье по стеклу. Ее несколько успокоило то, что окно надежно закрыто. Но вдруг царапанье прекратилось и послышался какой-то долбящий звук. И тогда девушка с ужасом поняла, что существо пытается отогнуть свинцовую ленту и протолкнуть кусок стекла внутрь! Шум не прекращался, пока ромбовидный кусок стекла не вывалился внутрь комнаты. В отверстии возник длинный костлявый палец — задвижка была открыта, и окно распахнулось.

Существо залезло через окно внутрь и прошло через комнату к кровати, куда, охваченная ужасом, безмолвно забились девушка. Схватив девушку своими длинными, костлявыми пальцами за волосы и подтянув ее голову к краю кровати, существо с силой вцепилось зубами ей в горло.

От укуса к ней вернулся голос, и она издала истошный крик. Братья выскочили из своих комнат, ткнулись к ней в дверь, но та была заперта изнутри. Им пришлось сбегать за кочергой, чтобы выломать дверь. Когда они наконец ворвались в комнату, существо уже успело улизнуть через окно, а сестра без сознания лежала на краю кровати и из раны на шее у нее обильно текла кровь. Один из братьев бросился в погоню за чудовищем, но безуспешно: оно гигантскими прыжками несло прочь от дома и в конце концов, как показалось юноше, скрылось за стеной погоста. Тогда он вернулся в комнату сестры. Девушка ужасно мучилась — рана оказалась весьма серьезной, но сильная духом и не склонная к каким-либо фантазиям или суевериям, она, едва придя в себя, сказала сидевшим у ее кровати братьям. «Я очень сильно пострадала. То, что случилось, совершенно невероятно и на первый взгляд не имеет объяснения, но объяснение есть. И поэтому давайте подождем. В конце концов окажется, что какой-нибудь сумасшедший сбежал из дома для умалишенных и набрел на наш дом». Через некоторое время рана затянулась, и девушка почувствовала себя хорошо. Однако пришедший по просьбе братьев врач никак не хотел поверить в то, что она столь легко могла перенести такое ужасное потрясение, и поэтому настаивал на перемене обстановки для восстановления ее моральных и физических сил. И тогда братья решили повезти сестру в Швейцарию.

Будучи от природы любознательной, девушка, попав в новую страну, сразу же принялась за ее изучение. Она составляла гербарии, делала зарисовки, ходила в горы. Но когда наступила осень, то именно она стала настаивать на возвращении в «Кроглин-Грэйндж». «Мы сняли дом, — сказала она, — на семь лет, а прожили там всего один год. Найти же других жильцов в одноэтажный дом будет тяжело, поэтому давайте лучше вернемся туда — ведь сумасшедшие сбегают не каждый день, не так ли?» Девушка настаивала, а братья не возражали, и семья вернулась в Камберленд. Разместиться в доме как-то совершенно иначе не представлялось возможным из-за планировки.

За девушкой осталась та же самая комната, и нет необходимости говорить, что она всегда закрывала ставни, которые, однако, как и во многих других старых домах, оставляли открытой верхнюю часть окна. Братья разместились вместе в комнате прямо напротив комнаты сестры и всегда держали там наготове заряженные пистолеты.

Зиму они провели спокойно и счастливо. Наступила весна. Как-то ночью в марте девушку разбудил хорошо запомнившийся ей звук — настойчивое царапанье по стеклу — и, взглянув вверх, она увидела, что через верхнюю часть окна на нее смотрит та же самая отвратительная, коричневого цвета сморщенная физиономия с блестящими свирепыми глазами. Тут она закричала во всю силу своих легких. Ее братья выбежали из своей комнаты с пистолетами в руках и помчались к парадной двери. Открыв ее, они увидели, что существо уже во весь опор несется по лужайке прочь от дома. Один из братьев выстрелил и ранил его в ногу. Но даже раненому, существу удалось добежать до стены, перелезть через нее на погост и, как им показалось, скрыться в склепе, принадлежавшем давно исчезнувшему роду.

На следующий день братья созвали всех жителей округа и в их присутствии вскрыли склеп. Их глазам предстала ужасающая картина. В склепе было полно вскрытых гробов, а их содержимое беспорядочно разбросано по полу. Только один гроб стоял нетронутый. Крышка на нем была только сдвинута с места. Приподняв ее, они увидели то же самое отвратительное существо — коричневого цвета, сморщенное, похожее на мумию, но вполне сохранившееся, которое заглядывало в окна «Кроглин-Грэйндж». На ноге у него осталась свежая отметина от пистолетной пули. И они сделали то единственное, что может уничтожить Вампира, — сожгли его.

Джон Полидори

ВАМПИР

“Этот рассказ был самым первым произведением о Вампире в современной литературе и, таким образом, послужил моделью для последовавших за его изданием литературных произведений на эту зловещую тему. Задуман был его сюжет на примечательной литературной вечеринке, на которой собрались вместе лорд Байрон, Джон Полидори, спутник и лекарь Байрона, Мэри Годвин и поэт Шелли,— вечеринке, на которой был создан бессмертный образ классического героя готической литературы, такого современного Франкенштейна. Когда был издан «Вампир», он произвел среди читающей публики настоящую сенсацию. Во-первых, потому, что вдохнул настоящую жизнь в персонаж, который интеллигенция того времени неизменно воспринимала исключительно как миф, бытующий лишь в народном фольклоре, и во-вторых, потому, что был напечатан под именем лорда Байрона. Этот ловкий трюк, придуманный ради того, чтобы рассказ хорошо разошелся, произвел желаемый эффект: за короткое время «Вампир» претерпел несколько переизданий, следовавших одно за другим, пока издатели, наконец, не открыли публике имя истинного автора рассказа, воздав должное многогранному таланту Полидори. «Вампир» — это мастерски написанное произведение, в котором действие развивается в несколько ленивом и неторопливом ключе и полностью захватывает читателя, приближаясь неумолимо к своей ужасающей кульминации.

Так вышло, что в самый разгар светской жизни, столь характерной во время лондонской зимы, на балах, задаваемых законодателями моды, стал появляться некий джентльмен благородного происхождения, любопытный в большей степени в силу своей оригинальности, чем из-за занимаемого им положения в обществе. Он свысока и надменно наблюдал окружавшее его всеобщее веселье с таким видом, словно ему было это все чуждо. Очевидно, смех всей толпы на ярмарке тщеславия лишь отчасти привлекал его внимание и слегка забавлял. Будто он знал, что одним взглядом мог бы расстроить его и заронить страх в души тех, кто жил так бездумно и безмятежно. Многие из тех, кто был в состоянии ощутить тот благоговейный страх перед ним, не могли взять в толк, что же такое особенное в нем пробуждало в сердцах странное чув-

ство. Некоторые приписывали это мертвящему взгляду серых глаз, который, остановившись на лице человека, казалось, не пытался его оценивать, а проникал сразу в самое нутро, в суть разглядываемого предмета, свинцовым грузом ложился на дерзкого собеседника, надолго приковав того к месту, заставляя беднягу ощущать свою неуместную дерзость буквально всей кожей. Экстравагантность его манер вызвала у всех живейший интерес и любопытство, и неудивительно, что этого человека приглашали в каждый дом, на все собрания и события в жизни лондонского общества, и все, кто привык к острым ощущениям и давно уже никому и ничему не удивлялся, а теперь скучал и чувствовал некую досаду от повторения одних и тех же впечатлений, все они были рады иметь в своей компании нечто способное их развлечь и приковать к себе пристальное внимание. Лицо таинственного джентльмена было бледно и никогда не меняло удивительного своего оттенка, не окрашивалось румянцем, на нем никогда не отражались сильные эмоции, порывы страстей. Тем не менее черты лица были тонкими и изящными и явно несли печать благородства, отчего немало светских львиц и охотниц за знаменитостями и диковинками приложили столько усилий, чтобы завоевать его или, по меньшей мере, добиться от него хоть каких-нибудь признаков симпатии: леди Мерсер, превратившаяся в притчу во языцех со времени своего замужества, ставшая посмешищем для любого монстра-завсегдатая модных салонов, попробовала завоевать его и пускалась, надо отметить, на все уловки до одной — разве только не надела маскарадный шутовский наряд, с тем чтобы привлечь его внимание. Все было напрасно: он смотрел ей в глаза, но совершенно пустым взглядом, все ее неслыханно экстравагантные выходы не могли ей сослужить службу в достижении заветной цели, он сумел осадить даже ее — и леди Мерсер вынуждена была отказаться от своей безумной затеи. Но одно то обстоятельство, что женщина, известная своими вольными нравами, не смогла поймать ни одного его пристального взгляда, вовсе не свидетельствует о том, что он был откровенно безразличен к женскому полу: он с таким исключительным тактом беседовал с верными добродетельными женами, с невинными девушками, что мало кому могло прийти в голову, что он когда-либо проявляет интерес к прекрасной половине рода человеческого. Он, однако, прослыл человеком, который за словом в карман не лезет, у него была репутация занятого собеседника; и непонят-

но — то ли благодаря его очевидной ненависти к любому проявлению греха, то ли в силу того, что он мог побороть в себе обычную угрюмость и склонность к уединенному времяпрепровождению — но его часто можно было встретить как среди тех дам, которые ставят превыше всего добродетели домашнего очага, так и в компании тех, кто упомянутые добродетели ни во что не ставит.

Примерно в тот же сезон в Лондоне появился юный джентльмен, которого звали Обри. Он был сирота, единственным близким ему человеком была сестра, родители его умерли, когда он был еще ребенком, оставив сыну большое состояние. Опекуны не слишком много уделяли ему внимания, предоставив значительную свободу действий и передоверив его воспитание учителям и гувернерам, которые развивали в мальчике скорее романтический, чем практический склад ума. Отсюда и присущее ему возвышенное понятие о долге и чести, которое разрушило карьеру стольких нынешних учеников в галантерейной торговле. Он верил в то, что каждая тварь Божья руководствуется везде и во всем исключительно понятиями благородными и что Провидение наградило мир еще вдобавок и некоторыми пороками только с одной целью: чтобы выгодно оттенить повсеместные добродетели. Он, например, считал, что убогость бедных состоит лишь в том, что им приходится носить теплую одежду, которая быстрее привлекает внимание художника своими живописными и разноцветными заплатами. Короче говоря, он предполагал, что мечтания поэтов и есть настоящая реальная жизнь. Молодой человек был хорош собой, имел изысканные манеры и, наконец, богатство: именно по этим причинам, когда он появился в свете, скучать ему не приходилось. Матери теснились вокруг юноши, стараясь наперебой с большей или меньшей степенью достоверности завоевать его либо томным видом, либо болтливой трескотней; дочери же быстро заставили его увериться в собственных его неоспоримых достоинствах и выдающемся положении в благородном обществе тем, что лица их неизменно прояснялись при его приближении, а глаза начинали сиять, как только он открывал рот, чтобы произнести какую-нибудь банальность. Как ни любил он в часы одиночества мечтать и наслаждаться романтическими грезами, молодой человек был вынужден отметить, что пламя сальных и восковых свечей может колебаться не из-за присутствия рядом привидения, а лишь оттого, что с них следует снимать нагар, что действительность не обязательно

соответствует целому сонму прекрасных картин и описаний, которыми полны те фолианты, что составили значительную часть его образования. Единственное, что в какой-то мере компенсировало его горькие разочарования, так это то, что он собирался окончательно оставить свои романтические бредни, когда повстречал на своем жизненном пути ту загадочную персону, которую мы описали читателю выше.

Зачарованный, он наблюдал таинственного незнакомца, и сама невозможность определить для себя характер личности, столь глубоко самопогруженной, не интересующейся окружающими и не проявляющей никаких признаков того, что он на них смотрит, кроме разве факта, что он отдает себе отчет об их существовании,— все это, разумеется, служило причиной их отчужденности и отсутствия контакта. Позволив разгуляться своей фантазии, награждая загадочного незнакомца всеми романтическими чертами, которые он почерпнул из романов, Обри и его вообразил героем романа, усматривая в нем скорее продукт собственного изощенного воображения, чем реального человека. Они познакомились. Обри постоянно выказывал ему знаки внимания и очень преуспел в этом занятии. Таинственный незнакомец заметил его. Со временем ему стало известно, что финансовое положение лорда Ратвена, а именно так звали незнакомца в обществе, находится в расстроенном состоянии, а еще позднее обнаружил из списков получающих заграничные паспорта на ... стрит, что загадочный лорд отправляется путешествовать. Горя страстным желанием узнать побольше об этой одинокой замкнутой личности, которая лишь подогревала его любопытство, Обри намекнул опекунам, заботившимся о его немалом состоянии, что настало и для него время предпринять заграничное путешествие, которое, кстати сказать, считалось тогда неотъемлемым условием для каждого молодого человека с тем, чтобы побыстрее встать на путь порока и ощущать себя на равных со зрелыми опытными в жизненных коллизиях людьми, не показаться свалившимися с Луны каждый раз, когда заходит в обществе речь о всяких светских сплетнях и скандальных историях. Истории эти были предметом обычных пересудов в салонах, а иногда и заслуживали в обществе всеобщее одобрение — все в зависимости от того, с какой степенью мастерства и изобретательности они были осуществлены на практике. Опекуны дали согласие на его вояж, и юный Обри не замед-

лил сообщить о своих намерениях лорду Ратвену. Каково же было его удивление и радость, когда тот предложил молодому повесе присоединиться к нему. Обри был несказанно польщен честью, оказанной ему со стороны столь необычного, не похожего на других человека; он с удовольствием принял его предложение, и спустя несколько дней они уже были в пути.

До сей поры Обри не предоставлялось возможности хорошенько приглядеться к лорду Ратвену и изучить его характер, теперь же ему стало ясно, что, несмотря на то, что многие его действия происходили у юноши на глазах, результаты этих действий наводили на мысль о том, что мотивы для них отнюдь не всегда соответствовали тем, которыми он якобы руководствовался в своем поведении. Его компаньон без малейшего стеснения пользовался щедростью Обри: он оказался большим лентяем, бродягой и попрошайкой, принимал из его рук более чем достаточно средств на удовлетворение собственных прихотей. Но юноша не мог не заметить, что полученные от него деньги шли не на благородные цели — ведь иногда и добродетель оказывается в нужде — нет, когда попрошайка являлся к нему с какой-нибудь просьбой, то не на удовлетворение непосредственных его нужд, милостыню бедным и сирым он отсылал с едва прикрытой наглой ухмылкой, зато тратил все больше и больше, глубоко погрязая в распутстве и похоти, — а на пороки не жалел чужих денег и платил огромные чаевые. Но по наивности своей Обри относил все это на счет того, что греховные люди обычно более назойливы в своих нескончаемых просьбах к благодетелю, чем благородные, испытывающие материальные затруднения и в силу обстоятельств вынужденные наступить на собственную гордость. Имелась в милосердии, выдаваемом Его Светлостью, еще одна особенность, которая особенно поразила Обри: все несчастные, которым оно оказывалось, в конце концов обнаруживали, что на этой милостыне лежало проклятие — либо они заканчивали дни свои на эшафоте, либо в крайней нужде и самой жалкой нищете. В Брюсселе, да и в других городах, через которые путешественники проезжали, Обри был неприятно изумлен пристрастием его старшего компаньона к самым фешенебельным центрам, где царил порок; там, помнится, он с головой окунулся в азартные игры, его нельзя было оторвать от карточного стола, где играли в фаро. Он делал большие ставки и, как правило, выигрывал; иное дело, если против него са-

дился играть какой-нибудь известный шулер — тогда он просаживал даже больше, чем успел выиграть. Но даже в подобных случаях у него было то знакомое выражение лица, с которым он озираал окружающее его общество: выражение невозмутимости и пренебрежительности. Правда, когда он встречался за карточным столом с каким-либо безрассудным юным новичком или невезучим отцом многочисленного семейства, тогда каждое его желание, казалось, становилось знаком судьбы, и он оставлял всю свою напускную невозмутимость и отрешенность от всего земного, глаза его сверкали ярче, чем у кота, играющего с полудохлой мышкой. В каждом городе, которые они посетили, он оставлял какого-нибудь несчастного юношу, прежде богатого, а теперь вырванного из привычного круга, проклинающего Его Светлость, мучаясь в долговой тюрьме, — такова была обычная судьба, постигшая жертву этого негодая; не один обездоленный отец многочисленного семейства страдал от красноречивых голодных взглядов своих отпрысков, обезумевший от потерянного богатства, а теперь не имеющий ни копейки в кармане, не имеющий средств, чтобы прокормить семью. Но и сам лорд Ратвен не выходил из-за карточного стола богачом, он проигрывал все, до последнего золотого, который он отнял у невинных жертв, конвульсивно сжимавших их трясущимися руками, спускал всё какому-нибудь заезжему гастролеру-шулеру, который профессионально обыгрывал всех и каждого, превосходя в ловкости даже лорда Ратвена. Обри неоднократно собирался поговорить на эту тему со своим спутником, умолить того отказаться от порочного милосердия и пристрастия к удовольствиям — и все никак не мог решиться на такой серьезный разговор, все откладывал на потом, каждый день он надеялся, что друг предоставит ему удобный случай затронуть эту тему, открыто и честно все ему высказать, но такой возможности лорд Ратвен ему не предоставил. Тот, сидя в дорожной карете, за окошком которой пробегали красоты дикого или, наоборот, культурного пейзажа, всегда оставался самым собой: глаза его говорили меньше, если не ничего вовсе, чем слова, срывающиеся с уст. И несмотря на то, что Обри сидел совсем близко от предмета своего любопытства, оно не могло быть удовлетворено, и единственное удовольствие, выпадавшее на его долю, было постоянное возбуждение от тщетных желаний и попыток раскрыть тайну, которая в его горячем экзальтированном воображении уже принимала формы чего-то

сверхъестественного и, следовательно, непостижимого.

В скором времени они приехали в Рим, и Обри потерял на некоторое время лорда Ратвена из виду. он оставил его в компании одной итальянской графини, которую тот посещал ежедневно, а сам юноша отправился на ознакомление с историческими достопримечательностями другого, почти совсем опустевшего города. И в те самые дни, когда он пополнял свои впечатления и любовался красотами экзотической культуры, из Англии приходили регулярно письма, которые он вскрывал с радостным нетерпением: первое было от сестры, оно дышало любовью к нему, остальные были от опекунов, и вот они-то как раз и поразили его в самое сердце. Если раньше у него лишь были подозрения на тот счет, что в его спутнике таится некая сила зла, то эти письма давали достаточное основание для того, чтобы он укрепился в своей уверенности. Опекуны настаивали на том, чтобы он немедленно оставил своего спутника, они убедительно доказывали, что натура лорда Ратвена, по их сведениям, отличается неразборчивостью в средствах достижения своих зачастую подлых и гнусных целей, что его распушенность и дурные привычки представляли страшную опасность для общества. Выяснилось, что презрительность, с которой он третировал бедную светскую львицу, искавшую с ним связи, вовсе не зиждится на неприятии ее характера — отнюдь нет, он получил свое, но не удовольствовался победой и, чтобы получить еще и гнусное удовольствие, устроил так, что его жертва, соучастница своего падения, была низвергнута с вершины незапятнанной своей добродетели на дно глубокой пропасти позора и бесчестья, окончательно деградировала, что вообще все женщины, любви которых он домогался, очевидно, только из желания попать добродетель, после его отъезда за границу отбросили прочь стыд и пали в глазах света, демонстрируя свое недостойное поведение в обществе.

Обри обдумал все обстоятельно и решил твердо, что он оставит этого ужасного человека, который за все время их знакомства не выказал ни единой светлой черты, не совершил ни одного благородного поступка. Он изыскивал удобный предлог, чтобы расстаться с ним раз и навсегда, а в ожидании подходящего момента не спускал с него глаз, тщательно наблюдая за всеми его поступками, не позволяя ни одной подробности пройти незамеченной. Он вошел в те же круги, в которых вращался лорд Ратвен, и очень скоро убедился в том, что Его Светлость собирается воспользо-

ваться неопытностью и надругаться над невинностью дамы, чей дом он так часто посещал. По итальянским обычаям незамужней девушке неприлично появляться в обществе одной, поэтому он исполнял свой бесчестный план в секрете от всех, но Обри пристально наблюдал за всеми поворотами разворачивавшейся интриги, поэтому он прознал о том, что назначено тайное свидание, которое неминуемо должно было закончиться обольщением невинной, хотя и слишком безрассудной девушки. Не теряя времени, он неожиданно зашел в апартаменты лорда Ратвена и напрямую спросил того о его намерениях относительно упомянутой леди, сообщив при этом, что ему достоверно известно о том, что сегодня ночью должно состояться их свидание. Лорд Ратвен ответил, что его намерения таковы, какими бы они могли быть у любого в подобной ситуации, а когда юноша нажал на него и потребовал ответа, женится ли он на девушке, тот только рассмеялся. Обри удалился и написал письмо, где сообщал, что с настоящего момента не считает возможным их дальнейшее совместное путешествие, приказал слуге подыскать для него другие апартаменты, а сам отправился к графине и информировал ее обо всем, что знал, — причем не только об опасности, грозящей ее дочери, но и о личности и так называемых подвигах Его Светлости. Опасное для девушки свидание было таким образом предотвращено. На следующий день лорд Ратвен прислал к Обри своего слугу с запиской, в которой извещал юношу о своем полном согласии на разрыв.

Покинув Рим, Обри поехал в Грецию и вскоре оказался в Афинах. Он поселился в доме одного грека и принялся исследовать полустертые следы гордой античности, которая постаралась скрыть под разноцветными лишайниками или упрятать под слой почвы, словно не желая показывать вольным жителям подвиги героических рабов Древней Эллады. Под одним с Обри кровом очутилось прекрасное и совершенное создание — девушка, которая легко могла бы послужить моделью для лучших живописцев, если бы они захотели запечатлеть на холсте все мечтания правверных в раю Магомета, разве только в глазах ее светился такой недожизненный ум, какому бы не полагалось иметься у тех, кто по мусульманским понятиям вовсе не имеет души. Когда она плясала на равнине или неслась по склону горы, можно было подумать, что грация газели тускнеет по сравнению с ее красотой и живостью, и если бы кому-нибудь пришло в голову ее очаровательные и красноречивые глаза

променять на сонный взгляд этого красивого животного, того можно было бы смело назвать эпикурейцем. Легкие ножки Ианты (так звали девушку) частенько сопровождали Обри в его поисках памятников античной культуры, и когда девушка, забывшись, со всей своей непосредственностью бросалась ловить особой красоты кашмирскую бабочку и показывала Обри все изящество своих прелестных форм, он любовался тем, как она словно летит по ветру, и тут же забывал напрочь только что расшифрованные им письмена на полустертой плите, наблюдая за грацией и силуэтом сильфиды. Бывало, когда она порхала вокруг него, локоны ее развевались по ветру, сверкая в лучах солнца и нежно переливаясь всевозможными оттенками, так что нетрудно извинить забывчивость очарованного любителя древностей, у которого вылетало из головы то, что он считал жизненно необходимым для правильного прочтения отрывка из Павзания. Но к чему пытаться описывать то, что каждый может ощутить, но не каждому дано осознать. Она была сама невинность, юная и безыскусная красота, не испорченная манерами переполненных светских гостиных и душных балов. Когда он делал зарисовки живописных развалин и античных надписей, которые собирался изучать в часы досуга, она всегда стояла рядом с ним и следила за магическими штрихами его карандаша, запечатлевающего черты ее родной земли; она демонстрировала ему национальные танцы, описывала на словах, как греки собираются на открытой равнине, становятся в круг и выражают душу в веселой пляске, в ярких красках рассказывала о свадебной церемонии, которую ей довелось увидеть в детстве, а потом, обратившись к предметам, которые, очевидно, произвели на нее самое глубокое впечатление, пересказывала ему всякие сверхъестественные истории о своей кормилице. Серьезность, с которой она вела повествование, и ее явная вера во все эти рассказы возбудили интерес даже у Обри, и когда она пересказывала ему легенду о живом настоящем Вампире, который прожил долгие годы среди своих друзей и близких родственников, вынужденный ежегодно продлевать свое существование, отнимая жизнь у прекрасных девушек, иначе, мол, у него самого кровь становилась холодной, Обри смеялся и шутил над ее фантазиями, да еще такими мрачными. Но Ианта перечислила ему имена стариков, которые в конце концов выявили одного из существующих среди них после того, как нашли мертвыми своих близких и детей, отмеченных печатью

мерзкого чудовища. Она умоляла его поверить ей, поскольку люди уже заметили, что вот такие неверующие, как он, рано или поздно, но обязательно получают жуткое подтверждение истинности этой легенды и тогда с разбитыми сердцами и с горестью вынуждены признать, что все это воистину святая правда. Она описала ему в деталях, как обычно выглядят эти монстры, и Обри охватил ужас, когда этот портрет в точности совпал с внешностью лорда Ратвена. Он тем не менее все же упорствовал, убеждая девушку в том, что во всех этих легендах не может быть ни грана правды, одновременно удивляясь мысленно стечению стольких совпадений, которые заставляли его поверить в сверхъестественность и могущество лорда Ратвена.

Он все больше и больше привязывался к Ианте, сердце его было завоевано ее невинностью и безыскусственностью, которая столь резко контрастировала с теми подчеркнутыми и напускными добродетелями женщин его круга, среди которых он искал то, что считал любовью. Он понимал всю нелепость положения, когда английский дворянин, строго соблюдающий обычаи своей страны, женился бы на необразованной гречанке. Но его чувство к этому чудному созданию, почти что сказочной фее, росло. Временами, сделав над собой усилие, он отправлялся в свои археологические прогулки в одиночестве, намереваясь не возвращаться до тех пор, пока не выполнит поставленную перед собой задачу, но каждый раз ему было невозможно сосредоточиться понастоящему на древних руинах, которые он собирался исследовать: перед ним постоянно вставал образ той, которая целиком завладела его сердцем и мыслями. Ианте и в голову не приходило, что юный англичанин в нее влюблен, она была как дитя, и ее простодушная натура оставалась такой же, как при их первой встрече. Девушка всегда с видимой неохотой расставалась с Обри, но только потому, что ей больше было не с кем посещать излюбленные места прогулок; так увлекательно было смотреть, как юноша делает зарисовки или расчищает какой-нибудь фрагмент памятника. После разговора с Обри о Вампирах она расспросила родителей о том, правда ли, что Вампиры существуют на самом деле, и те подтвердили, что да, все это правда и никак не выдумка. Вскоре Обри собрался на экскурсию, которая должна была продлиться несколько часов. Когда хозяева услышали, в какое именно место он отправляется, они в один голос попросили его, чтобы он возвращался до наступления темноты, потому что дорога проходит через

лес, в который ни один грек ни под каким видом не пойдет после захода солнца. Они утверждали, что в этом лесу Вампиры устраивают свои ночные оргии и что самая тяжкая кара падет на голову того, кто попадется им на пути. Обри, конечно, не воспринял всерьез их предупреждения и даже посмеялся над суевериями греков, но когда увидел, как они ужаснулись его опрометчивой попытке высмеять могущественные силы зла, исчадия преисподней, и понял, что у них от его невежественной храбрости кровь застыла в жилах, он одумался и перестал шутить.

На следующее утро, когда Обри собирал вещи для археологической экскурсии, он с удивлением увидел печальное лицо своего хозяина-грека и подумал, что его вчерашние насмешки над их верой в существование потусторонних сил вселили в них ужас и заставили трепетать за его судьбу. Когда он садился на коня, к нему приблизилась Ианта и очень серьезно попросила вернуться засветло, ибо ночь вновь дает жизнь этим гнусным чудовищам и придает им силы в охоте на людей. Он обещал. Но, окунувшись весь без остатка в поиски, он так увлекся, что слишком поздно осознал, что солнце скоро зайдет, а путь предстоит не близкий. Над горизонтом виднелось небольшое пятнышко, но, как это нередко случается в теплых странах, вскоре оно выросло в огромную черную тучу, и разразилась страшная гроза. Обри наконец вскочил в седло и поскакал к дому, надеясь быстрой ездой наверстать потерянное время, но, к сожалению, ему это не удалось. Читателю, должно быть, известно, что в южных краях жители просто не знают, что такое сумерки: как только солнце село, начинается ночь. Ему удалось отъехать уже довольно далеко, когда вся мощь грозового фронта оказалась как раз над головой юноши: гром грохотал непрерывно, густой тяжелый ливень пробивался сквозь листву деревьев, а голубые извилистые молнии ударяли в землю, казалось, у самых ног коня, озаряя все вокруг призрачным светом. Внезапно конь так перепугался, что понесся, не разбирая дороги, через чащобу с беспорядочно переплетенными ветвями деревьев и кустов. После долгой и изнурительной скачки животное наконец устало и, тяжело вздымая бока, остановилось. При свете молний Обри увидел стоящую неподалеку небольшую хижину, едва приметную в заваливших ее листьях и сучьях. Он слез с седла и подошел к лагуге в надежде найти там кого-нибудь, кто мог бы указать ему дорогу до города или по крайней мере дать приют и кров,

пока не закончится гроза. Когда он приблизился к жалкому жилищу, гром на мгновение умолк, и он услышал жалобные женские крики попеременно с торжествующим издевательским хохотом мужчины, затем последовал один долгий, почти непрерывный, странный звук. Обри остановился в недоумении, но вновь загревели раскаты грома, забарабанил дождь, и тогда юноша с силой потянул на себя дверь. Внутри стояла такая крошечная тьма, что было невозможно что-либо разглядеть, но из темноты доносились те же странные звуки, и он пошел на них. Очевидно, никто не заметил, как он вошел, потому что крики и смех продолжались. Он окликнул таинственных обитателей хижины, но ответа не получил. Вдруг Обри наткнулся на кого-то и обхватил его руками. Тогда раздался возглас:

— Опять ты мешаешь!

Потом громкий хохот, и Обри сцепился с человеком, обладавшим сверхъестественной силой. Юноша, полный решимости бороться до последнего, сражался как мог, но все его усилия были тщетны против этой неведомой силы: его оторвали от земли и со страшной силой швырнули об пол, противник навалился на него, наклонился к его груди и схватил обеими руками за горло. И тогда произошло невероятное: сквозь отверстие в стене, служившее в дневное время окном, в темноту лачуги проник свет многих горящих факелов. Незнакомец прервал свою смертельную игру, мгновенно вскочил на ноги и, бросив добычу, убежал через дверь, раздавался только треск сучьев у него под ногами, пока он продирался через заросли, но вскоре и он стих. Гроза прекратилась. Обри, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, позвал на помощь людей с факелами, те услышали его крики и вошли в хижину. Свет их факелов упал на глинобитные стены лачуги и осветил каждую соломинку на закопченной крыше. Обри попросил, чтобы они разыскали женщину, чьи крики привлекли его внимание во время грозы. Он снова остался в темноте, но каков же был его ужас, когда его снова озарил свет факелов и он увидел неподалеку распростертое тело своей прекрасной спутницы, своей феи, но теперь ее ясные глазки были безжизненны — негодяй убил Ианту. Обри крепко зажмурил глаза в напрасной надежде, что это было лишь видение или плод его воображения, но, открыв снова, увидел прежнюю картину. Лицо ее было смертельно бледным, губы бескровны, но черты, застыв в вечном молчании, не потеряли былого очарования. Шея девушки и грудь были

залиты кровью, а на горле виднелись отметины от зубов в том месте, где изверг прокусил сонную артерию. Именно туда указывали все мужчины и кричали, объятые ужасом:

— Вампир! Вампир!

Обри на какое-то мгновение потерял сознание. Люди быстро соорудили подстилку и уложили Обри рядом с той, что в последнее время была для него объектом стольких прекрасных видений и красочных картин, рождавшихся в его воображении. Теперь же этот волшебный цветок сорвали, и вместе с ним угасла ее жизнь. Придя в себя, он не мог понять, какие мысли обуревали его в тот момент: он был оглушен, все его чувства притупились. Он ходил отрешенно, едва соображая, что делает: подобрал на полу хижины кинжал странной формы и теперь держал его в руке обнаженным.

Через некоторое время этот печальный кортеж повстречал группу людей, отправившихся на поиски девушки, когда ее мать хватилась, что дочери нет дома. Приближаясь к городу, люди издавали громкие горестные вопли, которые заранее известили родителей девушки о том, что произошло нечто ужасное и в их дом пришла беда. Невозможно описать страдания и горе, охватившие несчастных родителей. Они были безутешны в горе, и вскоре оба умерли с разбитым сердцем.

Обри уложили в постель, поскольку у него начался приступ сильнейшей лихорадки, он бредил и в бреду звал лорда Ратвена и Ианту: по какой-то неведомой причине он связывал вместе эти два имени и постоянно умолял своего бывшего компаньона не трогать, пожалуй то создание, которое он любил всем сердцем. Случалось, он слал проклятия на голову Его Светлости, обвиняя в смерти любимой. Как раз в это время лорд Ратвен появился в Афинах; руководствуясь непонятными мотивами, он, прослышав о состоянии, в котором находился Обри, немедленно поселился в том же доме и стал ухаживать за больным, не отходя от его постели ни на шаг. Очнувшись, больной с удивлением и ужасом увидел рядом с собой того, чей образ он теперь неизменно связывал с образом Вампира. Однако лорд Ратвен своими добрыми словами утешения, чуть ли не раскаянием в том досадном эпизоде, по причине которого они расстались, а еще в большей степени благодаря вниманию к больному, беспокойству за его здоровье и заботам в короткий срок сумел заново расположить к себе юношу

и заставить примириться со своим присутствием. Поведение Его Светлости изменилось до неузнаваемости: это был уже не тот апатичный и безучастный к окружающему человек, которого знал раньше Обри. Но как только началось выздоровление, как только он начал вставать на ноги, к нему стало постепенно возвращаться прежнее состояние духа, и юноша уже не мог отличить его от прежнего лорда Ратвена, разве только временами он ловил на себе пристальный взгляд последнего, причем на губах его играла усмешка злобного ликования. Обри не знал почему, но эта странная усмешка не выходила у него из головы. Когда Обри почти выздоровел, лорд Ратвен часто оставлял его, видимо, уходил на берег моря, следя хладным взором за волнами, не знаящими ни приливов, ни отливов, или за ходом жизненных кругов, вращающихся подобно тому, как мир наш вращается вокруг неподвижного светила, — в самом деле, он, казалось, стремился бежать прочь от взоров людских и искал одиночества.

Душевное состояние Обри также претерпело значительные изменения в результате полученного шока, он потерял — видимо, раз и навсегда — живость и способность быстро приспосабливаться к переменам в жизни, ослаб духом. Не зная покоя, наслаждаясь радостями жизни раньше, теперь он, подобно лорду Ратвену, стал любителем тишины и покоя, он также искал одиночества, искал страстно, блуждая по окрестностям Афин, и не находил в своей душе покоя; если он отправлялся в древние руины, которые раньше так любил посещать, то перед ним вставала тень Ианты, наблюдающей за ним, если бродил по лесам, то слышал в кустах легкую ее поступь, когда она искала скромные фиалки. Он стремительно оборачивался, и болезненное, воспаленное его воображение рисовало ее бледный лик с покорной улыбкой на устах и ужасную рану на горле.

Обри, преследуемый образом несчастной девушки, решил бежать из тех мест, которые неумолимо напоминали о ней, вызывая горькие ассоциации каждой мелочью — все было связано с Иантой. Он предложил лорду Ратвену, к которому чувствовал признательность и благодарность за тот нежный и внимательный уход, который лорд оказал ему во время болезни, отправиться снова в путь и посетить те места в Греции, где они до того еще не бывали. Они изъездили страну вдоль и поперек в поисках достопримечательностей, которые бы целиком завладели их вниманием и смогли поразить, но, проезжая с места на место, они оставались равнодушными, не вполне отдавая отчет, что

видят. Им приходилось много слышать о разбойниках, но они не придавали особого значения этим рассказам, рассуждая, и иногда вполне справедливо, что легенды о разбойниках нарочно придумываются местными жителями, чтобы заставить господ, которых они собираются оберегать от опасностей, пошире раскрыть кошельки и продемонстрировать свою щедрость. В результате такого нежелания прислушаться к голосам честных советчиков однажды они попали в неприятную историю. Им довелось путешествовать в компании нескольких сопровождающих, которые больше подходили на роль проводников, чем могли служить им надежной защитой. Как-то раз они подошли к узкой теснине, на дне которой громыхал поток и кругом были навалены обломки скал, сорвавшиеся с крутого обрыва. Через мгновение им пришлось горько сожалеть о своей неосторожности, так как едва они вошли в ущелье, как вокруг засвистели пули, а узкое ущелье наполнило эхо выстрелов. Их телохранители мгновенно бросились вперед и, укрывшись за скалами, принялись отстреливаться. Лорд Ратвен и Обри поначалу последовали их примеру и спрятались за выступом скалы, где ущелье поворачивало в сторону. Когда они немного осмотрелись, то устыдились своего поступка и смекнули, что если кто-нибудь из бандитов взберется вверх на скалы, то их просто расстреляют в спину, что было бы позорной смертью для обоих. Бандиты же кричали им оскорбительные слова и вызывали на бой. Без промедления путешественники сочли за лучшее достойно принять вызов. Едва они покинули укрытие, предоставленное Провидением, как лорд Ратвен был ранен в плечо, он упал на землю, и Обри, нимало не заботясь о собственной безопасности, бросился к нему на помощь и уже через мгновение был окружен бандитами. Телохранители же, увидев, что лорд Ратвен ранен, в тот же миг побросали в страхе оружие и сдались на милость бандитов.

Пообещав негодяям щедрое вознаграждение, Обри склонил их к тому, чтобы они перенесли его раненого товарища в близлежащую хижину, и, договорившись с разбойниками о сумме выкупа, он уже не терпел никаких неудобств в их компании: они удовлетворялись тем, что поставили охрану у входа до той поры, пока не вернется из города их посланец с рекомендательным письмом Обри. Силы лорда Ратвена таяли, спустя два дня у него началась гангрена, и смерть, казалось, неотвратимо приближается к нему. Но поведение его и внешность удивительным образом не

претерпели никаких изменений: он выказывал к боли такое же равнодушие, с каким обычно взирал на окружающую действительность. И вот, когда ему стало совсем уж плохо, ближе к закату своего последнего дня, он начал проявлять признаки беспокойства и чаще чем когда-либо взгляд его останавливался на Обри, который удесятирил свои усилия с тем, чтобы облегчить страдания раненого, лорд Ратвен выговорил:

— Помогите мне! Вы можете спасти меня... Вы в силах сделать даже больше, чем просто помочь... Я говорю не о физической смерти — я воспринимаю прекращение своего существования не более чем закат прошедшего дня, — нет, вы можете спасти мою честь, честь вашего друга.

— Каким же образом, скажите? Только скажите мне, и я все исполню, — отвечал Обри.

— Я требую от вас очень немногого... Жизнь понемногу покидает меня, я умираю... Не могу вам объяснить всего до конца... Но если вы будете хранить молчание обо всем, что связано с моим именем, честь моя останется незапятнанной в глазах всего света и не послужит поводом для досужих пересудов... И если в Англии некоторое время не будут знать о моей кончине, то я... я... я буду жить для всех.

— Никто ничего не узнает.

— Поклянитесь! — воскликнул умирающий с ликованием в голосе, приподнимаясь с неожиданной для него силой. — Поклянитесь всем, что ни есть для вас святого, всем, чего страшится ваша натура, поклянитесь, что в течение одного года и одного дня вы ни с кем не поделитесь тем, что вам известно о преступлениях, которые я совершал, о смертях, в которых я повинен тем или иным образом, о страданиях, причиненных мной живым людям в том или ином виде... что бы ни произошло... что бы вы ни увидели... Поклянитесь!

Глаза его, казалось, готовы были вылезти из орбит.

— Клянусь! — сказал Обри, и умирающий со счастливым смехом упал на подушки. Смех оборвался, он более не дышал.

Обри удалился на отдых, но заснуть не мог: в памяти вставали подробности его знакомства с этим человеком, все обстоятельства и события за время их совместного путешествия, и он не знал почему, но когда он вспоминал клятву, данную им у одра Его Светлости, по его телу пробегала дрожь и он холодел от страха, как будто предчувствовал,

что впереди его ждет нечто ужасное. Встав рано поутру, он хотел было зайти в лачугу, где оставил мертвое тело, но навстречу ему вышел один из разбойников и сообщил, что трупа нет, что сам он вместе со своими товарищами отнес тело на вершину соседней горы сразу же после его кончины — согласно обещанию, данному ими Его Светлости, — с тем чтобы тело его предстало лучам холодного лунного света первой же полной луны, взошедшей после его смерти. Обри был изумлен странной просьбой покойного друга и, взяв с собой несколько человек, поднялся наверх, на самый пик горы, чтобы похоронить покойника. Но на указанном разбойниками месте они не нашли ни тела, ни одежды лорда Ратвена, хотя бандиты клялись, что указали место правильно: именно на этой скале они и оставили мертвое тело. Некоторое время Обри терялся в догадках, пытаясь разгадать тайну, но в конце концов решил, что негодяи втихомолку похоронили покойника, польстившись на его одежду.

Устав порядком от страны, где с ним случились такие ужасные несчастья и где все словно вступило в заговор, чтобы углубить овладевшее им чувство меланхолии и подозрительности, он решил немедленно покинуть Грецию и таким образом очень скоро появился в Смирне. В ожидании судна, которое могло бы перевезти его в Отранто или в Неаполь, он решил разобрать вещи, доставшиеся ему после смерти лорда Ратвена. Среди них он обнаружил футляр, внутри которого лежало несколько разновидностей кинжалов: каждый из них в той или иной степени гарантировал смерть тому, против кого он был направлен. Обри перебирал кинжалы и ятаганы, крутил в руках и разглядывал их причудливые формы и вдруг, к своему изумлению, наткнулся на ножны с орнаментом несомненно точь-в-точь таким же, как на том кинжале, что он подобрал на полу лесной хижины, где была убита Ианта. Он содрогнулся при воспоминании о той страшной ночи и, желая убедиться во всем до конца, отыскал сам кинжал; нетрудно представить, какая была его реакция, когда он попробовал вдеть его в ножны и кинжал, столь необычайной конструкции, легко вошел в них, полностью соответствуя ножнам. Большого доказательства, разумеется, не требовалось. Обри не мог оторвать взгляда от смертоносного оружия — и все же не мог полностью поверить в этот кошмар. Но приходилось верить фактам: та же причудливая форма кинжала, те же краски и на самом оружии, и на его ножнах, тот же роскошный

орнамент и тонкая отделка — все вместе не оставляло места для сомнений. К тому же как на кинжале, так и на ножнах он нашел пятна засохшей крови.

Обри покинул Смирну и по пути домой сделал остановку в Риме; первые же справки, которые он навел там, касались судьбы девушки, которую он попытался спасти от лорда Ратвена и его сверхъестественного искусства обольстителя. Родители девушки были в горе, они окончательно разорились, а о бедняжке, их дочери, никто ничего не слышал со времени отъезда из Рима Его Светлости. Обри чуть с ума не сошел от этих повторяющихся один за другим ужасов, у него были все основания предполагать, что бедняжка пала жертвой того же человека, который лишил жизни Ианту. Он замкнулся в себе, стал угрюм и неразговорчив, все время подгонял форейторов, словно торопился спасти жизнь кому-то, чья судьба была ему дорога. Он приехал в Кале, и морской бриз, как бы уступив его воле и решимости, быстро донес его до берегов туманного Альбиона. Не теряя ни минуты, Обри отправился в свое имение, родовое гнездо, и там, в объятиях любимой сестры, на какое-то время забыл о страшных событиях, приключившихся с ним во время путешествия. Если раньше сестра завоевывала его привязанность почти юношеской грацией, то теперь в ней просыпалась женщина, она стала очень привлекательной девушкой, к тому же она всегда была для Обри добрым другом.

Назвать ее блестящей красавицей было нельзя, красота ее была не из тех, что вызывают всеобщее восхищение в светских салонах и модных гостиных. В ней не было той блестящей легкости и напускной естественности, что просыпается в некоторых красавицах только в накаленной атмосфере переполненных людьми помещений. В голубых глазах не зажигался тот игривый огонек, который часто скрывает отсутствие глубины ума, — наоборот, она несла на себе отпечаток меланхоличности, но не тот, что бывает порожден каким-либо несчастьем или крушением надежд, а тот, что свидетельствует о чувствительности души, о том, что его обладатель способен подняться над пошлостью и проникнуть в более высокие сферы. Поступь ее не отличалась той легкостью, которую приобретает походка женщины, когда ее внимание привлекает мотылек или цветок, и тогда она летит к вожаделенному предмету — нет, она шла степенно, погруженная в свои мысли. Когда она была в одиночестве, лицо ее никогда не озаряла улыбка радости,

но когда любимый брат оказывал ей свою искреннюю сердечную привязанность и готов был в ее присутствии забыть обо всех своих горестях и печалях, которые — она это чувствовала — отравляли его существование, ее лицо озарялось светлой искренней улыбкой, которую он никогда бы не променял на обольстительную улыбку какой-нибудь светской красавицы. Нельзя было не заметить, что ее глаза и лицо удивительно гармоничны и по-своему прекрасны. Ей было тогда всего восемнадцать лет и она еще не была представлена в свете, поскольку опекуны отложили это ответственное для каждой девушки событие до возвращения брата. Поэтому было решено, что ближайший бал и явится ее приобщением к шумной жизни света. Обри же, говоря по совести, предпочел бы остаться в фамильном имении и предаваться меланхолии, переполнявшей его. Ему были отвратительны фривольности полужнакомых и вовсе незнакомых модных людей: разум его, испытывавший столь глубокое потрясение, словно разрывался на части после страшных событий, свидетелем которых ему довелось стать. Однако он все же решил пожертвовать собственным покоем и благополучием ради сестры. Вскоре они приехали в Лондон и начали заниматься необходимыми приготовлениями к балу, назначенному на следующий день.

Народу собралось очень много: балы уже давно не давали, поэтому все, кому не терпелось погреться в лучах улыбок знаменитостей, поспешили сюда. Обри пришел с сестрой. Он стоял в одиночестве в углу, не обращая внимания на царящее вокруг веселье и погружившись в воспоминания: именно в этой гостиной он впервые повстречал лорда Ратвена. И вдруг он почувствовал, как кто-то схватил его за руку и прямо в ухо ему зашептал голос, который не узнать было невозможно:

— Помните же вашу клятву.

Оцепенев от страха, Обри не посмел обернуться, дабы узреть фантом, который погубит его. Лишь издали он распознал знакомую фигуру: он все глядел как зачарованный до тех пор, пока не ощутил, что ноги его подкашиваются. С трудом протиснувшись сквозь толпу, он упал в карету, и его отвезли домой.

Он ходил и ходил по комнате торопливыми шагами, обхватив голову руками, словно боялся, что его мозг разлетится на куски от горячечных мыслей. Перед ним снова был лорд Ратвен собственной персоной... обстоятельства, вначале сложившиеся в ужасный хаос... кинжал... его

клятва. Он попытался подбодрить себя: нет, нет, это невозможно... Мертвые не восстают из небытия к жизни... нет, нет! Должно быть, просто воображение сыграло с ним дурную шутку, воссоздав во плоти образ, занимавший все его мысли. Невозможно, чтобы все это случилось наяву, в реальной действительности, решил он, следовательно, он мог возвращаться в свет, так как несмотря на то, что он попытался было навести какие-нибудь справки относительно лорда Ратвена, но имя это застывало у него на устах, а потому узнать ему ничего, естественно, не удалось.

Несколько вечеров вслед за этим первым балом они провели с сестрой на ассамблеях одного близкого родственника. Оставив ее на попечении почтенной матроны, Обри удалился в укромный уголок и предался беспокойным и всепоглощающим мыслям. Обнаружив, что собравшиеся начинают расходиться, он через силу заставил себя вернуться в настоящее и, проследовав в другую залу, нашел сестру, окруженную несколькими собеседниками, причем беседа, по всей видимости, велась серьезная. Он пробирався сквозь толпу, чтобы подойти к ней, когда одна персона, у которой он попросил разрешения пройти, обернулась, и пред ним предстали черты того, чей образ был ненавистен ему больше всего на свете. Обри рванулся вперед, схватил сестру за руку и торопливо вывел на улицу; на выходе толпились слуги в ожидании хозяев. Пока они протискивались через эту толпу, он снова услышал, как рядом прошелестел тот же голос:

— Помните же вашу клятву!

Обри не осмелился повернуться, а только поторопил сестру. Они сели в экипаж и вскоре оказались в безопасности — дома.

Обри стал задумчив и рассеян. Теперь, когда он точно убедился, что чудовище воскресло из мертвых, ему пришлось снова окунуться в свои тяжкие раздумья. Сестра окружала его нежным вниманием, но тщетно молила она объяснить причины столь резких перемен в его поведении. Он обронил всего лишь несколько слов, но и они заставили ее перепугаться всерьез. Чем больше он размышлял, тем больше заходил в тупик. Особенно изумляла его собственная клятва, данная умирающему лорду Ратвену: неужели он позволит этому чудовищу безнаказанно творить зло, сметать всех, оказавшихся на его пути, губить невинные души и сеять смерть среди всех, кто ему, Обри, дорог и кого он любит, неужели никак невозможно отделаться от этого

исчадия Ада? Ведь его любимая сестра тоже может оказаться жертвой монстра. Но если даже он нарушит свою клятву и обнаружит подозрения, то кто поверит ему? Он подумывал и о том, чтобы своей собственной рукой избавить мир от негодяя, но даже над самой смертью, как он прекрасно помнил, мерзавец умудрился посмеяться. Юноша сутками сидел, запершись в своей комнате, и ел лишь тогда, когда приходила сестра и со слезами на глазах умоляла его ради нее поддержать свои силы. В конце концов, устав от добровольного затворничества, он стал выходить из дому, бесцельно бродить по улицам, стремясь освободиться от страшного образа, неотступно преследовавшего его. Платье его совершенно износилось и загрязнилось: Обри настолько перестал заботиться о собственной внешности, что даже старые друзья с трудом узнали бы его теперь, встретившись с ним случайно. Первое время он еще приходил вечерами домой, а потом просто ложился в том месте, где силы его иссякали, там, где его одолевала усталость. Сестра, заботясь о его безопасности, наняла людей, чтобы они сопровождали несчастного юношу в его скитаниях, но те скоро обнаружили, что он всегда убегает от преследователей быстрее, чем иные — от собственных мыслей.

Однако вскоре он вернулся в свет пораженный неожиданно пришедшей мыслью, что своим отсутствием он подвергает опасности многочисленных друзей, оставив их беззащитными перед колдовскими чарами негодяя. Потому Обри решил вернуться в привычное общество и пристально наблюдать за своим роковым знакомым, надеясь предупредить, несмотря на данную им клятву, если понадобится, тех, к кому лорд Ратвен будет проявлять особый интерес. Но когда он однажды вошел в комнату, его подозрительный взгляд и изможденный вид, внутреннее напряжение, столь явственные любящему взору, поразили сестру настолько, что даже она не смогла долго выдержать этого печального зрелища и стала избегать его, как она оправдывалась, для его же блага. Однако это было уже излишним: их опекуны сочли нужным вмешаться в ход событий, сочтя юношу не вполне в здравом уме. Они решили возобновить опеку над сиротами, ведь именно на них покойные родители возложили ответственность за брата и сестру.

Опекуны наняли врача, который постоянно находился при Обри и жил у них дома. Но сам юноша вряд ли даже отдавал себе отчет во всем происходящем и даже не заме-

чал присутствия врача — настолько ум его был поглощен ужасным предметом тяжких раздумий. Вскоре бессвязность речей и странность поведения вынудили врача предписать ему полное уединение и постельный режим. Обри лежал в спальне сутками, совершенно отрешившись от всего земного. И лишь только тогда взгляд его становился осмысленным, когда его приходила навестить любимая сестра. Но иной раз он сильно пугал ее, хватая за руки и умоляя не трогать какого-то человека:

— О, не трогай, не прикасайся к нему! Если ты меня любишь, если я что-то для тебя значу, умоляю, держись подальше от этого ужасного человека!

Однако когда она пыталась узнать, о ком же он говорит, он только отвечал:

— Это правда, правда! — и снова впадал в мрачное опеченение, из которого уже никто был не в силах его вывести — даже она. Так продолжалось несколько месяцев.

Но минул год, он стал реже и реже путаться в речах и даже значительно повеселел, разум его несколько прояснился. Однако опекуны время от времени замечали в его поведении одну странность: по несколько раз в день он на пальцах высчитывал определенное число и улыбка озаряла его лицо.

Срок его вынужденного молчания был уже на исходе, когда в самый последний день рокового срока один из его опекунов зашел в комнату и завел с доктором разговор о том, что, мол, чрезвычайно прискорбно, что Обри находится в таком плачевном состоянии, так как на следующий день его сестра собирается выходить замуж. В тот же миг Обри насторожился и весь обратился в слух. Опекун и врач, обрадованные явным признаком того, что сознание и острота ума возвращаются к нему, — чего они уже и не ожидали — сообщили ему имя жениха: граф Марсден. Обри решил, что это один юный граф, которого он как-то встречал в свете, и, казалось, остался доволен выбором сестры. Он несказанно удивил опекунов и врача, выразив желание присутствовать на бракосочетании юной пары, и попросил позвать к нему сестру. Через несколько минут сестра была у него. Кажется, Обри снова мог наслаждаться благотворным воздействием ее чудесной улыбки: он прижал ее к груди, поцеловал в щеку, мокрую от счастливых слез, — ведь ее дорогой брат снова был с нею и любил ее как прежде. Он сердечно поздравил ее с замужеством, когда вдруг заметил у нее на груди медальон и, заинтересовавшись,

открыл его. К своему удивлению и ужасу, он увидел на миниатюрном изображении черты того самого чудовища, что так долго отравляло его существование. Он схватил портрет и в приступе ярости швырнул его об пол и растоптал каблуком. Девушка, глубоко изумленная таким поступком, спросила, зачем он уничтожил портрет ее будущего мужа? Обри схватил ее руки в свои и, глядя на нее с совершенно безумным выражением, потребовал, чтобы она поклялась, что никогда не выйдет замуж за подобное чудовище, потому что он... Но тут он замолк, не смея продолжать... Ему почудился голос, напоминающий о данной клятве и приказывающий хранить молчание... Он быстро обернулся, надеясь увидеть лорда Ратвена, но никого за спиной не обнаружил. В это время опекун и лекарь, слышавшие все до единого слова и посчитавшие, что этот яростный припадок вызван не до конца излеченным душевным расстройством, ворвались в комнату и высвободили из его рук мисс Обри. Юноша упал перед ними на колени, умоляя хотя бы на один день отсрочить свадьбу. Они же, приписав вспышку эмоций болезни, приложили немало усилий, чтобы успокоить несчастного, и, когда он уснул, оставили его в одиночестве.

Как оказалось, лорд Ратвен на следующий день после того бала, на котором произошла его роковая встреча с Обри и его сестрой, нанес им визит, но в приеме ему было отказано. Узнав же через некоторое время о болезни юноши и о том, что последнего считают сумасшедшим, он сразу же понял, кто именно послужил причиной столь серьезного заболевания. С трудом скрывая свою радость и ликование, лорд Ратвен поспешил в дом своего бывшего компаньона. Притворяясь, что судьба и здоровье Обри безмерно печалят его, он оказывал подчеркнуто неустанную заботу и внимание сестре юноши, тем самым злодей постепенно втерся к ней в доверие и приобрел сердечное расположение. Да и кто бы сумел устоять перед его красноречием и настойчивостью, перед его искусством обольстителя? Лорд Ратвен не пожалел ни усилий, ни времени на то, чтобы завоевать сердце девушки: о себе он говорил как о несчастливейшем из людей, что не может найти сочувствия и понимания ни в ком, ни в одной душе, за исключением той, кому были адресованы его жаркие признания; что с той поры, как он узнал ее, он наконец осознал, что жизнь еще не окончена для него, что как только он слышал ее мелодичную речь, он возрождался к жизни — в общем, то ли он настолько

овладел мастерством Змея-искусителя, то ли такова была воля судьбы, но вскоре сердце девушки уже принадлежало ему. Поскольку лорд Ратвен возглавлял по побочной линии старшую ветвь семейства, то к нему перешел титул и он получил ответственный пост в одном важном посольстве. Именно это его назначение якобы и послужило поводом для их столь поспешного брака, невзирая даже на то плачевное состояние, в котором находился брат невесты. Свадьбу решено было назначить за день до их отъезда на континент.

Обри, когда лекарь и опекун его оставили, попытался подкупить слуг, но из этого ничего не вышло. Тогда он потребовал бумагу и перо и написал сестре письмо, в котором заклинал ее, если она все же равнодушна к собственному счастью, если ценит свою честь и честь тех, кто уже лежит в земле, тех, кто когда-то держал ее на руках и возлагал на нее большие надежды, отложить хотя бы на несколько часов это бракосочетание, одна только мысль о котором вызывала у него дрожь омерзения. Слуги обещали, что непременно передадут письмо в руки девушки, но передали его врачу; тот же решил не омрачать светлый праздник мисс Обри тем, что, по его представлению, было плодом больного воображения ее брата. Последующая ночь прошла для обитателей дома в многочисленных хлопотах и заботах, и Обри прислушивался к звукам лихорадочной подготовки к празднеству со все возрастающим ужасом. А поутру до его слуха донеслись звуки подъезжающих к дому экипажей. Обри впал в неопишное отчаяние. В конце концов любопытство слуг одержало верх над их бдительностью, и они один за другим тайком отправились наблюдать увлекательное действо, оставив больного на попечении беспомощной старой женщины. Он воспользовался предоставленной ему возможностью и бросился в комнату, где собрались все участники бракосочетания. Первым же, кого он увидел, был лорд Ратвен. Юноша стремительно подошел к нему, крепко схватил за руку и, не в силах вымолвить от возмущения и охватившей его ярости ни единого слова, молча вывел из зала. Когда они вышли на лестницу, лорд Ратвен зашептал ему на ухо:

— Помните же вашу клятву и знайте, что если я сегодня не женюсь на вашей сестре, честь ее будет потеряна навеки. А женщины, знаете ли, существа хрупкие и нежные!

Промолвив это, он подтолкнул юношу к слугам-охранникам, которые искали его по всему дому. Обри уже не мог

идти без посторонней помощи, гнев его, не найдя выхода, привел к тому, что у него случилось кровоизлияние. Слуги осторожно отнесли его в спальню и уложили в постель. Сестре же печальное известие не сообщили: в тот момент, когда он ворвался в залу, ее там не было, а затем врач поостерегся волновать ее. Церемония бракосочетания была осуществлена, и сразу же по ее окончании молодожены покинули Лондон.

Обри слабел и чахнул прямо на глазах, обильные кровотечения свидетельствовали о скорой его кончине. Незадолго до смерти он призвал опекунов сестры, и когда часы отбили полночь, он детально посвятил их в страшную тайну, поведав все то, о чем читателю уже известно. Исповедавшись, он почти сразу же отдал Богу душу.

Опекуны поспешили на помощь мисс Обри в надежде защитить ее от посягательств чудовища, но прибыли на место слишком поздно: лорд Ратвен бесследно исчез, а сестра Обри уже сполна утолила гнусную жажду ВАМПИРА!

Томас Прест

ПОСЕЩАЮЩИЙ В БУРЮ

Из всего потока легенд, рассказов и даже сценических постановок, которые последовали за публикацией «Вампира», ни одно произведение не пользовалось большим успехом и не заслужило большей популярности среди читателей, чем два романа, вышедшие из-под пера Томаса Преста,— «Вампир Варней» и «Празднество Крови». Прест был на редкость плодовитым автором мелодрам с кровью и громом с небес, все его рассказы насыщены всевозможными элементами ужасов и кровопролитий. «Вампир Варней» несомненно одно из высших достижений его писательской карьеры. Эпический характер произведения — более 800 страниц,— тщательно нарисованный образ кошмарного Вампира и его зловещих приключений сразу возвели роман в ранг классических. Своего значения роман не потерял и по сей день, хотя считается исключительно редкой книгой. Опубликованный в 1847 году, «Вампир Варней» стал предметом широко распространенного плагиата, но, несмотря на это, остается наиболее ценной и ценимой читателями книгой благодаря своей аутентичности — Прест, без сомнения, провел очень тщательные изыскания, работая с этой тематикой, осторожно обращаясь с материалом. Из многих красочных происшествий, насытивших книгу, я выбрал одно. Отрывок, который я перепечатаваю в данной антологии, примечателен описанием внешности Вампира. Оно может заставить читателя содрогнуться даже по прошествии более чем столетия с момента написания романа.

Торжественный бой соборных часов возвестил наступление полночи... Воздух стал густым и практически осязаемым... Вся природа застыла в тревожном ожидании. Ни ветерка, все замерло, стоит могильная тишина.

Но вскоре тишину нарушил шорох градин по крышам и мостовой — над городом разразилась буря с градом. Градины сбили с деревьев листья вперемешку с мелкими сучьями, и деревья обнажились. В окна барабанят кусочки льда и разбивают стекла... Глубокое затишье, столь ощутимое совсем недавно, сменяется ревом бушующей стихии, который по мере нарастания заглушает изумленные и испуганные крики, раздающиеся то там, то здесь в домах, куда ворвалась буря.

О, как страшна была эта буря, как она бушевала! Град,

дождь, ветер. Правда, святая правда: то была воистину ужасная ночь.

* * *

В одном старинном доме есть очень примечательная комната. Стены украшает искусная и причудливая резьба, а каминная доска — уже сама по себе предмет, заслуживающий пристального внимания. Потолок в спальне низкий, большое окно в эркере — от пола до потолка — смотрит на запад. Окно не цельное, с перегородками и вставками из цветного стекла, которые, пропуская потоки солнечного или лунного света, окрашивают спальню в странные, но живописные тона, да еще роскошная ржавая решетка украшает окно.

В комнате стоит величественная кровать из орехового дерева с резьбой, богатой по фантазии и кропотливой по исполнению — одно из тех настоящих произведений искусства, созданию которых мы обязаны эре елизаветинского правления. Сверху над кроватью висят тяжелые шелка и камчатные ткани балдахина, по углам колышутся пыльные павильны перья, придающие спальне несколько траурный вид. Пол в комнате инкрустирован полированным дубом.

Боже, как сильно колотит град по стеклам старого эркера! Подобно залпам потешных мушкетеров, налетает он волнами, бьет и гремит, колотит изо всех сил по стеклам, но они выдерживают напор: решетчатая конструкция и малая площадь частей позволяют устоять перед неистовым натиском разъяренной стихии, тщетно стараются разбить его ветер, град и дождь.

Кровать в спальне не пуста: в ней возлежит в полудреме создание, исполненное всех самых прекрасных черт, которые способна породить природа, чудесная девушка — очаровательная и юная, словно весеннее утро — покоится на старинном ложе. Длинные волосы, высвободившись из-под чепчика, разметались в беспорядке по подушкам; сон ее, видимо, был беспокоен, потому что покрывала на постели смяты и разбросаны. Одной рукой она прикрывает прекрасные свои черты, другая почти свесилась с края кровати. Грудь девушки полуприкрыта, она тихо стонет во сне, иногда губы тихо шевелятся, словно вознося молитву, — так, во всяком случае, могло бы показаться со стороны, ибо уст ее однажды почти беззвучно срывается имя Того, кто пострадал за всех нас.

Очевидно, она очень утомлена — даже неистовство бури за окном не в силах ее пробудить или хотя бы потревожить ее беспокойный сон. Стихия может обострить любые чувства, но и ее сил оказалось недостаточно, чтобы нарушить покой этого прекрасного создания.

О, какой чудесный мир заключен в полураскрытых точенных губках, в этих сверкающих даже в призрачном свете, льющемся из окна, жемчужных зубках! Как покойно лежат на щеке длинные шелковистые ресницы. Но вот она пошевелилась, покрывало сползло, обнажив плечо, прекрасное, белоснежное — белее тех лилейных простынь, на которых она возлежит; кожа ее гладкая и шелковистая, словно лепесток бутона розы, кожа юного создания, раскрывающегося в преддверии женственности, в переходном состоянии, столь полном очарования и непосредственности — уже не девочка, но еще и не женщина; с пробуждающейся красотой и нежностью, обещающими в ближайшие же годы расцвести пышным цветом.

Что это, молния? Да, ужасная, вселяющая животный страх, яркая вспышка, сопровождаемая оглушительными раскатами грома, словно тысячи гор передвигаются и перекатываются друг через друга в вышине под небесным куполом.

Град не прекращает колотить по стеклам, ветер все так же свирепо бросается на дома и деревья. Буря достигает своей кульминации, и вот девушка просыпается — прекрасное лилейное создание на старинной работы кровати, — открывает чудесные небесной голубизны глаза, и с уст ее срывается легкий вскрик испуга, который в шуме и смятении, царящими за окном, почти не слышен. Она садится на постели и прижимает ладони тыльной стороной к глазам.

Еще одна вспышка, дикая, голубая, ошеломляющая по силе вспышка молнии загорается за окном эркера, озаряя на мгновение интерьер комнаты и освещая каждую деталь убранства спальни во всей отчетливости. Крик ужаса слетает с уст юной красавицы, она не в силах оторвать взгляда от окна, которое в следующий же момент погружается во тьму, на лице ее написан такой страх, какого она не знала никогда в жизни. Она вся трепещет, холодный пот покрывает ее белоснежный лоб — во мраке за окном мелькнуло чудовищное видение.

— Что... что это было? — шепчет она задыхаясь. — Это действительно наяву или же обман зрения? О Господи, что это было такое? Высокая худая фигура мужчины, пы-

тающегося с наружной стороны окна открыть запоры. Я его видела: вспышка молнии осветила злое создание с ног до головы. Он высился во весь рост, заслонив окно почти целиком от пола до потолка. Неужели я не сплю и мне все это не чудится?

Ветер затихал. Поредевший град уже падал на крыши домов и на землю, перестав барабанить по стеклам... Но какой-то странный звук доносился от окна: непонятное постукивание по стеклу высокого — во всю длину эркера — окна. Нет, она уже проснулась и понимает, что это не игра ее воображения, она явственно слышит постукивание. Чем оно может быть вызвано? Новая вспышка молнии, и девушка снова вскрикнула от ужаса. Высокая фигура стоит за окном на верхней ступеньке приставной лестницы; звук, столь напоминающий барабанный в оконное стекло град, — это постукивание ногтями пальцев по стеклу. Неопиcуемый ужас парализовал прекрасное создание, приковал ее к кровати. Крик — это все, на что она способна, — она сжала в отчаянии руки, лицо ее бледное как холодный лунный камень, сердце стучит в груди так громко, что, кажется, вот-вот выпрыгнет наружу, глаза широко раскрыты, взгляд заворуженно прикован к окну. Она в ужасе оцепенела.

Странное постукивание и скрежет ногтей по стеклу не умолкают. Не произнесено ни слова ни с той, ни с другой стороны, и теперь она вроде бы различает темные контуры фигуры, видит, как незнакомец шарит длинными руками по окну, пытается отворить его и забраться в спальню. Что это за загадочное сияние, наполнившее воздух и постепенно прокрадывающееся сполохами красного света? Оно становится все ярче и ярче... Молния ударила в мельницу и зажгла ее, отражение быстро пожираемого огнем здания падает в окно комнаты. Нет, не может быть никакой ошибки: фигура на самом деле там, за окном, пытается проникнуть в спальню, скрежеща и постукивая по стеклу невероятно длинными ногтями, — создается впечатление, что неизвестный отрачивал их в течение многих лет.

Девушка хочет закричать, но у нее перехватывает дыхание, и она, как ни старается, не в состоянии издать ни звука. Слишком злое видение предстает ее глазам, она пытается пошевелиться, но руки и ноги словно налились свинцом, она только шепчет слабым хриплым шепотом:

— Помогите! Помогите... на помощь!

Она повторяет свой призыв как заклинание, словно в бреду. Красное зарево пожара все разрастается. В его от-

блесках высокая тощая фигура за окном рельефно выделяется во всех отвратительных подробностях.

Одна из секций окна наконец со звоном разбивается и в образовавшееся отверстие протягивается длинная, иссохшая, почти совершенно лишенная плоти, рука. Засов отодвинут, и одна из половинок высокого окна, раскрывающегося подобно двустворчатым дверям, рывком распахиывается.

А она все еще не может ни закричать, ни сдвинуться с места, ни пошевелить ни рукой, ни ногой.

— На помощь... на помощь, помогите! — шепчет она, объятая ужасом. Какое у нее потерянное выражение лица перед жестокой опасностью, заключенной в зловещей фигуре, вторгшейся в ее обитель! Это видение из тех, что запоминаются навсегда и преследуют человека всю жизнь, отравляя самые счастливые минуты и привнося в них горечь страшного воспоминания.

Фигура мужчины полуоборачивается, и отсветы пожара падают ему на лицо. Оно совершенно бескровно. Глаза его словно отлиты из олова и отполированы до блеска, губы кривятся в мерзком оскале, и что особенно бросается в глаза при виде чудовища — это страшные, наводящие смертный ужас зубы. Они длинные и острые, сияющие белизной: это не зубы человека — это клыки дикого зверя, они приводят в еще больший трепет бедную жертву.

Он приближается к кровати странным скользящим шагом. Его руки сцеплены вместе длинными ногтями, которые буквально свисают с кончиков костлявых пальцев. Он не произносит ни слова. Быть может, она сошла с ума? Чтобы невинной юной девушке причудился такой кошмар! Она сжалась в комок, подтянув под себя ноги и обхватив их руками, — но она не в состоянии крикнуть, позвать на помощь. От страха она онемела, но зато оцепенение немного отпустило, и теперь она медленно отодвигается от приближающегося монстра к дальнему краю постели.

Но она, как зачарованная, не может оторвать от незнакомца взгляда. Змеиный гипнотический взгляд не смог бы произвести на нее более страшного воздействия, чем неотрывный пристальный взор этих мрачных отливающих металлом глаз, прикованных к ней. Неизвестный приблизился к резной кровати и наклоняется: это тянущееся к ней уродливое, с выпирающими костями, белое лицо незнакомца больше всего привлекает ее внимание. Кто это? Что ему понадобилось в ее спальне? Отчего это существо настоль-

ко уродливо, что его нельзя причислить к обитателям Земли, и тем не менее оно ходит по ней?

Теперь она скорчилась уже на самом краю постели, и фигура на мгновение замирает. Ей надо бежать, бежать, спастись! Но силы покинули ее. С бессознательной настойчивостью она прижимает к себе скомканную простыню, крепко вцепившись в нее. Дыхание девушки прерывисто, грудь высоко вздымается, конечности дрожат, но она все так же не может отвести глаз от мертвенной бледности этого серо-мраморного лица. Блеск его неживых металлических глаз завораживает несчастную жертву.

Буря уже утихла, стихия успокоилась, ветер больше не завывает, соборные часы отбивают час ночи... В горле чудовища что-то клокочет, он издает шипящий звук, поднимает длинные костлявые руки, губы монстра кривятся в гадкой усмешке. Он уже тут, рядом. Девушка спускает с края постели на пол одну изящную ножку, не сознавая, что творит. Она тянет на себя простыню... Удастся ли ей успеть удержаться на ногах, сможет ли идти? Сумеет ли оторвать глаза от бледного как смерть лица незваного гостя, разрушить эти гнусные колдовские чары? Боже праведный, взаправду ли это, или она видит чудовищный кошмарный сон, который навеки лишит ее способности судить, что существует вокруг нее реально, а что — плод фантазии воспаленного мозга?

Фигура снова замерла, и девушка — тело ее наполовину на постели, наполовину вне ее пределов — лежит, вся дрожа от страха. Длинные волосы разметались по кровати; она медленно начала отодвигаться к самому краю. Пауза длилась чуть больше минуты — о, для нее эта минута агонии тянулась века, и, разумеется, за эту нестерпимо тягучую минуту безумие вступило в свои права.

Стремительным движением, которое трудно было предугадать заранее, с жутким завыванием, заставившим бы похолодеть любого смертного, монстр схватил длинные пряди волос девушки и намотал их на костлявые кисти рук.

Тогда она закричала — небеса даровали ей силы закричать. Она кричала и визжала без перерыва. Простыни свалились с постели на пол и лежали кучей у края кровати, чудовище тащило ее к себе, и вот она уже опять лежит на кровати. Прелестное ее тело трепещет и бьется в конвульсиях. Страшные металлические глаза незнакомца оббегают взглядом чудные формы жертвы, в них читается похотли-

вое удовлетворение, верный признак готовности к святотатственному акту. Он тащит ее тело к себе и, перегнув голову через край постели, дергает вниз, выгибая нежное горлышко жертвы.

Затем быстро наклоняется к ее шее и впивается в горло девушки острыми клыками. Кровь бьет струей, в тишине слышны ужасные чавкающие и сосущие звуки. Вампир наслаждается своим мерзким пиршеством!

Брэм Стокер

ТРИ ЮНЫЕ ЛЕДИ

Лишь одному произведению удалось превзойти «Вампира Варнея» в популярности среди читающей публики — это «Дракула», повести, вышедшей из-под пера Брэма Стокера и впервые увидевшей свет в 1897 году Стокер, без сомнения, был знаком с творчеством Преста и испытал известное влияние последнего, но в своей книге он, обращаясь к теме вампиризма и проникая в глубь тайн этого загадочного явления, проявил несравненно более значительный литературный талант и умение использования стилистических возможностей, что, в свою очередь, обеспечило его произведению столь необычайное долголетие и что объясняет тот факт, что «Дракула» с того самого времени и до наших дней выдерживает одно переиздание за другим История о кровопийце-графе и его страшном и загадочном замке, изложенная от лица некоего Джонатана Харкера в форме дневника, должно быть, знакома многим читателям, однако, учитывая то важное место, которое она занимает в истории развития этого жанра, считаю необходимым привести в этой книге короткий отрывок из повести В отобранном мною эпизоде Харкер уже стал узником в замке графа Дракулы, он уже знает об ужасных опасностях, которые его ожидают в том случае, если он попытается бежать из заключения Чтобы успокоиться, он начинает делать записи в дневнике Одну из записей — о встрече Харкера с тремя юными леди — мы приводим ниже

Безопасность и уверенность в безопасности — дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление: как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Если рассудок еще при мне, то это действительно сумасшествие думать, будто из всех мерзостей, какими я окружен в этом ненавистном мне месте, менее всего мне страшен граф и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь до тех пор, пока он во мне нуждается! Великий Боже! Боже Милосердный! Сохрани мне мое хладнокровие, так как иначе сумасшествие действительно неизбежно!.. Пролился свет на некоторые вещи, которые оставляли меня в недоумении. До сих пор я как-то не понимал, чего хотел Шекспир, когда Гамлет у него говорит: «Мои таблички — надо записать», но теперь, чувствуя, что мой рассудок на грани помешательства или что он не выдержит пережитого потрясения, я прибегаю к свое-

му дневнику за отдохновением. Привычка старательно его вести поможет мне успокоиться.

Таинственное предостережение графа напугало меня; когда я думаю об этом теперь, то еще больше пугаюсь, так как чувствую, что в грядущем буду находиться под страхом его власти надо мною. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Кончив писать и убрав благополучно дневник и ручку, я начал погружаться в дрему. Мне вспомнилось предостережение графа, но послушаться его доставляло мне удовольствие. Сон реял надо мной, мягкий лунный свет успокаивал, а широкий простор за окном рождает освежающее ощущение свободы. Я решил не возвращаться этой ночью в мрачные комнаты, а спать здесь, где в былые времена сживали дамы, и пели, и жизнь их была сладка, а нежные перси теснила грусть по мужьям, вдалеке, в самой гуще жестоких боев. Я вытащил какую-то кушетку из угла и поставил ее так, что мог лежа свободно наслаждаться видом на запад и на юг, и, не обращая внимания на густую, покрывающую здесь все пыль, я собрался заснуть.

Мне кажется, вероятнее всего, что я и заснул; я надеюсь, что так и было, но все-таки ужасно боюсь, как бы все, что за тем последовало, не происходило наяву — так как то, что произошло, было так реально, так явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, что то был сон...

Я был не один... Комната была та же, несколько не изменившаяся с тех пор, как я в нее вошел. Я мог различить, благодаря лунному свету, свои собственные следы, где я нарушил многолетние скопления пыли. В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам, то были леди. В тот момент я подумал, что вижу их сквозь сон, так как, несмотря на то что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу. Они подошли ко мне вплотную и, посмотрев на меня, начали шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами, как у графа, с большими темными пронзительными глазами, казавшимися совершенно красными при бледно-желтоватом свете луны. Третья леди была белокура — самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися густыми золотистыми волосами и с глазами цвета бледного сапфира. Мне казалось знакомым это лицо, узнаваемость его связывалась с какими-то страхами на грани яви и сна, но я никак не мог

вспомнить, как и когда именно. У всех трех были великолепные белые зубы, казавшиеся жемчугом между рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то тревогу, некое томление и одновременно смертельный ужас. В душе моей пробудилось какое-то мерзкое желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами. Нехорошо об этом писать, ведь когда-нибудь это может попасться на глаза Мине и причинить ей боль; но сие есть правда.

Они пошептались между собой, и потом все три рассмеялись — серебристым музыкальным смехом, но жалкая плоть человеческих уст не смогла бы, казалось, исторгнуть столь режущий звук, подобный невыносимому тонкому позваниванию, которое извлекает изощренная рука, водя по краю стеклянных бокалов. Блондинка кокетливо покачивала головкой, а обе другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

— Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

— Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я, замерев, лежал и, прищурившись, глядел на них, изнемогая от предвкушения наслаждения. Светлая дева подошла ко мне и наклонилась надо мною так близко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было сладостным, сладковатым, а с другой стороны, действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос, но в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но прекрасно все видел из-под ресниц. Блондинка стала на колени и наклонилась надо мной в вождлении. Обдуманное сладострастие, и возбуждающее, и отталкивающее, было в том, как, изгибая шею, она наклонялась все ближе и ближе, облизывая при этом губы, как животное; при свете луны я заметил ее влажные алые губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы. Ее голова опускалась все ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Она замерла — я слышал чмокающий звук, издаваемый ее быстро снующим язычком, и ощущал жгучее дыхание на своей шее. Потом кожу стало покалывать и пощипывать, как отзывается плоть, когда готовая прикоснуться рука придвигается ближе,

ближе. Тогда я почувствовал мягкое прикосновение трепещущих губ к обостренно чувствительной коже у горла и два острых укола. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал с замирающим сердцем.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии пронзило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за ее тонкую шею и изо всей силы швырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкали бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули от гнева. Но что было с графом! Никогда не мог вообразить себе, чтобы даже демоны могли быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза положительно метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто пламя адского огня пылало в них. Лицо его было мертвенно-бледно, и все черты этого лица застыли, как бы окаменев, а густые брови, и без того сходявшиеся у переносицы, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение и к двум другим, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков; голосом, низведенным почти до шепота, но который при этом словно бы раскалывал воздух и гулко отдавался по комнате, он сказал:

— Как вы смеете его трогать! Как вы смеете поднять глаза на него, раз я вам это запретил? Назад, говорю вам! Ступайте все прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, вы будете иметь дело со мною!

Белокурая дева, смеясь с грубой игривостью, обратилась к нему:

— Ты сам никогда никого не любил и никогда никого не полюбишь.

Обе другие женщины подхватили, и раздался столь безрадостный, резкий и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, услышав его; казалось, будто бесы справляли свой шабаш. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в лицо, нежно прошептал:

— Нет, я тоже могу любить; вы сами могли в этом убедиться в прошлом. Я обещаю вам, что, как только покончу с ним, позволю вам целовать его сколько захотите. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

— А разве мы сегодня ночью ничего не получим?— со

сдержанным смехом спросила одна из дев, указав на мешок, который он бросил на пол и который двигался, как будто в нем находилось что-то живое. Он утвердительно кивнул головой. Одна из женщин моментально бросилась и открыла мешок. Если только мои уши не обманули меня, то оттуда раздались вздохи и вопли полузадушенного ребенка. Женщины обступили то место, тогда как я был весь охвачен ужасом; но когда я взгляделся пристально, то оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, что они просто растворились в лучах лунного света и исчезли, так как я видел, как их слабые очертания постепенно сглаживались в окне.

Ужас меня охватил с такой силой, что я упал в обморок.

М. Р. Джеймс

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СОБОРА

М. Р. Джеймс уверенно занимает одно из первых мест в британской литературе о привидениях. Его сборник «Рассказы старого антиквара о привидениях» — одно из произведений, отмеченных печатью яркого литературного таланта и прекрасным языком, что безусловно подтверждается каждым новым поколением читателей, с благодарностью открывающих для себя его имя. Человек редкой универсальной образованности, он на протяжении всей жизни сохранял живой интерес ко всему потустороннему и зловещему и оставил богатое литературное наследие в этой области. В приведенном здесь рассказе, многие годы являющемся настоящей библиографической редкостью, читатель встретится с несколько непривычной трактовкой образа Вампира — не из плоти и крови, а Вампира — эфемерного, бесплотного существа, способного тем не менее воссоздать атмосферу страха и вызвать истинный ужас у людей. Боюсь, что даже читатели с крепкими нервами вполне могут оказаться в положении людей, испытывающих некоторое беспокойство при посещении старинных соборов и вынужденных не раз и не два обстоятельно подумать, прежде чем совершить такую экскурсию

ил на свете один очень ученый джентльмен — мистер Лэйк, которого однажды командировали в Саутминстерский собор для изучения архивов и составления заключения об их состоянии. Исследование документов потребовало довольно много времени, а потому он решил, что ему следует для такой затянувшейся инспекции подыскать какое-нибудь жилье в городе. Церковный совет со всем радушием уговаривал его воспользоваться их гостеприимством, но мистер Лэйк предпочел отклонить их предложения с тем, чтобы целиком и полностью располагать своим временем. Наконец в дело вмешался сам настоятель собора и написал мистеру Лэйку, что если он не нашел еще удобного жилья, то может обратиться к мистеру Уорби, главному служителю собора, который живет в доме рядом с церковью и готов на три-четыре недели принять у себя тихого, спокойного жильца. Подобный выход из затруднительного положения представлялся

мистеру Лэйку наиболее удачным — короче, это было именно то, что ему подходило. Об оплате за постель и еду они сговорились без затруднений, и в начале декабря, подобно новоявленному мистеру Дэтчери (как он сам себя в шутку окрестил), исследователь архивов оказался в положении временного обладателя весьма удобной комнаты в старинном доме при церкви.

Персона, пользующаяся таким несомненным уважением самого настоятеля собора и в особенности кафедрального капитула, не могла не вызвать должного уважения со стороны старшего церковного служителя. Не последнюю роль в его почтительном к мистеру Лэйку отношении сыграли образованность в теологии и отличное знание порядков и уставов, принятых в кафедральных церквях. Мистер Уорби даже молчаливо и покорно соглашался, когда его жилец вносил некоторые справедливые поправки и изменения в те его высказывания, которые он за многие годы с традиционным апломбом преподносил группам посетителей исторического собора. Мистер Лэйк в свою очередь обнаружил в служителе замечательного компаньона и пользовался предоставлявшейся им возможностью проводить вечерние часы в приятной беседе, отдыхая после трудового дня.

Однажды вечером, часов так около девяти, мистер Уорби постучался в дверь комнаты жильца.

— У меня есть один повод, — сказал он, — сходить нынче в собор, мистер Лэйк, и, как мне помнится, я вам обещал при первом же удобном случае показать, как он выглядит в ночные часы. Как раз сегодня такой случай нам предоставляется. На улице ясно и сухо — если вы не раздумали идти.

— Ну разумеется, не раздумал. Премного вам благодарен, мистер Уорби, за то, что вы не забыли мою просьбу. Позвольте только я захвачу пальто.

— Вот оно, сэр, будьте добры, наденьте, пожалуйста. Я взял с собой для вас фонарь: надеюсь, вы согласитесь, что в безлунную ночь он окажется не лишним — в особенности на лестницах.

— Увидь нас кто-нибудь в эту минуту, непременно бы принял за новоиспеченных Джаспера и Дердлса, не правда ли, похоже? — пошутил Лэйк, когда они пересекли открытое место около собора, окруженное со всех сторон прицерковными постройками, — дело в том, что он успел предварительно удостовериться в том, что служитель читал «Эдвина Друда».

— Да уж, не без этого, — откликнулся на шутку мистер Уорби и коротко хохотнул. — Только вот не совсем я уверен в том, что мы бы восприняли такое сравнение за комплимент. Станные у нас порядки в соборе, сэр, не находите ли вы? Полный состав хора собирается на утреннюю спевку и службу аж к семи часам — и так круглый год. Голоса-де наших мальчишек их нынче не устраивают, так они нанимают на службу одного или двух взрослых мужчин, а тем ведь и платить надобно пожирнее — это, понятное дело, ежели капитул согласится, — особенно касательно альтов.

Они стояли у юго-западного входа в собор. Пока мистер Уорби возился с замком, Лэйк поинтересовался:

— А не доводилось вам обнаружить внутри запертого по ошибке человека?

— Дважды со мной случалось подобное. Один раз там оказался пьяный матрос. Как он умудрился проникнуть в собор — ума не приложу. Я так думаю, что он задремал во время службы. Когда же я до него добрался, он, право слово, готов был до крыши прыгать от счастья. О-с-с-по-ди! Как же он шумел, как ругался! Я, говорит, впервые за десять лет внутрь церкви зашел и ни за какие коврижки, говорит, больше моей ноги в ней не будет. А во второй раз это был вообще старый баран: мальчишки с ним одну штуку выкинули — ох уж мне их проказы! Ну да это уж в последний раз, больше у меня не пошуткуют. Так вот, сэр, мы и выглядим в ночное время; покойный декан наш раз от разу приводил сюда любопытствующих сразу по несколько человек, ну и читал им вслух один стих — что-то касательно шотландского собора, насколько я понимаю, но наверное сказать вам не могу. Что до меня, то я, например, считаю, что эффект получается очень красивый, когда внутри темным-темно. Подчеркивает темнота, понимаете, размеры и высоту собора. А теперь, если вы не возражаете, постоит где-нибудь некоторое время и осмотритесь, пока я схожу на хоры — мне там требуется кое-что сделать.

Лэйк последовал его совету и, прислонившись к колонне, наблюдал за светом покачивавшегося в руке служителя фонаря сначала по всей длине собора, потом вверх по ступенькам на хоры, пока свет не заслонил какой-то занавес или предмет убранства церкви и видны были лишь отблески в простенках и на крыше. Довольно скоро в проеме двери, ведущей на клирос, возникла фигура Уорби, просигналившего фонарем, чтобы Лэйк присоединился к нему.

«Надеюсь только, что это и вправду Уорби, а не фантом», — подумал Лэйк, направляясь к нему. Все получилось как нельзя лучше. Уорби показывал ему бумаги и документы, которые принес от декана, поинтересовался, как ему понравилось зрелище ночного собора — Лэйк согласился, что оно в самом деле заслуживало внимания и поглядеть на собор ночью, несомненно, стоило.

— Мне кажется, — сказал он Уорби, когда они преодолевали вместе алтарные ступени, — что за время стольких ночных посещений вы, должно быть, привыкли и не испытываете нервозности и беспокойства от мрачности этого места, однако я уверен, что и вы вздрагиваете, когда с полки вдруг свалится книга или неожиданно со скрипом откроется дверь.

— Нет, мистер Лэйк, позвольте с вами не согласиться, не могу сказать, что меня уж так сильно тревожат всякие там загадочные звуки — теперь-то уж точно не тревожат. Я скорее волнуюсь, чтоб, не приведи Господь, не приключилось бы утечки газа, а то и взрыва в дымоходе — вот тут-то и вправду вздрогнешь. А вообще, были такие времена: давно, столько лет уже минуло. Обратили вы внимание на одну очень простенькую надгробную плиту в алтаре? Мы обычно говорим, что она древняя, пятнадцатый век — уж не знаю, согласитесь ли вы с подобным утверждением. А если не заметили, то, милости прошу, вернитесь немного назад и разгляньте ее хорошенько.

Надгробие находилось в северной части клироса и расположено было крайне неудобно: всего в трех метрах от каменного ограждения, замыкающего пространство алтаря. Ничем не примечательное, как и предупреждал служитель, с самой заурядной отделкой по камню. С северной стороны надгробия (ближе к каменной перегородке) стоял металлический крест — единственное украшение могилы, представляющее какой-то интерес.

Лэйк подтвердил, что назвать его очень старым нельзя.

— Однако, — заметил он, — если только это не захоронение какой-нибудь замечательной персоны, то надеюсь, вы извините мне мою нескромность, когда я осмелюсь высказать мнение, что надгробие ничем особенным не примечательно.

— Н-да, не могу сказать, что это надгробие принадлежит человеку, оставившему след в истории, — согласился Уорби с натянутой улыбкой, — потому как мы в точности не знаем, за отсутствием документов, кому оно, так сказать,

было воздвигнуто. Ну а раз так, то ежели вы, сэр, располагаете получасом свободного времени, то я, значит, расскажу вам, как только вернемся домой, историю, связанную с этим самым надгробием. Сейчас я, пожалуй, начинать не стану: здесь становится холодно, да ведь и не собираемся же мы здесь всю ночь торчать.

— Ну конечно же, я очень рад буду услышать эту историю.

— Вот и отлично, сэр, вы ее услышите. Знаете, мне очень хочется задать вам один вопрос, если не возражаете,— продолжил он, когда они проходили по клиросу.— В нашем местном путеводителе — да и не только в нем, и в той книжечке, посвященной собору, которая выходила в тех, значит, сериях,— так вот, везде говорится, что вот эта именно часть здания была возведена до двенадцатого века. Ну, и я бы с удовольствием предложил вам, сэр, вид на эту древность вот с этого самого места, только не споткнитесь, сэр, прошу вас, но я хотел бы знать, каково ваше мнение, напоминает ли вам кладка камня в этом участке стены,— он постучал ключом по стене,— как, по-вашему, можно тут углядеть дух того, что зовется саксонской архитектурой? По-моему, так ею здесь и не пахнет, не так ли? И уж поверьте мне, я так им прямо и говорил — и библиотекарю нашему из «Свободной Библиотеки», здесь у нас в городе, и тому другому, что нарочно из Лондона приезжал,— обоим раз пятьдесят, не меньше, талдычил про этот кусок стены и про кладку. Но так оно и получается: сколько людей, столько и мнений.

Дискуссия на тему этой особенности человеческой натуры настолько занимала мистера Уорби, что он распространился и спорил с собеседником почти до самого дома. Неразожженный камин у мистера Лэйка в комнате привел мистера Уорби к логическому умопостроению, что лучше всего было бы им закончить вечер в его собственных апартаментах, что он и не замедлил предложить мистеру Лэйку, и в самом скором времени они расположились поудобнее в креслах гостиной мистера Уорби.

Рассказ мистера Уорби оказался довольно длинным, посему не буду приводить его весь, от слова до слова, и в том порядке, какой предпочел избрать рассказчик. Лэйк перенес суть его на бумагу сразу же по возвращении в свою комнату, украшая повествование некоторыми отрывками, воспроизведенными им дословно, настолько отчетливо они запечатлелись в его памяти.

Родился мистер Уорби, как выяснилось, году в 1828. Его отец также в свое время имел отношение к собору, и дед тоже. И тот и другой мальчиками пели в церковном хоре, а потом решили связать дальнейшую жизнь с собором: один работал каменщиком, а другой — плотником в мастерских при церкви. Уорби и самого, не спросив его согласия, как он чистосердечно признался, в возрасте десяти лет от роду командировали в церковный хор.

Случилось все в 1840 году, когда волна возрождения готики докатилась и до Саутминстерского собора.

— Ох и сколько же всяких чудных вещей пропало тогда, сэр,— вздохнул с сожалением Уорби.— Мой покойный папаша, так он ушам своим не поверил, когда ему приказали расчистить хоры. К нам в ту пору назначили как раз нового настоятеля — декан Берскоф его звали,— а папаша-то в свое время работал учеником в одной очень почтенной столярной фирме, и уж кто-кто, а он отлично разбирался в подобных вещах. Это ж варварство какое, бывало, возмущается: все замечательные дубовые панели стенной обшивки в прекрасном состоянии, будто их только что установили, резные гирлянды с растительным орнаментом, листья там, фрукты всякие, а чудная позолота на геральдических щитах с гербами, на трубах органа — все, все до последней резной завитушки отправилось на плотничий двор, на дрова, можно сказать! Ну, или почти все — кое-что все-таки сохранилось: несколько мелких вещичек в часовне Богородицы, да вот эти фрагменты над камином. В общем, я, может статься, могу и ошибиться в чем, но для меня наш клирос никогда уже не выглядел так, как прежде. Но, понятное дело, сразу многое стало известно об истории собора, и что уж точно, так это то, что собор нуждается в срочном ремонте. Несколько зим подряд, случалось, года не пройдет, как какой-нибудь бельведер обрушится.

Мистер Лэйк не преминул выразить полное свое согласие со взглядами мистера Уорби на реставрацию, но не хотел бы останавливаться на этой теме подробно, иначе они так и не дойдут до собственно рассказа. Вполне возможно, он ясно дал это понять рассказчику, поскольку тот поспешил заверить его:

— Не беспокойтесь, сэр, я, без сомнения, могу часами разговаривать на этот предмет — да я так и делаю, когда подворачивается удобная возможность. Но что до декана

Берскофа, то он точно имел пунктик насчет готического стиля: подавай ему готику — и все тут, ни в какую. И однажды утром он назначил моему папаше встретиться с ним на клиросе, вернулся, значит, переодевшись в ризнице, и принес с собой какой-то рулон бумаги. Служитель тогдашний притащил стол, и они развернули на нем свиток, а края прижали молитвенниками, и папаша в том им помогал. А как развернули окончательно, так отец живо смекнул, что это изображение внутреннего убранства хоров собора, а декан — джентльмен он был шустрый такой, говорливый,— он и говорит:

— Ну что, Уорби, каково ваше мнение на этот счет?

— А что? — это папаша ему,— я, господин декан, не имею удовольствия знать этот интерьер. Может быть, это из Херефордского собора, а?

— Нет, Уорби,— отвечает декан,— это будущий вид Саутминстерского собора, точнее, таким мы надеемся его увидеть в самом скором времени.

— В самом деле, сэр,— все, что ему папаша на это ответил.— А что он еще мог сказать господину декану? Мнечто он, помнится, частенько рассказывал, что у него ноги чуть не подкосились, когда он обвел взглядом тогдашнее убранство клироса — я ж помню, как там было все красиво, удобно — и переводил взгляд на эту гнусную картинку, как он ее обзывал, нарисованную каким-то безмозглым лондонским архитектором. Да вы сами все сразу поймете, сэр, когда посмотрите на этот старинный вид.

Уорби принес снятый со стены оттиск гравюры, заключенный в рамку.

— Так вот, этот самый декан и вручает папаше копию распоряжения соборного капитула, где сказано, что ему предписывается, значит, расчистить клирос, чтобы было как шаром покати, чтоб ничего не мешало новым отделочным работам, которые они, значит, предполагали провести по чертежам городских архитекторов, да чтоб он поторопился сколотить бригаду плотников на предмет демонтажа прежнего убранства. А теперь, если вы приглядитесь к этому интерьеру, сэр, вы, несомненно, обратите внимание на то место, где раньше стояла кафедра, прошу вас.

На гравюре и в самом деле была различима необычайных размеров деревянная конструкция с островерхим навесом, венчающим ее, стоявшая на самой восточной оконечности рядов сидений для важных особ, расположенных в алтаре к северу от клироса, лицом к трону епископа. Уор-

би продолжал давать пояснения: службы, как выяснилось, велись во время проведения демонтажа деревянных украшений на хорах прямо в нефе: мальчики из церковного хора, так сильно рассчитывавшие на каникулы, были разочарованы. А на органиста вообще пало подозрение в том, что он-де нарочно устроил поломку в механизме временного органа, который за солидную сумму выписали аж из самого Лондона.

Разрушительные работы начались с убранства клироса и органных хоров. затем постепенно стали продвигаться на восток, сметая на своем пути, как отметил Уорби, многочисленные искусно выполненные предметы старины. Пока разворачивалась вся эта история, члены кафедрального капитула неоднократно посещали собор, и очень скоро для старшего Уорби стало ясно, что в капитуле, а в особенности среди каноников из числа высшего духовенства, мнения о будущем убранстве собора и о проводимой капитулом политики разделились на два диаметрально противоположных лагеря. Одни пророчили себе неминуемую гибель от простуды, которую они несомненно подхватят, лишившись защиты экрана, отделявшего задние ряды сидений от нефа, в котором постоянно гуляли сквозняки; другие были недовольны тем, что оказались выставлены на обозрение людям, находящимся на хорах и в боковых приделах, в особенности, по их словам, во время проповедей, которые они находили предпочтительным выслушивать в позах, которые бы могли быть истолкованы неправильно досужим наблюдателем. Самая же крайняя оппозиция проекту переустройства храма была представлена самым пожилым членом клира, который до самого последнего момента возражал против сношения кафедры.

— Вам не следует трогать кафедру, господин декан, — изрек он однажды утром, когда они стояли перед деревянным сооружением, — вы не знаете, к каким тяжелейшим последствиям может привести такой шаг, какие несчастья могут последовать за ним.

— Несчастья? — удивился тот. — Но ведь она не представляет никакой художественной ценности, господин каноник.

— Не называйте меня каноником, — сухо оборвал его старец. — Вот уже тридцать лет, как все зовут меня доктор Эйлоф, и я не потерплю, чтобы ко мне адресовались как-нибудь иначе. Что же касается кафедры, с которой я тридцать лет подряд читал пастве проповеди, — хотя к делу это

отношения, положим, не имеет никакого,— все, что я вам скажу — это то, что я знаю, что вы поступаете неправильно, убирая ее с этого места.

— Но какой же, скажите, смысл, уважаемый доктор, оставлять ее на прежнем месте, если мы переоборудуем все хоры в совершенно ином стиле? Я взываю к вашему рассудку и здравому смыслу, не упоминая даже того, как кафедра выглядит со стороны.

— Рассудок, рассудок! — вспылil престарелый доктор Эйлоф. — Да если бы вы сами прислушивались к голосу рассудка, а не призывали это делать всех и каждого, мы бы, возможно, и достигли взаимопонимания в некоторых вопросах. Типичная ошибка молодости — я могу так говорить безо всякого желания выказать вам хоть малейшее неуважение, господин декан. А больше мне, вам сказать нечего.

Пожилой джентльмен заковылял прочь, и больше его никто в соборе не видел. Время года было необычайно жаркое, затем внезапно погода испортилась. И самым первым нас покинул именно доктор Эйлоф, которого однажды ночью поразила некая хвороба мышц грудной клетки. Умирал он, говорят, в муках. На многих службах, отслуженных в соборе, количество мужчин и мальчиков было весьма незначительным.

Тем временем кафедру снесли. Следует отметить, что часть навеса сохранилась в виде стола в летнем доме придворцового парка. Вся операция по демонтажу кафедры была осуществлена буквально через час-другой после решительного протеста, заявленного доктором Эйлофом. Когда разбирали основание деревянной конструкции — довольно трудоемкое предприятие, — взору присутствующих открылось неизвестное надгробие, что, естественно, вызвало оживление среди плотников. Разумеется, это было то самое надгробие, к которому мистер Уорби пытался привлечь внимание мистера Лэйка. Тщательные поиски в архивах собора были предприняты для того, чтобы установить имя погребенного, но они не увенчались успехом; с той самой поры захоронение в алтаре так и осталось безымянным. Основание кафедры было воздвигнуто так, чтобы не повредить надгробие, поэтому тот незамысловатый орнамент, которым оно и было украшено, совершенно не пострадал. Лишь с северной стороны виднелось что-то похожее на полонку: зазор между двумя каменными плитами, составлявшими эту сторону гробницы. Шириной дюйма в два-три. Каменщик Палмер получил указания в недель-

ный срок заделать щель заодно со всякими другими работами, которые он должен был сделать в этой части клироса.

Сезон в самом деле оказался капризным. То ли церковь построили в болотистом месте, то ли что другое было тому виной, но городские жители, чьи дома оказались в непосредственной близости к храму, редко получали удовольствие от солнечных и сухих августовских и сентябрьских дней. Несколько людей преклонного возраста — среди них и доктор Эйлоф — не пережили сезона, оказавшегося для них фатальным, но и люди помоложе испытали на себе коварство природы: редкому человеку удалось избежать нескольких недель, проведенных прикованным к постели, сраженным тем или иным недугом, или, во всяком случае, чувства подавленности и мрачной безысходности, сопровождавшихся по ночам ужасными кошмарами. Мало-помалу среди славных горожан стали зреть подозрения, превратившиеся впоследствии в твердую уверенность в том, что переустройство собора имеет некоторое отношение к происходящему вокруг него. Вдова покойного старого служителя при храме, получившая от кафедрального капитула пенсию по его безвременной кончине, стала видеть сны, которые она с готовностью пересказывала всем своим друзьям и знакомым. В этих странных сновидениях она видела, как с наступлением темноты из маленькой дверцы южного транспта (поперечной неф готического собора) появлялась какая-то неясная тень и облетала, еженощно изменяя маршрут, площадь при соборе, окруженную домами, залетая в некоторые дома по очереди, а когда небеса начинали светлеть, таинственная тень скрывалась в храме. Вдове ни разу не удалось рассмотреть как следует загадочное существо, но как-то раз на рассвете оно, как всегда, возвращаясь в церковь (что означало окончание сна), оглянулось, и вдова в этот момент углядела одну странную вещь: ей показалось, что у фигуры глаза горят багровым пламенем. Уорби помнит, как она в очередной раз пересказывала свой сон на вечеринке с чаепитием, устроенной в доме одного клерка, служившего при церковном совете. Регулярно повторяющийся кошмар, сказал Уорби, может быть, впрочем, расценен как один из симптомов болезни, поскольку еще до конца сентября она уже лежала в могиле.

Интерес, вызванный реставрацией известного старинного храма, не ограничился пределами графства. В то лето некая знаменитая особа посетила это место. Человек этот был наделен полномочиями написать отчет о находках и

открытиях, сделанных при переустройстве храма, с тем чтобы представить его Обществу антикваров, а его супруга сопровождала его, собираясь проиллюстрировать отчет мужа серией зарисовок, сделанных в храме. Утром она сделала общий набросок клироса церкви, а во второй половине дня занялась деталями. Сначала она запечатлела на бумаге недавно обнаруженное надгробие и, покончив с этой задачей, позвала мужа, обратив его внимание на красивый ромбовидный орнамент на стене позади надгробия, который тоже был полностью скрыт под кафедрой. Супруг сказал, что это тоже необходимо зарисовать. Тогда она уселась на надгробную плиту и принялась со всей тщательностью переносить на лист бумаги затейливый орнамент — занятие настолько ее захватило, что она работала до самых сумерек.

Муж ее к тому времени закончил свою дневную квоту промеров и описаний, и они согласились, что время вечернее и им пора возвращаться в гостиницу.

— Ах, Фрэнк, не будете ли вы так любезны отряхнуть сзади мою юбку, — попросила супруга леди, — она, я уверена, вся в пыли. Фрэнк беспрекословно повиновался, но через секунду сказал:

— Не знаю, насколько сильно ты дорожишь именно этим своим платьем, дорогая, однако у меня создается впечатление, что оно видывало и лучшие времена: на нем, видишь ли, недостает целого куска материи.

— Недостает? Куда же он мог подеваться? — всполошилась жена.

— Уж не мне судить куда, а только сзади по нижнему краю юбки недостает куска ткани. Вот здесь, в этом месте.

Она торопливо обернула юбку вокруг себя и к ужасу обнаружила рваные края, окружавшие злополучное место, где была большая дыра: очень похоже, отметила женщина, на то, как если бы в ее платье вцепилась зубами собака и вырвала здоровенный клочок. Так или иначе, платье было погублено безвозвратно, женщина очень расстроилась и, хотя они тщательно обыскали все предполагаемые места в соборе, где бы она могла порвать платье, недостающего куска так и не нашли. Они сошлись на том, что подобное несчастье могло с ней произойти в самых различных ситуациях и самыми разнообразными способами, а хоры и вовсе были полны деревянных обломков с торчащими всюду гвоздями: скорее всего один из них и послужил виной злополучному инциденту, а рабочие, крутившиеся весь день неподалеку,

могли, недоглядев, во время уборки унести доску или обломок с оторванным куском платья.

Как раз в то время Уорби стал замечать, что его любимая собачонка ведет себя довольно странно, когда приходило время запирасть ее на ночь в сарай во дворе у черного хода, потому что мать строго запрещала псине спать в доме. И вот как-то раз вечером, когда мальчик собирался унести собачку на задний двор, та, по его словам, ну прямо как христианская душа лапкой так жалобно делает, знаете, как твари иногда умеют — выразительно так. Мальчик пожалел скотинку, спрятал под курткой и отнес наверх, в спальню. Все прошло вроде бы гладко: мать ничего не заметила. И собачонка была шустрая такая, сообразительная: спряталась под кроватью и молчок! Наверное, полчаса сидела не шевелясь, забившись в угол под кроватью, пока юный Уорби укладывался спать. Мальчик, разумеется, был рад ее компании, и в особенности когда приключилось то досадное происшествие, которое в Саутминстере и по сей день старожилы вспоминают под условным названием «ночной плач».

— Ночь за ночью, — рассказывал Уорби, — псина этот вот ползком выбиралась из-под кровати — чужая, зная, как оно приближается, — и забиралась ко мне под одеяло; прижмется и вся-вся дрожит, а как начинался этот плач, так она, бедняга, совсем, бывало, ополоумеет, под мышку мне голову прячет и трясется, — а мне-то не лучше ее приходилось, — слушать эти звуки. Шесть раз или семь оно там прокричит, не больше, а когда моя собачонка успокаивается и голову высовывает, то я уж знаю наверное, что на сегодня, значит, концерт окончен. Как, сэр? На что это было похоже? Не знаю, как вам и объяснить, на что. В одном я уверен совершенно твердо: ничего такого подобного я за всю свою жизнь не слышал — вот это точно.

Да-а, ну что ж, играл я как-то возле собора, а неподалеку от меня повстречались на площади два каноника, один другому, значит, и говорит:

— Доброго вам утра. Как вы сегодня почивали? — Это все тот же, мистер Хенслоу его звали, а второго — как сейчас помню — мистер Лайелл.

— Да не могу вам сказать, что спокойно, — отвечает мистер Лайелл. — Должно быть, слишком сильно впечатлился от главы 34, стиха 14 книги пророка Исайи.

— Глава 34, стих 14, Исайя-пророк? — переспрашивает мистер Хенслоу. — А что там такое сказано?

— И вы еще называете себя читателем Библии! — рассердился мистер Лайелл. (А мистер Хенслоу, скажу я вам по секрету, был скорее из тех, кого зовут Симеоновым жребием, чем действительно образованным священником.)

— Сходите и загляните в Писание.

А меня самого любопытство так разобрало, что прибегаю я домой, достаю быстренько свою Библию, полистал и нашел, что искал: «...и лешие будут перекликаться один с другим». Ей-ей, сэр, так там и сказано: «И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой».

Так-так, себе думаю, вот, значит, чьи крики мы слушали все эти последние ночи. А я, право слово, так перепугался, что и оглядываться начал: нет ли кого у меня за спиной. Ну я, понятное дело, приставать стал к папаше и к родительнице моей — все выпрашивал, что это такое да откуда? А они одно твердят: не бойся, мол, сынок, это всего только кошки балуют — и больше ни гу-гу, да я-то вижу, что и им не по себе. Ох, скажу я вам, это был такой звук, такой плач, что ли, вой — не знаю, как и описать, — голодный, жалобный, будто оно кого-то кличет, зовет, а тот все не приходит. Если вам когда-нибудь страстно хотелось не остаться в одиночестве, чтоб хоть одна живая душа была рядом с вами, так это когда вы ждали в темноте, как оно закричит, заплачет снова. Помнится даже, на две или на три ночи выставляли дозорных в разных концах площади у собора, да только они все так боялись, что, бывало, собьются в кучу где-нибудь поближе к Хай-стрит, да и ждут вместе рассвета — так у них ничего и не вышло путного.

— Ну а дальше было вот что. Как-то раз мы еще с одним мальчишкой-певчим — он теперь имеет свое дело в городе, бакалейщик, как и его отец, — забрались на самый верх хоров после утренней службы и вдруг слышим, как внизу ругается старый Палмер, каменщик, ругается, сердится на кого-то из подручных своих. Нам, мальчишкам, интересно стало, чего он там так разоряется? Подобрались мы поближе и затаились: мы его отлично знали, ворчуна старого, позабавиться захотелось, послушать. А был там, значит, один мужчина, который все оправдывался, что, мол, он исполнил, как ему было приказано, и, конечно, старый Палмер, который орал как оглашенный:

— И это ты называешь исполнил? Да как у тебя только твой лживый язык повернулся такое сказать? Да тебя за

такое уволить — и то будет мало. За что, спрашивается, я вам, лентяям таким и лгунам, деньги плачу? И что, потвоему, я должен говорить, как оправдываться перед деканом и капитулом, когда они придут проверять твою работу? А ведь они могут нагрять в любой момент, да и посмотрят то самое место, которое — как только у тебя язык поворачивается произносить такую бессовестную ложь! — ты якобы заделал камнями, заштукатурил и еще Бог знает что там сделал.

— Извините, мастер, я честно все сделал, в самом лучшем виде, — оправдывается его собеседник. — Я, — говорит, — знаю обо всем этом не больше вашего — как оно могло выпасть из дырки. Я так старался, все сделал аккуратно, на совесть, можно сказать, — и на тебе — все понапрасну: опять дыра. Ничего, мастер, не понимаю — как оно такое может быть?

— Значит, говоришь, выпало? — повторяет за ним старый Палмер. — А почему никаких следов твоей работы не осталось вокруг? Что, ветром унесло? И тут Палмер нагнулся и поднимает с пола кусок замазки, я тоже такой нашел футах в пяти-шести от надгробия и еще незасохшей впридачу; а старый Палмер на замазку ошарашенно глядит и ничего не понимает. Ну, потом обернулся в нашу сторону и спрашивает:

— А вы, ребята, что здесь делаете? Игры, небось, свои затеяли в соборе?

— Что вы, что вы, — говорю, — мистер Палмер, нас здесь и не было, мы только-только пришли. А пока я, значит, говорю старику, что ничего, мол, подобного, никаких мы здесь игр не затевали, товарищ мой — Эванс его фамилия — он туда заглянул внутрь, в разлом этот, да вдруг как отпрянет назад, бледный весь, дыхание перехватило и — прямо к нам.

— Там, — говорит, — внутри склепа что-то есть. Я, — говорит, — заметил, там что-то блестит.

— Чего там блестит? Ну и-ну! — отмахивается старый Палмер. — Ладно, некогда мне тут с вами ласы точить. А ты, Уильям, иди возьми еще щепня и замазки и, пожалуйста, на этот раз поработай на совесть. А если не выполнишь моего приказа немедленно, то тебя ожидают неприятности, понял?

— Ну так вот, мужчина тот ушел, Палмер тоже, а мы с Эвансом маленько задержались в соборе, и я его возьми и спроси:

— Ты что, и вправду там что-то такое увидел, не врешь?

— Да нет,— говорит,— святая правда, видел!

Я ему тогда предложил:

— Давай засунем в расщелину какую-нибудь щепку и пошарим внутри.

Там об ту пору много всякого деревянного мусора вокруг валялось, уж как мы ни старались, что только не перепробовали, все деревяшки и обломки — ни один не лезет в дырку. А у Эванса как раз оказались с собой ноты — уж не помню, что это было,— то ли к какой-то службе, то ли гимн церковный. Так он свернул нотную бумагу в трубочку потуже и просунул в расщелину. Несколько, значит, раз он эту процедуру проделал — и ничего. Я говорю:

— Давай теперь я попробую.

И так старался, и эдак — ничего. А потом — сам не пойму почему — наклонился я к тому отверстию, вставил в рот два пальца — знаете, сэр, как это делают мальчишки,— да как свистну! А потом слышу и ушам своим не верю: там, в гробнице, что-то такое вроде пошевелилось. Испугался я и говорю Эвансу:

— Пойдем поскорей отсюда. Что-то не нравится мне все это, пойдем.

А он мне:

— Ах ты, фу-ты, ну-ты! Вертай сюда ноты.

Забрал, значит, и снова пошел ковыряться. Ох, не знаю, довелось ли мне за всю мою долгую жизнь увидеть еще хоть раз, чтобы человек вдруг так смертельно побледнел, как побледнел тогда он. Шепчет с дрожью в голосе:

— Уорби, бумага-то за что-то такое зацепилась или... или ее кто-то схватил и держит.

Ну, я в ответ ему посоветовал:

— Вытаскивай ее,— говорю,— обратно или оставляй насовсем, пойдем отсюда поскорей.

Ну, он поднатужился и вытащил ноты — по крайней мере основательный их кусок — часть так и осталась внутри, будто ее кто оторвал. Эванс стоит и смотрит с ужасом на обрывок, сжатый в кулаке, затем как-то странно каркнул и разжал руку, ноты упали на пол, и мы со всех ног кинулись прочь из собора. Когда уже были на свежем воздухе, Эванс меня спрашивает:

— Ты конец бумаги видал?

— Как же, говорю, конечно, видал. Он был оторван.

— Да,— говорит,— оторван. Только,— говорит,— это еще не все: он был весь черный и мокрый!

В общем, то ли из боязни раскрыть какую-то страшную тайну, а может, оттого, что музыку нам надо было выучить за два дня и у нас имелось время в запасе, а то, скажи мы про всю эту дьявольщину органисту, он бы нам такую трепку задал — короче, ничего мы никому не сказали, а те ноты, я так полагаю, рабочие убрали вместе с хламом, что был разбросан на хорах. Да, ничего мы тогда никому не сказали, однако спроси вы сегодня Эванса, что он помнит о том случае, он вам поклянется, что оборванный конец свернутых в трубочку нот весь был мокрый и черный.

После того дня мальчишки старались подальше держаться от гробницы, так что Уорби не знал наверное, каковы были результаты повторной починки надгробия. Только слышал краем уха разговоры проходящих через хоры рабочих, что у них там работа не заладилась и дошло до того, что сам мистер Палмер попытался приложить свои руки к ремонту крышки надгробия. А некоторое время спустя он собственными глазами видал, как мистер Палмер стучался в дверь дома декана. Через день-другой он заключил из фразы, оброненной отцом за завтраком, что в соборе на следующий день после утренней службы предстоят какие-то необычные события.

— И я бы предпочел провести всю операцию еще сегодня, не откладывая на потом, — прибавил его отец.

— Убей, не могу взять в толк — чего еще дальше рисковать.

— Папаша, — обратился к нему младший Уорби, — а что вы там собираетесь перестраивать?.

Но Уорби-старший пришел в неопишемую ярость и гневался на своего отпрыска столь активно, что тот просто растерялся — папаша ведь человек был незлобивый и серьезный, а тут ни с того ни с сего разошелся не на шутку.

— Ты, — говорит, — друг любезный, не смей ввязываться в разговоры старших, сопляк ты еще для такого дела и невоспитанный мальчишка к тому же. Что я там собираюсь или не собираюсь предпринимать завтра в соборе — это не твоего ума дело. Если я тебя завтра застану там после службы, то отправлю домой с увесистой затрещиной — так и знай.

Понятное дело, юный Уорби не заставил отца повторять угрозу дважды, извинился как положено, но был не так-то прост, как казалось отцу: он отправился к своему другу Эвансу и изложил тому свой план.

— Мы знали, что в углу поперечного нефа имелась лест-

ница, по которой можно было взобраться на трифорий, и дверь в те времена частенько бывала открытой, а если паче чаяния окажется запертой, то мы, мальчишки, знали, что ключ обычно прятали под половиком. Ну и порешили мы так: отпоем свое, а потом, когда все мальчишки, значит, начнут расходиться, мы тайком прокрадемся по той лестнице наверх и оттуда, из трифория, где мы, значит, затаимся, понаблюдаем сверху, чего они там собираются делать.

— Н-да, в ту самую ночь, сэр, я сразу заснул как убитый — как это бывает только в юном возрасте, — и вдруг меня будит среди ночи моя собачонка. Забралась, понимаете, ко мне под одеяло, ну, тут я сразу смекнул, что ночка нам предстоит особенная — собака-то совсем насмерть перепугалась. И точно: пяти минут не прошло, как раздался тот самый плач. Не берусь описать вам словами, что это был за звук, а главное — совсем рядом, ближе чем когда-либо. И знаете, мистер Лэйк, забавная штука — вы ведь уже успели убедиться в том, какое на площади у собора гулкое эхо, особенно с нашей стороны. А от тех жутких криков никакого эха не было и в помине. Так я вам говорил, что на этот раз крик слышался совсем-совсем рядом, перепугался я не на шутку, замер и только слушаю. И вдруг в коридоре, за дверью, что-то такое шелестит снаружи. Ну, думаю, все, пропал. Но гляжу, псина приободрилась, а там за дверью, слышу, зашептались. Я чуть было не захохотал тогда от радости: это ж папаша и родительница проснулись, разбуженные жутким криком.

— Что это такое было? — спрашивает мамаша.

— Ш-ш-ш-ш, тихо. Не знаю я, — это уже папаша ей отвечает, весь такой возбужденный, что ли, — парнишку не разбуди. Надеюсь, он ничего не слышал.

Ну раз они тут, рядом, я уже осмелел, выскользнул из кровати и напрямик к окошку, что выходит на соборную площадь. А псина — та просто совсем зарылась в одеяло. Вот выглядываю я в окошко и поначалу ничегошеньки не вижу, а потом разобрал в тени под контрфорсом две красные точки, тусклые такие, не сравнить со светом лампы или костра: просто две точки, еле различимые во тьме. Только я их приметил, как выясняется, что мы не единственные люди в округе, разбуженные леденящим кровью воем: в окне дома, стоящего от нашего по правую руку, появился свет и стал перемещаться из комнаты в комнату. Я обернулся в ту сторону, чтобы, значит, убедиться, что зрение меня не обмануло, а когда снова оглянулся в сто-

рону той таинственной тени, точки тусклого красного цвета уже пропали, и как я ни таращился, ни вглядывался в темноту, ничего уж больше не увидел. Вот тогда я испытал еще один, так сказать, прилив страха за ночь, но уже последний: я неожиданно ощутил чье-то прикосновение к босой ноге. Я замер от ужаса, но все оказалось в порядке: это моя собачонка выбралась из постели и полезла ко мне ласкаться, она прыгала от радости вокруг меня, но голоса — умнящая тварь! — не подавала. К скотинке, по всей видимости, вернулось хорошее настроение и всегдашняя ее игривость, я забрал ее к себе в постель, и мы в ту ночь отлично выпались.

На следующее утро я повинился матери в том, что собака ночью была в моей спальне, и как же я удивился, что она приняла это известие довольно-таки спокойно.

— Вот как? — говорит. — Если по правде сказать, то ты заслуживаешь этим проступком того, чтобы тебя оставить без завтрака. Ты нарушил свое обещание, нехорошо себя повел, однако в то же время вроде ничего страшного не произошло, так что в следующий раз ты должен испросить у меня согласия на то, чтобы забрать животное на ночь в свою комнату, понятно?

Я ответил, что понятно, а немного погодя сказал папаше, что этой ночью опять кричали кошки за окном.

— Кошки? — спрашивает он, а сам странно так на родительницу мою поглядывает, потом закашлялся и говорит:

— Ах, кошки? Да-да, конечно же, кошки. Я, кажется, и сам их слышал ночью.

— Надо вам сказать, сэр, то утро вообще выдалось необычным, ничего не ладилось. Органист, так тот вообще захворал и остался в постели, а его помощник позабыл, что шел девятнадцатый день, и не сыграл Малый Канон, ждал, когда мы начнем «Прииди», потом затынул почему-то тему вечернего песнопения, тут уж мальчики в хоре настолько развеселились, что не могли петь, а когда дело дошло до гимна, мальчик, которому надлежало исполнять соло, совсем разошелся: хихикал и хихикал. Он притворился, что у него пошла кровь из носа, и сунул мне книгу в руки, а я-то текста не учил, да если бы даже и знал слова — все равно, солист из меня был никудышный. Да-а, времена пятьдесят лет назад были не из легких: представляете, контртенор, что стоял за моей спиной, тогда крепко меня ущипнул — как сейчас помню.

— Короче говоря, мы кое-как дотянули до конца служ-

бы, а потом ни взрослые хористы, ни мальчики не стали дожидаться, пока присутствовавший на богослужении каноник зайдет в ризницу и задаст им хорошую взбучку, но, мне кажется, каноник Хенслоу так и не зашел. Во-первых, он, по-моему, впервые в жизни прочитал не ту проповедь, и, во-вторых, он об этом отлично знал. Но так или иначе, мы с Эвансом беспрепятственно поднялись по той лестнице, о которой я вам рассказывал, а там мы улеглись на живот и высунули головы прямо над старинным надгробием. Не успели мы наверху устроиться поудобнее, как в опустевшем соборе зазвучали шаги служителя: он закрыл железные двери, выходящие на паперть, затем запер на ключ юго-западный вход и, наконец, двери, ведущие в трансепт * собора, — мы, конечно, догадались, что здесь должны произойти какие-то загадочные события и их участники явно не желают посвящать в них прихожан.

— Что было дальше? Дальше через северную дверь вошли господин декан и каноник, вслед за ними мой папаша, старик Палмер и парочка лучших его людей. Палмер с деканом остановились посреди хоров и о чем-то толковали. У Палмера в руке был моток веревки, а у его людей — ломики. И все они выглядели очень взволнованными — просто ужас. Ну вот, стояли они и переговаривались, а потом я слышу, как господин декан произнес:

— Ну ладно, Палмер, не будем терять времени попусту. Если вы твердо убеждены, что такова воля и общее желание жителей Саутминстера, то я, так и быть, разрешаю вам сделать то, о чем вы просите, однако скажу вам со всей прямотой, что в жизни не слыхал подобного вздора из уст человека серьезного и практичного, каким я всегда вас считал. Как, вы согласны со мной, мистер Хенслоу?

Насколько мне удалось разобрать с такой высоты, каноник ответил что-то вроде:

— Ну что ж, ведь сказано в Писании: «Не судите других, да сами не судимы будете», не так ли?

Декан на это только фыркнул и напрямик отправился к надгробию и встал спиной к перегородке, остальные подошли тоже, только медленно так, с осторожностью какой-то, боязливо. Хенслоу остановился с южной стороны гробницы и почесал подбородок. Потом опять заговорил декан:

— Палмер, — говорит, — что для вас будет проще сде-

* Архитектурная особенность церкви

лать: снять верхнюю плиту или одну из боковых отодвинуть?

Старый Палмер и его товарищи стали обходить все стороны горизонтально лежащей крышки надгробия и исследовать кладку, потом простукивали все боковые плиты — и с западной стороны, и с восточной, и с южной попробовали, разве только с северной стороны не заходили. Хенслоу высказался за то, чтобы попробовать убрать плиту с южной стороны: там, мол, и света больше и пространства для работы достаточно. Затем мой папаша, все это время наблюдавший за ними, зашел с северной стороны гробницы, опустился на колени и попробовал расшатать боковую плиту рядом с проломом, поднялся на ноги, отряхнул пыль с брюк и сказал, обращаясь к декану:

— Прошу прощения, господин декан, но по моему разумению, ежели мистер Палмер попробует эту плиту, он убедится, что ее отодвинуть легче легкого. Мне представляется, что ежели один из его людей засунет в щель ломик и наложит на него хорошенько, используя как рычаг, то все будет сделано быстро и без хлопот.

— Замечательно, благодарю вас, Уорби,— отвечает декан,— это хорошая идея. Палмер, прикажите одному из ваших людей так и поступить, договорились?

— Ну так вот, подходит к надгробию один человек, засовывает лом в расщелину, налегает на него всем своим весом, и как раз, когда все они сгрудились там внизу, наблюдая за тем, что произойдет, а мы высунули головы, чтобы разглядеть хоть что-то с трифория, вдруг раздается жуткий грохот в западной оконечности хоров, будто там скапала охапка дров по ступенькам лестничного пролета. Вы, понятное дело, не ожидаете от меня, чтобы я успел заметить все, что произошло одновременно в тот самый момент. Такая там внизу началась суматоха — ничего не понять. Я слышал, как отвалилась боковая плита, потом звякнул об пол ломик, потом декан придушенным голосом воскликнул:

— Господи, Боже праведный!

— Когда я снова посмотрел туда, то увидел декана, упавшего на пол. Рабочие-каменщики улепетывали в ужасе вниз по лестнице на хорах. Хенслоу пытался помочь декану подняться, Палмер — по его собственному признанию, совершенному задним числом, — вроде старался остановить своих людей, а мой отец сидел на ступеньке алтаря, закрыв лицо руками. Декан сильно был рассержен.

— Хотелось бы мне знать, Хенслоу, куда это все наши храбрецы подевались? Услышали треск ломающейся деравяшки и — сразу наутек, все разом!

Хенслоу пытался как-то оправдаться, но его неуверенные объяснения о том, что он, мол, стоял по другую сторону надгробия, ни в коем разе декана не устраивали.

— Тут возвращается Палмер и докладывает, что не обнаружил причину грохота, который они все слышали: ничего, мол, там не свалилось. Ну а когда декан немного оклемался и успокоился, они все собрались у отваленной боковой плиты — все, кроме моего родителя, который остался сидеть там, где сидел, — кто-то зажег огарок свечи и они заглянули внутрь гробницы.

— И ничего-то тут нет, — промолвил декан, — что я вам говорил? Пусто! Ан нет, постойте, постойте, что-то все же имеется, это что такое? Обрывок нотной бумаги и кусок материи, вроде как похоже на лоскут дамского платья. И то и другое совсем свежие. Археологического интереса не представляют. Что же, быть может, в следующий раз вы все-таки прислушаетесь к мнению образованных людей и не станете доверять всяким рассказням! — или что-то в том же духе, укорил их и пошел себе восвояси, только прихрамывал слегка. А когда выходил из северного входа, обернулся назад и сердито так выговорил Палмеру за то, что он якобы оставил дверь открытой настежь. Палмер ему прокричал:

— Ах, извините, сэр, извините! — но плечами весьма недоуменно пожал, а Хенслоу возьми да и скажи:

— Что-то сдается мне, ошибся мистер декан. Я отлично помню, как я закрыл за собой дверь, когда вошел в собор. Но, видно, мистер декан все еще не в себе от шока.

Тут Палмер всполошился:

— А где Уорби?

Они стали озиаться и увидели моего папашу, сидящего на алтарной ступеньке, но вроде уже приходящего в себя — он утирал вспотевший лоб платком. Палмер подошел и помог ему подняться на ноги. Отец встал уже твердо, чему я был несказанно рад — не скрою.

— Они были слишком далеко, чтобы я мог расслышать их негромкий разговор, но видеть-то я видел: папаша указывал рукой вдоль прохода к северным дверям, Палмер с Хенслоу, страшно удивленные и перепуганные, слушали его, раскрыв рты. В скором времени отец с Хенслоу ушли из храма, а остальные поторопились поставить на место

боковую плиту и замазать все щели. Когда часы на колокольне пробили полдень, собор уже открыли для прихожан, а мы потихоньку спустились со своего наблюдательного пункта и отправились по домам.

— Мне не терпелось услышать от отца, что же там такое произошло, что привело его в такое смятение — никогда не видел его в подобном состоянии. Когда я прибежал домой, то застал папашу сидящим за столом со стаканом крепкого бренди, а рядом стояла мать и с беспокойством смотрела на отца. Я-таки не выдержал и признался в том, что был в соборе на самом верху. Но он отчего-то не отреагировал так, как я ожидал, — то есть не шибко на меня рассердился.

— А-а, значит, ты был там? И видел все своими глазами. И ее ты тоже видел?

— Я все-все видел, папаша, — отвечаю, — все, кроме того момента, когда раздался страшный грохот.

Он посмотрел на меня пристально, да и спрашивает:

— А видел ты, что сбило декана с ног? Ну, та штука, которая вылезла из гробницы, ее ты видел? Ах, нет? И слава Богу, что не видел.

— А что, что там такое было? — это поинтересовался я.

А он не верит:

— Да ладно, смелее, признавайся, ты должен был ее увидеть. Неужели не видел? Что-то такое похожее на человека, только ужасно волосатое, и два огромных глаза горят.

— Больше я из него ничего вытянуть тогда не сумел, а позднее уже он вроде как стыдился, что так перепугался в то злополучное утро, и как только я заводил разговор о том происшествии, он быстро переводил его на другую тему. И только значительно позднее, когда я был уже в зрелых годах, он чаще прежнего разговаривал со мной о том происшествии, но всегда вспоминал минувшее в одних и тех же словах.

— Черное оно было, — говаривал папаша, — все покрытое волосьями, о двух ногах, а глаза-то, глаза так и светятся, горят адским пламенем.

— Вот такая история приключилась, мистер Лэйк, с тем надгробием. Мы ее никогда не пересказываем столичным гостям, и я буду, так сказать, чрезвычайно вам признателен, сэр, если вы сохраните ее в тайне до того по крайней мере времени, пока я не сойду в могилу. Не сомневаюсь, сэр, что мистер Эванс попросит вас о точно таком же одолжении, если вы поинтересуетесь его мнением на этот счет.

Так оно на самом деле и оказалось. Но прошло уже с той поры более двух десятков лет, могилы Уорби и Эванса давно поросли травой, таким образом, мистер Лэйк посчитал возможным передать мне свои записки, сделанные им в 1890 году в ту ночь, когда он услышал странную легенду. К своим записям рассказа Уорби он приложил набросок карандашом с того надгробия короткой надписи, начертанной стараниями доктора Лайелла прямо посередине металлического креста на северной стороне надгробия. Это цитата из общеизвестного текста Книги Пророка Исайи, глава 34 Она очень короткая — всего из трех слов.

IBI CUBAVIT LAMIA

Август Дерлет

БАШНЯ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

Август Дерлет вряд ли нуждается в представлении широким кругам любителей леденящих душу произведений о Вампирах как автор многочисленных рассказов о зловещих явлениях и о нечистой силе да впрочем, и как составитель различных сборников, включающих самые яркие образцы литературы этого жанра он, пожалуй, не имеет себе равных в своей области знания. С того самого момента, когда он впервые в начале двадцатых годов начал писать Дерлет успел создать сотни замечательных рассказов и некоторые из них посвятил Вампирам. Несколько рассказов хорошо известны заинтересованному читателю, другие Дерлет откровенно предпочитал не переиздавать, но из всего богатейшего литературного наследия, оставленного писателем, пожалуй, рассказ «Башня Летучей Мыши» является наиболее ярким перлом его творчества. Рассказ этот давно уже не переиздавался и, несмотря на некоторые элементарные неточности и погрешности, которые, несомненно простительны начинающему автору, отличается незаурядным мастерством художника-рассказчика и захватывающим сюжетом.

реди бумаг покойного сэра Гарри Эверетта Баркляя, проживавшего в Лондоне на Чарингросс, было найдено письмо следующего содержания:

10 июня 1925 года

Мой дорогой Марк.

Не получив ответа на мою открытку, могу лишь предположить, что она не дошла до тебя. Пишу тебе из своего летнего дома, расположенного в очень уединенном месте на вересковой пустоши. Питаю надежду, что скоро ты меня приятно порадуешь своим приездом (на вероятность которого ты намекал), потому что этот дом как раз из разряда тех, что могли бы тебя заинтересовать. Он очень схож с родовым замком Баскервильей, описываемым сэром Артуром Конан Дойлем в романе «Собака Баскервильей». Ходят туманные слухи о том, что это место — пристанище злых духов, но я им совершенно не верю. Тебе известно, что мир духов мало меня волнует: мой основной интерес распрост-

раняется на колдовство. Мысль о том, что сие тихое местечко, затерянное среди мирных английских пустошей, сделалось пристанищем сонма злых духов, кажется мне весьма глупой. Как бы то ни было, местные окрестности крайне благоприятны для здоровья, да и сам дом в некоторой степени образчик старины, что питает мою слабость к археологии. Поэтому, как ты понимаешь, существует достаточно много вещей, способных отвлечь мое внимание от глупых слухов. Здесь со мной находятся Леон, мой камердинер, и старый Мортимер. Ты помнишь Мортимера, который готовил для нас такие великолепные холостяцкие ужины?

Я здесь только двенадцать дней, но уже обследовал весь дом снизу доверху. На чердаке я наткнулся на ветхий сундук, в котором обнаружил девять старых книг. У некоторых из них были оторваны титульные листы. Я поднес книги к чердачному окошку, чтобы рассмотреть их повнимательнее, и в одной из них узнал наконец «Дракулу» Брэма Стокера, причем, это я сразу установил, одно из самых первых изданий.

По прошествии первых трех дней на пустошь опустился сильный, типично английский туман. Как только погода закапризничала, угрожая полностью испортить прекрасное настроение от стоявших погожих деньков, я перетащил все находки с чердака в дом. О «Дракуле» Стокера я уже упоминал. Кроме него, есть книга де Роша о черной магии. Книги Орфило, Сведенборга и Калиостро я пока что отложил в сторону. В моем распоряжении также «Ад» Стриндберга, «Тайное учение» Блаватской, «Эврика» По и «Атмосфера» Фламмариона. Ты, мой дорогой друг, легко можешь себе представить, как взбудоражили меня эти книги, имеющие непосредственное касательство к теме колдовства. Орфило, как ты знаешь, был только химиком и физиологом; Сведенборга и Стриндберга обоих можно зачислить мистиками; По, чья «Эврика» оказала мне мало пользы в деле изучения черной магии, тем не менее восхитил меня; остальные же пять были для меня дороже золота: Калиостро, придворный фокусник из Франции; мадам Блаватская, жрица оккультного учения; «Дракула» со всеми его Вампирами; «Атмосфера» Фламмариона с описанием различных верований; и де Роша, о котором могу процитировать несколько строк из «Ада» Августа Стриндберга: «Я не снимаю с себя ответственности, а только лишь прошу читателей запомнить, что если когда-нибудь у них появится желание заняться

магией, особенно тем, что именуется волшебством, или, точнее, колдовством, то они должны знать, что его реальность бесспорно доказал де Роша».

Честно говоря, друг мой, мне захотелось узнать — и у меня были на то веские причины, — что за человек жил здесь до меня, каким был тот, кто так увлекался столь разными писателями, как По, Орфило, Стриндберг и де Роша. И я решил это выяснить несмотря на туман. Поскольку по соседству со мной никто не живет, то ближайший источник информации — это деревня, расположенная в нескольких милях отсюда. Этот факт сам по себе довольно-таки странный, тем более что место для летнего дома здесь, похоже, хорошее. Я отложил книги и, сообщив камердинеру о своем намерении прогуляться до деревни, отправился в путь. Не успел я удалиться от дома, как меня нагнал Леон, который решил прогуляться со мной. Мортимер остался один в окутанном туманом доме.

В деревне мы мало что узнали. Из разговора с одним бакалейщиком, единственным общительным человеком, встретившимся нам на пути, мы выяснили, что последнего обитателя дома звали баронет Лорвилль. У меня сложилось впечатление, что местные жители побаивались покойного и поэтому говорили о нем неохотно. Наш бакалейщик рассказал нам историю о том, как однажды темной ночью несколько лет назад здесь исчезли четыре девушки. Люди верили, да и сейчас верят, что они были похищены баронетом. Эта мысль мне кажется крайне нелепой, тем более что суеверные местные жители ничем не могут обосновать свои подозрения. Кстати, тот же самый бакалейщик, кроме всего прочего, сообщил нам, что дом Лорвилля называют «Башней Летучей Мыши». Это также представляется мне бездоказательным, потому что за все время моего пребывания в доме я не заметил ни одной летучей мыши.

Мои размышления по данному поводу были бесцеремонно прерваны Мортимером, который пожаловался на летучих мышей в погребе — довольно странное совпадение. По его словам, они все время задевали его по лицу и он боялся, что они запутаются у него в волосах. Мы с Леоном, конечно, спустились вниз, чтобы посмотреть на них, но так ни одной и не увидели, хотя Леон и утверждал, что одна наткнулась на него, в чем я сомневаюсь. Вполне возможно, что эти заблуждения вызваны внезапными сквозняками.

Данное происшествие, Марк, было лишь предвестником странных событий, которые происходят с тех пор. Я перечислю тебе наиболее значительные из них в надежде, что ты сможешь дать им разумное объяснение.

Три дня назад события начали принимать серьезный оборот. В тот день Мортимер подбежал ко мне и, едва переводя дух, сообщил, что в погребу лампа постоянно гаснет. Мы с Леоном провели расследование и установили, что, как и говорил Мортимер, и лампа и спички в погребу гасли. Я могу объяснить данный факт только вероятным возмущением воздушных потоков. И действительно, электрический фонарик не гас, но при этом, казалось, светил тускло, чему я даже не берусь дать объяснения.

Вчера Леон, а он благочестивый католик, отлил немного святой воды из флакона, который он всегда носит при себе, и направился в погреб с твердым намерением изгнать оттуда всех злых духов, если таковые там имеются. Как я недавно заметил, у основания ступенек лежит большая каменная плита. И вот когда Леон спустился по ступенькам вниз, большая капля освященной воды упала на эту плиту, и сквозь заклинания, которые он бормотал, послышалось ее шипение. На середине заклинаний Леон вдруг замолк, а потом стремительно побежал прочь, невнятно выкрикивая, что погреб, вне всякого сомнения, является не чем иным, как вратами в ад под охраной самого дьявола.

Сознаюсь тебе, мой дорогой Марк, что это необычайное происшествие повергло меня в замешательство.

Вчера вечером, когда мы сидели втроем в просторной гостиной, лампа вдруг без всякой причины погасла. Я пишу «без всякой причины», потому что не сомневаюсь, что лампа погасла не просто так, а под воздействием сверхъестественных сил. За окном стояла безветренная погода, а я, сидя как раз напротив лампы, почувствовал прохладное дуновение. Больше этого никто не заметил. Впечатление было такое, что кто-то, сидевший прямо напротив меня, сильно дунул на лампу или же ее обдала крылом пролетевшая над ней крупная птица.

Нет сомнений в том, что с домом что-то действительно неладно, и я намереваюсь выяснить, что, чего бы мне это ни стоило. (Здесь письмо резко обрывается, как будто его собирались закончить позднее.)

Два врача, склонившиеся над телом сэра Гарри Баркля в поместье Лорвилля, наконец закончили обследование.

— Я не могу объяснить причину столь невероятной потери крови, доктор Мордант.

— Я тоже, доктор Грин. Он настолько обескровлен, что лишь чудо могло бы спасти ему жизнь! — Доктор Мордант негромко засмеялся: — Что касается потери крови, то я было подумал о внутреннем кровоизлиянии и апоплексии, но абсолютно не нахожу признаков чего-либо подобного. Судя по выражению его лица, а оно столь ужасно, что мне даже трудно на него смотреть...

— Вы правы...

— ...он умер от сильного испуга или же оттого, что стал свидетелем чего-то ужасного.

— Последнее более вероятно.

— Я считаю, что нам следует засвидетельствовать смерть в результате внутреннего кровоизлияния и апоплексии.

— Согласен.

— Значит, так и сделаем.

Врачи склонились над открытой тетрадью на столе. Внезапно доктор Грин выпрямился, порывшись рукой в кармане и достал спичку.

— Вот спичка, доктор Мордант. Сожгите эту тетрадь и никому о ней не говорите.

— Да. Так будет лучше.

Выдержки из дневника сэра Гарри Э. Баркля, найденного рядом с его телом в поместье Лорвилля 17 июля 1925 года.

25 июня. Прошлой ночью мне привиделся страшный сон. Мне снилось, что в лесу вокруг замка моего отца в Ланкастере я встретил красивую девушку. Не знаю почему, но мы обнялись, и наши губы сошлись в поцелуе, и это продолжалось не менее получаса! Какой странный сон! Похоже, мне снилось еще что-то, хотя я и не могу вспомнить, что именно, но когда утром я взглянул на себя в зеркало, то увидел бледное, без единой кровинки и довольно искаженное лицо.

Позднее Леон сказал мне, что он видел похожий сон, а так как он убежденный женоненавистник, то я не могу

дать этому сколько-нибудь убедительное объяснение. Странно то, что мы одновременно видели совершенно схожие сны.

29 июня. Ранним утром ко мне подошел Мортимер и сообщил о своем твердом намерении немедленно покинуть дом на том основании, что прошедшей ночью он точно повстречался с привидением. Красавцем стариком, добавил он. Похоже, Мортимер пришел в ужас оттого, что старик поцеловал его. Должно быть, все это ему приснилось. И лишь благодаря этому доводу мне удалось убедить его остаться, причем я взял с него торжественное обещание не распространяться по данному случаю. Позже Леон сказал мне, что прошедшей ночью его сон повторился во всех подробностях и что он неважно себя чувствует. Я посоветовал ему обратиться к врачу, но он наотрез отказался. Что касается, как он выразился, ужасного кошмара, то нынешней ночью он окропит себя святой водой, что, по его утверждению, избавит его от всякого воздействия сил зла, если таковое имеется и каким-либо образом связано с увиденными снами. Странно, что он все приписывает действию злых сил!

Сегодня я провел небольшое расследование и выяснил, что описание внешности баронета Лорвилля во всех мелочах совпадает с описанием внешности «привидения» из сна Мортимера. Я также узнал, что при жизни последнего представителя рода Лорвиллей в округе исчезло несколько детей. Не хочу сказать, что эти факты каким-либо образом связаны, просто, похоже, исчезновение детей неужественное местное население приписывает баронету.

30 июня. Леон утверждает, что благодаря мощному воздействию святой воды тот сон не повторился (а вот я его снова видел прошедшей ночью).

1 июля. Мортимер уехал. Он говорит, что не может жить в одном доме с дьяволом. По-видимому, он действительно видел привидения старого Лорвилля, хотя у Леона эта мысль и вызывает смех.

4 июля. Прошедшей ночью мне опять привиделся тот же самый сон. С утра я чувствовал себя совершенно больным. Но в течение дня мне удалось легко избавиться от этого чувства. Леон израсходовал всю святую воду, но завтра воскресенье, и он предполагает пополнить свои запасы во время богослужения в деревенской церкви.

5 июля. Сегодня утром я побывал в деревне и попытался найти другого повара. Совершенно не понимаю, что проис-

ходит. Никто не желает идти в дом, даже, как они заявляют, за сто фунтов в неделю. Мне придется обходиться без повара или запросить кого-нибудь в Лондоне.

Сегодня с Леоном приключилась неприятность. Когда он ехал домой после церковной службы, почти вся святая вода выплескалась из бутылки, а потом и сама бутылка с остатками святой воды упала на землю и разбилась. Леон обескуражен и собирается при первой возможности получить другую у приходского священника.

6 июля. Прошедшей ночью нам обоим опять привиделся тот же самый сон. Чувствую достаточно сильную слабость, да и Леон тоже. Леон сходил к врачу, и тот поинтересовался, не было ли у него порезов или серьезных травм, сопровождавшихся большой потерей крови, и не страдал ли он от внутренних кровоизлияний. Леон дал отрицательный ответ, и доктор приписал ему употреблять в пищу сырой лук и еще что-то. Леон забыл о своей святой воде.

9 июля. Снова тот же самый сон. Леону привиделся другой сон, на этот раз о старике, который, как он рассказывал мне, укусил его. Я попросил его показать место, куда он был укушен стариком из сна, и когда он расстегнул воротник рубашки, то на его горле, вне всяких сомнений, были видны две маленькие ранки. Мы оба чувствуем крайнюю слабость.

15 июля. Сегодня Леон покинул меня. Я твердо убежден, что он внезапно помешался, потому что утром этого дня у него возникло непреодолимое желание спуститься в погреб. По его словам, что-то как будто тянуло его туда. Я не стал его останавливать. Прошло немного времени: я сидел, углубившись в чтение томика Уэллса, и тут услышал, как Леон, пронзительно крича, взобрался по ступенькам, ведущим из погреба. Потом он пронесся как сумасшедший через комнату, где я находился. Я бросился бегом за ним, загнал его в комнату и там силой остановил. Я потребовал от него объяснений, но, кроме невнятных стенаний, так ничего и не услышал.

«Боже, монсиньор, немедленно уезжайте из этого проклятого места. Уезжайте, монсиньор, умоляю вас. Дьявол... дьявол!» Тут он рванулся от меня и побежал что было сил прочь из дома. Я за ним. На дороге я позвал его, он что-то крикнул в ответ, но ветер донес до меня только отдельные слова: «Ламе... дьявол... Бо... же... плита... Книга Тота». Слова, столь важные, как «дьявол», «Боже», я практически пропустил мимо ушей. Но вот Ламе звали женщину-Вам-

пира, хорошо известную только некоторым избранным колдунам, а «Книга Тота» была египетской книгой о магии. В течение нескольких минут меня обуревали дикие фантазии о том, что «Книга Тота» спрятана где-то в доме, и, поразмыслив о том, как лучше всего увязать между собой «плиту» и «Книгу Тота», я наконец пришел к убеждению, что книга находилась под плитой у основания ступенек в погреб. Я собираюсь пойти вниз и проверить.

16 июля. Я нашел ее! «Книгу Тота». Как я предполагал, она лежала под каменной плитой. Духи, ее охранявшие, очевидно, не хотели, чтобы я нарушил покой их уединения, и устроили настоящий смерч, наподобие бури, пока я пытался отодвинуть плиту в сторону. Книга скреплена тяжелым замком старинного образца.

Прошедшей ночью я опять видел тот же самый сон, но в этот раз, я могу почти поклясться, в добавление ко всему я видел призраки старого Лорвилля и четырех красивых девушек. Какое совпадение! Сегодня я чувствую сильную слабость и едва могу передвигать ноги. Нет сомнений в том, что этот дом кишит, но не летучими мышами, а Вампирами! Ламе! Если бы я только мог найти их тела, я бы пронзил их насквозь острыми колями.

Сегодня я сделал новое поразительное открытие. Я спустился вниз, к месту, где лежала плита, и булыжник ниже выемки, в которой до этого находилась «Книга Тота», сошел с места под моей тяжестью, и я оказался в углублении с десятком скелетов — все скелеты принадлежали маленьким детям! Если в этом доме действительно обитают Вампиры, то вполне очевидно, что это скелеты их несчастных жертв. К тому же я твердо уверен, что где-то ниже есть пещера со спрятанными в ней телами Вампиров.

Просматривая книгу де Роша, я натолкнулся на отличный план обнаружения их тел! Я воспользуюсь «Книгой Тота», чтобы призвать Вампиров к себе, и я заставлю их показать мне то место, где они прячут свои чувственные тела. Де Роша пишет, что это можно сделать.

9 часов вечера. Самое время начать призывать Вампиров. Кто-то проходит мимо, и я надеюсь, что этот кто-то не помешает мне исполнить задуманное. Как я уже отметил ранее, книга скреплена тяжелым замком, и пришлось изрядно потрудиться, чтобы открыть ее. Когда мне удалось наконец сорвать замок, я открыл книгу и начал искать в ней то место, которое мне было необходимо для того, чтобы призвать Вампиров. Я нашел его и начинаю произносить

мои заклинания. Атмосфера в комнате медленно меняется, и становится невыносимо темно. Воздушные потоки злобно кружат по комнате, лампа погасла... Я уверен, что Вампиры скоро появятся.

Я прав. В комнате начинают появляться тени. Они становятся все более и более различимыми. Теней пять: четыре женские и одна мужская. Их черты очень отчетливы. Они украдкой бросают взгляды в мою сторону... А вот сейчас они уже злорадно уставились на меня.

Бог мой! Я забыл поместить себя в магический круг и очень боюсь, что Вампиры нападут на меня! Как я прав. Они двигаются в мою сторону. Бог мой!.. Ну остановитесь же! Они останавливаются! Старый баронет пристально смотрит на меня, его блестящие глаза горят ненавистью. Четыре женщины-Вампира сладострастно мне улыбаются.

Сейчас или никогда у меня есть шанс снять их злые чары. Молитва! Но я не могу молиться. Я навсегда удален из-под очей Господа за то, что я призвал Сатану на помощь. Но даже к Сатане я не могу обратиться с мольбой... Я нахожусь под пагубным гипнозом злобного взгляда, исказившего лицо баронета. В глазах четырех красавиц-Вампирок появился зловещий блеск. Они скользят в мою сторону, руки вытянуты мне навстречу. Передо мной их изгибающиеся отвратительные тела, их малиновые губы скривились в дьявольской победной усмешке. Мне невыносимо смотреть на то, как они облизывают губы. Я сопротивляюсь, напрягаю всю силу воли, но что значит одна только воля против адского полчища Вампиров?

Боже! Присутствие этой мерзости поганит саму душу мою! Баронет продвигается вперед. От его отвратительной близости у меня возникает мерзкое ощущение чего-то непристойного. Если я не могу обратиться к Богу, тогда я должен молить Сатану дать мне время начертить магический круг.

Я не могу сопротивляться их злобной силе... Пытаюсь подняться, но не могу... Я больше не владею своей волей! Вампиры смотрят на меня с демоническим вожелением... Я обречен умереть... и все же жить вечно среди Неумерших.

Их лица все ближе и ближе к моему, и скоро я впаду в забытье.. Все что угодно, лишь бы... лишь бы не видеть зловещих Вампиров вокруг себя... Ощущение острой, жгучей боли у горла... Бог мой!.. Это...

НЕ СЛЫШНО ПЕНИЯ ПТИЦ

Далеко не все истории, повествующие о существах, сосущих человеческую кровь, представляют Вампиров в человеческом облике. Нам встречаются цветы-Вампиры («Цветение Загадочной Орхидеи» Г. Дж. Уэллса), растения-Вампиры («Фиолетовый Ужас» Фреда Уайта) и другие предметы, как одушевленные, так и неодушевленные, но объединенные одной общей чертой: они питаются человеческой кровью. Из всего обилия подобной литературы рассказ «Не слышно пения птиц» произвел на меня наиболее глубокое впечатление ледящей душу реальностью происходящего в нем. По правде сказать, прочитав его, я довольно долго сторонился небольших рощиц и держался подальше от густых зарослей.

Рассказ практически неизвестен широкому кругу читателей. А потому я решил поместить его в данную антологию.

К

расные печные трубы дома были ориентиром места, куда я держал свой путь. Они были отлично видны с железнодорожной станции, где я сошел с поезда, и, как объяснил скучающий шофер такси, расстояние до нужного мне дома не превышало и мили, если я пойду пешком по тропинке напрямик через поле. Тропинка действительно была прямая как стрела — по крайней мере прямой она была вплоть до леса, принадлежавшего хозяину дома, к которому я направлялся в гости и над чьими владениями виднелись красные трубы. Далее мне надо было найти в палисаде, окружавшем лесок, калитку и тропинку, а она выведет как раз к саду у дома. Таким вот образом, решив не отказать себе в удовольствии прогуляться чудесным майским днем, я отправился пешком через поле, наслаждаясь местными красотами, а машина с моими вещами тихонько поехала следом за мной. Это был один из тех редких дней, когда по чьему-то — ангельскому, должно быть, — недосмотру вечно прекрасная погода вдруг нисходит из райских кущ на нашу грешную землю. Весна в этом году пришла поздно, но сейчас она расцвела в едином могучем порыве и бурлила жизненными соками. Признаться, ни разу еще мне не доводилось видеть такого обильного буйства красок, такой яркой зелени, слы-

шать мелодичное щебетание стольких птиц, занятых весенними заботами,— одним словом, прогулка через поле доставила мне несказанное удовольствие, я словно побывал на настоящем празднике жизни. Но особое удовольствие я предвкушал от путешествия через тенистые заросли леса и ярко освещенные весенним солнцем поляны. Лес в молодой бледной листве простирался прямо передо мной. А вот и калитка — вовсе не потребовалось ее разыскивать, и я смело шагнул в нее на испещренную пятнами света и тени поросшую густой травой тропинку.

Попад из ярко освещенного открытого пространства в сумрачный туннель, я как бы окунулся из солнечного мира в подводную пещеру. Верхушки деревьев над головой образовали густой зеленый навес, сквозь который с трудом пробивались солнечные лучи. Я шел по тропинке в причудливо меняющемся и перетекающем из одного состояния в другое замкнутом мрачном пространстве. Но вот деревья стали попадаться все реже и реже, уступая место густым зарослям орешника, ветви которого переплетались низко над землей; порой мне приходилось отводить их рукой в сторону. Вскоре тропинка пошла под уклон, и я вышел на залитую солнцем полянку. Однако несмотря на то, что надо мной опять простиралось ясное небо, под ногами словно в мрачном лесу шелестел папоротник-орлятник, стелился вереск и хрустели сучья. Внезапно день утратил в моих глазах всю свою прелесть и былую лучезарность. Яркий свет — что это, какой-то оптический эффект, обман зрения? — словно пробивался сквозь плотную завесу, похожую на траурную ткань. Я взглянул вверх: да нет же, солнце ярко сияет высоко над купами деревьев в совершенно безоблачном небе, но как-то не по-весеннему: так светит солнце в унылый ветреный зимний день — куда-то исчезло его ласковое тепло и праздничный блеск. И еще одна странная вещь поразила меня: мне казалось, что в зарослях кустов и на ветвях деревьев будет звенеть и щебетать неутомимое птичье население, улаживая свои весенние проблемы, но, прислушавшись, я не услышал ни одной брачной ноты пернатых созданий — ни посвиста черных дроздов, ни радостного стрекотания зябликов, ни воркования диких голубей, ни крикливого гама соек — совсем ничего. Я остановился, напрягая слух и не веря собственным ушам — нет, я не ошибся: полная тишина. В этой тишине было что-то жуткое, противоестественное, но, решил я, птицам лучше знать, когда им петь, а когда нет, и если они слишком заняты своими

делами, чтобы тратить время на досужие песни,— что ж, это их забота.

Я пошел дальше, и тут до меня дошло: ведь я не видел ни одной птицы с того самого момента, как вошел в лес. Ни единой живой твари; и теперь я уже тревожно оглядывался по сторонам поляны, пытаюсь обнаружить хоть кого-нибудь, но безрезультатно. Вскоре я пересек лужайку и вошел в окружающую ее полосу громадных деревьев; по большей части, как я заметил, это были буки, росли они очень густо, близко один от другого, земля под деревьями была практически лишена травяного покрова, только кое-где пробивались чахлые кустики куманики да землю устилала прелая прошлогодняя листва. В этой странной полутьме, устоявшейся в густоте леса, мне трудно было что-либо различать и слева и справа от тропинки. Вот тогда-то я и услышал в первый раз после того, как покинул поляну, звуки, свидетельствовавшие о наличии какого-то живого существа в мрачном лесу. Я обрадовался тому, что хоть заяц-то здесь все-таки есть: вон там, неподалеку, шелестит опавшая листва. Но странно: не очень этот звук походил на быстрое топотанье легких заячьих лапок, скорее, это какой-то значительно более крупный зверь крадется вдоль тропинки, явно стараясь скрыть от меня свое присутствие. Я резко остановился, готовый ко всему, в то же мгновение остановился и мой невидимый преследователь, шорох листьев стих, и в наступившей тишине я вдруг ощутил какой-то слабый, но очень неприятный запах, доносящийся до меня: удушливый и смердящий, однако своей резкостью он все же больше напоминал нечто живое, чем разлагающуюся плоть, хотя отдавал гнилью. К горлу подкатила тошнота, и, не испытывая никакого желания почувствовать этот смрад снова, я поторопился поскорее выйти из странного леса — подальше от всей этой фантазмагии.

Наваждение длилось недолго: вскоре я, запыхавшись, выбежал на открытую местность. Прямо передо мной, за лужайкой, виднелись железные ворота в кирпичной стене, сквозь толстые прутья которых я мог разглядеть ухоженный газон и цветочные клумбы. Слева стоял дом; на него и на сад солнце, клонящееся на запад, изливало потоки сверкающих ласковых лучей.

Хью Грэйнджер вместе с супругой грелись на солнышке, окруженные привычной компанией разнородных собак: валлийский колли, золотистый ретривер, фокстерьер и пекинес. Я подал голос, и хозяйева, поначалу раздражен-

ные непрошенным вторжением незнакомца в их, частные владения, как только узнали меня, радушно пригласили присоединиться ко всей честной компании. В темах для разговора у нас недостатка не было, так как последние три месяца я провел вне пределов Англии, а как раз в это время Хью успел обосноваться в своем новом поместье, доставшемся ему по наследству от какого-то дальнего родственника, дядюшки, если не ошибаюсь. Пасхальные каникулы они провели в заботах по переселению в новое загородное жилище, которое, надо отдать должное, когда меня провели по анфиладе комнат, представляло собой замечательную вотчину в стиле эпохи королевы Анны, а расположение дома на краю горного кряжа Суррея, одетого в живописный вереск, было просто выше всяческих похвал. В очаровательной, обитой изящными панелями небольшой гостиной, выходившей окнами в сад, нам подали чай, и вскоре от общих тем мы незаметно перешли к материям, непосредственно связанным с местом и временем нашего разговора. Я ведь добирался, полюбопытствовала Дейзи, от железнодорожной станции пешком, не так ли? Каким же путем я шел — через лес или по кружной дороге, вдоль кромки деревьев?

Сам по себе ее вопрос можно было бы счесть за самый что ни на есть праздный, да и по тону, которым она его задала, нельзя было догадаться, что мой ответ мог бы представлять для нее какой-либо интерес, помимо поддержания светской беседы. Но я не мог отделаться от впечатления, что и она, и Хью напряженно ожидали моего ответа. Он только что чиркнул спичкой, но замер, медля поднести ее к сигарете. Да, я прошел через лес, но теперь, несмотря на некоторые странные впечатления, вынесенные мною из этой прогулки, было бы нелепо делиться ими с хозяевами дома. Не мог же я в трезвом уме толковать о странном солнечном свете на поляне и в лесу, об отвратительном запахе, который я ощутил, остановившись на тропинке. Да, ответил я, через лес — и это было все, что я счел нужным сказать.

Дело в том, что мы с моими любезными хозяевами были знакомы довольно близко уже не первый год, и теперь, когда я мысленно решил, что ничего, кроме экстравагантных впечатлений, я им поведать не смогу, и предпочел пространному и невразумительному повествованию умолчание, я все же отметил, как они обменялись быстрыми взглядами, и без особого труда расшифровал их подтекст. Насколько я понял скрытый смысл, заключенный в их немом

разговоре, они сообщили друг другу с облегчением, что я, слава Богу, не обнаружил ничего необычного в лесу, составлявшему часть доставшегося им от дядюшки наследства, и что они рады такой рассеянности с моей стороны. Но я не собирался предоставлять им возможность так расслабиться за мой счет, и прежде чем пауза, следовавшая за моим ответом, успела затянуться, я припомнил необъяснимое отсутствие птиц и соответственно их пения. Следовательно, мои невинные заметки из области естествознания никак не могли бы повредить ни мне, ни им.

— Меня удивила только одна странность,— начал я и мгновенно почувствовал, как они напряглись,— я почему-то не увидел ни единой птички и не услышал их голосов с того самого момента, как я вошел в лес, и птичье пение снова зазвучало, лишь когда я подошел к дому.

Хью наконец прикурил от догоравшей спички.

— Я тоже обратил внимание на эту особенность,— подтвердил он мои наблюдения,— и так же, как ты, нахожу это странным. Роща представляет собой некое подобие девственного леса, и вполне логично было бы предположить, что самые разнообразные пернатые населяют ее с незапамятных времен. Но так же, как и ты, я там не встретил ни одной пичуги. И ни одного зайца, кстати, тоже.

— Знаешь, мне показалось, что сегодня я что-то подобное слышал невдалеке,— откликнулся я и развил свою мысль дальше,— что-то там шелестело в прошлогодней листве, опавшей с буков.

— И ты его видел? — быстро спросил он.

Я восстановил в памяти впечатление от непонятного шороха и то, как я пришел к заключению, что звук не слишком походил на легкую заячью поступь.

— Нет, видеть не видел. И вполне возможно, это был и не заяц вовсе. Скорее, как я сейчас припоминаю, это было что-то покрупнее.

Супруги снова обменялись многозначительными взглядами. Хью остался в кресле, а Дейзи поднялась.

— Мне, к сожалению, пора,— извинилась она.— Почта уходит в семь вечера, а я все утро прохлаждалась, теперь придется поторопиться, чтобы успеть вовремя. Ну а вы, чем вы собираетесь заниматься?

— Мне бы хотелось куда-нибудь на воздух,— попросил я.— Было бы замечательно греть ваши владения.

Так мы с Хью и поступили, прошествовав в сопровождении эскорта собак на свежий воздух. Владения счастли-

вого обладателя столь щедрого дядюшки и вправду были очаровательными: за садом, наполненным звонким щебетанием певчих птиц, лежало небольшое, заросшее живописными водорослями озерцо, в камышах на берегу при нашем приближении зашелестели лысухи и шотландские куропатки. Оттуда поднимался довольно высокий холм, поросший вереском, который наполовину скрывал норы, вырытые зайцами и весело обследованные в нетерпеливом предвкушении нашими четвероногими попутчиками. Мы поднялись на вершину холма и немного отдохнули, обозревая панораму лесов, составлявших значительную часть поместья. Даже в чудесном освещении солнца, собиравшегося отправиться на покой за горизонт, лес казался мрачным и угрожающим, в то время как все окрестности купались в лучах заходящего солнца, окрашивавшего безоблачное небо и пейзаж, расстилавшийся под ним, в алые тона. Но лес, как и раньше, громоздился серой мрачной массой. Я кожей ощущал, не глядя на Хью, что и он смотрит в ту же сторону, затем с видом человека, вынужденного заговорить о не очень приятных вещах, приятель повернулся ко мне и спросил:

— Скажи мне — только начистоту, — не находишь ли ты что-то необычное в том, как выглядит этот лес?

— Пожалуй. Создается впечатление, что он как бы весь лежит в тени.

Хью нахмурился.

— Но ты же понимаешь, что этого не может быть. Что может отбрасывать на него тень? С внешней стороны, по крайней мере, ничего. Посмотри, и небо, и земля — все полыхает зарей.

— Быть может, не с внешней, а с внутренней стороны? — предположил я.

С минуту он молчал.

— Что-то в нем есть такое — какая-то загадка, — признал он задумчиво. — Кто-то или что-то там обитает, и я не знаю, что это такое. Дейзи тоже так считает, она ощущает это нечто. Она и шагу не ступает в эту рощу. Как мы выяснили, птицы тоже не хотят в ней вить гнезда. Что же это получается: одно только то обстоятельство, что в нем по неизвестным причинам не желают селиться птицы — достаточно одной этой мелочи, чтобы у нас с тобой так разыгралось воображение?

Я вскочил.

— Ну, это уж дудки! — расхорохорился я. — Давай

спустимся туда и убедимся, что их там в самом деле нет. Бьюсь об заклад, что найду хоть одну птичку!

— Шесть пенсов за каждую птичку, которую тебе пощастливится обнаружить,— предложил Хью.

Мы спустились вниз по склону холма и прошли вдоль кромки леса до ворот, через которые я вошел сегодня после полудня. Я открыл створки и придержал их, чтобы пропустить собак. Но они стояли как вкопанные в ярде от нас, не желая даже приближаться к лесу.

— Ну же, смелее, песики,— пригласил я их, и сука-фокстерьер Фифи сделала шаг вперед, но затем, виновато заскулив, ретировалась обратно.

— Вот всегда они так,— пожаловался Хью,— в лес ни ногой. Сам сейчас увидишь.

Он свистел и звал их, уговаривал и бранился — все без толку. Собаки оставались за воротами, виновато прижимая уши и всем своим видом демонстрируя твердую решимость не выходить наружу.

— Но почему, почему? — этого я никак не мог взять в толк.

— По той же самой причине, что и птицы, как я понимаю. Какой бы ни была эта причина. Погляди на Фифи, например: милейшее создание, характер у этой юной леди просто ангельский, но стоило мне как-то раз взять ее на руки и попытаться отнести в лес — она чуть не укусила меня. С этим чертовым лесом они не желают связываться, вокруг него побегать — пожалуйста! Побегают, разомнутся и — домой.

Мы оставили упрямых псин в покое и в догорающих лучах заката отправились на поиски приключений. Как правило, чувство неопределенного страха обычно исчезает, когда идешь по жутковатому месту в компании товарища, но несмотря на то, что Хью шагал рядом, мне этот лес показался еще более зловещим, чем днем, и смутное беспокойство переросло в оживший наяву ночной кошмар. Если раньше мне показалось, что пустынность этого места и глухая тишина просто сыграли с моими нервами дурную шутку, то теперь, в обществе Хью, я почувствовал, что дело вовсе не в этом: не одиночество и ощущение неведомой угрозы лежали в основе моего чисто физического ужаса, а скорее уверенность в том, что где-то неподалеку крадется, выслеживая нас, какое-то существо, пока невидимое, но воплотившее в себе темные силы и мощь Преисподней, сконцентрировавшее все зло и жестокость, существо бес-

пощадное и хладнокровное. Я не имел ни малейшего представления о том, как оно может выглядеть, что оно такое по сути своей, материально ли оно или это дух, но все органы чувств подсказывали мне, что это мерзкое и очень-очень древнее чудовище.

Когда мы вышли на поляну посреди рощи, Хью остановился, и хотя вечер выдался прохладный, я заметил, как он вытер платком пот со лба.

— Экая гадость,— признался он.— Неудивительно, что собакам это не нравится, собаки — умные твари. А ты как, ничего?

Но прежде чем я успел сообразить, что ему ответить, он вскинул руку, указывая на дальнюю от нас кромку деревьев.

— Что... это? — шепотом спросил он.

Я посмотрел, куда он указывал пальцем, и мне показалось, что какую-то долю секунды я видел: на черном фоне леса промелькнуло нечто, не поддающееся описанию, — то ли серого, то ли мерцающего грязно-белого цвета. Похоже, это была голова и передняя часть какого-то змееобразного огромного чудовища, оно мотало головой, уползая в тень, и в одно мгновение исчезло из поля зрения. Да и видел-то я этого монстра столь мимолетно, что не мог полностью положиться на свои впечатления.

— Все, оно пропало,— проговорил Хью, все еще глядя в том направлении, где скрылось неведомое существо, и, пока мы стояли, пораженные увиденным, я снова услышал тот же звук, что и днем: шуршание опавшей с буков листвы. А ведь не было ни малейшего ветерка, воздух застыл, как перед грозой.

Хью обернулся ко мне:

— Что же это было такое? Оно выглядело как вставший на дыбы гигантский слизняк. Ты его видел?

— Я не могу сказать твердо, видел я его или нет,— ответил я,— понимаешь, я ведь наблюдал это только какую-то долю секунды.

— Но что же оно такое, на самом-то деле? — вопрошал он задумчиво.— Оно материально или это...

— Ты хочешь сказать, не привидение ли это? — поинтересовался я.

— Скорее всего, что-то среднее,— пояснил он скорее для себя, размышляя вслух.— Я тебе потом расскажу, что я имею в виду, но сначала мы должны выбраться отсюда, и поскорее.

Существо, чем бы оно ни было в действительности, исчезло из виду слева от того места, куда мы держали путь. Мы в молчании пересекли открытое пространство и ступили на тропинку, напоминавшую туннель между деревьями. Честно говоря, я испытывал настоящий животный страх при мысли, что нужно снова окунуться во мрак леса, каждую секунду сознавая, что где-то неподалеку затаилась неведомая угроза, которую я не в состоянии был определить, но — что не вызывало ни тени сомнения — именно это создание, это исчадие Ада и наполняло весь лес слепым ужасом. Было ли оно материально, был ли это призрак, злой дух или — и теперь некоторое слабое представление о том, что имел в виду Хью, начало формироваться в моем мозгу — некое существо, воплотившее в себе элементы того и другого? Из всех возможных вариантов этот, пожалуй, выглядел самым зловещим.

Когда мы вошли в проход между деревьями, я сразу ощутил уже знакомое мне странное зловоние, как бы одновременно и живого, и разлагающегося существа, но теперь вонь стала еще более явственной, чем тогда, и мы поспешили вперед, задыхаясь от жуткого запаха, который, как я теперь уже понимал, сопровождал это неведомое существо, переползающее с места на место, сеящее вокруг себя смерть. Сейчас оно затаилось во мраке леса, где, пока оно материализуется во плоти, ни одна птица не осмелится петь свою весеннюю песню любви. Где-то в мрачных недрах леса нас подстерегала гигантская рептилия, чье существование опровергало все законы природы, но тем не менее реальность ее существования не вызывала никаких сомнений.

Какое же облегчение испытали мы, вырвавшись из жуткой ловушки на открытый простор, наполненный свежим воздухом, освещенный догорающим закатом. Зайдя в дом, мы обнаружили, что шторы на окнах задернуты, в комнатах горит свет, но было довольно прохладно, мы озябли, и Хью разжег в комнате камин. Наше возвращение было радостным, хотя мы испытывали некоторую стыдливость за проявленную недавно трусость. Собачья компания восторженно приветствовала нас помахиванием хвостов.

— Ну вот теперь мы наконец можем поговорить, — сказал хозяин дома, — и обсудить наши планы на будущее, потому что мы обязаны положить конец этому безобразию во что бы то ни стало. Если хочешь знать мое мнение, я скажу, что думаю обо всей этой дряни.

— Давай, выкладывай,— согласился я.

— Ты можешь, разумеется смеяться надо мной,— начал он,— но по моему глубокому убеждению, эта мерзость принадлежит к самым простейшим организмам, давно исчезнувшим с лица Земли. Вот именно это я и имел в виду, когда сказал, что оно одновременно и материально, и призрачно по своей сути. Вплоть до сегодняшнего дня мне не удавалось увидеть его воочию, я только ощущал — нет, я знал, что там кроется нечто ужасное. Но теперь я увидел эту штуку собственными глазами: это примерно то же самое, что медиумы, спириты и подобная публика называют «элементами стихий». То есть, если называть вещи своими именами, огромный фосфоресцирующий слизняк, обладающий способностью сгущать вокруг себя тьму.

Здесь, в полной безопасности от «элементов стихии», за закрытыми дверями и при ярком свете лампы, умиротворенный весело потрескивавшими дровами в камине, я счел подобные умпостроения совершенно абсурдными, по меньшей мере комичными. Там, в зловещем мраке леса, что-то внутри меня дрогнуло и я уже был готов поверить в любую самую страшную небылицу, но теперь ко мне, казалось, возвращался здравый смысл.

— Не хочешь же ты сказать, что воспринимаешь такую несуразицу всерьез? — полюбопытствовал я.— Ты бы еще сказал, что мы повстречали единорога. Ну ладно, что такое, в конец концов, «элементы стихии»? Ну кто, скажи на милость, видел их, твои «элементы», кроме чудаков, которые запираются в темной комнате и слушают всякие там постукивания, а потом заявляют, что разговаривали со своими покойными тетусками, кто?

— Ну а что же оно, по-твоему, такое? — отпарировал Хью.

— Знаешь, мне кажется, тут по большей части виноваты наши с тобой нервы: это они сыграли с нами злую шутку. Не стану скрывать: когда я в первый раз пробирался через этот лес, у меня мурашки по коже бегали, а уж когда мы вместе пошли, то было кое-что и похуже. Но это всего лишь нервы, мы пугаемся сами и пугаем друг друга.

— А собаки? Они, что же, тоже пугают друг друга? — заинтересовался моей убогой теорией Хью.— А птицы? И они?

Крыть было нечем, и я сдался.

Хью продолжал развивать свою мысль.

— Так давай на минуту предположим, что не мы сами,

а кто-то другой напугал нас до смерти — и не только нас, но и собак, и птиц в придачу. Предположим, что мы действительно видели огромного светящегося слизняка. Я не буду, коль ты возражаешь, настаивать на том, чтобы его обозначили «элементом стихии» — оставим терминологию медиумов, назовем его «Это». Есть еще одна вещь, чье существование объясняет реальность «Этого» — извини за каламбур.

— Ты о чем толкуешь? — спросил я.

— Видишь ли, «Это» предположительно должно являться материальным воплощением Зла, созданием Дьявола, принявшим телесную оболочку. Следовательно, оно не только спиритуально, оно еще и материально до такой степени, что может принимать осязаемые формы, его можно услышать, его, — как ты заметил, — можно обонять и, прости Господи, с ним можно справиться. «Это» должно поддерживать свое физическое существование, оно должно питаться. Должно быть, именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что ежедневно я нахожу на том холме, куда мы с тобой сегодня поднимались, до полудюжины мертвых зайцев.

— Куницы и ласки, — предположил я.

— Нет, не ласки и не куницы. Куница убивает свою добычу и съедает ее. А бедных зайчиков не съели — их выпили.

— Господи, что такое ты говоришь? — оторопел я.

— Некоторые трупики я хорошенько рассмотрел. На горле у каждого зайца имелось небольшое отверстие, а из тела была высосана вся кровь, до последней капли, остались только шкурки и серые волокна тканей. Знаешь, как в выжатом лимоне. И ужасный запах, тот самый. Ну так что же, похоже было «Это» на ласку или куницу — тебе ведь удалось его увидеть, пускай даже и мельком?

В дверь комнаты постучали.

— Дейзи ни слова! — шепнул Хью прежде, чем вошла его жена.

— Я слышала, как вы пришли, — сказала она. — Где гуляли?

— По всей территории, — ответил я, — а обратно вернулись через лес. Странное дело: нам не удалось найти ни одной птички, чтобы разрешить наше пари, но отчасти это может быть оттого, что уже начинало темнеть.

Я наблюдал за ее реакцией и видел, как она кинула испытующий взгляд на Хью, но тот слушал с демонстратив-

ным безразличием. Очевидно, он задумал нанести по «Этому» решающий удар, и совсем ни к чему было Дейзи знать о его намерениях.

— Да, наша роща не пользуется особой популярностью,— заметил он.— Птицы туда не летают, собаки там гулять не желают, Дейзи, извольте знать, тоже не желает. Должен признаться, я разделяю их чувства, но, преодолев сегодня свои страхи, я разрушил заклятие.

— Все прош... спокойно, не так ли? — осведомилась она у мужа.

— Спокойно слишком сильное слово для данного случая. Упавший лист — и тот можно было услышать за полмили.

Когда Дейзи ушла спать, мы обсудили наши планы. Рассказ Хью о тех высосанных зайчиках действительно был ужасен, и, возможно, между пустыми шкурками несчастных животных и тем, что мы видели в лесу, существовала какая-то взаимосвязь. Как особо подчеркнул Хью, всякая тварь, которая питается подобным образом, несомненно имеет свою материальную природу — привидения обычно не кушают обеды и завтраки,— а раз оно материально, значит, и уязвимо.

Отсюда вытекало и логическое заключение, что охотиться на это чудовище следовало так, как охотятся на куропаток в поле с турнепсом, вооружившись двустволкой и солидным запасом патронов. Нельзя сказать, что я с большим удовольствием предвкушал подобную экспедицию: мне была отвратительна сама мысль вновь оказаться в непосредственной близости от загадочного обитателя леса, но перспектива уничтожить гнусную тварь несомненно подействовала на мое воображение как чашка крепкого кофе: я долгое время не мог заснуть. Когда же мне это наконец удалось, то кошмары, привидившиеся мне, отличались особой яркостью и реалистичностью сюжетов.

Утро, к нашему общему сожалению, не порадовало нас такой же чудной, как накануне, погодой: небо нависло над землей низкими серыми тучами, моросил мелкий дождик. Дейзи отправилась в местный городишко за провизией и прочими покупками, а мы, едва дождавшись ее ухода, приступили к осуществлению нашего плана. Рыжий ретривер при виде ружей чуть не обезумел от радости и вприпрыжку сопровождал нас через сад, но увидев, что мы направились в лес, он, обманутый в своих самых радужных надеждах, поджал хвост и поплелся обратно в дом.

Если посмотреть на рощу сверху, она напоминала грубо очерченную окружность с диаметром, наверное, в полмили. В центре, как я уже говорил, располагалась открытая поляна, окруженная широким поясом громадных деревьев, далее следовал молодой лесок. Поначалу наш план сводился к тому, чтобы прокрасться со всеми предосторожностями, возможными при подобном виде охоты на неведомого хищника, о повадках которого мы практически ничего не знали. Если нам не удастся достичь цели, мы изменим тактику. Сейчас же мы решили описывать круги по лесу, прочесывая его на расстоянии примерно пятидесяти ярдов друг от друга,— таким образом, совершив по два-три круга каждый, мы надеялись обойти всю территорию. Что же до предполагаемого характера действий противника — предпочтет ли «Это» спастись бегством или решит, что лучшая форма обороны есть нападение,— то об этом мы могли только гадать: вчера, впрочем, «Это» вроде бы не настаивало на личной встрече.

Когда мы зашли в лес, зарядил дождь, но, хотя мы и слышали шуршание капель в кронах деревьев, однако листва была настолько густой, что земля под ногами оставалась лишь влажной — не более того. Утро выдалось довольно пасмурное и походило скорее на вечерние сумерки — после захода солнца перед окончательным наступлением ночи. Мы шли, соблюдая полную тишину, по поросшей травой тропинке, где шаги были практически неслышны; в одном месте мы было учуяли запах гниения, но он тут же исчез, и сколько мы ни прислушивались, не могли уловить ни тени движения: только шуршали в листве капли дождя. Мы пересекли поляну, прошли через дальнюю калитку, но так никого и не обнаружили.

— Ну что ж, пойдём по лесу,— заключил Хью.— Начать, думаю, стоит от того места, где мы уловили его запах. Мы вернулись на то место.

— Пройди вперед ярдов на пятьдесят, и тогда мы углубимся в лес. Если кто-то из нас нападет на его след, криком подаст сигнал другому, договорились?

Я прошел вниз по тропинке на условленную дистанцию и подал знак Хью, затем мы вошли в лес.

Никогда в жизни мне еще не доводилось ощущать столь острое чувство одиночества. Я знал, что Хью идет параллельным курсом всего в каких-то пятидесяти ярдах от меня, и если я замедлю шаг, то услышу легкий шелест буковой листвы у него под ногами. Но я чувствовал себя

совсем оторванным, изолированным от всего мира в этом сумрачном месте. Единственное живое существо, затаившееся где-то в тени, было чудовищное и загадочное исчадие Ада. Деревья росли так близко друг к другу, что увидеть что-то дальше чем на дюжину ярдов было невозможно. Все, что находилось за пределами этого леса, воспринималось сейчас как нечто бесконечно далекое, все, что приключилось со мной за всю мою жизнь и не имело никакого ровным счетом отношения к закланной роше, ушло куда-то вдаль, в нереальность, а я остался один на один с древним как мир, загадочным и опасным чудовищем. Дождь постепенно стих и не шелестел больше вверху, доказывая, что есть, оказывается, еще и внешний мир, есть, оказывается, небеса. Только редкие капли падали на листву под ногами. Внезапно раздался выстрел, а затем донеслись крики Хью.

— Я в него не попал, — кричал Хью. — Он приближается к тебе!

Я слышал, как он бежит ко мне, шурша листвой, и звук его шагов, несомненно, заглушал и так почти бесшумное движение приближавшегося монстра. Все, что со мной тогда произошло, не заняло, должно быть, по времени больше минуты, пока не раздался второй выстрел Хью — иначе, наверное, я не рассказывал бы теперь эту историю.

Итак, я стоял на том злополучном месте со взведенным курком, услышав предупреждение Хью о том, что зверь идет на меня, и все, что я слышал, — это звук шагов моего товарища, а движений загоняемой дичи я никак не ощущал. Вдруг я увидел меж ближайших двух буков нечто такое, что могу описать лишь как сгусток темноты, напоминающий шар. И он катился прямо на меня! Когда между нами оставалось всего несколько ярдов, я наконец услышал шелест листвы под ним, но было уже поздно. Прежде чем я успел осознать, что это такое, прежде чем смог выстрелить в противника, чудовище накинuloсь на меня. Ружье было с силой вырвано из моих рук и отброшено в сторону, а сам я погрузился в темноту, в бездонный колодезь гниения и мерзости. Оно сбilo меня с ног и опрокинуло на спину, всей своей тяжестью навалилось на меня, лежащего в беспомощном состоянии на земле.

Я изо всех сил отталкивал от себя руками что-то холодное, склизкое и волосатое, руки соскальзывали, и в следующее мгновение поверх моего плеча к шее протянулся какой-то упругий, как каучук, шланг. Конец, извиваясь, впил-

ся в шею, я ощутил, как кожа на вене втянулась при его прикосновении внутрь шланга. Я с удвоенной силой принялся отрывать от себя присоску и ее обладателя, слыша в то же время сквозь поглотившую меня оболочку сгустившейся тьмы, через которую невозможно было пробиться, приближающиеся шаги Хью.

Руки мои были заняты борьбой с чудовищем, но рот был свободен, и тогда я завопил изо всех сил.

— Сюда, сюда! — кричал я. — Со стороны, что ближе к тебе, там, где тьма самая густая.

Я почувствовал, как руки Хью сомкнулись с моими, хватка моего противника, присосавшегося к вене на шее, начала слабеть. Хвост, лежавший у меня на ногах и животе, извивался, боролся и наконец расслабился. Как мы ни пытались удержать «Это» в четыре руки, оно выскользнуло из наших объятий, и я увидел стоящего надо мной Хью. А в ябле — ругом от нас, среди стволов буковых деревьев, ускользало это Нечто, представлявшее собой сгусток тьмы, который только что пытался лишить меня жизни. Хью вскинул к плечу ружье и выстрелил в него из второго ствола.

Тьма рассеялась, и мы увидели извивающееся в судорогах существо, похожее на гигантского червя. Оно все еще было живо, когда я взял лежавшее неподалеку от меня ружье и разрядил в эту мерзкую тварь оба ствола. Оно задержалось в предсмертных судорогах, затем дрогнуло в последний раз и наконец затихло.

Хью помог мне подняться на ноги, мы оба перезарядили двустволки, прежде чем осмелились подойти поближе к поверженному противнику. На земле перед нами лежало странное существо, словно перенесшееся в этот мир из ночных кошмаров, полуслизняк, полупиявка. Головы у мерзкой твари не было и в помине; а там, где она, по идее, должна быть, торчал тупой отросток с отверстием на конце. Мерзкое чудовище было грязно-серого цвета, покрыто густыми волосами, длиной, как мне показалось, около четырех футов, шириной в самой толстой своей части с бедро взрослого мужчины, постепенно сужаясь на обоих концах. Средняя часть его была раздроблена прямым попаданием, и по всему телу тоже виднелись следы от нашей картечи. Из дыр в теле сочилась не кровь, какого бы цвета она ни была у этой твари, а какое-то серое тягучее вещество.

Пока мы стояли, с ужасом созерцая поверженное чудовище, прямо на наших глазах монстр начал разлагаться.

Тварь теряла свою форму, таяла, превращаясь в студень, и буквально уже через минуту перед нами осталась только большая куча залитых мерзкой слизью прошлогодних листьев. Слизь в свою очередь тоже испарялась, испуская жуткое зловоние смерти, и теперь из виду исчезли последние следы бывшего грозного противника. Одурачившая вонь рассеялась, и вскоре мы уже не ощущали ничего, кроме чистого запаха по-весеннему влажной земли, который с наслаждением вдыхали, а сквозь листву меж облаков пробился лучик солнечного света. Затем я услышал в траве шуршание лап какого-то животного. Сердце у меня чуть не выскочило из груди, я уже вскинул дробовик... но это был золотистый ретривер Хью, который наконец-то решил присоединиться к охоте, тем более что его собачье чутье подсказало ему, что все самое страшное миновало.

Мы воззрились друг на друга, все еще не в состоянии до конца осознать суть произошедшего.

— Ты в порядке, не пострадал? — заботливо осведомился Хью.

Я, приободрившись, задрал подбородок.

— Ничуть, — с наигранным весельем в голосе заявил я. — Кожа у меня на шее цела, не правда ли?

— Да вроде бы — только округлая отметина красного цвета. Господи всемилостивый, что же это такое было на самом деле? Расскажи, как это с тобой приключилось?

— Нет уж, ты первый расскажи, как было дело, — заупрямился я. — Давай все по порядку, с самого начала.

— Я наткнулся на него совершенно неожиданно, — начал он свое повествование. — Оно лежало, свернувшись калачиком, как спящая собака, под большим буком. Прежде чем я успел выстрелить, оно ускользнуло в том направлении, где, я знал, находился ты. Я выстрелил в него уже наобум, издалека, да, видно, не попал, потому что слышал, как оно продолжает шуршать все дальше и дальше от меня. Я крикнул тебе и бросился за ним вдогонку. А когда прибежал на помощь, увидел на земле круг абсолютной темноты, а прямо из самых ее недр доносился твой голос. Тебя я разобрать в этом странном сгустке тьмы не мог, но я вцепился в черноту, и мои руки сомкнулись с твоими, но по пути они встретили и кое-что еще.

Мы возвратились в дом, обсуждая по дороге приключение, чуть было не окончившееся для меня трагически, и поспешили убрать наши ружья от греха подальше — пока их не увидела Дейзи, отправившаяся за покупками. Мы за-

нялись — по тем же причинам — приведением в порядок своего туалета: умывались, причесывались, отскребали и чистили одежду. Дейзи вернулась и застала нас сидящими в курительной комнате и ведущими сугубо мужские разговоры.

— Ах вы лентяи этакие,— приветствовала она нас в своей самой лучшей манере.— На дворе уже давным-давно распогодилось, а вы сидите здесь взаперти и дымите, как два паровоза. Ну-ка, марш на улицу! И не смей мне перечить, слышите вы оба?

Я первым поднялся из кресла.

— Хью мне рассказывал, что ты до смерти боишься ва-шего леса или по крайней мере терпеть его не можешь,— слукавил я, разыгрывая из себя святую простоту.— А ведь в сущности лес-то не виноват — прекрасная, надо сказать, у вас роща. Вот и сходим в нее прогуляться; да не бойся ты так — мы с Хью будем идти по обе стороны от тебя, даже держать тебя за руки, если хочешь. Вот и собаки тоже тебя будут охранять от твоих нелепых страхов!

— Что ты, что ты, они и шагу туда не ступят,— запротестовала Дейзи.

— Ступят, ступят — не волнуйся. Вот мы их и испытаем, кстати. Только ты должна пообещать, что пойдешь с нами, если нас будут сопровождать собаки, договорились?

Хью свистом подозвал разномастную собачью свору, и мы отправились к воротам. Они уселись в ожидании, пока откроют ворота, всем своим видом и поведением выражая нетерпение, а когда необходимая процедура с воротами была закончена, с радостным визгом ринулись в заросли в поисках интересных запахов.

— И кто это, интересно, говорил, что в этом лесу не водятся птицы? — удивилась Дейзи.— Вот полюбуйтесь-ка на этого дрозда! Ой, да их там целая пара! Очевидно, подыскивают себе место для гнезда.

Сидни Хорлер

ИСТОРИЯ СО СВЯЩЕННИКОМ

В первой половине столетия Сидни Хорлер порадовал читающую публику изысканным сочетанием первоклассного приключенческого жанра, детективного романа и захватывающих рассказов о борьбе с преступностью и силами зла. Журналист по профессии, Хорлер покинул Флит-стрит в 1919 году с тем, чтобы полностью посвятить себя художественной литературе. С того самого момента до его смерти в 1954 году он опубликовал 150 романов, повестей, а также множество рассказов. Предлагаемый вашему вниманию небольшой рассказ, которому Хорлер дал подзаголовок «Десять минут ужаса», в полной мере свидетельствует о его мастерстве рассказчика и в не меньшей — об искушенности в вопросах сюжетных перипетий зловещего жанра.

Время от времени, вплоть до смерти, я по крайней мере раз в неделю навещал католического священника. То обстоятельство, что сам я протестант, никоим образом не отражалось на нашей дружбе. Отец Р. был одним из самых замечательных людей, когда-либо встреченных мною на жизненном пути. Он очень располагал к себе и был «бывалым человеком», в лучшем смысле этого столь часто неверно трактуемого оборота. Он проявлял живой интерес к моей писательской деятельности, и мы часто обсуждали вместе различные сюжеты и ситуации.

История, которую я собираюсь рассказать, случилась где-то полтора года тому назад, за десять месяцев до его болезни. В то время я работал над романом «Проклятие Дуна», где речь шла о том, как один злодей воспользовался страшной легендой, связанной со старинным поместьем в Девоншире, и употребил ее для достижения своих целей.

Отец Р. выслушал сюжет и, к моему громадному удивлению, заметил:

— Для некоторых людей ваш роман может стать предметом насмешек, потому что они не позволят убедить себя в том, что предания о Вампирах заслуживают доверия.

— Да, это так, — парировал я. — Но все-таки Брэм Стокер взбудоражил читательское воображение своим «Драку-

лой», одной из самых ужасающих и не менее захватывающих книг, когда-либо вышедших из-под писательского пера, и мои читатели, я надеюсь, воспримут описываемые мною события как обычную «выдумку» автора.

— Несомненно,— ответил священник, кивнув головой.— Кстати,— продолжил он,— я верю в существование Вампиров.

— Вы верите? — у меня по спине пробежали мурашки. Одно дело писать об ужасах, но совершенно другое — присутствовать при том, как они начинают облекаться во вполне конкретную форму.

— Да,— сказал священник,— я вынужден верить в существование Вампиров по той простой и одновременно невероятной причине, что с одним из них я лично встречался.

Я приподнялся со стула. Я не сомневался в правдивости слов священника, и все же...

— Не сомневаюсь, мой дорогой друг,— продолжил он,— мое признание может показаться весьма необычным, но, уверяю вас, это правда. История, которую я собираюсь вам рассказать, приключилась со мной много лет назад и в другом месте, где конкретно, не нахожу нужным уточнять.

— Поразительно... Вы что, действительно видели Вампира вот так же, как я сейчас вижу вас?

— Не только видел, но и разговаривал с ним. До сегодняшнего дня я ни одной живой душе, кроме одного брата-священника, не рассказывал об этом случае.

Меня, вне всякого сомнения, приглашали послушать. Набив табак в трубку, я поудобнее устроился на стуле напротив пылающего камина. Мне уже доводилось слышать о том, что правда невероятнее вымысла — и вот теперь, похоже, я получил необыкновенную возможность стать свидетелем того, как мои самые смелые фантазии бесславно померкнут перед реальными событиями!

— Название небольшого городка не имеет значения,— начал свою историю священник,— достаточно упомянуть, что находится он на западе Англии и живет в нем довольно много весьма состоятельных людей. В семидесяти пяти милях от него расположен большой город, и тамошние предприниматели, уходя от дел, часто переезжали в Н. доживать остаток своих дней. Я был молод, моя деятельность приносила мне большое удовлетворение. Но тут произошло... Впрочем, я забегаю вперед.

Я находился в очень дружеских отношениях с местным

врачом: он часто навещал меня, когда у него выпадало свободное время, и мы беседовали о разных вещах. Мы пытались найти ответы на многие вопросы, которые, как убеждает мой жизненный опыт, не имеют решения... по крайней мере, в этом мире.

Однажды вечером мы сидели у меня дома, и мне показалось, что он как-то странно посмотрел на меня.

— Что вы думаете об этом Фарингтоне?— спросил он.

Так вот, по любопытному совпадению, он задал свой вопрос именно в тот момент, когда я сам подсознательно подумал о Фарингтоне.

Человек, называвший себя Джозефом Фарингтоном, был в городе человеком новым: он совсем недавно поселился там. Уже только данное обстоятельство могло стать питательной средой для разговоров, не говоря о том, что он приобрел самый большой дом на холме, возвышающемся в южной части города — самом лучшем жиллом квартале; что, видимо, не считаясь с расходами, он обставил дом с помощью одного из самых известных лондонских торговых домов; что он часто устраивал приемы, однако желающих во второй раз попасть к нему в гости во «Фронтон», похоже, не оказывалось. Ходили, знаете, слухи, что Фарингтон «какой-то чудной».

Я, конечно, знал об этом — все сплетни до мельчайших подробностей доходят до ушей священника,— но все же колебался с ответом на прямо поставленный вопрос.

— Признайтесь, отче,— сказал мой собеседник, видя мои колебания,— вам, как и всем нам... вам не нравится этот человек! Фарингтон выбрал меня своим личным врачом, но лучше бы его выбор пал на кого-нибудь другого. Какой-то чудной он.

И снова — «какой-то чудной». Слова врача все еще звучали у меня в ушах, а я уже мысленно представил себе облик Фарингтона таким, каким я его запомнил, когда увидел прогуливающимся по главной улице: он прогуливался, а все вокруг исподтишка поглядывали в его сторону. Крупного телосложения, само воплощение мужественности, Фарингтон источал столько здоровья, что на ум невольно приходила мысль — этот человек не умрет никогда. Розовилицый, с волосами и глазами черными как смоль, он передвигался с гибкостью юноши. Однако, судя по его биографии, лет ему было никак не меньше шестидесяти.

— Знаете, Сандерс,— решил я утешить друга,— думаю, Фарингтон не доставит вам хлопот. Здоров как бык.

— Вы не ответили на мой вопрос,— упорствовал врач.— Забудьте о своем сане, отче, и скажите мне, что вы конкретно думаете о Джозефе Фарингтоне. Вы согласны, что от него бросает в дрожь?

— Вы... врач... и говорите такое! — пожурил я его, не желая высказывать свое истинное мнение о Джозефе Фарингтоне.

— Ничего не могу с собой поделать... Я чувствую перед ним невольный страх. Сегодня днем меня вызвали во «Фронтонь». Как и множество других людей подобного телосложения, Фарингтон немного ипохондрик. Ему показалось, что у него что-то не в порядке с сердцем.

— И что же?

— Да он сто лет проживет! Но, поверьте, отче, мне было невыносимо тяжело находиться с ним рядом: в нем есть что-то пугающее. И я испугался... да, испугался. Все время, что я находился в доме, меня обуревал страх. Мне было необходимо поделиться с кем-нибудь своими страхами, ну а вы — самый надежный человек в городе, и потому я здесь... Но, как вижу, вы свое мнение держите при себе.

— Предпочитаю не спешить,— ответил я. Такой ответ показался мне наиболее верным.

* * *

Два месяца спустя после беседы с Сандерсом не только город, но и всю страну потрясло и ужаснуло зверское преступление. В поле обнаружили труп восемнадцатилетней девушки, местной красавицы. Ее лицо, в жизни столь прекрасное, в смерти сделалось отталкивающим из-за застывшего на нем выражения смертельного ужаса.

Бедняжка была убита, причем убита таким способом, что людей прямо-таки трясло от ужаса. На горле у нее зияла огромная рана: казалось, что на нее напал какой-то хищник из джунглей...

Может показаться нелепым, но нетрудно догадаться, каким образом подозрения в этом дьявольском преступлении начали связывать с именем Джозефа Фарингтона. Настоящих друзей ему завести не удалось, хотя он вовсю старался быть общительным. Да еще Сандерс. Он был хорошим врачом, но отнюдь не самым тактичным человеком и, несомненно, его отказ навещать Фарингтона в качестве врача — вы помните, как он на это неоднократно намекал

в нашей беседе,— вызвал толки. В любом случае, люди пре- бывали в крайне взвинченном состоянии, и, несмотря на отсутствие против него каких-либо прямых улик, о нем заговаривали как о фактическом убийце. Некоторые горя- чие головы среди молодежи даже поговаривали о том, чтобы как-нибудь ночью поджечь «Фронтоны» и зажарить Фарингтона в его постели.

И когда напряжение достигло апогея, я, сам того не желая, как вы можете себе представить, оказался вовле- ченным в это дело. Фарингтон прислал мне записку с при- глашением на ужин. Записка эта заканчивалась словами:

«Мне надо с Вами кое-что обсудить. Пожалуйста, при- ходите».

Я, как слуга церкви, не мог оставить его просьбу без внимания и поэтому принял приглашение.

Фарингтон принял меня радушно, угостил великолеп- ным ужином; на первый взгляд все было в порядке. Но... странная вещь, едва увидев его, я ощутил неладное. Как и врача Сандерса, в присутствии Фарингтона меня охватило чувство беспокойства — я испытывал страх. От него ис- ходили флюиды зла; в нем ощущалось что-то дьявольское, отчего у меня в жилах стыла кровь.

Я, как мог, старался скрыть свое замешательство, кото- рое еще более усилилось после ужина, когда Фарингтон завел речь об убийстве бедняжки. И тотчас же страшная догадка пронзила мой мозг: Фарингтон — убийца, он чу- довище!

Призвав все свои силы, я принял его вызов.

— Вы выразили желание встретиться со мной сегодня вечером, дабы снять с души ужасное бремя,— сказал я.— Вы не станете отрицать свою причастность к убийству не- счастной девушки?

— Нет,— медленно ответил он,— не стану. Я ее убил. Меня толкнул на это демон, которым я одержим. Но вы, как священник, должны свято блюсти тайну исповеди и не должны никому говорить о моем признании. Дайте мне еще несколько часов: я сам решу, что мне делать.

Некоторое время спустя я покинул его дом. Фарингтон больше ничего не хотел рассказывать.

— Дайте мне еще несколько часов,— повторил он на прощание.

В ту ночь мне привиделся дурной сон. Я почувствовал, что задыхаюсь. С трудом глотая воздух, я подбежал к окну, распахнул его настежь... и без чувств повалился на пол.

Очнувшись, я увидел склонившегося надо мной Сандерса — его вызвала моя верная экономка.

— Что случилось? — спросил врач. — У вас было такое выражение лица, как будто вы заглянули в ад.

— Именно так, — ответил я.

— Это имело какое-нибудь отношение к Фарингтону? — спросил он без обиняков.

— Сандерс, — от избытка чувств я вцепился ему в руку, — существуют ли в наше время такие ужасные существа, как Вампиры? Скажите мне, умоляю вас!

Врач — добрая душа — заставил меня сначала сделать глоток коньяка и только потом ответил. Точнее, сам задал вопрос:

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Звучит невероятно... и я надеюсь, что на самом деле мне все только приснилось... но я лишился чувств оттого, что, едва распахнув окно, увидел — а может, мне лишь показалось, — как мимо пролетал Фарингтон.

— Я не удивлен, — сказал врач. — Обследовав изуродованное тело бедной девушки, я пришел к выводу, что она погибла в результате чего-то ужасно аномального. Хотя в наши дни мы практически ничего не слышим о Вампирах, — продолжил он, — это не означает, что дьявольские силы больше не находят приюта в обычных людях, надеясь их сверхъестественными способностями. Кстати, на что по форме походило существо, которое, как вам показалось, вы видели?

— Оно напоминало большую летучую мышь, — ответил я, содрогаясь.

— Завтра, — сказал Сандерс решительным голосом, — я отправлюсь в Лондон — в Скотланд-Ярд. Может, меня там и осмеют сначала, но...

* * *

В Скотланд-Ярде его не осмеяли. Но преступники со сверхъестественными способностями были не совсем по их части, и, кроме того, они сказали Сандерсу, что, прежде чем осудить Фарингтона, им потребуются доказательства. И даже если бы я осмелился нарушить клятву священника — а это при любых обстоятельствах совершенно исключалось, — то все равно моих показаний было бы недостаточно.

Решение этой задачи нашел Фарингтон — он покончил с собой. Его обнаружили в постели с простреленной головой.

Но, по словам Сандерса, только тело погибло, а злой дух парит над землею в поисках другой человеческой оболочки.

Боже, помоги его несчастной жертве!

Стефен Грендон

МЕТЕЛЬ

Под псевдонимом Стефен Грендон скрывается имя очень известного американского писателя, одного из ведущих авторов романов ужасов, который использует данное прикрытие только для рассказов и повестей о Вампиризме. Большая часть его произведений была широко опубликована или адаптирована для телевидения, но в Америке. Британскому же читателю знакомы лишь отдельные избранные его произведения. В этой антологии мы публикуем его рассказ «Снежная поэмка», воистину выдающееся произведение. Рассказ Грендона придает нашей тематике своеобразие: это душераздирающая ситуация, происходящая на фоне снежного бурана, героем же ее перед нами предстает очень необычный персонаж — снежный Вампир.

Затихли шаги приближающейся тетушки Мэри, и Клодетта обернулась взглянуть. Тетушка стояла, застыв как изваяние и крепко сжав перед собой трость; ее неподвижный взгляд был устремлен на стеклянные двери, расположенные как раз напротив двери, через которую она вошла.

Клодетта бросила взгляд на сидевшего напротив мужа, тоже наблюдавшего за тетушкой. Выражение его лица ничего ей не подсказывало. Она снова обернулась — тетушка испытующе смотрела на нее холодным молчаливым взором. Клодетта почувствовала себя неудобно.

— Кто раздвинул шторы на окнах с западной стороны? Услышав голос, Клодетта покраснела.

— Я, тетушка. Извините меня, я забыла о вашем запрете.

Старуха издала странный мычащий звук и снова уставилась на стеклянные двери. Она сделала едва уловимое движение, и служанка Лиза выбежала из тени зала, откуда с крайним неодобрением наблюдала за Клодеттой и ее мужем. Подбежав прямо к окнам на западной стороне, она задернула шторы.

Тетушка Мэри медленно заняла свое место во главе

стола. Прислонив трость к боковине стула, она потянула за цепочку у себя на шее, переместив лорнет к себе на колени. Она перевела взгляд с Клодетты на своего племянника Эрнеста.

Затем ее взгляд застыл на пустом стуле с противоположной стороны стола, и она заговорила, казалось, не видя ни Клодетту, ни ее мужа.

— Я запретила вам обоим после захода солнца раздвигать шторы на окнах с западной стороны. И вы, должно быть, уже заметили, что и вечером и ночью эти окна всегда зашторены. Я специально позаботилась о том, чтобы разместить вас в комнатах с окнами на восток, да и гостиная тоже находится в восточной стороне дома.

— Я уверен, что Клодетта не имела намерения досадить вам, тетушка,— вдруг вмешался Эрнест.

Старуха подняла брови и продолжала бесстрастным голосом:

— Я не считала нужным объяснять причину моей просьбы. И не собираюсь объяснять ее сейчас. Но хочу предупредить, что, раздвигая шторы, вы подвергаете себя вполне конкретной опасности. Эрнест знает об этом, а ты, Клодетта, еще нет.

Клодетта озадаченно глянула на мужа. Заметив это, старуха добавила:

— Можете считать меня эксцентричной, выжившей из ума старухой, но я вам советую прислушаться к моим словам.

Неожиданно в комнату вошел молодой человек. Буркнув присутствующим в знак приветствия что-то невнятное, он плюхнулся на свободный стул.

— Опять опоздал, Генри,— произнесла старуха.

Пробубнив что-то в ответ, Генри начал торопливо есть. Старуха вздохнула и тоже наконец приступила к еде, а за ней Клодетта и Эрнест. Старый слуга, все это время стоявший за стулом тетушки Мэри, удалился, не преминув, однако, одарить Генри презрительным взглядом.

Спустя некоторое время Клодетта подняла голову и осмелилась сказать:

— Тетушка Мэри, а вы здесь не настолько оторваны от внешнего мира, как это мне казалось.

— И ты права, дорогуша. С телефоном, машиной и всем прочим. Но вот еще каких-нибудь двадцать лет назад, поверьте мне, дела обстояли совершенно иначе,— улыбнувшись от нахлынувших воспоминаний, она поглядела на

Эрнеста.— Твой дедушка был еще жив тогда, и частенько снежные заносы лишали его всякой связи с окружающим миром.

— Там в Чикаго, когда слышишь разговоры о «северных районах» или «висконсинских лесах», кажется, что все это далеко-далеко,— заметила Клодетта.

— В общем-то, это действительно далеко,— встрял в разговор Генри.— Кстати, тетушка, я надеюсь, вы сделали приготовления на тот случай, если нас отрежет на день-другой? Кажется, снег собирается, да и по радио обещают метель.

Старуха, хмыкнув, посмотрела на Генри.

— Да ты, Генри, сдаётся мне, уж как-то слишком обеспокоен. Боюсь, что, едва ступив на порог моего дома, ты уже пожалел о своем приезде. Если ты волнуешься по поводу метели, то я прикажу Сэму отвезти тебя в Ваусау, и тогда завтра ты сможешь попасть в Чикаго.

— Да нет же.

Наступило молчание, и тогда старуха тихо позвала Лизу. Служанка вошла в комнату и помогла ей встать со стула, хотя, как Клодетта успела заметить и сказала об этом мужу, тетушка в особой помощи не нуждалась.

У двери тетушка Мэри, невозмутимо грозная, с тростью в одной руке и нераскрытым лорнетом в другой, пожелала всем доброй ночи и исчезла в темном коридоре, откуда слышались удаляющиеся шаги ее и почти безотлучно находившейся при ней служанки. Большую часть времени, кроме них двоих, в доме никто не жил, и лишь очень непродолжительные наезды ее племянника Эрнеста — «мальчика дорогого Джона» — и Генри, о чем отце старуха никогда ничего не говорила, скрашивали приятную дремоту их тихого существования. Сэм, обычно ночевавший в гараже, в счет не шел.

Клодетта нервно взглянула на мужа, но тут Генри высказал то, что больше всего занимало их мысли.

— Похоже, она сходит с ума,— заметил он бесстрастно. И не дав Клодетте возможности возразить, поднялся и вышел в гостиную, откуда доносилась передаваемая по радио музыка.

Клодетта бесцельно повертела в руках ложку и наконец вымолвила:

— Эрнест, мне действительно кажется, что она немного не в себе.

Эрнест снисходительно улыбнулся.

— А я так не считаю. У меня есть соображения по поводу того, почему она держит зашторенными окна на западной стороне.

Там погиб мой дед: однажды ночью он ослабел от холода и замерз на склоне холма. Не могу сказать точно, как все произошло: в тот день меня здесь не было. И мне кажется, она не любит, когда ей напоминают о его смерти.

— Но откуда тогда исходит опасность, о которой она говорила?

Эрнест пожал плечами.

— Вероятно, дело в ней самой — что-то внутри терзает ее, а она в свою очередь терзает нас. — Он замолчал на мгновение, а потом добавил: — По-моему, она действительно кажется тебе несколько странной, но такой она и была всегда, сколько я ее помню. В следующий свой приезд ты этого просто не заметишь.

Клодетта поглядела на мужа и наконец произнесла:

— Эрнест, мне не нравится этот дом.

— Чепуха, дорогая.

Эрнест приподнялся со стула, но Клодетта остановила его.

— Послушай, Эрнест. Я совершенно отчетливо помню, что тетушка Мэри запретила раздвигать шторы, но у меня было такое чувство, что я должна это сделать. Я не хотела, но что-то заставило меня, — голос ее дрожал.

— Но, Клодетта, — спросил Эрнест несколько озабоченно, — почему ты раньше мне об этом не сказала?

Она пожала плечами.

— Тетушка могла подумать, что я ищу отговорку.

— Ну, ничего серьезного нет. Ты немного переволновалась, а тебе это вредно. Забудь о случившемся. Думай о чем-нибудь другом. Пойдем послушаем радио.

Они поднялись и вместе направились в гостиную. У двери они столкнулись с Генри. Он отступил немного в сторону и сказал:

— Уж я-то должен был знать, что мы здесь окажемся отрезанными от внешнего мира, — и прежде чем Клодетта успела возразить что-либо, добавил: — Хорошо-хорошо, еще только окажемся. Начинается ветер, идет снег, а я знаю, что это значит.

Генри пропустил Клодетту с мужем в гостиную, а сам направился в пустынную столовую. Там он на мгновение остановился и посмотрел на длинный стол. Затем, обогнув его, он подошел к стеклянным дверям, раздвинул што-

ры и, шурясь, уставился в темноту. Эрнест увидел его стоящим у окна и крикнул из гостиной:

— Генри, тетушка Мэри не любит, когда там раздвигают шторы!

Генри, обернувшись, ответил:

— Ну, она пусть и дальше боится, а я рискну.

Клодетта, всматриваясь в ночь поверх головы Генри, вдруг воскликнула:

— Посмотрите, там кто-то есть!

Бросив быстрый взгляд через стекло, Генри сказал:

— Нет там никого: это снег, а ветер гоняет его туда-сюда.

Задержав шторы, Генри отошел в сторону.

Клодетта заметила неуверенно:

— Но я могу поклясться, что видела, как кто-то прошел мимо.

— Тебе это могло показаться с того места, где ты сидишь,— предположил Генри.— Но я лично считаю, что на тебя слишком действовали чудачества тетушки Мэри.

Клодетта оставила замечание без ответа. Она продолжала сидеть, вперившись неподвижным взглядом во все еще колыхавшиеся шторы на стеклянных дверях. Некоторое время спустя она поднялась и вышла из гостиной, прошла вниз по длинному коридору в восточное крыло дома, нашла комнату тетушки Мэри и осторожно постучала в дверь.

— Войдите,— послышался голос старухи.

Клодетта открыла дверь и вошла в комнату. Тетушка Мэри сидела в ночной сорочке, а ее непеременные атрибуты в виде лорнета и трости покоились на бюро и в углу соответственно. Выглядела она на удивление добродушной, в чем Клодетта сразу созналась самой себе.

— Хм, а ты думала, я — переодетое чудовище, не правда ли? — спросила старуха улыбаясь, что не было на нее похоже.— На самом деле я не чудовище, как ты убедилась, да к тому же сама, вроде бы, побаиваюсь окон на западной стороне.

— Я хотела вам кое-что сказать об этих окнах,— начала Клодетта и вдруг замолкла.

Молодой женщине стало не по себе от странного выражения, появившегося на лице старухи: оно отражало не гнев или неудовольствие, а затаенную мучительную неизвестность. Что ж, старуха испугалась!

— Ну и..? — быстро спросила старуха.

— Я на какое-то мгновение посмотрела в окно, и мне показалось, что снаружи кто-то есть.

— Вот именно, показалось, Клодетта, у тебя играет воображение. А может быть, все дело в метели.

— Играет воображение? Допускаю. Но метели не было: ветер задул позднее.

— Я сама так часто обманываюсь, дорогуша. Иногда я утром выходила посмотреть, нет ли следов, и никогда их не находила. Хоть у нас и есть телефоны и радиоприемники, все же начинается метель, и к нам попасть практически невозможно. Ближайший сосед живет у подножия длинного покатога склона, а это три мили отсюда, да к тому же на всем пути лесá. Основная дорога проходит там же, а небольшие подъезды в такую погоду замечает.

— Но я видела так отчетливо. Могу поклясться.

— Может быть, утром выйдешь посмотреть? — резко спросила старуха.

— Вот еще.

— Значит, ты ничего не видела?! — Это был наполовину вопрос, наполовину приказ.

— Тетушка, ну зачем вы все усложняете, — заметила Клодетта.

— Так ты видела или не видела?

— Не видела, тетушка Мэри.

— Очень хорошо. А сейчас, может, поговорим о чем-нибудь более приятном?

— Ну, конечно... Извините, тетушка. Я не знала, что там погиб дед Эрнеста.

— Хм, он тебе все-таки рассказал, да?

— Да, Эрнест сказал, что именно по этой причине вы не любите видеть холм после заката солнца; что вы не любите, когда вам напоминают об этом.

Старуха взглянула на Клодетту — лицо ее ничего не выражало.

— Бог даст, Эрнест так никогда и не узнает, насколько он был близок к истине.

— Что вы этим хотите сказать, тетушка Мэри?

— Ничего, что тебе следовало бы знать, дорогуша, — она снова улыбнулась, и лицо ее стало менее суровым. — А сейчас, Клодетта, тебе, пожалуй, лучше уйти: я устала.

Клодетта послушно поднялась и направилась к двери. У двери старуха остановила ее, спросив:

— Как погода?

— Идет снег, по словам Генри, дует сильный ветер.

При этом известии на лице старухи отразилось неудовольствие.

— Плохо, совсем плохо. А если сегодня кому-нибудь вздумается тащиться на этот холм? — спросила старуха как бы у самой себя, забыв о том, что Клодетта стояла у двери. Вдруг, вспомнив о присутствии молодой женщины, она произнесла: — Но ты же знаешь, Клодетта. Спокойной ночи.

Выйдя из комнаты, Клодетта прислонилась спиной к закрытой двери и попыталась понять, что могли означать слова старухи: «Но ты же знаешь, Клодетта». Она недоумевала — странные слова. Странно и то, что на какой-то миг старуха совершенно забыла о ее присутствии.

Клодетта отошла от двери и, едва повернув в восточное крыло, натолкнулась на Эрнеста.

— А, вот ты где, — сказал он. — А я все гадал, куда ты подевалась.

— Я немного поговорила с тетушкой Мэри.

— Генри опять выглядывал в окна на западной стороне, и теперь он считает, что там кто-то есть.

Клодетта резко остановилась.

— Он действительно так считает?

Эрнест с серьезным видом кивнул головой.

— Впрочем, метет ужасно, но могу представить, как твое предположение действовало на него.

Клодетта повернулась и зашагала обратно по коридору.

— Пойду расскажу тетушке Мэри.

Эрнест хотел было остановить ее, но, пока он раздумывал, как бы получше это сделать, стало уже поздно — его жена постучала в дверь тетушкиной комнаты, отворила ее и вошла внутрь.

— Тетушка Мэри, — сказала Клодетта, — не хотела вас опять беспокоить, но Генри снова выглянул в окно столовой, и теперь и он считает, что там кто-то есть.

Слова молодой женщины действовали на старуху магическим образом.

— Он видел их! — воскликнула она.

Затем старуха вскочила на ноги и подбежала к Клодетте.

— Как давно? — спросила она, вцепившись в руки молодой женщины. — Говори быстро. Как давно он их видел?

От удивления Клодетта на мгновение лишилась дара речи, но только на мгновение. Чувствуя на себе пристальный взгляд старухи, она вновь заговорила:

— Недавно, тетушка Мэри. После ужина.

Старуха отпустила Клодетту и как-то обмякла.

— О,— выдавила она из себя, повернувшись и медленно прошла к столу, прихватив из угла трость.

— Значит, там все-таки кто-то есть? — выкрикнула Клодетта, когда старуха уселась на стул.

Долго-долго, как показалось Клодетте, старуха хранила молчание. Затем она слегка кивнула головой, и едва различимое «да» сорвалось с ее губ.

— Тогда давайте впустим их в дом, тетушка Мэри.

Бросив короткий серьезный взгляд на Клодетту, старуха уставилась на стену и ответила ровным низким голосом:

— Мы не можем впустить их в дом, Клодетта... потому что они неживые.

В мозгу Клодетты немедленно вспыхнули слова Генри: «Она сходит с ума», и невольный испуг выдал ее мысли.

— К сожалению, я не сумасшедшая, дорогуша. Хотела бы ею быть, но я в полном рассудке. Вначале там была только девушка. Потом к ней присоединился мой отец. Довольно-таки давно, когда я была молодой, отец сделал нечто такое, о чем впоследствии раскаивался до конца своих дней. Человек он был крайне вспыльчивый, до бешенства. Как-то раз, а дело происходило вечером, отец узнал, что один из моих братьев — отец Генри — находится в интимных отношениях с одной из служанок, очень привлекательной девушкой, чуть старше меня. Он считал, что виновата девушка, хотя ее вины в этом не было, и потому немедленно выгнал ее прочь из дому несмотря на поздний час. Зима еще не наступила, но дни стояли холодные, а жила девушка чуть ли не в пяти милях отсюда. Мы просили отца не выгонять ее — что-то нам будто подсказывало, что быть беде,— но он отмахнулся от нас. И девушке пришлось уйти.

Через некоторое время после ее ухода задул злой ветер, перешедший в жестокую бурю. Отец уже раскаялся в своем скоропалительном решении и послал мужчин на поиски. Но поиски оказались безуспешными. Утром следующего дня ее замерзший труп обнаружили на длинном склоне холма к западу от дома.

Вздыхнув и чуть помедлив, старуха продолжала свой рассказ.

— Спустя годы девушка вернулась. Она пришла в метель, как когда-то ушла. Но она стала Вампиром. Мы все ее видели. Случилось все так. Мы сидели за ужином в столовой, и тут отец увидел ее. Ребята уже к этому времени

поднялись наверх и за столом находились только отец и мы, две девочки — я и моя сестра. Так вот — мы ее увидели, но сразу не узнали: мы различили только смутную фигуру, с трудом передвигающуюся в снегу за стеклянными дверями. Отец выбежал к ней наружу, приказав нам послать мальчиков за ним следом. Больше живым мы его не видели. Утром мы обнаружили его труп на том же самом месте, где годом раньше было найдено тело девушки. Он тоже умер от переохлаждения. Прошло несколько лет, и девушка вернулась со снегом, но не одна, а с нашим отцом. Он тоже превратился в Вампира. Они оставались до последнего снега и все время пытались выманить кого-нибудь наружу. Я уже знала, что делать, и поэтому зимой зашторивала стеклянные двери на период от захода до восхода солнца, потому что они никогда не уходили дальше западного склона. Ну, теперь ты все знаешь, Клодетта.

Клодетта, вероятно, хотела сказать что-то, но не успела произнести и слова, потому что сначала услышала за дверью быстрые шаги, затем в дверь постучали, и в дверном проеме вдруг появилась голова Эрнеста.

— Идите скорее, обе,— крикнул он почти весело.— На западном склоне люди — девушка и старик, а Генри пошел за ними.

Затем с видом победителя он оставил их. Клодетта вскочила на ноги, но старуха опередила ее и, проскочив мимо, чуть ли не бегом помчалась по коридору, на ходу громко призывая Лизу. Лиза выбежала из комнаты прямо в ночном чепце и ночной сорочке.

— Позови Сэма, Лиза,— приказала старуха.— Пусть поспешит ко мне в гостиную.

Старуха вбежала в гостиную, Клодетта за ней. Стекло-янные двери были распахнуты настежь, и Эрнест стоял снаружи на заснеженной террасе и звал Генри. Старуха сразу подскочила к нему и встала рядом прямо в снег, не обращая внимания на сильную метель.

Поросший лесом западный склон затерялся в снежной пелене. Ближние деревья были чуть видны.

— Куда же они подевались? — спросил Эрнест, повернувшись к старухе, думая, что рядом с ним стоит Клодетта. Увидев старуху, он озадаченно вымолвил:

— Ба, тетушка Мэри... да вы же почти раздеты. Простудитесь.

— Не волнуйся, Эрнест. Я в порядке. Я распорядилась позвать Сэма, чтобы он помог тебе в поисках Генри.

— Вряд ли Генри ушел далеко: он только что вышел.

— Но ты не знаешь, куда он пошел. И он уже достаточно далеко отсюда.

Тут к ним присоединился запыхавшийся Сэм. На нем было наброшено пальто. Сэм был значительно старше Эрнеста — почти одного возраста со старухой. Он вопросительно взглянул на нее:

— Опять они пришли?

Тетушка Мэри кивнула головой.

— Тебе придется отправиться на поиски Генри. Эрнест поможет. И запомни: держитесь вместе. И не отходите далеко от дома.

Клодетта вынесла Эрнесту пальто, а потом обе женщины встали у стеклянных дверей. Они стояли там и смотрели на удалявшихся мужчин, пока тех не поглотила стена бушующего снега. Потом женщины повернулись и вошли в дом.

Старуха уселась на стул, обращенный к стеклянным дверям. Лицо ее было бледным и изможденным, и выглядела она, как отметила Клодетта позднее, так, как будто «в ней что-то надломилось». Долгое время они сидели молча. Затем, тихо вздохнув, тетушка повернулась к Клодетте и сказала:

— Теперь их там будет трое.

И тут, причем произошло это так быстро и внезапно, что никто ничего толком не понял, за стеклянными дверями появились Сэм и Эрнест — они вдвоем тащили Генри. Старуха подскочила к дверям, чтобы открыть их, и трое запорошенных снегом мужчин оказались в комнате.

— Мы нашли его... но, боюсь, он довольно сильно замерз,— сказал Эрнест.

Старуха послала Лизу за холодной водой, а Эрнест побежал переодеться. Клодетта пошла за ним, и уже в комнате рассказала ему то, что раньше поведала ей старуха.

Эрнест рассмеялся.

— И ты поверила, Клодетта? Сэм и Лиза — те верят, я знаю. Давным-давно Сэм рассказал мне эту историю. Мне кажется, что шок от смерти деда оказался для всех троих слишком сильным потрясением.

— Но история с девушкой, да и потом...

— Боюсь, что история с девушкой — правда. Неприятная история, конечно, но она действительно имела место.

— Но и Генри, и я видели этих людей! — слабо возразила Клодетта.

Эрнест стоял не шевелясь.

— Это так,— сказал он.— Я тоже их видел. Они и сейчас там, и мы должны их найти! — Эрнест снова накинул на себя пальто и, сопровождаемый диким протестующим воплем Клодетты, вышел из комнаты. У двери гостиной его ждала старуха, до слуха которой донесся крик Клодетты.

— Нет, Эрнест... ты не должен туда больше ходить,— сказала она.— Там никого нет.

Эрнест осторожно обошел ее, и, пройдя в комнату, позвал Сэма:

— Ты пойдешь, Сэм? Эти двое еще там: мы почти забыли о них.

Сэм как-то странно посмотрел на него.

— Что вы хотите? — спросил он резко и вызывающе посмотрел на качавшую головой старуху.

— Там девушка и старик, Сэм. Мы должны их найти.

— А, девушка и старик,— сказал Сэм.— Так они мертвые!

— Тогда я пойду один,— заявил Эрнест.

Тут вдруг Генри вскочил на ноги, вид у него был совершенно отрешенный. Сделав несколько шагов вперед, он оглядел присутствующих невидящим взглядом. И неожиданно заговорил. Каким-то неестественным детским голосом.

— Снег,— забубнил он,— снег... красивые руки, такие маленькие, такие прекрасные... ее красивые руки... и снег... красивый прекрасный снег кружится и падает на нее...

Генри медленно повернулся и посмотрел на стеклянные двери. Все посмотрели туда же. Ветер прибивал снег к дому, образуя сплошную белую стену. На какое-то мгновение Генри замер, и тут из снега появилась белая, покрытая инеем фигура девушки. Ее блестящие глаза источали какое-то особое очарование.

Пытаясь удержать Генри, старуха бросилась к нему с вытянутыми руками, но было поздно: ее племянник успел подбежать к дверям, раскрыть их и, несмотря на окрик Клодетты, исчез в снежной стене.

Тут Эрнест рванул к дверям, но старуха обхватила его руками и, почти повиснув на нем, запричитала:

— Не ходи. Генри уже не поможет.

Клодетта подбежала к ней на помощь, а Сэм с угрожающим видом встал у стеклянных дверей, закрытых от ветра и зловещего снега. Так они и держали его, не выпуская.

— А завтра,— сказала старуха суровым шепотом,—

мы должны пойти к ним на могилу и проткнуть их кольями. Надо было раньше это сделать.

Утром они обнаружили скрюченное тело Генри под старым дубом, там же, где годами раньше были найдены тела старика и девушки. На снегу виднелся едва различимый след — длинная неровная полоса, — оставшийся оттого, что какая-то сила тянула тело Генри за собой волоком. А вот отпечатков ног вокруг не было: остались лишь непонятные впадинки, как будто ветром выметенные от снега. И кругом один только ветер.

На теле Генри остались отметины снежных Вампиров — небольшие следы от нежных девичьих рук.

Мэнли Уэллман

В ЛУННОМ СВЕТЕ

Творчество Эдгара По и в особенности один его рассказ о Вампире — «Береника» хорошо знакомы читателю, но именно поэтому мы и не включаем его в нашу антологию. Зато с большим удовлетворением мы пополнили наш сборник рассказом «В лунном свете». И делаем мы это не только потому, что главными действующими лицами в нем являются Эдгар По и Вампир, но и из соображений чисто литературного свойства: этот рассказ представляет собой совершенно новую и любопытную интерпретацию одного из ранних, но вместе с тем зрелых рассказов самого Эдгара По. Мэнли Уэллман по праву занимает достойное место среди самых искусных американских авторов, творящих в этом жанре.

сказал:

— Признаться надо, облик твой не тешит взгляда;
Может быть, веленьем Ада занесло тебя сюда?

Эдгар Аллан По. Ворон.

Рукой, бледной и худой, как птичья лапка, он обмакнул перо в чернильницу и написал в углу листа дату 3 марта 1842.

Затем вывел заголовок:

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

Эдгар А. По

Ох, как же ему было ненавистно его собственное второе имя, доставшееся в наследство от мелочного и нелюбимого отчима, — имя, и только! Какое-то мгновение он даже раздумывал: может, вычеркнуть его совсем? Но потом решил, что дело здесь вовсе не в имени — просто он изо всех сил пытается отложить работу писателя на потом, и это самое что ни на есть заурядное малодушие с его стороны. Писать он обязан, иначе опять голодать, ведь филладельфийская «Доллар Ньюспэйпер» настойчиво требует от него обещанного рассказа. Ну, насчет сюжета он спокоен: сюжет имеется — его сегодня теща на хвосте принесла от соседки, а с

именем тещи в душе его всплыл образ той, которая всегда являлась для него предметом вечного восхищения и пламенной любви.

Он вздохнул и принялся писать аккуратным убористым почерком профессионала-газетчика:

«Есть темы, проникнутые всепокоряющим интересом, но слишком ужасные, чтобы стать законным достоянием литературы...»

Получится, скорее всего, эссе, а не рассказ, ведь он собирается отнестись к поставленной задаче серьезно и обстоятельно. Ему частенько приходило в голову, что мир, конечно, вовсе никакой не театр, а огромное, пышно разукрашенное кладбище с надгробиями, под которыми не всегда находят положенный покой их владельцы, — слишком многие из них тщетно стараются сбросить с себя пелену савана, поднять заколоченные тяжелые крышки гробов. Ну что такое, позвольте узнать, его литературный труд, как не усилия противостоять обществу, стремящемуся втиснуть его в прокрустово ложе своих норм и как следует придушить; обществу, тяжелому, унылому и бесчувственному, словно комья земли, сброшенные с лопаты могильщика?

Он прервался и пошел в кладовку за свечой (керосиновую лампу давно пришлось заложить), а для середины дня, пожалуй, темновато, несмотря на то что на дворе март. Его заботливая теща хлопотала по хозяйству в доме, из соседней комнаты доносилось тихое дыхание измученной болезнью жены. Бедняжка Вирджиния заснула и на какое-то время перестала ощущать изнурительные боли. Вернувшись обратно со свечой, он зажег её, обмакнул перо еще раз и продолжил:

«Погребение заживо, несомненно, чудовищнее всех ужасов, какие когда-либо выпадали на долю смертного. И здравомыслящий человек едва ли станет отрицать, что это случалось часто, очень часто...»

Его воспаленный мозг и изощренная фантазия принялись перерабатывать услышанную сегодня историю. Произошло это здесь, в Филадельфии, в его же квартале, по соседству, меньше месяца назад. Вдовец спустя некоторое время после смерти жены пришел на ее могилу. Наклонившись, чтобы положить цветы на мраморный обелиск, он услышал странные звуки, доносящиеся из-под земли. Он счел, что супруга была похоронена живой, и вне себя от радости тотчас же нанял людей для произведения эксгумации тела покойной. Когда открыли гроб, оказалось, к

всеобщему удивлению, что тлен не тронул ее тела. Он отвез ее домой, и ночью женщина пришла в сознание.

Так, по крайней мере, свидетельствовала людская молва. Быть может, что-то в истории было преувеличено или не соответствовало действительности, а может быть, все это было чистой правдой. Дом, в котором это произошло, находился совсем недалеко от жилища писателя на Спринг Гарден-стрит, где он сейчас корпел над листом бумаги.

По достал записные книжки, полистал их и принялся делать оттуда выписки, выстраивая план повествования, выискивая различные примеры: мрачная история возрождения из мертвых в Балтиморе, еще одна — на этот раз во Франции; кроме того, по-настоящему жуткая цитата из лейпцигского «Хирургического журнала», подтвержденный под присягой случай оживления мертвеца разрядами гальванической батареи в Лондоне. Подумав, он дописал, приукрасив романтическими подробностями, случай из собственного жизненного опыта, который ему запомнился с детства, проведенного в Вирджинии. Когда он уже собирался поставить точку и закончить эссе, ему пришла замечательная идея.

Почему бы не узнать подробнее об этом пресловутом филадельфийском случае заживо погребенной и о самой восставшей из мертвых? Это бы придало остроту его сочинению, он мог бы написать кульминацию, привязанную ко времени и месту, что обеспечило бы успех рукописи, уж тогда-то ее непременно напечатают. Помимо всего прочего, он бы удовлетворил наконец свое собственное любопытство, которое, чего там скрывать, терзало его так же, как и вечные муки голода. Отложив перо в сторону, По встал из-за стола, снял с крюка черную шляпу с широкими полями и выдавший виды военный плащ, который он носил со времен своей неудачливой кадетской юности в Вест-Пойнте. Завернувшись в него, он открыл входную дверь и очутился на улице.

Март ворвался в природу и в жизнь Филадельфии радостно, шумно и могуче. Холодная сухая пыль ударила в глаза; По крепче сжал губы под темно-русыми усами. Ноги его отчаянно мерзли под слишком легкими для погоды брюками в полоску, ботинки давно уже нуждались в починке.

Так в какую же сторону направиться?

Он припомнил название улицы, что-то ему еще вроде говорили о пришедшем в беспорядок садике возле дома.

Вскоре он все-таки нашел это место или то, что могло бы им быть, сад и в самом деле был совершенно запущен: кругом торчали стебли сухих прошлогодних сорняков, собравшихся в неопрятные узоры. По не без труда отворил скрипучую калитку, прошел по тропинке, вымощенной грубыми плитами, к крыльцу. На двери висела бронзовая табличка с именем владельца: Гаубер. Он взял молоток, висевший у двери, и громко постучал. В доме вроде бы слышалось какое-то движение, однако дверь оставалась запертой.

— Никто не живет там теперь, мистер По,— заметил стоявший на улице мальчик-рассыльный из бакалейной лавки с тяжелой корзиной в руках.

По сошел вниз по ступенькам. Он хорошо знал парнишку: как-никак он задолжал бакалейщику одиннадцать долларов.

— А ты уверен? — спросил он паренька.

— Как же,— словоохотливо пояснил тот, переложив тяжелую ношу из одной руки в другую.— Кабы там кто жил, так они бы покупали в нашей лавке, правда ведь? А я бы доставлял покупки, не так ли? Но я работаю здесь уже шесть месяцев, а покупки сюда ни единого разу не приносил.

По сказал парню «спасибо» и пошел по улице, но не к своему дому — нет. Он решил разыскать контору своего приятеля, некоего Пембертона, издателя по профессии, чтобы провести с ним время и, чем черт не шутит, одолжить немного денег.

Перехватить у Пембертона не удалось ни доллара, и у того наступили тяжелые времена, но он предложил глоток другой виски, от которого По скрепя сердце отказался, однако с благодарностью разделил с хозяином трапезу из супа, галет, сыра и чесночной колбасы. Дома он был бы вынужден ограничиться хлебом с черной патокой, разве только теща что-то бы одолжила или выпросила у соседей. Солнце уже успело зайти за горизонт, на улице темнело, когда писатель с чувством пожал руку Пембертону и произнес благодарственную речь за оказанное гостеприимство. Предстоял путь домой по вечерним улицам Филадельфии.

Дождя, благодарность Небесам, не было. Грозы часто настраивали По на печальный лад. Ветер утих, и мартовское небо было чистым, если не принимать во внимание небольшой кучерявой тучки и ретировавшейся к горизонту темной полосы. Поднималась полная луна цвета замороженной сметаны. По внимательно изучал узор из пятен и теней

на белом диске. А разве не мог бы он, к примеру, написать еще один рассказ о путешествии на Луну — вроде того, о Гансе Пфаале, но только на этот раз уже вполне серьезно. Размышляя, он шагал по улице в сгуставшихся сумерках, пока не оказался как раз напротив того самого дома с запущенным садом, со скрипучей калиткой и надписью на дверях «Гаубер».

Парнишка-то был, оказывается, неправ! В окне фасада виднеется какой-то водянисто-голубой свет — или нет, показалось. Нет, нет, не показалось! Определенно видна фигура в окне, вот человек наклонился, прильнул лицом к стеклу и, похоже, смотрит прямо на него.

Пошел через калитку к входной двери и, решив попытать счастья еще разок, постучал.

Ожидать ответа ему пришлось довольно долго, затем раздался скрежет открываемого старого замка. Дверь открывалась внутрь медленно и со скрипом. По успел подумать, что насчет света он, видимо, обманулся, потому что перед ним зиял черный проем двери. Из темноты прозвучал голос:

— Что вам угодно, сэр?

Голос был хриплый и тихий, как будто открывший дверь произнес эти слова при последнем дыхании. По смахнул с головы широкополую шляпу и сделал один из своих учтивых поклонов.

— Простите великодушно за непрошенное вторжение... — По растерянному замолк, потому что не знал, к мужчине он обращается или к женщине. — Извините, здесь живут Гауберы?

— Здесь, — был ответ, тихий, хриплый и по-прежнему бесполой. — Что вам угодно, сэр?

По заговорил официально и решительно; тогда ему еще не стукнуло двадцать один, а он уже был как-никак старшим сержантом артиллерии, и уж кому как не ему знать, как следует разговаривать с людьми.

— Я по официальному заданию, — заявил он. — Я, видите ли, журналист. Мне поручено разобраться со странным отчетом.

— Журналист? — удивился его собеседник. — Странный отчет? Заходите, сэр.

По воспользовался приглашением и шагнул в темноту, услышав в тот же миг за спиной режущий ухо щелчок закрывавшегося замка. Точно такой же сразу припомнился ему: когда он как-то угодил в тюрьму, за ним точно так же

резко захлопнулась дверь камеры. Не самое приятное воспоминание его жизненных передраг! Однако глаза его немного привыкли к слабо струившемуся через окно лунному свету.

Он стоял в темной прихожей, отделанной деревянными панелями, но не украшенной ни мебелью, ни драпировкой, ни картиной, на худой конец. Но не один, а в компании женщины в длинной юбке и завязанном под подбородком чепце с кружевами; женщина была примерно одного с ним роста, с напряженным взглядом будто бы изнутри светящихся глаз. Она стояла неподвижно и молчала, ожидая, пока он поподробнее объяснит, зачем все же пришел.

По именно так и поступил: назвал себя и, немного покривив душой, представился редактором отдела «Доллар Ньюспэйпер», получившим задание провести в числе прочего и личную встречу.

— Итак, мадам, история, о которой идет речь, касается преждевременного захоронения...

Женщина подошла к нему почти вплотную, но он повернулся к ней лицом к лицу, и она неожиданно отшатнулась. По отметил, что от его дыхания ее отнесло словно перышко. И нечего удивляться, решил он, принимая во внимание чесночную колбасу Пембертона; его это наблюдение расстроило. Как бы в подтверждение его мыслей женщина предложила ему вина — для того, видно, чтобы перебить чесночный аромат.

— Могу ли я предложить вам бокал канарского (вино типа мадеры с Канарских островов), мистер По? — проявила она любезность и открыла перед ним боковую дверь в комнату, которая, когда он вошел, оказалась оклеенной бледно-голубыми обоями. Лунный свет, поглощенный и затем повторно отраженный в них, создавал какую-то искусственную, призрачную атмосферу. Именно этот странный свет По и заметил в окне. Женщина взяла с незастеленного стола бутылку и, налив вина в металлическую чарку, протянула ему.

По страстно хотелось выпить, но совсем недавно он дал больной жене торжественное и искреннее обещание не придрагиваться к спиртному, потребление которого так часто приводило к печальным результатам. Запекшимися от внешне обуявшей его жажды губами он через силу выдавил:

— Премного благодарен, мадам, но моим принципом является воздержание.

— А-а,— понимающе улыбнулась она.

По обратил внимание на ее белоснежные зубы.

Затем она прибавила:

— Меня зовут Эльза Гаубер, жена Джона Гаубера. Тот вопрос, о котором вы хотели со мной поговорить, не вполне ясен и мне самой, ясно только, что все произошедшее — правда. Мой муж был похоронен на Истменском лютеранском кладбище...

— Простите, миссис Гаубер, но моя информация свидетельствует как раз об обратном — похоронена была женщина.

— Нет, похоронен был мой муж. Он тяжело болел. Тело его было холодным и бесчувственным. Лечащий врач, доктор Мичем, констатировал смерть. Я похоронила мужа под мраморным обелиском в фамильном склепе.

Она говорила усталым, но твердым голосом.

— Это случилось вскоре после Нового года. На день святого Валентина, придя на его могилу с цветами, я услышала, как он шевелится и бьется под плитой. Я потребовала вскрыть могилу. И теперь он живет... если так можно выразиться.

— Он жив?— переспросил По.— Он в этом доме?

— А вам бы хотелось взглянуть на него? Переговорить с ним?

Сердце По стучало как взбесившийся паровой молот, спина похолодела. Такое ощущение всегда доставляло ему своеобразное удовлетворение.

— С превеликим удовольствием,— заверил он женщину, и та пошла к другой двери, которая вела внутрь дома.

Открывая ее, она замерла на пороге, как бы собирая всю свою волю как перед прыжком в холодную воду. Затем стала спускаться вниз по ступенькам.

По спускался вслед за ней и подсознательно, как-то автоматически прикрыл за собой дверь.

Сразу наступила полная тьма, непроглядная — как в тюрьме, как в могиле,— да, именно, как в могиле. Эльза Гаубер приглушенно вскрикнула:

— Нет... лунный свет... впустите его.— И вдруг тяжело и обессиленно упала, скатываясь по ступенькам.

Испугавшись, По быстро спустился к ней, рискуя в любую минуту свернуть себе шею. Она лежала внизу, привалившись к нижней двери, врезанной в деревянную панель. Он тронул ее — тело было холодным и уже окоченевшим, без малейших признаков жизни. Своей маленькой, худой рукой он, пошарив лихорадочно по двери, отыскал ручку и

распахнул нижнюю дверь. Через проем заструился тот же странный лунный свет. Он нагнулся, чтобы оттащить женщину поближе к свету.

В то же мгновение она глубоко вздохнула, подняла голову и привстала.

— Как глупо с моей стороны,— хрипло извинилась она.

— Это я виноват,— оправдывался По.— Ваши нервы, истощенные силы, подорванное здоровье — и вот результат. Неожиданная темнота, узкое, тесное помещение — все это плохо повлияло на вас.— Он пошарил в кармане в поисках спичек.— Если не возражаете, я зажгу свет.

Она протянула руку вперед запрещающим жестом:

— Нет-нет. Достаточно лунного света.

Она подошла к продолговатому окошку в стене и ухватилась за подоконник руками, такими же худыми, как у По, но только с длинными, неопрятными ногтями, подставив лицо лунному свету и купаясь в его волнах: лицо ее становилось все спокойнее. Грудь вздымалась почти что сладострастно.

— Я вполне пришла в себя,— сказала она.— За меня не беспокойтесь. И, прошу вас, сэр, пожалуйста, не стойте так близко.

Он вспомнил о запахе чесночной колбасы и, полный раскаяния, отошел подальше. Вот ведь какая чувствительная на запахи дама оказалась эта Эльза Гаубер! Что твои — как их там? — да кто же, черт возьми, еще такой восприимчивый? Кого-то ведь даже отгоняют запахом чеснока? По не мог припомнить, а тем временем, оглядываясь по сторонам, примечал, что они находились в полуподвальном помещении, с каменными стенами и земляным полом. В одном углу с потолка капала вода, собираясь на полу в грязную лужу. Неподалеку от этой лужи в стене виднелась закрытая на щеколду, сколоченная из толстых досок, расположенных крест-накрест, дверь в подвал. В общем-то и на дверь она была не слишком похожа. Быть может, это ставня на окне? Но кто же будет делать окно столь близко к земле? Сырой землей в этом полуподвале пахло так сильно, да и воздух был здесь настолько спертый, будто помещение не проветривали не один десяток лет.

— И ваш муж находится здесь? — с невольным удивлением осведомился По.

— Да,— она кивнула в ответ и прошла именно к той странной дверце, открыла щеколду и распахнула ее.

Взору По открылся зияющий чернотой проем, и из него

слышалось слабое бормотание. По подошел поближе и, на-прягая зрение, взгляделся: в этой конуре из камня-плитняка стояла кровать, на которой лежал мужчина, почти полностью обнаженный. Кожа его была цвета слоновой кости, и только глаза, когда он их открыл, выдавали в нем жизнь, еще теплящуюся в теле. Он уставился на Эльзу Гаубер, потом перевел взгляд на По, задержался на нем, но не выказал удивления.

— Уходи прочь,— еле слышно пробормотал он.

— Сэр,— обратился к нему По официальным тоном,— я пришел сюда, чтобы узнать, каким образом вам удалось возвратиться к жизни из самой могилы...

— Это ложь!— прервал его тираду человек, лежавший на убогом ложе. Он с трудом повернулся на бок и, на-прягая силы, сел. В слабом освещении лунного света было отчетливо видно, насколько он худ и изможден. Глаза его ввалились, тонкие губы едва прикрывали зубы — то был оскал черепа.

— Ложь, говорю я!— закричал он с неожиданной для такого живого скелета силой, быть может, вкладывая в этот крик последнюю свою жизненную энергию.— Это ложь, которую распространяет это чудовище... она... не жена мне...

Дверца захлопнулась, заглушив крики. Эльза Гаубер повернулась к По, отступив на шаг от чесночного запаха.

— Вы видели моего мужа,— сказала она.— Зрелище не из самых приятных, не правда ли?

Он не ответил, и женщина проследовала по земляному полу к двери, ведущей на лестницу.

— Не могли бы вы пойти впереди?— попросила она.— И там, наверху, держите, пожалуйста, дверь открытой, чтобы я не...— Она сказала не то «упала», не то «умерла». По был не уверен, какое из двух слов она употребила.

По было ясно как день, что, хотя она поначалу так любезно пригласила его войти в дом, несмотря на поздний час, теперь она явно тяготилась его присутствием и торопилась выпроводить непрошеного посетителя. Глаза ее, неумолимые и повелевающие, смотрели на него. По подчинился ей.

Он послушно взобрался по ступенькам и, распахнув верхнюю дверь, придерживал ее, пока Эльза Гаубер поднималась вслед за ним. Когда она оказалась в комнате наверху, она взглянула ему прямо в глаза, и в тот же миг По вдруг более чем когда-либо осознал, что на самом деле представляют собой те «месмерические озарения», о которых он так любил писать.

— Надеюсь,— проговорила она ровным тоном, тщательно взвешивая слова,— ваш визит не оказался бесплодным для исполнения вашей миссии. Я живу здесь одна, ни с кем не вижусь, целиком посвятив себя заботам о бедном создании, которое когда-то было моим мужем, Джоном Гаубером. Рассудок мой не в лучшем состоянии. Возможно, и манеры страдают тем же недугом. Что ж, извините, если я произвела на вас неблагоприятное впечатление, и позвольте попрощаться.

По почувствовал, что его вежливо выпроваживают, и через минуту оказался на улице. Входная дверь захлопнулась за ним, проскрежетал замок.

Свежий воздух, хлещущий по лицу ветер и освобождение от настойчивого заволаживающего взгляда Эльзы Гаубер вернули его к реальному мироощущению. До него наконец дошло, что бы могло с ним произойти, останься он в этом проклятом доме подольше.

В этот непогожий мартовский вечер он вышел из дому с единственной целью: опровергнуть или, наоборот, получить подтверждение слухам о захоронении заживо. И встретил на своем пути это мрачное болезненное существо, назвавшее слухи ложью. И затем, так или иначе, ему не дали исследовать более глубоко происшествие, которое могло бы составить одно из самых экзотических приключений, когда-либо выпадавших на писательскую долю. Так почему же он должен бросать это дело на полпути, так и не раскрыв до конца тайны, связанной с этим домом и его обитателями?

И он решил: будь что будет, но он просто обязан разузнать всю правду.

Единожды приняв решение, он быстро разработал план дальнейших действий. Сойдя с крыльца, он дошел до калитки, продемонстрировав на всякий случай, что уходит, а сам быстро обогнул дом и отыскал окошко продолговатой формы, расположенное у самой земли.

Приникнув к окошку, он обнаружил, что легко может разглядеть все, что происходит внутри: по всей вероятности, полуподвальное помещение освещается изнутри. Он мгновенно установил местонахождение источника света: открытая дверь на лестницу. Он различал и ее, и грязную лужу в углу помещения, и открытую дверцу, ведущую в каменную конуру, вход в которую что-то заслоняло — какая-то согбенная фигура, приникшая к бледному худому телу Джо-на Гаубера.

Длинная юбка в складку, чепец — это была Эльза Гау-

бер. Она нагнулась вперед, лицо ее касалось то ли лица, то ли правого плеча несчастного мужа.

Сердце писателя, и без того никогда не отличавшееся особым здоровьем, колотилось сейчас как сумасшедшее — до звона в ушах. Он подвинулся поближе к своему смотровому окошку, но, вероятно, слишком переусердствовал, заслонив свет, потому что в этот момент Эльза Гаубер обернулась.

Лицо ее было столь же бледным, как лунный диск. И так же, как луна, было испещрено темными пятнами неправильной формы. Она быстро подошла, если не сказать подбежала, к окошку, за которым, тогнувшись в три погибели, скорчился наблюдатель. По увидел ее совсем ясно и настолько близко, что смог разглядеть все до мельчайших деталей.

По ее губам и щекам было размазано что-то темное, блестящее и липкое, женщина высунула язык, облизывая губы...

Кровь!

По вскочил на ноги и побежал к входной двери дома. Дрожащими пальцами схватился он за молоток и начал колотить в дверь. Никакого ответа. Тогда он попытался выбить плечом дверь, приналег всем своим хрупким телом — дверь не поддавалась. Он бросился к окну, постучал в него, приткнулся к стеклу, но не сумел ничего разглядеть внутри комнаты. Снова поднял кулак, намереваясь, за неимением лучшего выхода, разбить стекло.

За окном появился силуэт женщины, она взялась за раму и подняла ее вверх. Прежде чем он успел отпрянуть назад, в образовавшийся проем метнулось к нему, как нападающая кобра, что-то белое, пальцы схватили его за лацканы плаща, смяли их и вцепились, скрюченные, мертвой хваткой. Горящие глаза Эльзы Гаубер впились в его собственные с неопишуемой яростью.

Челец ее упал с головы, темные волосы неряшливо разметались по плечам. Кровь каплями и размазанными пятнами ярко выделялась на губах и скулах.

— Твое вынюхивание и подглядывание зашли слишком далеко, — произнесла она голосом столь же размеренным и холодным, как капли, падающие с сосулек. — Я не собиралась трогать тебя, потому что запах чеснока мне не по душе. Я показала тебе то немного, чего было бы достаточно, чтобы навеки отвадить от этого дома любого здравомыслящего человека, я отпустила тебя. Но теперь...

По отчаянно старался освободиться от ее мертвой хватки, но как ни бился — все было тщетно. Пальцы ее держали писателя не хуже стального капкана. На лице женщины застыла презрительная победная ухмылка.

— Гляди мне в глаза,— увещевала она.— Гляди, ты не в силах отказаться, ты не можешь убежать. Ты умрешь, умрешь вместе с Джоном, а затем вы оба, мертвые, подниметесь из могилы такими же, как я. У меня будет два живительных источника, пока вы живы, и два товарища, когда вы умрете.

— Женщина!— вскричал По, стараясь не поддаваться ее неистовому гипнотизирующему его взгляду,— женщина, ты сошла с ума!

Она фыркнула и тихо рассмеялась.

— Я в своем уме, так же как и ты. Мы оба знаем, что я говорю правду, мы оба знаем, что все твои попытки избежать своей участи обречены на провал.— Голос ее окреп и звучал сильнее:— Через щелку в склепе проник лучик лунного света и ударил мне в глаза. Я проснулась. Я боролась. Меня освободили. Сегодня ночью светит луна. Ах! Какая луна! Не дыши этой дрянью мне в лицо!

Она отвернулась от чесночного запаха. И в тот же момент По показалось, что опустился занавес полной темноты, а вместе с ним скользнула вниз и фигура Эльзы Гаубер.

Тьма лишила ее жизненных сил, и теперь ее тело было перекинуто через подоконник, словно небрежно брошенная после представления марионетка. Ее рука все так же сжимала борт его плаща, и он, пытаясь высвободиться от цепкой хватки, отрывал один скрюченный, холодный и негнущийся палец за другим. Наконец ему это удалось, и он повернулся к ней спиной, чтобы обратиться в бегство: бежать, бежать прочь из этого заклятого места, где подвергается смертельной опасности живая плоть и кровь.

Взглянув в мглистое небо, он увидел, откуда взялась неожиданная помощь. Туча, которую он заметил у горизонта, еще когда выходил из дома Пембертона, теперь переместилась на середину неба. Край этой черной как сажа тучи затмил луну. По остановился, разглядывая черный небосвод и размышляя.

Он внимательно изучил размеры тучи и вычислил примерную ее скорость передвижения по небу. Она будет скрывать луну еще... еще каких-нибудь минут десять. И на протяжении всех этих десяти минут Эльза Гаубер будет лежать неподвижно. Как она сама признала, лунный свет

служит источником ее жизненных сил. Разве она не упала как подкошенная и не покатилась по ступенькам, когда он прекратил доступ лунного света? По быстро сводил воедино все известные ему обстоятельства.

В действительности умерла и была похоронена в семейном склепе Эльза Гаубер, а не ее муж Джон. Она была возвращена к жизни, или к подобию жизни, жалкому и противоестественному, проникшим в склеп лучом лунного света. Не раз обращали внимание на то, что свет луны порой каким-то особым образом влияет на живые существа: заставляет собак выть на луну; вызывает буйствование у сумасшедших; приносит с собой страх, черную тоску или же, наоборот, вдохновенный экстаз. В древних легендах под лунным светом рождались феи, меняли свой облик с человеческого на звериный оборотни, под луной летали на свой шабаш ведьмы. Несомненно, именно он был источником и движущей силой всех злодеяний Вампиров, которые точно так же, как труп Эльзы Гаубер, пробуждались при его лучах. И он, Эдгар По, не должен сейчас стоять и попусту рассуждать — надо быстро действовать.

Он собрал все свое мужество и вскарабкался на подоконник, через который лежало, перекинувшись, бессильное и бесчувственное женское тело, прошел на ощупь по комнате до двери, ведущей в подпол, спустился по ступенькам к нижней двери, открыл ее и очутился в каменном полуподвальном помещении.

Здесь было совершенно темно: луна пока еще не выглянула из-за тучи. По на мгновение остановился, вынул из кармана коробку спичек и запалил туго свернутый из льняного полотна жгут, который давал слабый свет,— его, однако, оказалось достаточно, чтобы ориентироваться в пространстве. Он отыскал дверцу, открыл ее и тронул худое обнаженное плечо Джона Гаубера.

— Вставайте,— сказал он.— Я пришел, чтобы спасти вас.

Похожая на череп голова несчастного слегка повернулась в его сторону, Гаубер с трудом простонал:

— Все бесполезно. Я не могу сам уйти отсюда — только если она мне позволит. Она держит меня в плену дьявольского взгляда своих глаз вот таким — полуживым-полутрупом. Лучше бы я умер, чем такое, но...

По вспомнился паук, пораженный жалом осы, парализованный, беспомощно лежавший в ее тесном гнезде и ожидающий смертного часа. Писатель нагнул голову, держа

перед собой ярко горящую спичку, и осмотрел шею Гаубера: она вся была покрыта мельчайшими следами укусов, на некоторых из них виднелись капельки крови — свежей и засохшей. По вздрогнул от отвращения, но остался тверд в своем намерении:

— Позвольте мне изложить свои соображения,— торопливо сказал он.— С кладбища вашу жену привезли домой, где она вновь обрела некое подобие жизни. Она сумела вас околдовать или выкинула еще какой-то трюк, с тем чтобы превратить вас в беспомощного пленника. Вот это последнее, уверяю вас, вовсе не противоречит законам природы. Я изучал месмеризм *, я знаю, о чем говорю.

— Да, все правда,— пробормотал Джон Гаубер.

— И каждую ночь она приходит пить вашу кровь?

Гаубер слабо кивнул:

— Да. Сегодня она только приступила к своей трапезе, но потом убежала наверх. Она скоро вернется.

— Вот и прекрасно,— мрачно отметил По.— Вероятно, она, вернувшись, обнаружит нечто большее, чем то, на что рассчитывает. Приходилось вам слышать о Вампирах? Возможно, и не приходилось, но я изучал также и это явление. Первые догадки на ее счет у меня зародились, как мне кажется, когда выяснилось, что она совершенно не переносит запаха чеснока. Вампиры в течение дня лежат неподвижно, а оживают только ночью, тогда же они и питаются. Они создания подлунные, а их пища — кровь. Ну все, идемте.

По закончил свою маленькую лекцию, осветил напоследок комнату, хорошенько запомнил расположение дверей и, загасив спичку, с легкостью подхватил Гаубера на руки: тот был не тяжелее ребенка. Он отнес свою ношу в то место, где бы Гаубер был прикрыт открытой дверью лестницы, усадил у стены и накрыл своим военным плащом. В темноте серый плащ практически сливался с серыми стенами полуподвала. Бедняга был упрятан от глаз жены-Вампира вполне надежно.

Затем По скинул пиджак, жилетку и рубаху; сложив одежду, он спрятал ее под лестницу. Закончив приготовления, он встал у жалкого ложа, обнаженный до пояса. Его кожа была почти такой же бледной и бескровной, как у несчастного Гаубера, грудь и руки такими же худыми. Он

* В основе месмеризма (по имени немецкого врача XVIII века (Месмера) лежит понятие о «животном магнетизме», при помощи которого можно якобы изменить состояние организма

рассчитывал, что на первый взгляд сойдет за бедолагу.

Погреб снова залил лунный свет. Туча, видимо, уплыла. Время у По истекало, следовало поторопиться. Он прислушался. Наверху послышалось неясное движение, будто что-то тащили, затем раздался звук шагов.

Эльза Гаубер, ночной Вампир, вернулась к жизни.

Ну вот, теперь самое время, подумал писатель. Он попробовал свое новое ложе и закрыл за собой дверь.

Он улыбнулся: из уст в уста, из поколения в поколение передавались легендарные способы уничтожения Вампиров — протыкание их кольями, сожжение на костре, святая вода и молитва и прочие, прочие; но он, Эдгар Аллан По, придумал свой, не похожий ни на какой другой способ. Многочисленные предания повествовали об исчадиях Ада, терпеливо поджидающих в засаде ничего не подозревающих людей, но кому, скажите на милость, приходилось слышать, чтобы нормальный человек поджидал в засаде Вампира? А себя он почитал за человека вполне нормального — и по духу, и по умственному развитию, и по привязанностям, и по вкусам, наконец.

Он вытянулся, ноги вместе, руки скрещены на голой груди. Вот так, наверное, и в могиле придется лежать, подумалось ему. На память пришла строчка из стихотворения Брайанта, опубликованного в каком-то давнишнем литературном журнале Новой Англии: «Душная темнота и узкая домовина». В этой дыре и вправду было темно, хоть глаз выколи, и довольно душно — это уж не говоря о том, что негде повернуться приличному человеку. Но он усиленно гнал от себя эти идиотские аналогии: нет, он не похоронен заживо! Чтобы страшные глаза Эльзы Гаубер не возымели на него своего месмерического воздействия, он перевернулся на бок, лицом к стене, и положил обнаженную руку на голову, прикрывая щеку и висок.

Когда его ухо коснулось затхлого тюфяка, он снова услышал шаги, вернее, эхо шагов Вампира. Она спускалась по лестнице. Шаги были размеренными, уверенными. Эльза шла к желанной добыче. Она шла закончить прерванную трапезу.

Теперь шаги раздавались по земляному полу. Она ни разу не остановилась, не свернула в сторону. Значит, не заметила мужа, укрытого его старым кадетских времен плащом, спрятанного за дверью в тени. Эльза приблизилась к дверце, ведущей в его конуру. Он слышал, как она возится с щеколдой. Что-то подозрительно долго.

Нет, все в порядке: конуру тотчас же залил голубой, как снятое молоко, свет. Прямо посредине четырехугольника света стояла зловещая фигура. Воображение писателя, часто опережающее и трансформирующее саму действительность, шепнуло ему, что сама тень эта материальна, она тяжела как свинец, она имеет свой нрав — злобный, агрессивный.

— Джон,— произнесла Эльза Гаубер ему на ухо,— я вернулась. Ты хорошо знаешь почему, знаешь с какой целью.— В голосе ее звучали нетерпеливые нотки, он даже представил себе, как она сейчас стоит с жаждущими крови трясущимися губами.— Ты теперь мой единственный источник жизненных сил. Сегодня ночью я надеялась, что появится еще один — посторонний пришелец, но он сумел ускользнуть от меня. И потом от него так воняло проклятым чесноком.

Ее рука ощупывала шею По, выискивая на коже лакомый кусочек. «Господи, да она меня щупает, как мясник выбирает обреченную на убой скотину»,— подумал он.

— Ну же, не отворачивайся от меня, дорогой. Не будь таким застенчивым.— Она командовала по-хозяйски, с грубоватым налетом насмешки над беспомощной жертвой.— Ничего у тебя не получится, и ты это прекрасно знаешь. Эта ночь полнолуния, и я могу позволить себе все, все, что только захочу!— Она старалась оторвать его ладонь, прикрывающую лицо.— Своим сопротивлением ты ничего не...— Она вдруг замолкла на полуслове, осознав, что тут что-то не так. А потом издала дикий хриплый вопль.

— Ты не Джон!

По рывком перевернулся на спину, выкинул вперед обе худые, как птичьи лапки, руки и схватил ее: одну руку он запустил в ее разметавшиеся волосы, похожие на клубок змей, а другой вцепился в холодную плоть предплечья.

Ее дикий вопль превратился в ужасные хрипы. По, стараясь не обращать внимания на эти леденящие душу звуки, с силой рванул ее на себя, собрав в этом усилии всю мощь, заключенную в его тщедушном теле. Ноги ее оторвались от земли, и она влетела в узкую клетушку за лежащим на постели писателем, голова ее врезалась в камни внутренней стены ниши с треском ломающихся черепных костей. И она бы, без сомнения, упала на него, но По в тот же миг соскользнул из каменной конуры на земляной пол подземелья.

С лихорадочной поспешностью По схватился за край

дверцы и налег на него всем телом. Эльза Гаубер упала на опустевшее вонючее ложе и сейчас барахталась меж дырявых простынь, а По тем временем захлопнул дверцу и налег на нее.

Она бросалась на дверцу с внутренней стороны, крича и завывая подобно зверю, попавшему в ловушку. Она обладала силой не меньшей, чем он, и на какую-то секунду в его душу закралось сомнение: а не победит ли она в их единоборстве? Но, пытая и потяя, он удерживал дверцу плечом, упираясь ногами в земляной пол, и одновременно нашаривал крепкую щеколду. Вот пальцы его нашли спасительный запор и установили его на место. Все, теперь она никуда, голубушка, не денется.

— Темно! — стонала внутри ловушки Эльза Гаубер. — Темно... нет луны, луны... — Голос ее постепенно затих.

По отошел к грязной луже в углу. Вода была протухшей, глинистой — именно такой, какая сейчас нужна. Он опустил в лужу сложенные пригоршней ладони и, набрав грязи, с силой швырнул ее на дверцу. Одна пригоршня, другая, третья и еще, еще... Пользуясь ладонями как мастерком, он методично залепил все щели и трещины, покрывая доски толстым слоем грязи.

— Гаубер, — позвал он, переводя дыхание, — как вы?

— В порядке, как мне кажется.

Голос его удивительным образом окреп и звучал вполне нормально. Оглянувшись через плечо, По увидел, что Гаубер сам, без посторонней помощи, сумел подняться на ноги. Был он, конечно, невероятно худ и бледен, но на ногах стоял твердо.

— А чем это вы заняты? — поинтересовался Гаубер.

— Законопачиваю ее, — пошутил писатель, снова и снова набирая полные пригоршни жидкой грязи. — Замуровываю ее навечно — и ее, и зло, которое она несет людям.

В голове его вдруг как искра пронеслась вдохновенная сцена, символическое зерно будущего рассказа: в нем мужчина замуровывает в простенок или в нишу, вроде этой, женщину. И вместе с ней — воплощение вселенского зла, принявшего обличье, скажем, черного кота.

Закончив наконец свой нелегкий труд, он выпрямился, глубоко вдохнул полной грудью затхлый воздух подземелья и улыбнулся. Даже в моменты смертельной опасности, в минуты труда, минуты невзгод и отчаянной нужды он всегда умудрялся придумывать сюжеты для все новых и новых рассказов. С ним всегда так и будет.

— Я не знаю, как мне вас благодарить,— бормотал Гаубер, сам не свой от счастья.— Я думаю, теперь все будет хорошо, если... если только она не выберется оттуда.

По прислушался к тому, что происходит внутри ниши, приблизив к дверце ухо.

— Ни шороха, ни единого звука, сэр. Пока она лишена лунного света, она лишена и своей силы и способности жить. Не могли бы вы помочь мне одеться? Я страшно замерз.

Теща встретила его на пороге дома, когда он вернулся на Спринг Гарден-стрит. Под белым вдовьим чепцом на ее костистой физиономии легко читалось выражение беспокойства за него. Она даже осунулась от волнения за беспутного зятя.

— Эдди, ты нездоров?

В такой форме она пыталась узнать у По, не пил ли он сегодня. Приглядевшись и принюхавшись, она установила, что худшие ее опасения оказались на этот раз напрасными:

— Нет, слава Богу! Но тебя так долго не было дома. А как ты выглядишь? Нет, ты на себя посмотри: на кого ты похож! Грязный, чумазый, как не знаю кто. Ты обязан помыться сейчас же.

Он позволил ей провести себя на кухню, где она налила в таз теплой воды. И пока он отскребался, в голове его складывались самые банальные оправдания, вроде того, что, мол, отправился на длительную прогулку, чтобы набраться на свежем воздухе вдохновения, голова, мол, внезапно закружилась, она же знает, что это с ним случается, оступись, мол, в луже и так далее, и тому подобное.

— Я приготовлю тебе хорошего горячего кофе, ладно, Эдди?— заглянула на кухню проверить, как у него идут дела, заботливая теща.

— Да, если можно,— ответил По и отправился в свою комнату. Он зажег свечу, сел за стол и взял в руки перо.

Мозг его в этот момент напряженно работал: он придумывал и разрабатывал различные художественные ходы нового рассказа, зерно которого уже сложилось в голове в минуту вдохновения, которое посетило писателя в полуподвальном помещении дома Гаубера. Нет, это он отложит на завтра, чтобы поработать на свежую голову. Он надеется, что «Юнайтед Стэйтс Сэттердэй Пост» купит у него такую вещь. Название? Он назовет рассказ просто, без причуд: «Черный кот».

Да, но необходимо закончить сегодняшнюю работу! Как.

с чего начать? И чем закончить? Если он напишет и опубликует все то, что с ним сегодня приключилось, то как ему оправдываться перед публикой и критиками, перед все более громкой молвой о его, видите ли, безумии? Ситуация, надо сказать, не из приятных.

Он решил, что забудет все, что с ним произошло, — если сможет. Постарается искать спокойной компании, житейского благополучия и покоя, может быть, напишет немного легкой поэзии, какие-нибудь юмористические статьи, рассказы. В первый раз за всю свою жизнь он чувствовал, что сыт по горло зловещими темами.

Он быстро дописал последний абзац эссе:

«Бывают мгновения, когда даже бесстрастному взору Разума печальное Бытие человеческое представляется подобным Аду, но нашему воображению не дано безнаказанно проникать в сокровенные глубины. Увы! Зловещий легион могильных ужасов нельзя считать лишь пустым вымыслом; но подобные демонам, которые сопровождали Афрасиабу в его плавании по Оксусу, они должны спать, иначе растерзают нас, — а мы не должны посягать на их сон, иначе нам не миновать гибели».

Вот этого для публики будет вполне достаточно, решил Эдгар Аллан По. В любом случае этого хватит для филадельфийской «Доллар Ньюспэйпер».

Теща принесла ему кофе.

Шуйлер Миллер

НАД РЕКОЙ

Рассказ «Над рекой», возможно, самый необычный, нетривиальный по авторскому решению и один из самых страшных. Это, разумеется, история о Вампире, но рассказанная самим Вампиром «Над рекой», без сомнения, принадлежит к числу рассказов, которые переживут многие и многие поколения читателей, и тем обиднее, что талантливыи и изобретательный его автор оставил нам столь небогатое литературное наследие. Этот прекрасный рассказ никого не оставит равнодушным.

чертания его тела обрисовались в замерзшей грязи, в которой он лежал ничком под упавшим деревом. Следы на начинавшем таять снегу были отчетливыми, а там, где он взбирался на скалу, они образовали темные мокрые проталины. Он лежал здесь давно, настолько давно, чтобы время успело потерять для него всякий смысл и значение.

Над ближней горой вставала луна, белая и полная, с вытравленным на серебряном диске узором голых ветвей деревьев. Лунный свет упал на распростертое тело, и он повернулся к ночному светилу лицом. Луна освещала своим магическим светом этот мир деревьев и скал, частью которого являлся и он, давая этому миру жизнь и новые силы; осветила и его лицо с запавшими сверкающими глазами и опухшими синеватыми щеками.

Ночь была теплой. В долине снег давно уже сошел, из влажной весенней земли пробивались ростки цветов, во всех низких заболоченных местах наперебой соревновались в красноречии лягушки, крупная форель резвилась в омутах реки. Шел май месяц, но на горе, под уступами скал северного ее склона, куда лучи солнца никогда не доставали, все еще лежал глубокий снег, покрытый голубоватой коркой льда, и в черной грязи под деревьями, росшими по склону, поблескивали иголки инея.

Всю ночь напролет в теплом, нагретом за день воздухе летели, пересекая лунный диск, стаи перелетных птиц.

И всю ночь с высоты раздавалась их переключка, долетавшая до земли из темных высот словно отзвуки других миров. Но среди всех ночных голосов был один — громче, явственней и настойчивей всех прочих. Он то звучал ударами в хрустальные тарелки, то отзывался проказливым хихиканьем эльфов и всегда сопровождался нескончаемым тихим шепотом. То был голос реки.

Но он не слышал ничего этого, оставаясь на том же самом месте, где его впервые разбудило полнолуние, он поднимал лицо к волшебному небесному фонарю, упиваясь сверкающим его светом, проходящим огнем по его жилам, словно глоток давно забытого волшебного напитка из другого, прошлого, мира. Лунный свет разгонял тупую боль, которой холод наполнял его конечности и рассудок. Он впитывал живительное сияние, как впитывал его и весь окружающий мир, где каждый уголок светился своим собственным, неповторимым бледным светом.

Это был странный мир. Каким был тот, прежний, он не мог вспомнить, но точно знал, что другим. Здесь же лунный свет заполнял все пространство жемчужным туманом, сквозь который, подобно призрачным сталагмитами, поднимались колонны деревьев. Источником причудливой игры света была не только луна, неотъемлемая часть пейзажа, но и серые лишайники под его ногами. Свет трепетал и в грубой коре стволов деревьев, мерцал блуждающими огоньками на кончиках каждой ветки, каждого сучка. Ели и пихты тоже были украшены серебристыми пушистыми иголками. Светящийся туман клубился у подножий лесных деревьев-великанов, доходя им до щиколоток; и только кое-где чернели островки скал и камней. В этом новом мире, к которому он теперь принадлежал, свет властвовал во всем, кроме скал и его самого.

Он впитывал лунный свет каждой порой, каждой клеточкой тела, свет огнем проходил по его венам, по костям, вытесняя промозглую сырость из его членов, наполняя благодатным теплом. Но свет, который он поглощал, не сиял так, как на покрывавшихся почками деревьях, не играл, как на мхах и лишайниках. Он посмотрел на свои распухшие руки, согнул синие обезображенные пальцы, пошевелил пальцами ног в размокших и расползшихся башмаках и ощутил липкое прикосновение влажной одежды и обуви. Это она не позволяла лучам лунного света обласкать его страждущее тело, одежда холодила и тяжким невыносимым бременем сковывала его члены, сохраняя в них зимнюю

стужу и не впуская спасительное жемчужное тепло света. Он нашел на выступе скалы удобное место, ярко освещенное луной, присел на корточки и неуклюже, болезненно отклеивая от кожи, снял с себя постылые лохмотья и растянулся на камне, лицом к улыбающейся луне.

Шло время, но были то часы или минуты, и существовали ли еще на свете такие вещи, как часы и минуты, он сказать не мог. В этом новом, странном мире время для него не имело ровным счетом никакого значения, но время шло, пусть и неощутимо для него. Луна поднялась высоко над горизонтом, и лучи ее стали еще приятнее и теплее, они страстно ласкали его нагую плоть. По мере того как в теле его накапливалось тепло, в нем появилось и другое ощущение, гложущее все его естество,— ощущение голода. Он не мог себе позволить нежиться под луной: голод гнал его вперед, на поиски добычи. Он подошел к огромному столетнему великану-буку, возвышавшемуся над всеми деревьями, и, когда тень от дерева упала на него, ощутил мгновенный озноб, затем обхватил, широко раскинув руки, ствол дерева, и свечение, исходящее корой этой живой колонны, пронзило каждую клеточку его плоти. Он отломил от ветки продолговатую почку, заостренную на конце,— она лежала на его ладони, словно бриллиант, источающий свой бледный свет,— затем поднес почку ко рту и почувствовал, как ее тепло растеклось по телу.

Он питался почками, когда удавалось их найти, отламывая их с ветвей неуклюжими пальцами, жадно подбирая во мху те, что осыпались сами. Он растирал их между зубами и проглатывал, и огонь, теплившийся в них, проникал в его холодеющую плоть и слегка согревал ее. Он отрывал с камней куски лишайников и пытался жевать и их, но они всегда оказывались слишком жесткими и волокнистыми. Он отведал и еловые лапы, на которых светились живыми огоньками иглы, но смолистый привкус обжигал губы и язык.

Он сидел, согнувшись в три погибели у большого камня, уставившись невидящим взором в глубины леса. То, что он успел проглотить, немного помогло ему переносить пронизывающий его кости и плоть холод, но ни в коей мере не могло утолить гложущий его внутренности адский голод и жажду, отчаянно мучившую его. В растительной пище была жизнь, жизненное тепло, и оно согревало, но это было совсем не то, в чем он нуждался, не то...

Вдруг в поле его зрения попало что-то движущееся, и он стал внимательно следить за бесшумно проплывающим меж

сияющих жемчужным огнем вершушек деревьев ослепительным круглым облачком. Оно пристроилось на дереве прямо над его головой. Облачко — дымка света вокруг пятна — было настолько ярким, и тепло, исходящее от таинственного объекта, было так явственно ощутимо даже на расстоянии, что голод его стал просто нестерпимым, а жажда сжигала внутренности с небывалой силой.

Сова, конечно же, увидела его, но приняла за пень-гнилушку. Птица уселась на ветку высокой ели и стала осматривать окрестности в поисках добычи. Вдруг она расправила крылья, снялась и в бесшумном полете словно призрак канула в ночь. Она не видела, как нечто бесформенное, принятое ею за пень, встало на ноги и последовало за ней, туда, где она учуяла добычу.

Ежик, хрустевший сучьями, заметил пролетавшую над ним сову, но не придал этому обстоятельству никакого значения — на что, и в самом деле, имел полное право. Ворона, усевшаяся на ночлег в гнезде, окаменела от ужаса, однако большой пернатый хищник не пожелал с ней связываться, привлеченный иной добычей.

Среди леса, даже так высоко на горе, имелись вырубki, на которых привольно разрослась куманика, а в зарослях куманики жила-копошилась всякая мелочь, которая, собственно, и была законной добычей для совы и ей подобных.

Он подоспел к краю вырубки как раз вовремя, чтобы стать свидетелем охоты и слышать крик раненого зайца. В его глазах это выглядело примерно так: огненный шар сверкающей в ночи молнии стремительно ударил по другому огненному шару в траве. Заковыляв, не обращая внимания на колючки, он бросился всем телом на двух живых прежде, чем сове удалось освободиться от добычи и взлететь.

Большая сильная птица яростно отбивалась от неожиданного нападения клювом и крепкими острыми когтями, оставляя на вздутой коже его лица глубокие кривые царапины, но он впился зубами ей в грудь — прямо сквозь перья и кожу — и, разрывая мясо, жадно пил горячую кровь, лившуюся в его пересохшее горло. Пальцы его мяли и рвали тело совы, куски мяса он засовывал в рот, выплевывая перья и кости. Потом он принялся за зайца. Пустота в желудке исчезла, а вместе с ней на время прошла и жажда, отступила тупая ломота в замороженных костях. Ему даже показалось, что пальцы тоже начали слегка светиться тем бледным сиянием, которое испускало все живое в лесу.

Он охотился всю ночь: прочесывая вырубку и близлежащие окрестности, обнаружил и съел двух лесных мышей и целую пригоршню жуков и других насекомых. Он уяснил, что тугие завитушки подрастающих папоротников были полны живности, пришедшейся ему по вкусу больше, чем почки и лишайники. Отупляющий холод удалось отогнать, он мог теперь передвигаться свободнее, рассуждать более здраво, но вот жажда постепенно стала вновь овладевать им.

Из смутных воспоминаний, оставшихся у него о покинутом мире, в памяти всплыл звук журчащей воды. Вода должна утолять жажду. Он слышал этот звук, доносящийся сквозь туман, где-то внизу, под горой. Вода плескалась на камнях-голышах, журчала и бормотала, проходя через туннели, образованные корнями деревьев и мхами. Но вода была далеко, он определил по звуку, далеко внизу, в долине, там текла река, ревя и пенясь. Когда он прислушался к отдаленному плеску воды, его охватил холод, но это ощущение быстро прошло. Медленно, старательно выбирая дорогу, он начал спускаться в долину.

Вода вырывалась на свободу у основания высокой каменной стены и, отдохнув немного в чистой заводи под отвесным обрывом, убегала по мшистым валунам, крутилась и вертелась, ужом выскальзывала поверх плоских камней, ныряя в расщелины, заворачиваясь в маленькие сверкающие водовороты, и снова исчезала под перепутанными корнями и стволами упавших деревьев, выходила из-под них еще более полноводной и стремительной, мчалась к последнему утесу и оттуда уже срывалась в долину каскадом сияющих брызг вниз, в долину. Он увидел эту картину и остановился.

Над водой висела пелена черного пара, который, причудливо извиваясь, вкручивался в светящийся туман, висевший над лесом и подножием деревьев. Там, где ручей замедлял свое течение в тихой заводи, слой черных испарений был не так густ, там лунный свет просачивался сквозь него и отражался, сверкая лучами в гладкой поверхности воды, но там, где поток пробивал дорогу среди камней и переплетенных корней деревьев, там он был густ, непроницаем и безнадежен.

Он беспокойно облизнул губы шершавым распухшим языком и осторожно двинулся вперед. Его снова охватила промозглая сырость, притупляющая все чувства и оглушающая неустанно работающий в лунном свете мозг. Во-

да должна утолять жажду — это он неизвестными путями как-то ухитрился запомнить, а эта сияющая поющая штука и была водой. У основания каменного утеса, обрывисто спускавшегося к воде, черный туман был прозрачен. Он наклонился и погрузил сложенные ковшиком ладони в воду.

Когда над его руками сошелся черный туман, из них ушли все ощущения. Холод — одуряющий, нестерпимый холод — словно кислотой разъел его плоть и кости. Туман высасывал из него все тепло, лишал его сил, почерпнутых из жемчужного лунного света и из теплой крови совы. Он судорожно выпрямился и, обессиленный, упал бесформенной кучей на берегу ручья.

Так он пролежал довольно долго. Мало-помалу лучи лунного света привели его в чувство. Постепенно он стал ощущать, что из мускулов потихоньку уходит окаменелость, что он в состоянии передвигать ногами и шевелить пальцами. Он подтянул ноги к животу и с трудом встал, опираясь о стену утеса. Он посмотрел горящими глазами на воду и почувствовал, что у него перехватило глотку и кишки снова сводит голодная судорога. Вода для него означала смерть. Черный туман, висевший над проточной водой, оказался смертоносным, лишаящим жизненных сил любого, кто к нему прикоснется. Предостерегающий знак: смертельно опасно! А кровь, кровь свежая, жгучая, сияющая, это была жизнь!

Что-то затоптало в тени под утесом: по хорошо проторенной тропинке вразвалочку шествовал комок горящих в темноте иголок: дикобраз отправился на водопой. Он почуял в дикобразе живое существо, и в животе у него все перевернулось от голода, но между ним и этим теплокровным стоял непреодолимый барьер, черный барьер протоки. А странное создание непостижимым образом преодолело эту преграду в самом узком месте и безбоязненно погромыхивало вверх по тропе, прямо к нему в руки.

Он убил. Лицо его и тело были истыканы иголками, прежде чем опрометчивое существо было мертво, но онемевшими руками он разорвал маленькое тельце и напиллся горячей живительной крови, которая возвратила ему жизнь и тепло, отнятые у него черным туманом. Выяснилось, что кровь — единственно достойная в этом мире вещь, только в ней он и нуждался. Тогда он бросил бессильно раскинувшиеся обескровленные останки дикобраза оземь и повернул обратно в лес.

Оказывается, вода у подножия горы была везде: тут

и там черные полосы ее исчерчивали светящуюся почву в лесу. А крови тут он так и не смог найти, поэтому пришлось взбираться все выше и выше, на вершину хребта, по возможности обходя источники, из которых била вода.

Вставало солнце, жгучий золотой свет солнечных лучей был настоящим бедствием для его бледной кожи: он иссушал ее, вызывал в горле нестерпимую резь. Ему пришлось искать убежища в тени пещеры. Кровь бы утолила эту жестокую жажду, от которой он сейчас страдал, она бы согрела его от холода, который немедленно заключил его в свои цепкие объятия, как только он скрылся во мраке пещеры. Почки, растительная пища, да, все это может немного согреть, но они не утоляют жажду и не помогают преодолевать муки голода. Кровь... Где взять кровь?

Наступила другая ночь, долгожданная ночь, когда он стоял на каменном отроге горы, подставляя тело яркому свету восходящей луны, и смотрел на весь подлунный серебристый мир. Внизу река и долина, а рядом вздымались горы — опушенные светом растущих на них деревьев, укрытые мерцающим туманом, из которого торчали черные вершины, отчетливо вырисовывавшиеся на фоне серебристых облаков. Он мог видеть, как с вершин текут горные водяные потоки, подобно черным траурным лентам, разбегаясь и сливаясь воедино, все бегут вниз, к реке в долине, неумолчно бормочущей и укрытой черным паром.

Долина полна жизни: там есть растительная пища, над которой парит белая дымка света, перемешиваясь в кипящем до краев вареве лунного света, образуя жемчужную взвесь, живописно разделенную черными холодными лентами и стенами реки и ее притоков. Там были и другие источники животворного света: созвездия электрических огоньков, разбросанных среди серебристых лужаек и полей. Больше всего желтых точек скопилось у устья долины, где горы широко расступались, ближе к истокам реки они становились более редкими, а у него под ногами внизу долины горел один-единственный огонек.

Он стоял, купаясь в волнах лунного света своим мертво-бледным телом, и смотрел на эту золотистую искорку. Он знал, что в его прежней жизни с этим огоньком было связано что-то очень важное, что-то такое, что он должен был припомнить — и не мог. Что-то влекущее таилось в том далеком огоньке, какая-то невидимая нить была протянута через бледно-серебристое пространство от огонька к нему, притягивая к себе.

Весь следующий день он провел, отлеживаясь под трухлявым бревном на полпути вниз с горы. Как только взошла луна, он снова тронулся в путь и вскоре набрел на раненую самку оленя, придавленную упавшим деревом, со сломанным хребтом. Он разорвал зубами ее горло ипил дымящуюся кровь, вливавшую тепло и жизнь в его тело, пробуждая его от полусонного существования к активности и полному сознанию. Холод ушел, и теперь он был уверен, что пальцы его излучают собственный свет. Теперь он по-настоящему ожил!

Он пошел дальше по отрогу горы и к рассвету пришел на берег реки. Чернота стояла непроницаемой стеной, скрывая от взгляда противоположный берег. Сквозь туман он слышал шорох воды по гравию, клочкотание водоворотов и бормотание стремнин. Эти звуки заставляли страдать от жажды, мучили и тревожили все его существо, но он благоразумно ретировался обратно в лес, потому что небо на востоке начало светлеть.

Когда луна поднялась в четвертый для него раз, он не смог отыскать для себя никакой пищи. Лучи лунного света снова вывели его из леса на берег реки в том месте, где она запруживалась и растекалась в широкую спокойную заводь, где туман был реже всего, где над зеркальной поверхностью воды он мог видеть отсвет желтой лампы в доме, который привел его сюда с горы.

Он стоял по пояс в камышах и осоке, росших по краям заводи, и наблюдал за двумя четырехугольниками желтого света. Где-то в ледяной пустоте его мозга копошилось какое-то воспоминание, связанное с этим домом. Но это было воспоминание из другого мира, навеки им оставленного, и он, так и не вспомнив, отбросил его.

Свет лампы из окон отражался в глади запруды, они так призывно светили, что черный туман казался дымчатым полупрозрачным экраном, поставленным между наблюдателем и объектом наблюдения, лишь приглушающим яркость лампы. Вода была похожа на твердое и отполированное черное зеркало, в котором фантомы сосен с противоположной стороны росли вниз головой в тихих глубинах. Звезды отражались мерцающими точками и среди них — убывающий диск луны.

Он не слышал, как хлопнула в доме дверь. В нем росло новое ощущение. Оно было ни на что не похоже: это был не голод и не жажда, они отступили перед его иным всепоглощающим, всесильным, но не понятным побуждением. Он

чувствовал, как оно охватило его мышцы и вывело его сознание из подчинения, заставляя шаг за шагом медленно красться по траве тимовеевке вдоль реки. Он обязан был что-то совершить. Но что?

Она вышла из тени и, встав в лучах лунного сияния на том берегу, долго-долго глядела на луну. Желтый свет лампы был у нее за спиной, и потоки серебряного света проливались на ее стройное белое тело, на блестящие черные волосы, подчеркивая и обласкивая каждый изгиб тонкой, точеной фигурки. Собственный свет обволакивал ее как серебряная аура, мягкая и теплая, исходящая из ее белой кожи и льнувшая к ней любовно, укутывая мягким светом ее красоту. Эта красота заставила его выйти из тени на свет, из леса на берег реки.

Поначалу она его не заметила. Ночь была теплой, в воздухе носились весенние ароматы. Она стояла на камне у края воды, закинув руки за голову, придерживая на затылке копну роскошных волос цвета воронова крыла. Все ее юное прекрасное тело было тугим как натянутая тетива, стройным и аппетитным, она подставляла, потягиваясь, тело искрящимся лучам лунного света и теплому ветерку, который вызывал легкую рябь на блестящей поверхности воды. Луна, казалось, плавала в воде, совсем неподалеку от нее — попробуй, дотянись! Она завязала волосы на затылке в тяжелый узел и быстро ступила в воду. Она стояла в воде, доходящей ей чуть выше колен, и смотрела, как от ног по зеркальной поверхности воды разбегаются круги.

И в этот момент она увидела его.

Он стоял на другом берегу, лицо наполовину спрятано в тени, сутулый, нагой. Руки его были руками скелета, складки белой дряблой кожи свисали на ребрах. Глаза словно два темных провала, на втянувшихся щеках топорщилась неопрятная черная щетина. Вдоль и поперек лицо его было исполосовано царапинами от совиных когтей, истыкано иглами дикобраза. Большую часть иголок он выдернул, на их месте зияли фиолетовые отметины, как следы от оспы; но несколько игл все еще торчали из бока — там, где животное ударило его хвостом. Тело его в лунном свете выглядело синевато-белым, с трупными пятнами и грязными полосами.

Она увидела его и узнала. Рука ее потянулась к крестик, запрятанному в ложбинке горла и горящему как уголек. Она крикнула и тут же задохнулась от ужаса:

— Джо! Джо!

Он смотрел на нее и припоминал. Нить, привязывавшая

его к этому дому, была она сама, ее присутствие. Оно притягивало его к себе сильнее всякого голода, сильнее жажды, сильнее даже, чем смерть, наперекор черному туману, поднимавшемуся над рекой. Он был сейчас между ними, разделяя их и не позволяя встретиться, но эта нить тянула его за собой, и он шаг за шагом входил в воду. Рябь воды заплескалась вокруг его ног, и он почувствовал, как от нее поднимаются черные испарения, ощутил, как немеют ступни, холод пробирается вверх по ногам в туловище. Прошли уже сутки с момента, когда он прикончил оленя и напился досыта горячей крови, но теперь тепло покинуло его, а вместе с ним и силы. Дальше идти в воду он не мог. Он стоял по колено в реке, пристально глядя на нее через неширокий, но непреодолимый барьер, разделяющий их. Он пытался заговорить с ней, окликнуть по имени, но не мог вспомнить человеческие слова.

И тогда она закричала и побежала от него подобно ослепительно белой молнии среди сумрака ночи; он услышал, как хлопнула дверь дома, увидел, как в окнах, горящих желтым светом, одна за другой опускаются шторы. А он все стоял и смотрел ей вслед, пока холод не подобрался под самое горло и не стал его душить. Только тогда он развернулся и побрел через силу на берег.

Луна нашла его высоко-высоко в горах, где он перебирался с уступа на уступ, выше всех горных источников и ключей, направляющегося к седловине между горами, откуда начиналась долина. Он не мог перейти через горный поток — хорошо, пусть так, — но он мог обойти его стороной. По дороге ему удалось убить зайца, и кровь животного придала ему сил двигаться дальше, а кости и плоть уже были пропитаны ледяным холодом, жажда терзала словно дикий зверь. Но новый голод, страстное желание той девушки, было сильнее всех напастей. Только она, эта жажда, гнала его вперед.

Луна все еще была высоко, когда он стоял под соснами перед порогом ее дома. Дверь была заперта, уже миновала половина ночи; собирались тучи, заполняя небо и пробегая быстрыми полосами по серебряному диску, временами закрывая его совсем. На востоке прогремел гром, перекатываясь эхом по горам, пока не затих окончательно, заглушенный звуками воды в реке.

Нить, протянутая между ними, была прочней стальной проволоки, она заставила его карабкаться по головокружительным высотам, пока не привела прямо к этой двери,

которая была крепко-накрепко заперта. Шторы на окнах задернуты, но сквозь трещины в старых рамах пробивался желтый свет лампы. Он поднял было руку, собираясь дотронуться до оконной рамы, но тотчас же отдернул, увидев, что на рамах высечен крест, призванный отгонять его и ему подобных от этого жилища.

Он издал тихий скулящий звук, как та самка оленя, которую он прикончил: на двери тоже имелось изображение креста, преградившее ему путь. Он попятился, ступив с крыльца обратно на землю. Вдруг дверь открылась и на пороге появилась Она.

Она стояла спиной к свету лампы, и он мог различать лишь стройный силуэт фигуры, да еще горящий золотым огнем крестик на шее и льнущую к ней серебристую дымку, такую теплую и яркую, что, как ему показалось, она была сильнее лунного сияния. Даже сквозь платье, что было на ней, он ощущал, как ее молодое живое тело излучает жизненную энергию. Он стоял, купаясь в лучах этой энергии, тянулся к ней, охваченный одновременно накопившимся в нем холодом, жаждой и муками голода.

Прошла, наверное, минута, а может, пять, а может стать — прошли лишь какие-то доли мгновения, когда Она наконец заговорила. Голос ее был тих и слаб:

— Джо,— сказала она.— Джо, дорогой. Ты где-то поранился. Заходи в дом.

После того как Она сама его пригласила, его уже не могло остановить изображение креста на двери. Он ощутил, перешагнув через порог, как пала эта последняя преграда. Тучи рассеялись, и луна ярко светила в дверной проем. Он остановился, разглядывая девушку и одновременно обозревая знакомую комнату с выскобленным дощатым полом, оштукатуренными стенами, аккуратным черным очагом — рассматривал так, будто видел в первый раз. Никаких воспоминаний все эти вещи в нем не пробуждали. Но девушка притягивала как магнит.

Он заметил, как глаза ее потемнели от страха и кровь отлила от лица, когда Она впервые смогла рассмотреть его при свете электричества. Он взглянул на свои руки — синюшная кожа покрыта струпьями, на свое обнаженное, лишенное жизненных соков тело, измазанное грязью и забрызганное кровью убитых животных. Он тихо завыл, захрипел горловым клекотом и неуверенно, спотыкаясь, шагнул к ней, но девушка, отшатнувшись, схватилась рукой за маленькое распятие на горле и спряталась за стол.

Он уставился на крест. Горевший золотым огнем, крестик так же верно разделял их, как черный туман над проточной водой непреодолимо отделял его от вожделенного существа до того, как он пробрался к ней через горы. Он всем своим существом чувствовал очищающее сияние креста, жгучее словно солнечные лучи: это сияние могло сжечь его, превратить в жалкий пепел. Он заскулил в предчувствии страшного наказания, заскулил словно побитый пес. Его тоска по ней превратилась для него теперь в нестерпимую пытку, заглушавшую все остальное, но как бы страстно он ни желал ее, он не мог продвинуться в достижении вожделенного предмета ни на шаг.

Девушка проследила за его взглядом. Золотое распятие было его подарком в той, прежней жизни. Она знала это, он — нет. Медленным движением она растегнула цепочку, на которой висел крестик, и бросила в его протянутую к ней руку.

Распятие жгло ладонь как горячий уголь. Он отдернул руку назад, но раскаленный металл распятия как будто прилип и не отпускал его плоть. Он чувствовал, что проклятое изображение вот-вот сожжет его, в отчаянии размахнулся и бросил его в угол. Потом схватился обеими руками за стоявший между ними стол и резко отшвырнул прочь. Теперь ему ничего не мешало. Она была перед ним, беззащитная, прижавшаяся спиной к стене, с искаженным от ужаса лицом. Он слышал, как она закричала.

А нестерпимое желание, которое заставило его прийти сюда, спуститься с горы, подавляя голод, жажду и леденящий озноб, которые были основными движущими силами его естества до того момента, как он увидел девушку, взяло над ним верх. Теперь, когда они стояли лицом к лицу, древние и могучие силы зашевелились в нем и овладели его онемевшим мозгом. Когда она закричала, плотина, сдерживавшая их, казалось, прорвалась: он чувствовал под напрягшимися пальцами ее бьющееся и вырывающееся стройное тело, ощущал аромат, исходивший от кожи и волос, видел ее полные страха и обреченности расширенные темные глаза, устремленные прямо в его — тусклые и мертвые.

Когда все было кончено, жажда утолена, голод ушел. Его кости покинула та стужа, от которой он не мог избавиться другим способом, мускулы больше не были налиты свинцом, их не сводила судорога. И невыносимое желание обладать ею тоже прошло. Он без любопытства поглядел

на лежащую на полу растерзанную девушку как на кучу рваного тряпья и повернулся, собираясь уходить.

В это мгновение разразилась гроза. Дверь, которую он оставил открытой, теперь была завешена стеной лившейся с неба воды. Между каплями дождя вился черный туман, заслонявший весь мир. Он решил попробовать и выставил под ливень руку, на которой была выжжена печать креста. Ощувив холод черного тумана, быстро отдернул обратно.

Их голоса он услышал буквально за секунду до того, как они появились на пороге — трое мужчин, мокрые, растерянно топчущиеся в дверях, недоуменно переводящие взгляды с него на то, что лежало на полу, и обратно. В мгновение ока он вспомнил их всех: ее брат Луи, остальные двое были Жан и Поль. С ними были и собаки, но те, едва зачуяв его, с воем убежали прочь.

Луи знал его так же хорошо, как знала его сестра, знали и те двое другие. В словах Луи, произнесенных шепотом, была не только ненависть, в них слышался ужас. Они знали о проклятии, тяготевшем над всем родом Джо Лабати, знали, что означала его пропажа после той первой метели, когда он ушел на гору и больше не возвратился. Но из них только один, Луи, видел, как упало дерево и насмерть придавило его. Именно Луи нарисовал на снегу, занесшем тело Джо, крест, именно Луи не сделал ничего больше и оставил труп там, где он лежал, — под деревом. Луи Лярю не желал, чтобы проклятие рода Лабати пало на его сестру и ее потомство.

Старый Поль выстрелил из ружья картечью. У них на глазах картечь прорвала мертвое тело, они видели, как из ужасной раны сочится темная жидкость на неживую белую кожу, видели, как мертвец, неожиданно появившийся среди людей, чтобы мстить, мертвец Джо Лабати с горящими глазами на черепоподобной голове кинулся на них. Они обратились в бегство.

Луи не сдвинулся с места, и это создание набросилось на него с яростью раненого медведя, сбило его с ног, опрокинуло на пол. Скользкие пальцы мертвого рвали одежду у Луи на горле. Но распятие, висевшее у Луи на шее, спасло его, как оно могло бы спасти и его сестру, — страшное создание отпустило Луи и скрылось в потоках ливня.

Дождь хлестал по его голому телу ледяными струями, вымывая из него все силы подобно тому, как вода растворяет соль. Черный туман заполнил весь лес, заслоняя серебристое свечение всех живых предметов. Он сомкнулся над голо-

вой бегущего и впитывался в его плоть, высасывая жизнь, почерпнутую им в чужой крови, лишая его тепла. Он ощущал, как великий холод снова заключает его в свои цепкие объятия. Луны не было видно, он был слеп — его охватил леденящий, отупляющий холод, мышцы тела окаменели, и к тому же он ничего не видел: налетел на одно дерево, потом на другое, затем его ослабевшие ноги подкосились и он рухнул ничком на берегу реки.

Он лежал, наполовину в проточной воде, окруженный черным туманом, и чувствовал, что они подбираются к нему. Он слышал, как хрустела галька под их сапогами, ощутил прикосновения их рук, когда они вытаскивали его из воды, переворачивали кверху лицом. Он видел их: три столба света, желтый огонь распятий у всех троих на горле, вьющийся вокруг них черный туман — они стояли над ним и смотрели. Он почувствовал, как Луи кованым сапогом жестоко ударил его в бок, почувствовал, как рвутся кожа и ткани, со страшным хрустом ломаются ребра. Но вот боли — боли он не почувствовал. Только холод, жуткий, невыносимый холод, который, казалось, никогда не покидал его.

Он знал, что они чем-то заняты, копошатся как насекомые, но холод уже сковал его мозг, спрятался огромными ледышками за его глазами, а дождь окутал смертельным туманом. Может быть, когда взойдет луна, тогда ее свет оживит его заново? Может быть, ему еще суждено убивать и ощущать горячую, струящуюся кровь, кровь, дарующую тепло и силы? Он уже почти ничего не видел, хотя глаза его были широко раскрыты. Он лишь различил, что старый Поль держит в руках деревянный кол с остро отточенным концом. Еще он видел, как Луи отобрал у Поля кол и поднял его обеими руками над его головой. Видел, как белые зубы Луи обнажились в жестоком оскале.

Видел, как кол начал резко скользить вниз...

Ричард Мэтисон

ПЕЙ МОЮ КРОВЬ!

Вполне вероятно, самым знаменитым и уж, наверное, одним из самых блестящих романов о Вампирах в наши дни следует считать «Я — легенда» Ричарда Мэтисона. Действие романа происходит в 1976 году. Это приключения единственного оставшегося нормального человека на Земле, где всю полноту власти захватили Вампиры. Начиная с 1954 года, когда роман «Я — легенда» был впервые опубликован, он успел завоевать всеобщее признание и статус классического, а его автор — законное место в первых рядах мастеров этого жанра. Рассказ, выбранный для данной антологии, предваряет роман «Я — легенда» всего на какие-то три года, но явно иллюстрирует тот факт, что темой Вампиров и Вампиризма мистер Мэтисон заинтересовался не случайно и не вдруг. И еще этот рассказ способен заставить не одного родителя повнимательнее приглядеться к своим детям в поисках черт, которые сделали Жюля странным ребенком в глазах окружающих...

Летом прослышав о сочинении Жюля, жители квартала окончательно уверились в его сумасшествии. Подозрения на этот счет имелись давно. От его пустого взгляда бросало в дрожь, грубый гортанный голос не вязался с тщедушным видом, бледность кожи отпугивала детей, да и кожа висела на нем как неживая. Он ненавидел солнечный свет.

А уж его желания окружающие воспринимали вообще как дикость. Жюль хотел быть Вампиром.

Тут все как один заговорили о том, что родился он в ночь, когда ветер с корнями вырвал деревья. Что родился он с тремя зубами. Что зубами он хватался за грудь матери и с молоком всасывал кровь. Говорили о том, что с наступлением темноты он кудахтал и лаял в своей детской кроватке. Что пошел он в два месяца. Что имел привычку сидеть, уставившись на луну. Вот о чем говорили люди.

Жюль, единственный ребенок в семье, постоянно вызывал беспокойство родителей, быстро заметивших отклонения в его развитии. Ребенок казался им слепым из-за своего отсутствующего взгляда, но врач рассеял их опасения. Кроме того, по мнению врача, Жюль, имея такую круп-

ную голову, мог быть либо гением, либо идиотом. Он оказался идиотом.

До пяти лет ребенок не вымолвил ни одного слова. Но однажды во время ужина он сел за стол и произнес слово «смерть». Родители не знали, радоваться ли им или горевать. В конце концов они решили, что Жюль вряд ли понимает значение этого слова.

Но Жюль понимал.

С того самого момента он начал впитывать каждое сказанное ему слово, слова на вывесках, слова из журналов и книг, в результате чего его словарный запас вырос настолько, что окружающие поражались. Но Жюль не только запоминал слова, но и придумывал свои собственные. По сути, придуманные им слова состояли из нескольких слов, слитых воедино, и обозначали то, что Жюль чувствовал, но не мог выразить обычными словами. Когда другие дети играли на улице, Жюль обыкновенно сидел на крыльце дома. Он сидел на крыльце, таращился на тротуар и придумывал слова.

До двенадцати лет Жюль, в общем-то, не доставлял никому неприятностей. Но без них, конечно же, не обошлось. Однажды его застигли в парке в тот момент, когда он раздевал Оливию Джонс. В другой раз он был обнаружен за вскрытием котенка на собственной кровати. Но между этими скандальными происшествиями прошли годы, и о них забыли. В целом в этот период жизни Жюль окружающим был всего лишь неприятен.

Школу он посещал, но учить ничего не учил, проводя в каждом классе по два-три года. Все учителя знали его по имени. По некоторым предметам, например чтению и письму, Жюль имел почти блестящие знания. По другим же был безнадежен.

Однажды в субботу двенадцатилетний Жюль пошел в кино. На «Дракулу». После фильма, выходя из зала в толпе мальчиков и девочек, он напоминал пульсирующий комок нервов. Придя домой, Жюль на два часа заперся в ванной комнате. Родители колотили в дверь, грозили, но он им так и не открыл. Когда он все-таки вышел из ванной и уселся за стол ужинать, палец у него был забинтован. Лицо его выражало удовлетворение.

Утром следующего дня Жюль пошел в библиотеку. Было воскресенье, и он весь день просидел на ступеньках в ожидании, что ее откроют. Но этого не произошло, и он ни с чем вернулся домой. В понедельник утром он вместо

школы снова пошел в библиотеку. На полках он нашел «Дракулу». Взять почитать книгу он не мог, потому что не имел читательского билета, а чтобы стать читателем библиотеки, надо было привести кого-нибудь из родителей. Поэтому он спрятал книгу в штаны и вынес ее из библиотеки. Обрато он ее так и не вернул. Жюль нашел местечко в парке и прочитал всю книгу. Был уже поздний вечер, когда он закончил чтение. По пути домой, перебегая от одного фонарного столба к другому, он взялся перечитывать заново.

Придя домой, Жюль не слышал, как его отчитывали за отсутствие на обеде и ужине. Наскоро поев, он прошел к себе в комнату и дочитал книгу до конца. Родители поинтересовались, откуда у него книга. Жюль соврал, что нашел ее.

Шли дни, а он перечитывал книгу снова и снова. В школу же больше не ходил. Поздно ночью, когда он в изнеможении засыпал, мать выносила книгу в зал, чтобы показать отцу.

Как-то раз родители обратили внимание на строчки, неровно подчеркнутые Жюлем черным карандашом. Среди них были: «Губы алели свежей кровью; струйка крови стекла по подбородку, запятнав белизну ее изысканного смертного одеяния». Или: «Когда кровь хлынула наружу, он одной рукой взял мои ладони и сильно сжал в своей, а другой схватил меня за шею и притянул к себе так, что мои губы оказались прижатыми к ране...» Тут мать не выдержала и выбросила книгу в мусоропровод. Утром, обнаружив пропажу, Жюль закатил истерику и не отстал от матери, пока она не сказала ему, где книга. Он бросился вниз, в подвал дома и, перерыв кучи мусора, все-таки нашел ее. С кофейной гущей и яичным желтком в руках он уединился в парке и снова перечитал книгу.

Целый месяц он с жадностью перечитывал книгу. Наконец он изучил ее содержание настолько хорошо, что в тексте отпала необходимость. Теперь он просто размышлял о прочитанном. Из школы приходили уведомления о прогулах. Мать взывала. И Жюль решил некоторое время походить в школу. Он хотел написать сочинение.

И однажды на уроках им дали такое задание. Когда дети закончили писать, учительница спросила, есть ли желание прочитать написанное перед классом. Жюль поднял руку. Учительница удивилась. Движимая состраданием и желанием подбодрить мальчика, она улыбнувшись сказала:

— Хорошо. Дети, прошу внимания. Сейчас Жюль нам прочтет свое сочинение.

Жюль встал. Он был возбужден. Листки бумаги дрожали в его руках:

— Моя мечта,— начал он.— Написано...

— Жюль, деточка,— перебила его учительница,— встань лицом к классу.

Жюль повернулся лицом к классу. Учительница опять ласково ему улыбнулась, и он начал сначала:

— Моя мечта. Написано Жюлем Дракулой.

Улыбка застыла на лице учительницы.

— Когда я вырасту, я хочу быть Вампиром.

Улыбка резко сошла с лица учительницы. Глаза полезли из орбит.

— Я хочу жить вечно и расквитаться со всеми, и сделать всех девочек Вампирами. Я хочу, чтобы от меня исходил запах смерти.

— Жюль!

— Я хочу, чтобы у меня изо рта неприятно пахло мертвой землей и скелетами, и милыми моему сердцу гробами.

Учительница вздрогнула и нервно забарабанила пальцами по зеленой папке. Не веря своим ушам, она бросила взгляд на детей. Те пораскрывали рты. Кое-кто хихикал. Но только не девочки.

— Я хочу быть совершенно холодным, иметь гниющую плоть с чужой кровью в жилах.

— Достат... кх-кх-кх! — Учительница поперхнулась.— Достаточно, Жюль! — наконец произнесла она.

Жюль продолжал читать, но уже громче и с каким-то остервенением:

— Я хочу вонзать мои ужасные белые зубы в шею жертв. Я хочу, чтобы они как бритва проходили сквозь плоть к жилам,— свирепо читал Жюль.

Учительница вскочила на ноги. Дети дрожали. Никто больше не хихикал.

— Потом я хочу вырвать свои зубы из тела жертвы, и кровь сама потечет мне в рот и согреет мне горло, и...

Учительница схватила его за руку. Жюль вырвался и, убежав в угол, спрятался за табурет. Оттуда он выкрикнул:

— ...и кровь будет каплями стекать с моего языка и губ на горло жертвы! Я хочу пить кровь девочек!

Учительница бросилась к нему и вытащила его из угла. Жюль вцепился в нее руками; и, пока его тащили в кабинет директора школы, он не переставая вопил:

— Это моя мечта! Это моя мечта! Это моя мечта!

Было страшно.

Дома родители заперли Жюля в его комнате и пошли обратно в школу, поговорить с директором и учительницей. Голоса последних звучали как на похоронах. Так они рассказывали о случившемся.

Во всем квартале родители учеников обсуждали это происшествие. Поначалу многие из них не поверили услышанному, посчитав все ребячьей выдумкой. Но потом рассудили так: раз их дети способны придумать такое — значит, у них дурное воспитание. Оставалось поверить.

После этого случая отношение окружающих к Жюлю стало открыто недоброжелательным. Его избегали. Как только он появлялся на улице, родители загоняли своих детей домой. О нем распускались разного рода слухи и небывлицы.

Из школы снова начали приходить уведомления о прогулах. Жюль заявил матери, что в школу больше не пойдет. И ничто не могло повлиять на его решение. На школе он поставил крест. А когда к нему домой приходил классный руководитель, он залезал на крышу и прятался там.

Год прошел впустую.

Мальчик целыми днями слонялся по улицам: он что-то искал, не зная сам, что именно. Он искал в парке. Искал в мусорных ящиках. Искал повсюду. Но не находил того, чего хотел. Он мало спал. Почти не разговаривал. И постоянно ходил с потупленным взглядом. Он забыл придуманные им слова.

И вот... Как-то раз во время своих хождений он забрел в зоопарк. Когда Жюль увидел кровососущую летучую мышь, его как будто ударило током. Глаза его расширились и темноватые зубы тускло заблестели в довольной улыбке. Теперь Жюль каждый день приходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь. Он обращался к ней и называл ее Графом, сердцем чувствуя, что в действительности это был человек, поменявший свое обличье. Ему в голову пришла мысль о втором рождении.

Жюль украл из библиотеки еще одну книгу. В ней было все о живой природе. Он нашел страницу с описанием кровососущей летучей мыши и вырвал ее, а саму книгу выбросил. Эту страницу Жюль выучил наизусть. Он знал, как летучая мышь нападает на жертву и ранит ее. Как пьет кровь жертвы, напоминая при этом котенка, лакающего молоко. Как передвигается на фалангах сложенных крыльев и

задних конечностях, похожая в этот момент на черного мохнатого паука. Почему питается только кровью.

Прошло несколько месяцев, а мальчик все ходил в зоопарк и смотрел на летучую мышь, продолжая с ней разговаривать. Она стала единственным утешением в его жизни, единственным реальным символом его мечтаний.

Однажды Жюль заметил, что низ проволочной клетки не был плотно закреплен. Он быстро огляделся вокруг. Рядом никого не было. День стоял пасмурный, поэтому посетителей было немного. Жюль дернул за низ сетки. Проволока чуть-чуть подалась. Тут он увидел, что кто-то вышел из клетки с обезьянами. Отдернув руку, он зашагал прочь, насвистывая только что придуманный мотивчик.

Поздно ночью, когда все спали, Жюль под храп родителей прошмыгивал босиком мимо их спальни. На ходу обувался и бежал в зоопарк. Если сторожа не было поблизости, Жюль занимался тем, что дергал за сетку. Он старался поднять ее как можно выше. Перед тем как бежать домой, он возвращал сетку на место. И никто ни о чем не догадывался. Днем же он часами простаивал у клетки, смотрел на Графа, довольно улыбался и обещал скоро выпустить его на волю. Он рассказывал Графу обо всем. И о том, что хочет научиться спускаться по стене вниз головой. Жюль просил Графа не волноваться. Говорил, что скоро тот будет на свободе. И вот тогда они смогут вместе бродить по свету и пить девичью кровь.

В одну из ночей Жюлю удалось оттянуть сетку и проползти в клетку. Было очень темно. На коленях он подполз к деревянному домику. Прислушался, пытаясь услышать писк Графа. Жюль просунул руку в темный проем. При этом что-то нашептывал. Он подскочил, когда почувствовал иголочный укол в палец. С выражением огромного удовольствия на худом лице Жюль вытащил трепещущую мохнатую тварь наружу. Он вышел из клетки вместе с летучей мышью и побежал прочь от зоопарка. Побежал по темным пустынным улицам. Близился рассвет. Свет коснулся темных небес и окрасил их в серый цвет. Пойти домой Жюль не мог. Надо было найти какое-нибудь укромное место. Пройдя вниз по аллее, он перелез через забор. В руке он крепко сжимал летучую мышь. Она слизывала капельки крови с его пальца.

Он пересек дворик и зашел в небольшую лачугу. Внутри было темно и сыро. Было полно щебня, жестяных банок, отсыревшего картона и нечистот. Жюль убедился, что ле-

тучая мышь никуда не ускользнет. Затем плотно закрыл дверь на засов. Сердце учащенно билось, руки и ноги дрожали. Он отпустил летучую мышь. Она улетела в угол и прицепилась к деревяшке. Жюль нервно сорвал с себя рубашку. Губы его дрожали. Он улыбался как сумасшедший. Он сунул руку в карман брюк и вытащил маленький перочинный ножик, украденный им у матери. Он открыл нож и провел пальцем по лезвию. Порезался до мяса. Трясущимися руками ткнул себя в горло. Кровь потекла по пальцам.

— Граф! Граф! — кричал он в безумной радости. — пей мою красную кровь! Выпей меня! Выпей меня!

Он споткнулся о жестяные банки, поскользнулся, пытаясь нащупать летучую мышь. Летучая мышь оторвалась от деревяшки, перелетела на противоположную стену и там зацепилась. Слезы текли по его щекам. Он стиснул зубы. Кровь стекала по его плечам и худой детской груди. Его знобило. Он проковылял к противоположной стенке лачуги. Зацепился за что-то, упал и распорол бок об острый край жестяной банки. Он вытянул руки и схватил летучую мышь. Прижал ее к горлу. Опустился на прохладную влажную землю и лег на спину. Вздохнул. Он начал стонать и хвататься за грудь. Черная летучая мышь сидела у него на шее и беззвучно сосала его кровь. Жюль почувствовал, что жизнь постепенно покидает его. Он вспомнил прожитые годы. Свое ожидание. Своих родителей. Школу. Дракулу. Свои мечты. Все было ради этого. Ради этого неожиданного триумфа. Глаза его раскрылись. Над ним плыла стена омерзительной лачуги. Стало тяжело дышать. Он раскрыл рот, чтобы вдохнуть воздух. Он жадно всасывал его. Воздух был отвратительным. Жюль закашлялся. Его худенькое тельце содрогалось на холодной земле. Туман в голове рассеивался. Он рассеивался по мере того, как все меньше и меньше крови оставалось в его жилах.

Внезапно он ощутил убийственную ясность ума. Жюль осознал, что лежит полуголый среди мусора и позволяет летучей мыши сосать свою кровь. Со сдавленным криком он дотянулся рукой до пульсирующей мохнатой твари и оторвал ее от себя. Отбросил в сторону. Летучая мышь прилетела обратно, обдав его струей воздуха от хлопающих крыльев. Жюль шатаясь встал на ноги. Нашупал дверь. Он с трудом различал предметы. Попытался приостановить кровотечение. Ему удалось открыть дверь. Затем, выбравшись в темный дворик, он упал лицом в высокую траву.

Он попытался позвать на помощь. Но ничего, кроме шипящего подобия слов, ему не удалось вымолвить.

Он услышал шум машущих крыльев. Затем шум внезапно прекратился. Сильные руки осторожно подняли его. Сквозь пелену смерти Жюль увидел высокого темноволосого человека, глаза которого горели как рубины.

— Сын мой,— услышал Жюль.

Рей Брэдбери

ОГНЕННЫЙ СТОЛБ

Рей Брэдбери для поклонников жанра «черной фантастики» превратился уже в некоторое современное подобие Эдгара Аллана По. Его без малейших сомнений можно назвать ведущим современным писателем этого жанра. В своих произведениях он проявляет такую изобретательность, что даже великий По мог бы позавидовать его мастерству и яркости изображения, разнообразию форм, которыми пользуется Брэдбери. Несмотря на большую занятость в работе над новым фильмом, пьесой или романом, Рей все же выбрал время, чтобы прислать приведенную ниже повесть, которая ранее в Англии не публиковалась. Он характеризовал ее как «специальная-в-своем-роде-о-Вампирах-но, в сущности-не совсем о Вампирах-история». Я думаю, не ошибусь, если скажу, что эта повесть является венцом данной антологии, но помимо этого, несомненно, занимает одно из самых достойных мест в современной классике литературы о Вампирах.

I

Он вышел из земли, готовый ненавидеть. Ненависть была ему отцом, ненависть была ему и матерью.

До чего же приятно было снова идти на своих двоих! Как приятно было выпрыгнуть из могилы, растянуть сведенные судорогой, затекшие от столь долгого лежания на спине конечности, распрямить в яростном размахе руки и попробовать набрать полную грудь свежего воздуха!

Он попробовал. И чуть не заплакал.

Он не мог дышать. Он закрыл лицо руками от отчаяния и попробовал еще раз. Нет, невозможно. Он ходил по земле, он вышел оттуда, из земли. Но он был мертв. И не мог дышать. Он мог набрать в рот побольше воздуха и усилием воли протолкнуть его внутрь горла, лишь наполовину, замедленными слабыми движениями давно бездействующих мускулов, вот так, вот так! А потом крикнуть на выдохе, заплакать... Да, но слезы он тоже не мог выдавить. Все, что он о себе знал, — это то, что он может стоять на собственных ногах и что он мертвый. А раз он мертвый, он не должен ходить! Он не мог дышать и все-таки стоял на ногах.

Запахи окружающего мира были со всех сторон. Тщетно

он старался учуять запахи осени. Осень сжигала в своем пламени землю до полного уничтожения. Повсюду, куда доставал его взгляд, лето лежало в руинах и готовилось к уничтожению: широкие лесные просторы полыхали ярким пламенем, в которое природа постоянно подкидывала одно дерево с облетевшей листвой за другим. Дым от этого пожара был могучий, голубой и видимый глазу.

Он стоял на кладбище и ненавидел. Он шел по этому миру и не в силах был его попробовать на вкус, не в силах ощутить обонянием. Слух? Да, он слышал. В его заново открывшихся ушах гудел ветер. Но он был мертвый. Несмотря на то что он мог ходить, он знал, что он мертвый и, следовательно, не должен ожидать слишком многого от этого ненавистного мира живых.

Он дотронулся до надгробной плиты, водруженной на его собственной опустевшей могиле. Теперь он снова будет знать свое имя. Резчики по камню хорошо поработали, надо отдать им должное.

УИЛЬЯМ ЛЭНТРИ

Так было написано на плите.

Пальцы его дрожали, ощупывая холодную поверхность камня.

1898—1933 годы

Родился заново в...?

А какой сейчас год? Он уставился на небо и увидел полночные осенние звезды, кружащиеся в медленной иллюминации подернутой осенними ветрами черноты. Он читал в расположении звезд панорамы столетий. Орион находится здесь и имеет вот такой наклон, Возничий — вот он! А где Телец? Ага, вот он.

Глаза его сузились, а губы неслышно произнесли:

— 2349 год.

Какое странное число. Будто абстрактный ответ в школьном учебнике. Раньше считалось, что нормальному человеку не под силу ориентироваться в числах, превышающих одну сотню. После этого предела начиналась уже полностью абстрактная галиматья, так что считать не имело смысла. Значит, на дворе у нас 2349 год от Рождества Христова! Очаровательно, бесподобно! Какое-то отвлеченное число, просто сумма. И, извольте полюбоваться, вон он, человек, долго-долго лежавший в этом ненавистном ему темном гробу, которому ненавистно было, что его похоронили, а другие — там, наверху, — продолжали все жить

и жить, и он их изо всех сил за это ненавидел, столетия за столетиями люди все жили, жили; но вот сегодня ночью он родился из своей неукротимой ненависти, он стоял у края собственной разрытой могилы, должно быть, пахнувшей свежей землей в свежем ночном воздухе — да только запахов-то он не мог обонять!

— Я,— сказал он, обращаясь к терзаемому порывами ветра тополю.— Я есть анахронизм.— И рассеянно улыбнулся шутке.

* * *

Он окинул взглядом кладбище. Оно было холодным и пустым. Все надгробия, снятые с разрытых могил, были составлены в аккуратные штабеля, одно поверх другого — ни дать ни взять, кирпичная кладка — в дальнем углу у кованой железной ограды. Этот нескончаемый болезненный процесс продолжался вот уже две недели. В глубине своего — нет, не сердца, а гроба — он лежал и прислушивался к тому, что бесцеремонные и грубые люди ковырялись бесчувственными холодными лопатами в земле, выковыривали древние гробы и уносили жалкие останки погребенных прочь, где несчастные и ни в чем не повинные покойники подлежали обязательному сожжению. Ворочаясь от страха в гробу, он все ждал, когда же дойдет очередь и до него.

Что ж, сегодня они добрались и до него. Но слишком поздно. До крышки гроба оставался всего лишь какой-то дюйм или около того, но пробило пять часов — конец трудового дня, всем домой и ужинать. И рабочие ушли прочь. Завтра они закончат работу, так они сказали, залезая в свои теплые куртки и поеживаясь от резкого осеннего ветра.

И на опустевшем, разоренном кладбище воцарилась могильная тишина.

Осторожно, тихо, только негромкое шевеление комьев земли нарушало тишину, крышка его гроба приподнялась.

И вот Уильям Лэнтри собственной персоной стоял теперь, весь дрожа от возбуждения, на последнем кладбище, оставшемся на Земле.

— Помнишь? — вопрошал он себя, глядя на сырую землю.— Помнишь те многочисленные истории о последнем человеке, оставшемся на Земле? Ну, все эти истории о том, как он бродит среди руин один-одинешенек? Так

что, Уильям Лэнтри, ты вовсе не оригинален. Да только тут получилась та же история, но шиворот-навыворот. Это хоть ты осознаешь? Ты последний, самый последний мертвец во всем этом чертовом мире!

Не было больше здесь мертвцов. Не было — и все! Нигде ни одного нормального мертвеца! Что, невероятно? Невозможно? Этой шутке Лэнтри даже улыбаться не стал. Ничего подобного! Очень даже возможно в этом дурацком, неизобретательном и лишенном всяческого проблеска воображения, антисептическом веке дезинфектантов и научных подходов! Люди умирали — Боже праведный, да конечно же, умирали, как всегда. Но мертвецы? Трупы? Нет, они не существовали!

А что же с ними произошло? Куда они все подевались?

Кладбище располагалось на холме. Уильям Лэнтри шагал по нему под ночным небом, пока не достиг края и не взглянул на панораму раскинувшегося внизу нового города Сэлем, расцвеченного огнями. Над праздничной разноцветной иллюминацией то и дело взлетали ракетные корабли, направлявшиеся с пассажирами в самые отдаленные ракетные порты планеты, прочерчивая в небе яркие линии.

Еще там, в могиле, до Уильяма Лэнтри доносились отзвуки этого шумного и беспокойного мира будущего. Они тревожили его покой и мучили своей загадочностью многие годы. Но он угадывал о них из-под земли очень многое и, имея в своем распоряжении вечность для размышлений, в значительной мере успел подготовить себя к этому зрелищу, заранее возненавидеть этот мир суетливых и беспардонных живых людей.

И самое главное, он точно знал, что эти идиоты творят с телами покойников.

Он поднял глаза. В центре города высился к звездам огромный каменный палец: триста футов высотой и пятьдесят в поперечнике — воистину исполинское в своей неподражаемой глупости сооружение. У основания трубы имелся широкий вход, перед ним большая площадка для транспорта, к которой вели многочисленные подъездные пути.

Представим себе, думал Уильям Лэнтри, что вы живете в городе и в вашем доме лежит умирающий человек, который вот-вот отдаст Богу душу. И что же происходит? Покойник еще не успел остыть, как для вас изготавливается надлежащими службами свидетельство о смерти, присы-

ляется, вручается родственникам, которые без промедления загружают несчастного в машину-фургончик и быстро привозят его в...

В Крематорий!

Этот функциональный каменный палец, этот Огненный Столб, уткнувшийся в звездное небо,— это он, Крематорий. Какое ужасное, по-идиотски функциональное название. Но в этом мире будущего все называется функционально, без всяких тебе благозвучных эвфемизмов*.

И вот, подобно какому-то полешку, щепочке, вы, мистер Покойник, отправляетесь в печку, идете, так сказать, на растопку этого монстра.

Пых — и нету вас, мистер Покойник!

Уильям Лэнтри пригляделся к дулу этого гигантского револьвера, нацеленного на звезды. Из отверстия наверху вырвалось небольшое облачко дыма. Вот так!

Вот куда деваются все мертвецы.

— Будь осторожен, Уильям Лэнтри, береги себя, не рискуй попусту,— пробормотал он.— Ты ведь последний, ты редкая диковинка, последний на Земле покойник. Все, до единого, кладбища на планете перелопатили и взорвали к чертовой матери. Это кладбище самое последнее, а ты — последний за столетия мертвец, появившийся из земли. А эта публика не любит покойников, тем более таких, что бродят на свободе. Все, что им не годится в дело, идет на растопку и сгорает как спичка. Суеверия, между прочим, тоже!

Он смотрел вниз, на город, и думал: ладно же, погоди! Я тебя ненавижу, и ты меня тоже. Или, вернее, ты возненавидел бы меня, если бы знал, что я существую. Ты не веришь в такие вещи, как Вампиры и привидения. Ярлыки, не соответствующие самому наличествующему продукту, говоришь? Ты презрительно фыркаешь и хохочешь? Ну ладно, смейся, смейся! Если быть честным, я тоже не могу поверить в твое существование, ясно? Ты мне не по душе, не нравишься, и все! Ни ты, ни твои Крематории!

Он вздрогнул. Нет, он и вправду был на волосок от физического уничтожения. День за днем эти гробокопатели выдергивали из земли других покойников, одного за другим, бесстрастно и методично отправляя их в печку как поленья. По радио, видите ли, объявили такой указ — он слышал, как рабочие переговаривались.

* Воздержание от употребления неподобающих слов.

— А я думаю, неплохая это все-таки мысль — все кладбища под гребенку подчистить,— говорил один из рабочих.

— Н-да, эт-точно,— откликнулся другой.

— Поганая, между нами, манера. Нет, представляешь? Чтoб тебя взяли и в землю закопали! Жуть! А главное, нездоровые у них тогда обычаи были — полное отсутствие стерильности. А микробы!

— Даже стыдно за них становится. Нет, не за тех, я про начальство. Тоже мне, романтики вшивые! Оставили одно-единственное кладбище — больше уже несколько веков подряд нигде нет, а это вот оставили. Эй, Джим, в каком это году они там закончили расчистку всех погостов?

— Кажись, году этак к 2260. Ага, точно к 2260, почти сто лет уже прошло. Но где-то я слышал, нашелся здесь, в Сэлеме, какой-то комитет, так они там завьпендривались, поганцы: оставьте, говорят, одно-единственное кладбище, чтобы оно, видите ли, напоминало всем нам об обычаях, говорят, варварских времен. А правит-с-ство, оно что? Оно и есть правит-с-ство. Они там башку почесали, помозговали, да и отвечают тому, значит, комитету:

— А-а, ладно, хрен с вами. В Сэлеме так в Сэлеме. Но чтобы все остальные кладбища убрать подчистую — ни одного не оставить, понятно? Чтoб все под нуль! Да-а.

— Ага, все под нуль и вычистили.

— Ну да, сначала все перерыли, потсм, эта, огнем, значит, прошлись, паром — дезинфекция такая. Но это все больше техникой. А ежели, положим, знают, что на ко-ровьем, значит, выпасе какой одиночка похоронен, так его вручную эвакуировать приходилось. Жестокий, между нами, труд. Ну прям как у нас.

— Да и вообще не по душе мне эта морока. Я, понятное дело, не желал бы прослыть консерватором каким старомодным, но ведь сюда какой всегда наплыв туристов-то был. Съезжался народ толпами поглядеть, полюбоваться, как, значит, настоящее-то кладбище выглядит.

— Точно. За последние три года чуть не три миллиона туристов было. А чего? Нормальное времяпрепровождение. Пришел, посмотрел культурно, дальше поехал. Но раз правительство сказало надо — значит, надо. Начальству виднее. Нечего тут, говорят, антисанитарию да меланхолию разводить! Они приказали — мы сделали. Подай-ка мне сюда лопату, Билл.

Уильям Лэнтри стоял на осеннем ветру на холме. Нет, все-таки здорово снова ходить по земле, ощущать дуновение ветерка, слышать, как шуршат впереди на дороге листья, прямо как мыши. Здорово задрать голову к небу и наблюдать за холодными звездами, которые того и гляди сдует прочь ветром.

Приятно снова испытывать эмоции, даже такие, как страх.

Потому что страх овладевал постепенно всем его существом, и никуда от него он подеваться не мог. И ведь никто не утешит, не придет на помощь, некому протянуть дружескую руку собрата-покойника. Ни одного нормального мертвеца не оставили, мерзавцы, на всем белом свете. Теперь он один, Уильям Лэнтри, должен противостоять в своей мелодраматической схватке с целым миром живых людей. Всей этой не верящей в Вампиров, сжигающей останки умерших, уничтожающей с лица земли кладбища, трезвой до тошноты братии. Он, человек в темном костюме, стоящий на сумрачном осеннем холме. Он протянул бледные холодные руки к освещенному яркой иллюминацией городу. Так вы вытаскиваете надгробия на кладбищах подобно тому, как дантист рвет у пациентов зубы, бесстрастно и со знанием дела? Ладно же, тогда я превращу ваши идиотские Крематории в груды бесформенных камней. И тоже бесстрастно, тоже со знанием дела. Я создам новых мертвецов и обзаведусь новыми друзьями и братьями по ходу дела. Но чем быстрее я начну, тем лучше. Я ненавижу этот мир, обрекший меня на полное одиночество. Но я недолго буду скучать. Я начну сегодня же ночью.

— Война объявлена, — произнес он торжественным тоном и засмеялся: действительно ведь глупо. Один человек объявляет войну целому миру.

А мир не отвечал на брошенный им вызов, мир молчал. Только одна ракета прочертила по небу свой огненный след. Будто взлетел в воздух Крематорий.

Шаги! Лэнтри услышал приближающиеся шаги и ретировался к ограде кладбища. Может, это вернулись могильщики? Решили довести до конца начатую работу? Нет, просто человек, обычный прохожий.

Когда прохожий поравнялся с ним у ворот кладбища, Лэнтри проворно ступил в сторону, давая ему дорогу.

— Добрый вечер,— с улыбкой поздоровался с ним незнакомец.

Лэнтри ударил его в лицо. Человек упал. Лэнтри нагнулся и молча нанес ему смертельный удар ребром ладони по горлу.

Оттащив мертвое тело в сторону от дороги, подальше в тень, он раздел беднягу догола и поменялся с ним одеждой. Право же, не годится гулять по будущему миру в древнем костюме. В кармане пиджака убитого Лэнтри обнаружил небольшой перочинный нож. Не Бог весть что, конечно, но все-таки оружие, если знать, как с ним правильно обращаться. Лэнтри знал как.

Он оттащил тело в одну из уже вырытых могил, пустовавшую после эксгумации, и прикрыл его сверху тонким слоем земли. Вся операция заняла у него буквально несколько минут. Землей он не стал засыпать могилу основательно, только чтобы труп не был виден. А шансов на то, что труп обнаружат, было немного: не станут же они копать одну и ту же могилу дважды.

Он пошевелил плечами, потом конечностями в новом, просторном для него, металлическом костюме. Ну что ж, неплохо, совсем неплохо.

Уильям Лэнтри, полный ненависти и готовый ненавидеть вечно, пошел вниз по дороге, ведущей к городу. Он шел на войну со всем миром живых людей.

II

Крематорий был открыт. Он вообще никогда не закрывался. Там имелся широкий вход со скрытыми осветительными приборами, посадочная площадка для вертолетов и широкая площадка для средств наземного транспорта с подъездными путями. Город затихал после очередного дня нескончаемой круговерти повседневных забот. Яркие огни приглушались и гасли, и только Крематорий светился спокойным ровным светом, единственная яркая точка в городе, на которую он прилетел как мотылек на свет в ночи. Крематорий. Господи, ну что за уродливое, прагматическое название! Никакого воображения у этих злосчастных идиотов.

Уильям Лэнтри прошел сквозь широкие, хорошо освещенные входные двери. Хотя собственно дверей, как таковых, он не увидел, их никто не открывал, не закрывал,

не вертел — ты просто входил, и все. Входил и сразу, независимо от погоды, от того, зима ли, лето на улице, оказывался в тепле, шедшем от высокого дымохода, в котором вентиляторы, пропеллеры и газовые турбины с тихим шелестом выкидывали на десятиметровую высоту в небо серые хлопья пепла.

А здесь, внизу, где бушевало пламя, было тепло, как в пекарне. Коридоры были устланы резиновыми покрытиями, так что даже если бы вы и пожелали, вам бы не удалось нарушить мир и покой, предусмотренные распорядком работы этого заведения. Единственным нарушителем тишины была тихая музыка, которая раздавалась из спрятанных в стенах динамиков. Она вовсе не была какой-то особенно похоронной — нет, это была музыка жизни и солнца, горевшего в недрах Крематория, или по крайней мере родственника солнца, если уж не его самого. Дыхание этого светила вы могли слышать через толстую кирпичную стену, отделявшую его от посетителей.

Уильям Лэнтри начал спускаться вниз по аппарели *, когда за его спиной послышалось шуршание шин «таракана», основного средства наземного транспорта. «Таракан» остановился перед входом. Прозвучал звонок, надо отдать должное, довольно благозвучно, и как по сигналу музыка заиграла слышнее, достигая страстного накала. Она будто предвещала некий момент экстаза.

Из «таракана», открывшегося с задней стороны, вышли несколько работников похоронной службы и извлекли золотистый ящик, футов пяти длиной, украшенный по бокам эмблемой солнца. Из другого «таракана» ступили на землю родственники усопшего и проследовали за служащими вниз по аппарели к своего рода алтарю, рядом с которым виднелась величественная надпись: **«РОЖДЕННЫЕ СОЛНЦЕМ, МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К СОЛНЦУ»**. Золотистого цвета ящик установили на алтарь, и музыка тотчас взмыла до эмоциональных высот. Смотритель Крематория произнес весьма краткую прочувственную речь, служащие подняли золотистый ящик и отнесли его к прозрачной стене, с прозрачным же замком в ней. Стена раздвинулась, ящик положили на стеклянный по виду желоб. Через мгновение, когда присутствующие покинули помещение за прозрачной стеной, открылись внутренние двери, и гроб, скользя в них, исчез в неистовом пламени искусственного солнца.

* Наклонная платформа.

Служащие ушли прочь. Родственники кремированного без единого слова повернулись и пошли к своему «таракану», музыка продолжала тихо играть.

Уильям Лэнтри приблизился к прозрачным дверям и загляделся сквозь их прозрачные стены на бушующее огромное сердце Крематория. Пламя ровно и неумолчно пульсировало, не давая и намека на какие бы то ни было перебои и остановки, из недр земли будто лилась к небу ровная и могучая золотая река огня. И все, что ни попадало в эту реку, неотвратимо сгорало и уносилось вверх, исчезая высоко над землей.

Рядом с Лэнтри остановился человек.

— Чем могу быть вам полезен, сэр?

— Что? — резко повернулся к нему Лэнтри. — Что вы сказали?

— Могу ли я чем-нибудь быть полезен вам, сэр?

— Я... это... то есть... Лэнтри кинул быстрый взгляд на вход и на аппарат — никого не видно. — Видите ли, я здесь никогда еще не бывал, вот интересуюсь.

— Никогда не бывали, сэр? — Служитель явно был озадачен.

Лэнтри сразу сообразил, что сморозил глупость. Но что сказано, то сказано, обратно не вернешь.

— Я хочу сказать, — попытался он исправить положение, — всерьез, по-настоящему не бывал. Знаете, в детском возрасте частенько воспринимаешь все не так, понарошку. И вот сегодня вечером я неожиданно вдруг понял, что не знаю Крематорий по-настоящему, как полагается знать каждому человеку.

Служащий вежливо улыбнулся:

— Ну да, разве кто-нибудь из нас может поручиться за то, что знает все досконально. Я буду рад показать вам, как он функционирует.

— Ну что вы. Не стоит беспокоиться. Это... это замечательное место, как мне кажется.

— О да, — засиял от гордости за своего монстра служащий. — Самое лучшее на Земле — я в этом уверен.

— Я... — Лэнтри чувствовал, что придется продолжать этот фарс. — Видите ли, у меня не так уж много было родственников, точнее, их не было вовсе, начиная с раннего детства. И соответственно не было удобного случая посетить Крематорий уже много лет подряд.

— Понятно. — Но лицо служащего свидетельствовало об обратном: что-то явно недопонял в объяснении Лэнтри.

Господи, да что же я такого сказал, недоумевал тот. Ну что здесь такого? Ну не был человек в Крематории много лет, так что же? Нет, надо быть осторожней, следить за своими словами. Иначе возьмут и кинут в эту огненную ловушку. Да что это с парнем произошло? Он вроде как присматривается ко мне, изучает.

— Скажите,— обратился к нему служитель,— а вы случайно не из тех ли будете, что совсем недавно возвратились с Марса?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Да так, ничего.— Служитель собирался уже отойти от него.— Если вам понадобится что-нибудь узнать, вы спрашивайте, не стесняйтесь. Я вам все покажу и расскажу.

— Только один вопрос, можно? — спросил Лэнтри.

— Разумеется. Что вы желали узнать?

— Вот что.

Лэнтри оглушил его сильным ударом по шее, поперек горла.

Он ведь не зря так пристально наблюдал за действиями служащего, управлявшего стеклянными дверьми. И теперь, с обмякшим у него на руках телом этого слишком наблюдательного энтузиаста, Лэнтри дотронулся до кнопки, открывавшей внешние прозрачные двери, услышал, как громче заиграла музыка, и положил тело в стеклянный желоб. Потом вышел и увидел, как распахнулись внутренние дверцы печи. Тело служащего скользнуло в огненную реку. Музыка заиграла тише.

— Отлично, Лэнтри, молодцом,— похвалил он себя.

* * *

Не прошло и секунды, как в помещение заглянул другой служитель. Лэнтри даже не успел стереть со своего лица выражения самодовольства и возбуждения, которыми был охвачен. Служитель растерянно огляделся, словно ожидал увидеть кого-то еще кроме Лэнтри. Затем подошел к нему.

— Чем могу быть полезен вам, сэр?

— Да нет, я просто так смотрю,— ответил Лэнтри.

— Довольно поздно для визита,— заметил служитель.

— Не мог заснуть.

Еще один неправильный ответ. Оказывается, в этом чертовом мире все по ночам обязаны спать. Ни у кого не может быть бессонницы. А если такое с вами вдруг случит-

ся, вы просто-напросто включаете аппарат с гипнотическим излучателем — и готово: через шестьдесят секунд, секунда в секунду, вы уже храпите во всю носо-глотку. Ох, он определенно был человеком, способным только на неправильные ответы. Сначала он попал впросак, заявив, что никогда раньше не бывал в Крематории, а ведь ему было давно известно, что дети, начиная с четырехлетнего возраста, ежегодно ходят сюда на экскурсии, чтобы привить им правильные мысли о чистой смерти в огне и приучить к самому Крематорию. Смерть в их понимании должна непременно ассоциироваться с ярким огнем, смерть — это тепло и солнце, а не какая-то темная непонятная штука. Для образования подрастающего поколения совершенно непреложный фактор. И он, безмозглый бледнолицый идиот, взял и сразу купился, выболтал при первой же предоставившейся возможности о своем невежестве.

Да, кстати, о его бледности. Он взглянул на свои руки и с нарастающим ужасом осознал, что в этом мире нет таких бледных людей, как не существует покойников. Его всегда будут подозрительно оглядывать из-за его неестественной бледности. Именно поэтому ведь его тот, прежний, служитель спросил, не из тех ли он людей, что вернулись с Марса. Вот, полюбуйтесь, милости просим, на этого, второго: блестит как новехонький медный пенни, щеки розовые, весь аж лоснится от здоровья и избытка энергии. Лэнтри спрятал мертвенно-бледные кисти рук в карманы брюк, но всей кожей лица ощущал испытующий взгляд служителя. Лицо ведь не спрячешь!

— Я хотел сказать, — произнес Лэнтри, — что не хотел засыпать. Я собирался поразмышлять ночью.

— Скажите, сэр, не проводилась ли секунду назад в этом зале погребальная служба? — спросил его служитель, оглядываясь.

— Не знаю, я только что вошел.

— Мне казалось, я слышал, как сработало устройство предания огню.

— Я не в курсе, — повторил Лэнтри.

Мужчина нажал кнопку переговорного устройства.

— Андерсон?

— Да, слушаю, — ответил голос.

— Отыщите мне, пожалуйста, Сола.

— Я прозвоню по коридорам. — Пауза, затем тот же голос: — Никак не могу его найти.

— Спасибо. — Служитель выглядел растерянным и

даже вроде засопел носом от полноты чувств. Нет, это он начал принюхиваться. И точно:

— Вы, вы ничего не чувствуете?

Лэнтри поводил носом и отрицательно покачал головой:

— Нет, а что?

— Я ощущаю какой-то странный запах.

Рука Лэнтри нащупала в кармане нож. Он ждал, что последует дальше.

— Я помню, как-то раз в детстве, — пояснил мужчина, — мы нашли в поле мертвую корову. Она уже два дня как лежала там под жаркими лучами солнца. И у нее был точно такой же запах. Только никак не возьму в толк, откуда ему взяться здесь.

— А я знаю откуда, — тихо произнес Лэнтри и протянул вперед руку: — Вот, понюхайте.

— Что... понюхать?

— Да меня, конечно.

— Вас?

— Несколько сот лет, как мертвый.

— Странные у вас, однако, шутки. — Служитель был полностью обескуражен таким оборотом.

— Очень странные, — признался Лэнтри и вынул нож. — Вам известно, что это за предмет?

— Нож.

— Вы что, больше не пользуетесь ножами по отношению к людям?

— То есть? Не понял.

— Я имею в виду, чтобы убивать их из пистолета, или, скажем, при помощи ножа или яда.

— У вас и вправду очень странные шутки! — сказал мужчина и неловко попытался хихикнуть.

— Я собираюсь убить вас, — пояснил этому непонятливому человеку Лэнтри.

— Но никто никого теперь не убивает, — возразил тот.

— Теперь, может, никого и не убивают, а раньше, помнится, всюду убивали, — заупрямился Лэнтри.

— Ну да, конечно, раньше... вроде бы.

— Вот вам и будет первое убийство за триста лет. Я только что убил вашего товарища. И отправил его в печку.

Этот демарш произвел желаемый эффект, настолько ошарашив и полностью выведя из-под контроля этого человечешку своей полной алогичностью и неправдоподобностью, что у Лэнтри появился необходимый ему момент,

чтобы сделать шаг вперед. Он приставил нож к груди служителя и пообещал:

— Я собираюсь вас убить.

— Но это же глупо, — отвечал перепуганный служитель. — Люди больше не убивают друг друга!

— Делается это так, — продолжал свой наглядный урок Лэнтри. — Понятно показываю?

Нож воткнулся в грудь мужчины. Тот какое-то мгновение с недоверием глядел на него, потом рухнул на подставленные руки Лэнтри.

III

В шесть часов утра дымовая труба сэлемского Крематория взорвалась. Огромная каменная труба разлетелась на десять тысяч кусков по всем направлениям: в небо и на землю, на дома безмятежно спавших жителей города, никак не ожидавших подобной катастрофы. Грохот взрыва был ужасен, ужасен был и огонь, более яркий, чем тот, который разбросала по окрестным холмам осень.

Уильям Лэнтри в момент взрыва находился уже далеко — в пяти милях от Крематория. Он наблюдал, как город запылал в огне быстро расплзающихся волн масляной кремации. Он довольно качал головой, смеялся и хлопал в ладоши.

Все делается, в общем-то, относительно легко. Просто ты ходишь и убиваешь людей, которые не верят в убийство: они о нем только слышали что-то невнятное, как о каком-то давно отжившем обычае древних варварских цивилизаций — но все это только понаслышке, не всерьез. Приходишь в центральную операторскую Крематория и говоришь:

— Объясните мне, пожалуйста, принцип работы Крематория. Как он функционирует?

И оператор подробно объясняет и показывает тебе, как работает эта штука, потому что в этом мире все говорит только правду и никогда не лгут, нет смысла лгать, что-то от кого-то утаивать, скрывать. Не от кого вообще что-то скрывать. Нет преступников, никто еще не знает, что существует один лишь преступник — он.

Да, невозможно даже поверить в то, как идеально он все сработал. Главный оператор подробно объяснил ему принцип работы Крематория, по каким манометрам контролируется подача газов от сгорания тел в выхлопную

трубу, какими приборами и как производится управление всей системы. Они с Лэнтри очень мило побеседовали, оператор очень был рад помочь Лэнтри удовлетворить его любопытство. В этом мире будущего все делается очень легко и свободно. Люди ведут себя очень доброжелательно по отношению друг к другу, доверчиво, если не сказать по-дурацки доверчиво. Потому что Лэнтри, усвоив все необходимые ему познания, тут же воткнул в просто-сердечного оператора ножик и, поставив манометры с тем расчетом, чтобы через полчаса произошла перегрузка, отправился восвояси по залам и переходам Крематория, беззаботно насвистывая какую-то развеселую мелодию.

И вот теперь даже все небо затянуло черным дымом от взрыва.

— Это лишь первый,— сказал Лэнтри, глядя на небо.— Я уничтожу и все остальные, прежде чем они начнут подозревать, что в их идеальное общество затесался субъект, руководствующийся в своем поведении совсем другими нормами этики и морали. Они не рассчитывают на появление людей, подобных мне. Я выше их понимания. Мое появление невероятно, невозможно, следовательно, я не существую. Господи, да я могу убить сотни тысяч людей, прежде чем они осознают, что убийство снова стало реальностью. Я в состоянии представить это как несчастный случай каждый раз, когда я этот несчастный случай буду подстраивать. Да-а, даже не верится!

Огонь пожирал беззащитный город, а он, подыскав пещеру на холмах, решил передохнуть.

* * *

На закате солнца он проснулся от неожиданно посетившего его кошмара: ему привиделось, что он оказался в гигантской дымовой трубе, огонь пожирал его по частям и превращал в ничто, в пепел, который устремляется высоко-высоко над землей. Он очнулся и, сидя на полу пещеры, весело посмеялся над своими страхами. В голову ему пришла новая идея.

Он спустился в город и зашел в аудиобудку. Набрал номер телефонного коммутатора.

— Соедините меня с полицейским управлением, пожалуйста,— попросил он телефонистку.

— Извините, не поняла,— откликнулась та.

Он попробовал еще раз, по-другому:

— Силы закона, пожалуйста.

— Я соединю вас с Управлением по контролю мира,— наконец ответила она после продолжительной паузы.

Где-то внутри него начал тикать, как крохотный будильник, страх. А вдруг телефонистка распознала термин «полицейское управление» как анахронизм, засекала его аудиономер и выслала кого-то для выяснения обстоятельств? Да нет, так она не поступит. У нее нет для этого никаких оснований. А параноиков в их цивилизации не водится.

— Управление по контролю мира. Именно так,— сказал он.

Гудок. Ответил мужской голос:

— Управление по контролю мира слушает. На проводе Стефенс.

— Дайте мне, пожалуйста, подразделение по расследованию убийств,— попросил он, не переставая улыбаться.

— Что-что, какое?

— То, что расследует убийства.

— Простите, о чем это таком вы говорите?

— Извините, ошибся номером.— Лэнтри отключил связь, довольно похохатывая. Это ж надо, у них даже нет такого подразделения, чтобы расследовало убийства! Никаких убийств у них не бывает, значит, не нужны и люди, которые бы их расследовали. Вот это здорово, просто здорово!

Аудио вдруг зазвонило. Лэнтри сначала поколебался, потом решил и ответил на вызов.

— Скажите,— произнес голос на том конце,— кто вы такой?

— Человек, который звонил, только что ушел,— ответил Лэнтри и отключил связь.

Он бежал от будки, бежал изо всех сил. Они распознают его по голосу и вышлют людей проверить, кто он такой на самом деле. Люди в этом мире не привыкли лгать, а он только что солгал. Они это узнают по его голосу. Любой, кто способен на ложь, нуждается в заботе со стороны психиатра. Они приедут сюда, чтобы выяснить причину, по которой он им солгал. Только эту причину. Больше им не в чем было его подозревать. Отсюда следует... что надо поскорей уносить ноги.

Теперь ему придется вести себя предельно осторожно. Он ничего толком не знает об этом мире, с его странными

этическими нормами и нездоровой прямоотой. Ты подпадаешь под подозрение уже оттого, что ты слишком бледен, только потому, что ночью не спишь, потому что не моешься, потому что от тебя идет запах, как... как от дохлой коровы. Тебя начинают подозревать просто так — из-за ничего.

Он должен сходить в библиотеку. Но это тоже опасно. Какие они сегодня — эти библиотеки? Чем они теперь там пользуются, в библиотеках? Читают книги или проецируют на экран микрофильмы? А может, люди теперь располагают свои библиотеки на дому, избавляясь таким образом от необходимости держать большие централизованные библиотеки?

Все-таки, наверное, стоило рискнуть. Пускай он будет вызывать подозрительность у людей тем, что пользуется давно вышедшими из употребления терминами, но упускать возможность что-то узнать о мире, гнусном и бестолковом мире, в который он вынужденно окунулся и должен был существовать, было просто нелепо. Он нуждался в знаниях как никто и никогда. На улице он остановил какого-то мужчину и задал вопрос:

— Простите, где здесь ближайшая библиотека?

Странно, мужчина даже не удивился.

— Два квартала на восток, затем один на север.

— Спасибо.

Надо же, как, оказывается, просто.

Спустя несколько минут он был уже в библиотеке.

— Могу ли я быть вам чем-нибудь полезна?

Он посмотрел на библиотекаря. Могу ли я быть... чем-нибудь полезна! Могу ли... полезна! Ну что за идиотский мир услужливых людей!

— Я бы хотел иметь Эдгара Аллана По.— Он очень осторожно выбирал глагол для своей фразы: он не сказал «почитать» — слишком уж сильно боялся того, что книгами теперь не пользуются, что книгопечатание ушло в далекое прошлое и воспринималось как утерянное ремесло; вдруг теперешние «книги» это не что иное, как полностью воспроизведенные кинокартины в трехмерном изображении. Да нет, какого черта, попробуйте в трех измерениях воспроизвести труды Сократа, Шопенгауэра, Ницше или Фрейд-да!

— Повторите, пожалуйста, еще раз.

— Эдгар Аллан По.

— Извините, но в нашей картотеке такой автор не значится.

— Мог бы я вас попросить проверить точно?

Она проверила.

— Ах, да. На карточке стоит красная помета. Это означает, что он был одним из авторов, чьи книги подверглись Великому Сожжению в 2265 году.

— Какое невежество с моей стороны.

— Нет-нет, все нормально, — утешала она. — А вы о нем много слыхали, да?

— У него встречались весьма любопытные идеи насчет смерти и загробной жизни, — сказал Лэнтри.

— Любопытные? — удивилась она. — Да скажите просто ужасные, ни на что не годные.

— Да-да, конечно, ужасные. Гадкие и отвратные, если быть честным. Как прекрасно, что его книги сожгли. Нечистая литература. Между прочим, а Лавкрафт у вас есть?

— Это что, руководство по сексу *?

Лэнтри весело рассмеялся:

— Да что вы, нет. Лавкрафт — это имя мужчины.

Она покопалась в картотеке.

— Его книги тоже сожжены. Тогда же, вместе с книгами По.

— Полагаю, что это касается и книг Махена, человека по имени Дерлет, и еще одного, которого звали Амброуз Биерс, не так ли?

— Именно так. — Она захлопнула картотеку. — Все сожгли. И правильно сделали: туда им и дорога. — Она с интересом взглянула на него, но без подозрительности, которой он так опасался. — Ручаюсь, что вы только что прилетели с Марса.

— Почему вы так говорите?

— Вчера у нас побывал еще один исследователь. Он только что летал на Марс и обратно. Его тоже, знаете ли, очень интересовала литература о сверхъестественном. Впечатление создавалось такое, что там на Марсе до сих пор сохранились надгробия, представляете?

— Что это за «надгробия» такие? — Лэнтри начинал приучать себя держать язык на привязи.

— Ну это такие плиты, под которыми хоронили людей.

— Какой варварский обычай! Страшно и подумать!

— Ну да, жуткий, правда? Так вот, когда он встретил там на Марсе надгробия, он очень заинтересовался этим вопросом. Пришел к нам и все спрашивал, нет ли у нас тех

* Лавкрафт — букв «искусство любви».

авторов, которых вы перечислили. Но мы, разумеется, ничем не могли быть ему полезны. От их книг и гари-то давно уж не осталось.— Она пригляделась к мертвенной бледности его лица.

— Все же вы, наверное, меня разыгрываете. Вы точно один из астронавтов, летавших на Марс. Ведь правда?

— Да,— солгал он.— Только вчера с корабля.

— Того молодого человека звали Берк.

— Ну конечно же, Берк! Добрый мой приятель!

— Мне очень жаль, что я не могла быть вам полезна. А вам я бы посоветовала уколы витаминов и позагорать под ультрафиолетовой лампой. Вы выглядите просто ужасно, мистер...

— Лэнтри. Ничего, скоро все вернется в норму. Я вам очень признателен за вашу любезность. Что ж, до следующего кануна Хелоуин *!

— Ах, какой же вы шутник! — с готовностью засмеялась она.— Если бы и в самом деле остался Хелоуин! Тогда бы я назвала это свиданием.

— Но они сожгли и его, не правда ли? — спросил Лэнтри.

— Ой, они сожгли все-все, ничего не осталось,— почувствовала девушка.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— попрощался он и вышел из библиотеки.

* * *

Ох, до чего же осторожно ему приходится балансировать, вращаясь, будто некий темный гироскоп, в этом мире: он должен вращаться и вращаться, не скрипнув, не прошелестев ни на мгновение. Поневоле станешь молчуном, будешь молчать как могила, из которой вышел на свет. Проходя по вечерним восьмичасовым улицам, он особо заинтересовался их освещением: освещены были улицы в основном на перекрестках и на углах, а сами кварталы освещались довольно скупо. Неужели эти удивительные люди совсем не боятся темноты? Нет, это невозможно, абсурд! **Каждый человек боится темноты. Даже он, когда был маленький, он тоже боялся. Это является такой же естественной и неотъемлемой чертой человеческой природы, как необходимость есть и спать.**

* Праздник, когда устраиваются веселые карнавалы со страшными масками.

Проходя по парку, он обратил внимание на маленького мальчугана, во весь дух улепетывавшего от компании преследователей такого же, как он сам, возраста. Преследователей было шестеро, они кричали и носились по лужайке, барахтаясь среди опавшей листвы, под темным и холодным октябрьским вечерним небом. Несколько минут Лэнтри наблюдал за их веселой кутерьмой, прежде чем улучил момент и обратился к одному из мальчишек, который тяжело дыша остановился на мгновение, чтобы передохнуть. Он так усердно глотал свежий вечерний воздух, что казалось, набирает его побольше в маленькие детские легкие, чтобы вслед за этим надуть бумажный пакет и торжественно хлопнуть его на радость всем сорванцам на лужайке.

— Эй,— окликнул его Лэнтри.— Ты быстро так выдохнешься.

— Ага,— ответил мальчишка,— точно.

— Слушай,— продолжал Лэнтри,— ты мне не скажешь, отчего это улицы посередине кварталов совершенно не освещаются фонарями?

— Чего? — изумился сорванец.

— Ну, понимаешь, я учитель и решил вот так неожиданно, врасплох, проверить твои знания,— придумал отговорку Лэнтри.

— Ну-у, потому что,— воспринял все за чистую монету парнишка,— потому что не надо никаких фонарей посреди кварталов — вот почему.

— Но ведь на улице становится совсем темно, вечер-то уже поздний,— в свою очередь недоумевал взрослый дяденька.

— Ну и что? — опешил мальчишка.

— А разве тебе не страшно?

— Чего бояться-то? — не понял тот.

— Ну, темноты, например.

— Эва, с какой это стати?

— Пойми,— растолковывал Лэнтри.— Сейчас уже темно, ничего не видно. В конце концов, уличные фонари для того и придумали, чтобы они разгоняли тьму и люди не боялись.

— Хм, глупость какая. Фонари придумали, чтобы было видно, куда ты идешь, и больше ни для чего.

— Да нет же, ты не понимаешь,— терпеливо добивался вразумительного ответа на свой вопрос Лэнтри.— Ты что же, хочешь меня убедить, что можешь просидеть в пустом парке всю ночь напролет и так ничего и не испугаться?

— А чего пугаться-то?
— Чего, чего, дурачок ты этакий. Темноты, конечно!
— Вот еще!
— И можешь, скажем, отправиться вечером на холмы, провести там всю ночь?

— Конечно!
— Можешь остаться один в пустом, брошенном доме?
— Понятное дело, могу.
— И тебе не будет страшно?
— Ни капельки не будет.
— Ну ты и врунишка!
— Вы чего обзываетесь, дядя? — возмутился сорванец. Очевидно, назвать человека лжецом было верхом непристойности. С ума сойти можно от их дурацких порядков!

Лэнтри был вне себя от негодования, хотя и понимал, что глупо сердиться на уличного мальчишку.

— Ладно,— попробовал он еще раз.— Ну-ка, погляди мне в глаза, но только не отводи взгляда...

Мальчишка послушно поглядел.

Лэнтри слегка оскалил зубы, растопырил пальцы наподобие когтей и принялся гримасничать пострашнее, рычать и жестикулировать — все что угодно, только бы напугать этого маленького ублюдка.

— Хо-хо, здорово,— оценил маленький ублюдок его старания.— Дядя, а вы забавный.

— Что? Что ты сказал?

— Я говорю, вы забавный, дядя. Здорово это у вас получается. Эй, пацаны, давай сюда! Здесь один дяденька отличные штуки показывает!

— Перестань!

— Сделайте, пожалуйста, еще разок, сэр.

— Сказал же, хватит! Спокойной ночи! — И Лэнтри поспешил уйти.

— Спокойной ночи, сэр. И будьте поосторожней в темноте, сэр,— напутствовал вдогонку сорванец.

* * *

Какой идиотизм, мерзкий, ползучий, желтобрюхий и сопливый идиотизм! Да такой поганой штуки, как эта, ему в жизни видеть не приходилось. Они растят своих идиотов-ублюдков без единой извилины в голове, как у ежика,— у кроликов, к сожалению, есть одна — ответственная

за такую элементарную штуку, как воображение! Что за удовольствие в детстве и в том, что ты ребенок, если у тебя отсутствует воображение?

Он сбавил шаг — чего бежать? Переключил скорость и занялся самоанализом. Провел по лицу рукой, укусил себя за палец, обнаружил, что стоит как раз посередине квартала, и почувствовал себя неуютно. Прошел по улице немного вперед, поближе к горящему на углу фонарю.

— Так-то будет лучше, — отметил он и протянул к фонарю руки, растопырив пальцы, будто согревал ладони у костра.

Лэнтри прислушался. Ни звука, только дыхание ночи да извечные сверчки. Отдаленный шипящий выхлоп прочерчивающей небо ракеты. Похоже на звук несильно размахиваемого в темноте факела.

Он прислушался к себе и в первый раз за все время осознал, что же в нем есть такого особенного, чего ни у кого нет: внутри него царила полная тишина — ни звука. Те негромкие звуки, которые полагалось производить легким и ноздрям, отсутствовали. Легкие не вдыхали кислорода и не выдыхали углекислого газа, они замерли на месте. Реснички эпителия в его ноздрях, которые должен был овеивать теплый поток воздуха, не шевелились. И мягкое мурлыканье производимое в носу процессом дыхания, тоже отсутствовало. Странно. Даже не странно — забавно. Шум, который ты никогда не воспринимал сознательно, когда ты был жив, теперь начал тебя беспокоить, тогда как ты уже мертв. И ты уже скучаешь по нему.

Бывало иногда, очень редко, глубокой бессонной ночью, раньше, лежишь с открытыми глазами, очнувшись от какого-то смутного кошмара, прислушиваешься в ночь и в себя — и тогда вдруг, кажется, начинаешь слышать сначала легкое посапывание: вдох-выдох, вдох-выдох, а потом начинает мерно и глухо стучать в висках кровь, отдаваться в барабанных перепонках, в вене на горле, в ноющих тупой болью запястьях, в промежности, в груди. Нынче же все эти малые ритмы твоего тела канули в далекое прошлое, ушли безвозвратно. Удары крови в висках и запястьях пропали, на горле не пульсирует вена, не поднимается ритмично грудь, не ощущается равномерно циркулирующая по всему организму кровь, производящая неуволнимый уху, но такой явственный для тебя звук. Теперь — что же теперь? Теперь это почти то же самое, что прислушиваться к мраморной статуе.

Все равно он же жил. Или по крайней мере существовал: думал, перемещался в пространстве, действовал. А как, благодаря чему? Каким образом все это соотносимо с научными теориями и физическими, химическими постулатами? Как объяснить загадочное это явление? Где же движущая сила его существования?

Да чего там, понятно, где эта движущая сила.

— Это его ненависть.

Ненависть была в его килах, заменив собой кровь в его мертвом теле, теперь она циркулировала по всему организму, толчками пробегала живительным потоком по всем холодным членам. Ненависть была его сердцем, она ровным теплом грела грудь. Что он, в самом деле, такое, если подумать? Негодование, материализовавшееся в его оболочке, зависть. Они сказали, что он не имеет права больше лежать в могиле. Он здесь не собирался вылезать на поверхность и разгуливать на свободе — они его заставили, вынудили на этот шаг. Да прекрасно он довольствовался своим отдыхом в зарытом глубоко в землю деревянном ящике, ощущая и не ощущая в то же время шорох мириадов бодрствующих и вечно копошащихся в земле насекомых, шевеление червей, глубоких, как его мысли.

Так нет же, они пришли и приказали: «Нечего тебе здесь делать, пошел вон, в печку!» А это самая мерзкая штука, которую можно предложить сделать мужчине: человеку нельзя так безапелляционно приказывать жертвовать собой во имя их дурацких идей. Если вы будете человеку твердить, что ему все равно, он же мертвый, тогда он не захочет быть мертвым. Если начнете утверждать, что нет, слава Богу, Вампиров, клянусь, он постарается стать таковым — хоть на время. Вы скажете, что мертвецы не могут ходить, он обязательно попробует, как функционируют его конечности. Вы будете разглагольствовать о том, что в вашем мире совершенно отсутствует феномен убийства, будьте покойны, он обеспечит вам наличие упомянутого феномена. Потому что он есть средоточие и предельная концентрация всего невозможного, на которое только способно ваше воображение — если оно у вас есть. Своей бездумной и нерасчетливой практикой вы сами его и породили. Ну что ж, он вам покажет, где раки зимуют. Сами виноваты: нечего было его трогать. Вы не оставили ему выбора, он вынужден показать вам, почем фунт лиха. Солнце — это благо, ночь — тоже, ничего дурного в темноте нет, и страшного в ней ничего нет, говорите.

Темнота — это страх, это ужас, выкрикнул он в сторону домишек, притаившихся в вечерней тьме, выкрикнул молча. Она, эта тьма, эта ночь и придумана для контраста. Ее надо бояться, ей надо ужасаться, понятно вам, олухи, кретины? Всегда так было, с самого сотворения мира. Вы, подлые сжигатели книг Эдгара По и чудесного многословного Лавкрафта, вы, гнусные ханжи, хулители и гонители славного праздника Хэлоуин и его сделанных из тыквы фонарей! Я превращу ночь в то, чем она когда-то всегда была, в то, для защиты от чего человечество и придумало города с фонарями, чтобы не боялись дети.

Будто в ответ на его мысли низко на небосклоне пророкотала ракета, оставляя за собой неровный шлейф пламени, заставив Лэнтри вздрогнуть от неожиданности и отшатнуться назад.

IV

До Научного Порта было не больше десяти миль ходу. Но ему и тут не повезло. Он пришел в научный городок к рассвету, а часа в три утра его нагнал на шоссе серебристый «таракан».

— Хэлло,— окликнул его водитель.

— Хэлло,— устало откликнулся Лэнтри.

— Почему вы идете пешком?— спросил мужчина.

— Я направляюсь в Научный Порт.

— А почему вы не едете, а так, на своих двоих?

— Мне **нравится** ходить пешком.

— В первый раз слышу, чтобы кому-то нравилось ходить пешком. Может, вам нехорошо? Давайте я вас подвезу.

— Нет, спасибо, я пройду пешком. Мне это нравится.

Водитель после некоторого замешательства захлопнул дверцу «таракана», пожелав ему на прощание спокойной ночи.

Когда «таракан» скрылся из виду за холмом, Лэнтри ступил с дороги на землю, в близлежащий лесок. Ох уж мне этот дурацкий мир услужливых идиотов, думал он. Господи, тебя считают умалишенным уже из-за того, что ты не разъезжаешь на их приспособлениях для шуршания по дорогам, а просто-напросто идешь пешком. Это наводит на единственную в такой ситуации логическую посылку. ему нельзя больше разгуливать пешком, он должен раскатывать

на их «тараканах». Надо было соглашаться, когда тот малый предлагал его подвезти.

Остаток ночи он продолжал шагать вдоль дороги, сворачивая в подлесок всякий раз, когда появлялась очередная машина. На рассвете он забрался в сухой водосток и смежил веки.

* * *

Сон, приснившийся ему, был совершенен, как бывает совершенна по своей кристаллической структуре снежинка.

Он увидел кладбище, в могиле которого он лежал глубоко под слоем земли и дозревал до судьбоносного момента в течение целых столетий. Он слышал шаги возвращающихся ранним утром на работу могильщиков, пришедших довести до конца начатое вчера.

— Передай мне, пожалуйста, лопату, Джим.

— Держи. Ну что, поехали?

— Погоди-ка, погоди!

— Ну что там еще?

— А ну глянь сюда. Мы ж с тобой вчера ушли, а жмурика оставили на утро, так?

— Так.

— Гроб оставался тут, присыпанный немного, так?

— Ну так.

— А теперь, глянь-ка сюда, он пустой и раскрытый!

— Да мы, небось, могилой ошиблись.

— Как там на надгробии написано?

— Лэнтри. Уильям Лэнтри.

— Он самый. Я точно запомнил. Удрал наш Уильям Лэнтри. Смылся!

— А чего с ним, с жмуриком, могло такого приключиться?

— Откуда я знаю. Вчера вечером тут было тело.

— Но мы ж с тобой наверняка-то не знаем: было — не было. Мы внутрь не заглядывали.

— Не будь дурнем! Кто ж станет пустой-то гроб закапывать? Нет, он в этом самом ящике точно лежал, я знаю. А теперь не лежит.

— Я ж тебе талдычу: ящик запросто мог быть и пустым.

— Нет уж, дудки! Ты только понюхай, чем пахнет. Был он тут, был.

Пауза.

— Но не мог же кто-нибудь взять и выкрасть тело, правда?

— А зачем?

— Из любопытства, например.

— Не болтай глупостей. Люди никогда не занимаются воровством. Чтобы кто-то вот так взял и выкрал тело? Полный абсурд. Люди не привыкли воровать.

— Н-да, что же, у нас остается только один вариант.

— И это?..

— Это значит, что он вылез и ушел себе подобру-поздорову.

Пауза. В своем черном сне Лэнтри ожидал, что за таким предположением последует смех собеседника, но смеха не последовало. Вместо него после продолжительной задумчивой паузы голос второго могильщика произнес:

— Да, действительно. Так оно, видно, и есть: поднялся и ушел. Интересная мысль, надо бы хорошенько ее обмозговать.

— Не правда ли?

Молчание.

* * *

Лэнтри очнулся. Да, конечно, это был только сон, но, Боже, до чего же реалистичный! Странно они разговаривали, эти двое могильщиков. Но отнюдь не неестественно для сложившейся ситуации, нет, нет. Примерно так они, люди будущего, и должны разговаривать, очень на них похоже. Лэнтри скупно усмехнулся, поймав себя на очередном анахронизме: будущее, как он его определял в мыслях, на проверку оказывалось настоящим, все это с ним происходило в данный момент. Не через триста лет в будущем, а сейчас. Это было не двадцатое столетие. Как же спокойно эти двое мужчин обсуждали его исчезновение и как легко восприняли этот парадокс: «Вылез и ушел подобру-поздорову, не правда ли?» Даже голос не дрогнул, не оглянулись через плечо, руки крепко держат инструмент, и мозги у них тоже крепкие, как орешек, совершенные в своей простоте и логичности. Нет другого объяснения, ведь не мог же, в самом деле, кто-то украсть в мире, где никто ничего не крадет. Так и сказал: «Полный абсурд».

Значит, мертвец за здорово живешь поднялся и ушел. Только само мертвое тело могло себя украсть. Вот умники! Из некоторых слов, оброненных могильщиками, Лэнтри мог

уяснить, что они при этом думали. Вот лежал, лежал себе человек в состоянии анабиоза, никакой не мертвый, а почти что, можно сказать, живой лежал. И не год, не два — сотни лет пролежал. А принялись они ворошить все кругом, шуметь, суетиться и разбудили человека.

Кто ж не слышал про тех зеленых лягушек, которые на столетия были заключены в грязевые комья и заморожены в лед, и ничего с ними, с зелеными, не сделалось. Когда ученые выколуپнули их и согрели, как камешки в ладонях, эти мелкие земноводные запрыгали как ни в чем не бывало, глазенками заморгали, квакать начали. Так что нетрудно представить, следуя логике этих кладбищенских пролетариев, что Лэнтри мог повести себя в строгом соответствии с известными им понаслышке законами природы.

Но если им придет в их тупые головы сопоставить дату таинственного исчезновения жмурика и «несчастный случай», незапланированную аварию в Крематории? Денек-другой шариками покрутят и дойдут. Что, если этот бледнолицый парень с Марса, Берк, кажется, придет снова в ту же библиотеку, а молоденькая библиотекарьша, когда он просит еще какие-нибудь книжки, ему выдаст:

— Ах, знаете, на днях заходил к нам ваш добрый приятель по имени Лэнтри.

А он только удивится:

— Лэнтри? Что за Лэнтри такой? Не знаю никакого Лэнтри!

Тогда придет черед удивляться уже ей:

— А, так он мне **соврал?**

Они ведь, кретины безмозглые, друг другу вообще не врут. Вот так, из маленьких эпизодов и частей у них сложится единая картина. Человек с бледным лицом, а люди такими бледными не бывают, солгал, а люди теперь никогда не лгут; человек, идущий пешком по уединенной ночной дороге, а люди никогда не ходят пешком на большие расстояния; на кладбище неожиданно пропадает покойник из могилы, и Крематорий вдруг ни с того ни с сего взлетает на воздух...

Они будут выслеживать его, охотиться за ним. Они его вычислят, это нетрудно: пешком разгуливает, все время врёт и к тому же бледный. Они его вычислят, схватят и засунут в ближайшую же топку как полено. И будь здоров, Уильям Лэнтри, с праздником Независимости тебя!

Остается одно: делать то, зачем он появился снова на белый свет. Он разволновался и заворочался на импровизи-

рованном ложе. Губы его растянулись в хищном оскале, глаза горели ненавистью, все мертвое тело пылало и трепетало в одном только страстном желании. Убивать, убивать и продолжать все время убивать, убивать, убивать. Он должен превратить своих врагов в союзников и друзей, в людей, которые ходят, хотя не имеют права ходить, в бледнолицых, разгуливающих по миру розовощеких. Он должен убивать, убивать и еще раз убивать. Он должен совершать посев драконовских зубов, плодя все больше себе подобных. Нужны новые и новые мертвецы, покойники, мертвые тела, трупы. Он обязан уничтожать один чертов Крематорий за другим. Пусть взлетают на воздух бесперебойно. Пусть растут ряды мертвецов. И когда все Крематории будут лежать в руинах и все наскоро сооруженные морги будут переполнены телами пострадавших при взрывах, тогда он начнет приобретать все новых и новых друзей и соратников в его благородной миссии.

Прежде чем им удастся выследить, обнаружить и уничтожить его, он должен позаботиться, чтобы они уже сами были мертвы. Пока будет так, он в безопасности. Он будет убивать, а они не будут отвечать убийством на убийство. Не принято у них, видите ли, убивать. И это дает ему очевидное преимущество в объявленной войне. Он выкарабкался из заброшенного водостока и вышел на дорогу.

Из кармана он вынул нож и остановил первую же попавшуюся на шоссе машину.

* * *

Точно как День Независимости — не меньше! Самый здоровый из всех!

Крематорий Научного Порта разломился где-то посредине и затем, осев, развалился на части. Сначала было очень много небольших взрывов, за которыми последовал главный, страшный в своей оголтелой ярости, по неожиданной мощи и неистовству. Обломки разлетелись над научным городком, разрушая все подряд: дома с людьми, деревья, технику. Он пробудил людей от сна и тут же успокоил навеки, принеся с собой летающую по городку смерть.

Уильям Лэнтри, сидя в «таракане», не принадлежавшем ему, лениво крутил ручку настройки аудиосвязи, поймав какую-то станцию. В результате аварии в Крематории погибло около четырехсот человек. Большая часть из

них была расплющена в своих домах разбросанными вокруг гигантскими обломками трубы Крематория, других настиг металл, свистевший в воздухе. Временный морг оборудован на...

Прозвучал адрес морга.

Лэнтри ждал наготове с блокнотом и карандашом, быстро записал адрес.

Можно продолжать двигаться тем же путем, размышлял он, переезжая из города в город, из страны в страну, уничтожая по пути эти монстры-топки, Огненные Столбы, до тех пор, пока вся идеально отлаженная система прижигания и аннигиляции следов преступления огнем не будет уничтожена окончательно. Он сделал грубый подсчет: каждый взрыв в среднем уносил с собой около пятисот жертв. Он буквально в считанные дни и недели может дойти до ста тысяч человек.

Он надавил ногой на педаль газа, и «таракан» тронулся с места. Лэнтри, с улыбкой на бледных губах, катил по улицам города.

Главный городской следователь по делам, связанным со скоропостижной смертью, провел реквизицию старого складского помещения. С полуночи и до четырех утра во двор склада, шурша по омытым дождем сверкающим покрытиям дороги, заезжали серые «тараканы», из них вынимали тела погибших и укладывали на цементный пол морга. Тела укрывались белыми простынями. Основной поток мертвецов продолжался непрерывно до половины пятого, затем прекратился. Более двухсот трупов разместилось на холодном цементном полу бывшего склада. Они лежали ровными рядами — холодные и бледные.

Мертвецы были предоставлены сами себе, никто не остался за ними приглядывать, да они и не нуждались теперь ни в чьей заботе, вполне могли обойтись собственными силами.

Около пяти утра, с первыми лучами солнца на востоке, в сарай потянулся первый, пока тонкий, ручеек посетителей: родственники и сыновья, дочери погибших, их отцы и матери, дяди и тети приходили, чтобы быстро засвидетельствовать факт опознания погибших и не мешкая покинуть мрачное помещение и двинуться дальше по делам.

Уильям Лэнтри пересек широкую мокрую улицу и вошел в здание бывшего склада.

В одной руке он держал голубой мелок.

Он проследовал мимо городского следователя, заня-

того беседой с двумя посетителями у входа во временный морг.

— ...отвезти тела в Крематорий города Меллин Таун, завтра,— донесся до него обрывок их разговора, и голоса стихли.

Лэнтри шел дальше, его шаги по холодному цементному покрытию пола отдавались в гулком помещении слабым эхом. Его охватила и понесла волна неопределенного облегчения, когда он шагал между укрытыми простынями фигурами. Наконец-то он был среди своих! И ведь что самое приятное: он их создал сам, своими, так сказать, собственными руками! Вот этими руками он превратил их в покойников, в собратьев, в своих друзей. Вот они лежат ровными рядами, твои соратники!

Как там, законник не глядит? Лэнтри обернулся. Нет, не смотрит. Складское помещение было погружено в тишину, спокойствие и сумрак хмурого октябрьского утра. Городской следователь вообще уходил прочь, на улицу в сопровождении двух своих помощников. На противоположной стороне улицы припарковался «таракан», и начальство отпиралось выяснять, в чем тут дело.

Уильям Лэнтри нагнулся и начертил пентаграмму * на цементном полу рядом с одним телом, другим, третьим. Минут через пять, непрестанно оглядываясь, не пришел ли кто, он успел пометить голубым мелком около ста тел: работал он быстро, бесшумно и оперативно. Исполнив задуманное, он выпрямился и спрятал мелок в карман.

Время настало всем добрым людям присоединиться к их празднику, время настало всем добрым людям присоединиться к их празднику, время настало всем добрым людям присоединиться к их празднику, время настало всем добрым...

Он лежал в земле столетия кряду, и сквозь толщу земли до него доходили мысли и самые сокровенные желания людей, которые копошились там, на поверхности. Он жадно их всасывал, подобно большой подземной губке. Из темных глубин его памяти той смерти, глубоко зарытой и увенчанной, придавленной надгробием, он извлекал преследовавшее его видение: черная пишущая машинка печатает на белой бумаге ровные черные строчки его заклинания:

* Пятиугольник. Распространенный магический знак.

«Время настало всем добрым людям...

Уильям Лэнтри».

Другие слова...

Прыг-скок, обвалился потолок. Нет, не так. Покойник раз-два, прыг-скок, обвалился Крематорий, раз-два...

Лазарь, восстань же из мертвых...

Он знает все правильные слова. Осталось только произнести их, как произносили эти заклинания одно столетие за другим. Он лишь взмахнет руками и произнесет свои заклинания, магические слова, вызывающие к жизни темные силы, и тогда мертвые содрогнутся, восстанут и пойдут.

А когда они восстанут из праха, он поведет их в город, и они будут убивать, убивать всех подряд на своем пути, и те тоже будут восставать и идти. К исходу дня в их рядах будут тысячи и тысячи новых соратников, они волеются в их шеренги и будут шагать вместе с ним, сея повсюду новую и новую смерть. А что же эти наивные, бестолковые обыватели? Они будут совершенно не подготовлены к их триумфальному шествию, они будут растеряны и беззащитны. Они будут обречены на поражение в войне, которую он им объявил, но о которой они ничего не подозревают. Они не верят в то, что такое вообще возможно, все будет кончено прежде, чем они успеют осознать, что не все на свете подчиняется логическим законам, что их хваленый здравый смысл может быть грубо растоптан.

Он воздел вверх руки. Губы его шевелились. Он промолвил заклинания. Начал с заунывного шепота нараспев, затем голос его окреп, громче, громче. Он твердил слова заклинания снова и снова. Глаза его были крепко зажмурены, брови насуплены, тело раскачивалось в монотонном ритме. Он заклинал мертвых, все убыстряя и убыстряя поток речи. Он двинулся вперед, проходя между рядами мертвецов, безотчетно твердя одно и то же. Его уже самого начала околдовывать придуманная им формула, он как зачарованный нагнулся и стал метить мелком следующие и следующие тела: возле каждого трупа он выводил правильную пентаграмму на цементном полу, на манер древних колдунов и шаманов. Он улыбался и был уверен в своих силах, в своем могуществе. Вот сейчас, еще одно мгновение, и мертвые тела задрожат и медленно поднимутся, зашевелиятся и спадут их смертные покровы, они восстанут, чтобы присоединиться к нему в его борьбе.

Руки его были воздеты к потолку, голова ритмично кивала в такт тарабарщине, он творил пассы над рядами мертве-

цов. Он говорил все громче, почти кричал, впадая в экстаз, напрягшись всем своим существом, сияя глубоко запавшими в глазницах, исполненных истовой верой глазах.

— Теперь,— воскликнул он,— восстаньте из мертвых, все вы, восстаньте!

И... ничего не случилось.

— Восстаньте!— кричал он с мукой и мольбой отчаянным голосом.

Простыни не шелохнулись, продолжали лежать, драпируя голубоватыми складками мертвые тела.

— Слушайте и повинуйтесь!— приказывал он.

И снова, и снова призывал их и молил. Сначала всех скопом, а потом перешел к индивидуальному подходу к каждому покойнику. Покойники не отвечали на его призывы и заклинания. Его одинокая фигура шагала по цементному полу бывшего склада, размахивала руками, кланялась и помечала жмуриков голубыми пентаграммами.

Лэнтри был бледен. Он облизнул губы и зашептал пересохшим горлом

— Ну же, вставайте, не медлите, вставайте! Они же вставали, всегда вставали, целые тысячелетия они всегда повиновались и восставали из могил! Когда ты рисуешь знак — вот так, когда произносишь слово — вот так, они всегда восстают! А вы-то, вы-то почему не повинуетесь? Давайте, живее, пока они не вернулись!

Помещение бывшего склада было погружено в глубокие тени, перегороженные стальными балками и стеллажами. В сумраке пустого склада, под гулким потолком только отзывалось эхом его страстное бормотание и мольбы бесильного в ярости и отчаянии ожившего мертвеца, одинокого на тропе войны с целым миром.

Через широко раскрытые ворота склада он увидел, как на небе гаснут последние бледные звезды.

Шел 2349 год.

Глаза его потухли, руки бессильно опустились. Он стоял неподвижно, погруженный в пучину отчаяния.

* * *

Были времена, когда люди вздрагивали от звука хлопающих на сквозняке ставен и дверей в пустом доме, раньше люди суеверно крестились распятием и аконитом *, верили

* Священная трава

в то, что мертвецы могут свободно расхаживать по земле, верили в оборотней-Вампиров, в вислоухих белых волков. И пока люди будут продолжать в них верить, Вампиры, вурдалаки и белые волки будут продолжать существовать в природе. Человеческий разум порождает их и придавал им материальное воплощение.

Однако...

Он окинул взглядом ровные ряды укрытых простынями тел.

Эти люди не верили во всякую чертовщину.

Никогда не верили и не могли верить. При жизни им и в голову-то не могло прийти, что мертвецы могут ходить. Они передвигались иным способом: улетали в трубу Крематория. У этих людей не было ни времени, ни места для суеверий, они никогда не вздрагивали от необъяснимых явлений, не боялись темноты. Мертвецы не умеют ходить, это лишено всякой логики и смысла. Сейчас все-таки 2349 год на дворе!

Отсюда следует логическое заключение, что лежащие перед ним мертвецы не могут восстать и пойти. Они будут лежать такими же мертвыми, плоскими и холодными, как сейчас. И ничто — ни начертанные мелком пентаграммы, ни мольбы, ни проклятия, никакое порядочное суеверие не могло вдохнуть в них жизнь и заставить встать и пойти. Они были покойниками в полном смысле этого слова, а главное, они знали, что они покойники, и вели себя, как положено покойникам.

Он был совершенно одинок.

На свете было много живых людей, которые передвигались по поверхности в своих «тараканах», попивали прохладительные и горячительные напитки в небольших полутемных придорожных барах, целовали своих женщин и вели длинные добропорядочные трезвые разговоры дни напролет, они все говорили и говорили, эти живые люди.

А он? Он был неживой.

Все тепло, что у него имелось, появлялось в нем благодаря трению, производимому движениями.

Вот лежат здесь, в этом складском помещении, две сотни хладных трупов на цементном полу. Первые за добрую сотню лет покойники, которым позволили в силу сложившихся обстоятельств побыть самими собой, покойниками то есть, лишний часок-другой. Первые трупы, не отправленные немедленно в топку, чтобы там сгореть как спички, один за другим.

Он должен был радоваться их компании, чувствовать себя не так одиноко, ощущать себя одним из них.

А он не радовался, не чувствовал и не ощущал.

Они ведь были безнадежно и бесповоротно мертвы. Они же не верили в то, что мертвые могут разгуливать на свободе. Сердце перестало биться — значит, человек окончательно умер. Он мертвее его, мертвеца.

Итак, он в полном одиночестве. Наверное, не было еще на земле более одинокого, чем он, человека. Это одиночество ширилось, заливая ему грудь, поднималось к горлу, душило его.

Уильям Лэнтри неожиданно оглянулся и оторопел.

Пока он тут стоял, погруженный в переживания, в помещение бывшего склада кто-то вошел. Седовласый высокий мужчина в рыжевато-коричневом демисезонном пальто, без шляпы. И как долго он уже здесь находился, определить не было никакой возможности.

И непонятно, что он вообще здесь делал. Лэнтри вернулся всем корпусом и направился медленным шагом к выходу из морга. Проходя мимо незнакомца, он невольно оглянулся на него и встретил любопытствующий ответный взгляд того, устремленный прямо на него, Лэнтри. Интересно, слышал ли он что-нибудь? Все его заклинания, мольбы и проклятия, которые он кричал этим жмурикам? Подзревает ли что-то нехорошее? Лэнтри еще больше замедлил шаг. Видел ли этот седой, как он, Лэнтри, рисовал на цементном полу голубым мелком таинственные знаки? И потом, способен ли незнакомец ассоциировать их с древними предрассудками? Скорее всего нет, не способен.

Дойдя до двери склада, Лэнтри остановился. На какое-то мгновение ему вдруг остро захотелось, чтобы он сейчас тоже лежал на цементном полу, чтобы он снова оказался холодным и мертвым, чтобы его окостеневшее тело подняли и унесли к какой-нибудь далекой-далекой топке, чтобы он превратился в шипящих языках пламени в горстку пепла. Если он действительно остался один-одинешенек, если не может созвать под свои знамена армию мертвецов, чтобы повести ее на священную войну... тогда стоит ли продолжать борьбу? Убивать и убивать? Да, он может отправить на тот свет еще несколько тысяч живых людей. Но ему этого **вовсе** не достаточно для достижения намеченной цели. Он может только стараться унести как можно больше жизней,

прежде чем его возьмут под белые руки и потащат в огонь.

Он посмотрел в холодное утреннее небо.

В сумрачных высотах ракета прочертила своим огненным языком яркий след.

Марс горел красной точкой среди других утренних звезд.

Марс. Библиотека и та разговорчивая библиотечарша. Их беседа. О том о сем. И о людях, возвращавшихся с Марса. Могилы, надгробия.

Лэнтри вдруг словно осенило, он чуть не закричал от радости. Усилием воли он сдержался и не протянул руку к этой горящей красным цветом точке. Прекрасная алая звезда на темном небосклоне. Чудесная далекая звезда, заново подарившая ему надежду. Если б в его груди билось живое, горячее сердце, оно бы неистово заколотилось в этот момент, он бы вспотел, пульс его застучал бы как кузнечный молот и слезы бы навернулись на глаза.

Он должен отправиться немедленно, тотчас же, в то место, откуда стартуют к звездам ракеты. Он обязательно улетит на Марс, так или иначе, но улетит, доберется до Марса и нетронутых могил. И тогда, да помогут ему силы небесные, он поставит на них свою последнюю ставку, свою жгучую, неукротимую ненависть: они восстанут и пойдут, они будут делать все, что он прикажет! Они будут представителями иной цивилизации, чем та, которая правит на Земле, более древней культуры, построенной по образцу Древнего Египта. А культура строителей египетских пирамид, каким клубком, средоточием самых темных суеверий и мракобесия она была! Итак, на Марс. Вперед, вперед к чудесной красной планете. О, как ты великолепен, Марс!

Но он должен стараться не привлекать внимания к своей персоне, должен соблюдать предельную осторожность. Этот седой все время поглядывает на него сквозь распахнутые двери временного морга. Да и вообще, здесь слишкомлюдно. Один он со всеми справиться не может — возьмут числом. Прежде ему приходилось сталкиваться со своими жертвами всегда один на один.

Лэнтри приказал себе остановиться и немного успокоить расшалившиеся нервы, постояв на ступеньках входа в морг. Ему хотелось сорваться с места и бежать, бежать, но это вызвало бы подозрительные взгляды окружающих. Человек с седыми волосами и без шляпы присоединился к нему, стоя рядом, на ступеньках, и тоже уставился в небо. Казалось, он вот-вот заговорит с Лэнтри. Вот он пошарил по карманам, вынул пачку сигарет.

Они стояли вдвоем у входа в морг: Лэнтри и этот высокий седовласый и розовый незнакомец. Лэнтри прятал руки в карманы брюк. Был прохладный предрассветный час, с бледным ликом луны в темном небе, отбрасывающим призрачный свет и глубокие тени на дома, улицы и видневшуюся недалеко реку.

— Хотите сигарету?— предложил Лэнтри седому.

— Благодарю.

Они закурили. Мужчина пригляделся к губам Лэнтри и произнес:

— Свежо на улице.

— Свежо.

Они немного попереминались с ноги на ногу.

— Ужасное происшествие.

— Да, ужасное.

— Так много мертвых.

— Много.

Какое-то шестое чувство предупредило Лэнтри, что здесь что-то не так. Этот незнакомец проявляет к нему не обычное любопытство праздного зеваки, отнюдь нет: он вроде как бы смотрит на Лэнтри и не смотрит вовсе, а прислушивается к нему, все чего-то принюхивается, ощупывает, что ли? Это странное его поведение, тонкий какой-то нюанс заставляли зреть внутри Лэнтри ощущение глубокого беспокойства, дискомфорта. Высокий седовласый мужчина представился:

— Меня зовут Маклюэр.

— У вас там кто-нибудь из близких или друзей?— поинтересовался Лэнтри.

— Нет. Только случайный знакомый. Какое страшное несчастье!

— Ужасное.

Теперь они уже взаимно оценивали друг друга. На своих семнадцати колесах тихо прошуршал на повороте очередной «таракан». Лунный свет очертил дальнюю перспективу города, раскинувшегося среди черных холмов.

— Вот я и говорю,— промямлил этот Маклюэр.

— Да?

— Вы бы не сочли за бестактность, если бы я попросил вас ответить мне на один вопрос?

— Буду только рад,— ответил Лэнтри и приготовил, нащупав в кармане, нож.

— Ведь вас зовут Лэнтри?— наконец задал вопрос мужчина.

— Да.

— Уильям Лэнтри?

— Да.

— Значит, вы именно тот самый человек, который исчез позавчера ночью с сэлемского кладбища, не так ли?

— Да.

— Спасибо Всевышнему, как я рад, Лэнтри! Мы с ног сбились, разыскивая вас повсюду последние двадцать четыре часа!

— Что-что?

— Господи, ну зачем же вы сбежали? Разве вы не понимаете, что это для нас уникальная возможность так много узнать нового? Нет, вы обязательно должны с нами поговорить!

Маклюэр улыбался, он сиял от счастья. Еще одно рукопожатие совершенно обалдевшему от всего этого Лэнтри, еще разок похлопал его по плечу.

— Я, представьте себе, так сразу и подумал: это он!

Нет, он точно сбрендил, думал Лэнтри. Совсем рехнулся. Я громлю и взрываю его Крематории, убиваю множество людей, а он стоит и жмет мне руку. Сумасшедший какой-то!

— Вы же не откажетесь проехать со мной в Холл?— уговаривал его этот шизик, беря под локоть.

— Какой еще холл?— отшатнулся Лэнтри.

— Научный, конечно! Сайенс Холл. Не каждый же год нам так сильно везет, что мы сталкиваемся со случаем пролонгированного оживления покойника, с анабиозом. В мелких тварях — да, бывает. Но чтобы с человеком! Это такая редкость! Ну как, пойдете со мной?

— Да что вы себе позволяете? Что за чушь вы несете?— сияя глазами, возопил в притворном негодовании Лэнтри.

— Ну что вы, что вы, Бог с вами, я не собирался вас оскорблять,— уверял его растерявшийся от столь бурной реакции Маклюэр.

— Я-то ничего. Это что же, единственная причина, по которой вы желали меня видеть, да?

— Разумеется, по какой же еще? Вы не поверите, мистер Лэнтри, как я счастлив, что наконец вижу вас.— Он только что не приплясывал от радости.— Я подозревал, я нутром чуял, что это вы и есть. Еще когда мы оба были

там, в помещении склада. А потом то, как вы курите сигарету. Нет, это трудно передать словами. Ну, вы еще такой бледный, и прочие всякие детали — много чего, всего не перескажешь! Это надо чувствовать, подсознательно ощущать. Но ведь это же вы, вы и никто другой, правда?

— Да, представьте себе, я это я. Уильям Лэнтри, — сухо раскланялся пролонгированный оживляж.

— Ну вот и чудненько, вот и молодец! Идемте же, идемте!

* * *

«Таракан» быстро мчался по рассветным улицам города. Маклюэр болтал, ни на минуту не умолкая.

Лэнтри сидел и слушал, ошарашенный обрушившимся на него потоком слов. Ну и чудак же этот Маклюэр, право слово! Раскладывает ему все карты для его мрачного пасьянса. Совершенно безмозглый ученый — или кто он там в действительности? — воспринимает Лэнтри, похоже, не как какой-нибудь подозрительный предмет багажа, не как орудие убийства. Ничего подобного: все как раз наоборот! Видите ли, только случай пролонгированного оживления, анабиоза его и интересует. И больше ничего! Никакого преступника он в нем не видит — какое там!

— Ну конечно же! — во весь свой зубастый рот скалился ему Маклюэр. — Вы же не знали, куда пойти, к кому обратиться. Вам, наверное, глазам своим трудно было поверить. так все изменилось за столетия.

— Да, пожалуй, — согласился Лэнтри.

— А я как чувствовал, что вы придете сегодня в морг, — говорил счастливым голосом Маклюэр.

— Вот как? — насторожился Лэнтри.

— Ну да. Не знаю, как вам это и объяснить попонятнее. Но вы, — как бы поточнее выразиться, — вы, древние американцы, раньше очень своеобразно относились к смерти, забавные у вас, прямо скажем, были на этот счет идеи. А вы же так долго находились среди мертвых. Ну я и подумал, что вас потянет в этот морг, к несчастным жертвам этого происшествия и все такое. Звучит, конечно, не очень логично — признаюсь. Но у меня было какое-то предчувствие. Я в такие штуки не очень-то сам верю. Но вот было такое предчувствие — и все тут. Пришел сюда в надежде вас повстречать прямо-таки по наитию, что ли.

- Можно сказать и так.
- Пришел, а вы уже тут как тут!
- Да, я уже тут как тут,— признал Лэнтри.
- Вы не голодны?
- Спасибо, я ел.
- А как же вы туда-сюда переезжали?
- Голосовал.
- Что вы делали?
- Меня по дороге подвозили разные люди.
- Интересно.

— Я полагаю, это может прозвучать довольно странно для вашего уха.— Лэнтри смотрел на пробегающие за стеклом улицы и дома.— Значит, это и есть та самая эпоха полетов в космическом пространстве, так я понимаю?

— Да-да, та самая. Мы уже сорок лет как на Марс летаем, знаете?

— Поразительное дело. А еще у вас торчат эти огромные трубы, прямо башни из камня в центре каждого города.

— Ах, эти? Разве вы еще не в курсе? Это наши Крематории. Ах, ну да, ну да, разумеется, в ваше время их еще не было. Да и к тому же они что-то в последние дни приносят одни только несчастья. Надо же, сначала взрыв в Сэ-леме, теперь здесь — и все за сорок восемь часов. Просто голова от всего этого идет кругом. Извините, мне показалось, вы что-то хотели у меня спросить, не так ли?

— Да нет, это я просто подумал,— откликнулся Лэнтри.— Как же я, можно сказать, вовремя вылез из гроба. Ведь могло стать, засунули бы меня в какой-нибудь ваш Крематорий и сожгли бы за милую душу.

— О, это было бы просто ужасно, правда?

— Что правда, то правда.

Лэнтри задумчиво покрутил ручку настройки аудиосвязи на приборной панели. Нет, он не полетит на Марс, у него изменились планы. Если этот чертов кретин не в состоянии признать наличие факта убийства и насилия над мирными жителями, даже когда он буквально спотыкается об этот факт — что ж, пусть и остается чертовым кретином, если так ему нравится. Если им не приходит в голову связать воедино два взрыва подряд в соседних городах и исчезновение покойника с кладбища, тогда все в порядке, ему нечего волноваться. Пусть и дальше продолжают обманывать самих себя. Да помогут им силы небесные в славном их заблуждении, коль у них не хватает воображения придумать что-то настолько ужасное, гадкое и убийст-

венное, как их покорный слуга. Он удовлетворенно потер ладони. Нет, Лэнтри, дружище, пока еще не время тебе лететь на Марс. Сперва надо посмотреть, что ты можешь сделать еще здесь, подрывая систему изнутри. У тебя полно времени в запасе. Дурацкие их Крематории могут и подождать с недельку. Только действовать тебе придется тонко, с умом. А то еще и вправду начнут задумываться, чем черт не шутит?

А Маклюэр этот все болтал и болтал без умолку.

— Разумеется, вам совсем необязательно сразу же подвергнуться научной экспертизе. Надо же вам и отдохнуть, правда? Я вас устрою у себя дома, со всеми удобствами.

— Спасибо. Мне что-то не улыбается сейчас, чтобы меня дергали в разные стороны и подвергали всяким там анализам. Времени ведь предостаточно, можно было бы и подождать с неделю или около того с этим делом.

Они остановились перед домом и выбрались из «тарака-на» на тротуар.

— Вы, наверное, не прочь поспать немного, точно?

— Я спал целые столетия подряд. Спасибо, отоспался. Предпочитаю бодрствовать. И я ничуть не устал.

— Отлично.— Маклюэр открыл входную дверь и пригласил гостя в дом. Перво-наперво он направился к бару со спиртным.— Как насчет чего-нибудь выпить?

— Вы давайте,— ответил Лэнтри.— Я немного попозже. Я пока так посижу.

— Ради Бога, ради Бога, присаживайтесь, прошу вас.— Маклюэр смешал себе коктейль, потом с высоким стаканом в руке обвел глазами апартаменты, посмотрел на Лэнтри, затем склонил голову немного набок и, подоткнув языком щеку, соорудил лукавую физиономию. Пожал плечами и встряхнул стакан с коктейлем. Он неторопливо подошел к ближайшему стулу и уселся на него, спокойно прихлебывая из стакана. Казалось, он к чему-то прислушивается, только непонятно к чему.— Сигареты на столе,— предложил он,— курите, пожалуйста.

— Благодарю.— Лэнтри взял со стола сигарету и закурил. Некоторое время он молчал, занятый этим давно забытым процессом.

Он размышлял: а не слишком ли я все это легко и просто воспринимаю? Может, следует убить его и убежать? Ведь он, по сути, первый из встреченных мной людей, который посмел оказать мне какое-то сопротивление. Может быть, все это подстроено как ловушка для него, Лэнтри? Может

быть, мы здесь расслаживаемся и ожидаем, когда приедет полиция? Или что у них там теперь вместо полиции? Он изучающе посмотрел на Маклюэра — нет, они не ожидают приезда полиции. Они сидят и ждут чего-то совсем другого.

Маклюэр тоже хранил молчание. Он внимательно разглядывал лицо и руки Лэнтри. Потом уперся взглядом в грудь Лэнтри и сосредоточенно молчал довольно долгое время. Снова отхлебнул из стакана. Уставился на ноги Лэнтри.

Наконец он прервал затянувшуюся паузу:

— А где вы раздобыли одежду?

— Свет не без добрых людей. Я попросил — мне дали вот это. Удивительно милые люди.

— Вот-вот, вы еще убедитесь, что у нас так оно и есть: только попроси, и любой сразу же с готовностью придет тебе на помощь.

И снова замолк. Только глазами и обшаривает тебя, одними только глазами. И сидит как истукан, разве только стакан свой поднесет к губам, отхлебнет и снова сидит, молчит.

Где-то за стенкой тикали негромко часы.

— Расскажите мне о себе, мистер Лэнтри.

— Да и рассказывать-то особенно не о чем.

— Ну-ну, не скромничайте, прошу вас.

— Я и не скромничаю. Про прошлое вы знаете. А я вот абсолютно ничего не знаю о будущем или, правильнее будет сказать, о «настоящем» и позавчерашней ночи. Лежа в гробу, знаете ли, мало чего нового узнаешь.

Маклюэр ничего на это не ответил. Только вдруг выпрямился на стуле и обратно откинулся на спинку, покачивая головой.

Они меня ни за что не заподозрят, думал Лэнтри. Они же никакие не суеверные типы, они же никогда не додумаются до того, чтобы покойник вдруг встал себе и пошел. Следовательно, я в безопасности. Буду пока изо всех сил оттягивать момент, когда они примутся за свои физические тесты да химические анализы. Вон они какие вежливые и воспитанные. Эти не станут силком заставлять подвергаться нежелательной процедуре. А я тем временем обмозгую свои планы и приготовлюсь дать деру на Марс. А там меня ждут надгробия и могилы, все в свое время, не торопясь, там я приступлю к осуществлению своего плана. Бр-же ты мой, до чего все просто. И какие они наивные стали — даже не верится!

Маклюэр уже добрые пять минут сидел напротив него и молчал. Он застыл на стуле будто ледяное изваяние. От лица его медленно отливала кровь, становясь из жизнерадостно-розового бледным. Похоже, как, бывает, нажмешь на резиновую часть пипетки, и цвет лекарства вдруг пропадает в стеклянной трубочке как по волшебству. Нет, вот наклонился вперед, предлагает Лэнтри еще одну сигарету.

Лэнтри поблагодарил и взял. Маклюэр, похоже, удобно там расположился на своем мягком стуле, явно наслаждается собой и ситуацией, ишь, ногу на ногу закинул. На Лэнтри впрямую вроде и не пялится, а все ж таки смотрит. Опять возвратилось давешнее ощущение, когда взвешиваешь и уравниваешь на чашах весов себя, противника и все-все. И Маклюэр этот тоже как бы прислушивается к никому неведомым звукам — ни дать ни взять, вожак своры гончих собак на охоте, тощий, поджарый, настороженно следящий за всем происходящим вокруг него. Раньше еще были ма-аленькие серебряные свисточки: дунешь, бывало, в такой — только собаки и услышат звук свистка. Этот Маклюэр и точно, как гончая, прислушивается, готовый сорваться с места в любой момент, к невидимому свистку. Слушает всем своим существом: и ушами, и глазами, и пересохшим полураскрытым ртом, и нетерпеливо раздуваемыми ноздрями.

Лэнтри все сосал сигарету, мусолил и сосал, всасывал дым внутрь мертвых легких и выдыхал дым, выдыхал, выпускал изо рта клубы табачного дыма, как от сигары — затягиваться он не мог. Маклюэр, точно рыжая с подпалинами поджарая гончая, все прислушивался к какому-то сигналу, скосив на сторону прищуренные глаза, с такой микроскопической точностью определяя малейшее движение руки охотника, что прямо-таки видишь этот незримый свисток, чувствуешь его нутром, подсознанием, а не глазом, не ухом, не нюхом. Маклюэр чертов, не человек, а антенна какая-то, лакмусовая бумажка в химическом опыте.

В комнате царил такая тишина, что, кажется, можно было слышать, как кольца табачного дыма поднимаются к потолку. И еще этот Маклюэр, термометр несчастный, справочная таблица, обратившаяся в слух гончая, лакмусовая бумажка, идиотская антенна, и все это, вместе взятое. Лэнтри сидел, не шелохнувшись. Может быть, это ощущение все-таки пройдет. Ведь проходило же раньше.

Маклюэр после продолжительной паузы молча же сделал приглашающий жест в сторону сосуда с шерри, Лэнтри так же молча отказался. Вот так и сидели, не глядя друг на друга, сидели и молчали, будто соревновались, кто кого пересядет и перемолчит.

Маклюэр начал выходить из оцепенения, на его впалых щеках медленно разливалась синеватая бледность, он весь напрягся, побелели костяшки пальцев, сжимавших стакан с шерри, глаза властно засверкали, притягивая как магнит взгляд Лэнтри, не позволяя ему отвернуться в сторону, встать и уйти.

Лэнтри сидел неподвижно, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Взгляд сидевшего напротив человека настолько сковал его волю, загипнотизировал и околдовал, что единственное, чего он желал, было узнать, увидеть собственными глазами и слышать своими ушами, что же последует дальше. Начиная с этого момента это уже было шоу Маклюэра.

Маклюэр нарушил молчание:

— Сначала я было подумал, что имею дело с самым изощренным видом психопатии. Это я о вас. Я думал: да нет же, это он себя убедил так, этот Лэнтри просто шизанулся, у него крыша совсем съехала, он себя там уговорил, убедил в возможности подобных вещей.

Маклюэр говорил спокойным, ровным голосом, словно во сне, все говорил и говорил. Речь его лилась безостановочно, свободным, ровным потоком.

— Я себе тогда сказал: да он же специально не дышит через ноздри. Я наблюдал за вашими ноздрями, Лэнтри. За прошедший час крохотные волоски в ваших ноздрах ни разу не затрепетали. Но из одних этих волосков шубы не сошьешь. Я только заметил про себя этот фактик и подшил его к вашему досье. Я себе сказал: ну ладно, не носом дышит, значит, ртом. Нарочно ртом дышит. И тогда я предложил вам сигарету. А вы его, этот дым, вдыхали и выдыхали, втягивали и выпускали. А из ноздрей дым не шел. Ну, я сказал себе: все в порядке, он просто не затягивается. Что, не нравится? Какая ужасная подозрительность с моей стороны! Все через рот, только через рот. А потом я стал приглядываться к вашей груди. Я следил очень внимательно, ничего не пропуская. А и пропускать-то было нечего: ничего ведь не происходило, грудь ваша не поднималась и не опускалась при дыхании. Нет, это он себя так строил на этот лад, говорю я себе, это он перевоплотился

мысленно в покойника, потому и дышит тихо-тихо, практически незаметно для глаза окружающих. И то только тогда, когда вы не смотрите. Вот так я себе говорил.

Слова срывались с губ седого и падали в тихий воздух комнаты. Он не делал между фразами остановок, все выговаривал на одном дыхании, как сомнамбула.

— А потом я предложил вам выпить, и вы отказались. Ну что же, не пьет человек, не принимает спиртного ни капли — и ладно. Что в этой привычке может быть такого уж страшного? А я все следил за вами, следил внимательно все это время. Значит, что мы имеем? Лэнтри незаметно сдерживает дыхание, обманывает сам себя. Однако нет, я знаю, в чем разгадка, теперь я все понимаю. И знаете как, откуда? Я не слышу звука вашего дыхания. И притаиваюсь и слушаю дальше: ничего. Ни биения сердца, ни вдоха легких — ничего. А в комнате очень тихо, правда? Абсурд, чушь какая! — сказал бы кто-нибудь на моем месте. Но я знаю. Я уже там, на месте взрыва Крематория уже все знал. Понимаете, тут есть большая разница. Вот вы входите в комнату, где на постели лежит человек, и вы сразу же точно знаете, поднимет ли он голову и заговорит ли с вами, или, наоборот, не поднимет и не заговорит. Можете смеяться надо мной, если хотите, только это так. Это существует на уровне подсознательного. Это как свисток, который слышит собака, а вы не слышите, и ни один человек на свете не может различить его звук. Это как тиканье часов, которые тикают уже так долго, что перестаешь их слышать, забываешь о них. Когда человек, живой человек, находится в комнате, там есть и кое-что еще, а когда мертвое тело находится в комнате, там больше ничего уже нет.

* * *

Маклюэр на секунду смежил веки, рука его опустила стакан с шерри на стол. Он выждал короткую паузу. Взял со стола сигарету, затянулся дымом и опустил ее в черную пепельницу.

— Я один в этой комнате, — сказал он.

Лэнтри не шелохнулся.

— Один. Вы ведь мертвый, — констатировал Маклюэр. — Мой мозг не в состоянии это постигнуть. Да это пища вовсе не для мозга, а для других органов чувств, для

подкорки, для подсознания. Сначала я думал, этот человек выдумал, что он мертвый, восстал из могилы, считает, что не человек, а настоящий Вампир. А что, разве не логичное объяснение? Да любой другой на вашем месте, пролежав вот так в земле несколько столетий кряду, воспитанный в темных веках варварских предрассудков и бредовых поверий, восстав из гроба, тоже бы себя принимал за Вампира. Конечно же, это логично! Этот человек подверг себя самогипнозу, заставил все функции своего тела подчиняться новым для него, вымышленным им обстоятельствам, так, чтобы они не противоречили слишком явно его фантазиям, его паранойе. Он управляет своим дыханием. Он говорит себе: я не слышу своего собственного дыхания, следовательно, я мертв. Он не разрешает себе есть и пить. Этим он занимается, очевидно, когда спит или находится в состоянии полубодствования-полусна, когда функционирует только какая-то часть мозга, заботливо скрывая от другой все признаки его человеческого существования.

Маклюэр практически уже закончил монолог.

— Так вот, я ошибался. Вы не сумасшедший. И не занимаетесь самообманом. Меня вы тоже обмануть не можете. Все в вашем конкретном случае слишком уж лишено всякой логики и — должен вам признаться — просто пугает. Вам что, доставляет какое-то удовольствие знать, что вы пугаете меня? Я теряюсь в догадках, как вас классифицировать, к какой группе странных индивидуумов отнести. Вы очень, очень странный тип, Лэнтри. Я рад, что повстречал вас. У меня получится очень любопытный доклад для Сайенса Холла.

— А разве так уж нехорошо, что я оказался мертвым? — полубопытствовал Лэнтри. — Это считается преступлением?

— Вы не можете не признать, что это совершенно экстраординарное явление.

— Вы все же ответьте, это что, преступление — быть мертвым? — настаивал Лэнтри.

— Да нет у нас теперь ни преступлений, ни судов, чтобы их разбирать. Мы собираемся вас хорошенько исследовать, дабы уяснить, как вы вообще стали возможным в природе, как вы получились. Это как с тем химическим веществом, которое в одну минуту является инертной материей, а уже в следующую — это живая клетка. Бог его знает, как оно там получается, но ведь факт отрицать не станешь. Вот и вы тоже, такая же невозможность по всем законам

логики, но ведь существуете. И этого тоже нельзя отрицать. С вами вообще с ума можно сойти!

— А отпустите вы меня на свободу, когда все про меня вычислите?

— Вас не станут задерживать. И если вы не пожелаете подвергаться экспертизе, то и с ней мы не станем вас насилловать. Но я почему-то уверен, что вы не откажетесь предложить свои услуги во имя научных целей.

— Быть может, и так. Посмотрим,— отозвался Лэнтри.

— Но вы все же признайтесь, прошу вас,— не выдержал Маклюэр.— Что вы там делали, во временном морге?

— Ничего такого особенного я там не делал.

— Но когда я вошел, вы что-то там произносили.

— Просто мне было любопытно.

— Не лгите мне. Очень нехорошо с вашей стороны лгать мне. Правда всегда лучше. Разве не правда, что вы мертвец, вы единственный в своем роде, и вам очень одиноко на белом свете. И потому-то вы всех и убивали, чтобы у вас была компания.

— Это вы еще из чего заключили?

Маклюэр засмеялся.

— Самая элементарная логика, дорогой мой, обычная логика. Когда я буквально только что, минуту назад, понял, что вы действительно мертвый, как вы там это называли? Вампир, кажется? Совершенно дурацкое слово! Ну так вот, я незамедлительно связал вашу персону со взрывами в Крематориях. А до того момента у меня не было ни малейшего повода так плохо о вас думать. Но потом все в головоломке стало укладываться на свои места: то, что вы мертвец, что очень легко догадаться о снedaющей вас одинокой ярости и ненависти ко всем живым людям, о вашей зависти к ним, потому что вы ведь в сущности что такое на самом деле?— ходячий труп, и ничего больше. Ну а дальше всего один шаг до логического умозаключения о том, что Крематрии взорвались отнюдь не случайно, это ваших рук дело. Вы стоите среди мертвых тел в морге и ищите у них поддержки в исполнении своих мрачных планов, вы ищите друзей и подобных себе зомби...

— А вы шустрый какой, оказывается!— Лэнтри встал со стула, но не успел пройти и полпути до собеседника, как Маклюэр, оправдывая данную ему характеристику и опрокидывая свой стакан с шерри, быстро ретировался. Полный отчаяния, Лэнтри осознал, что он как полный идиот упустил единственную возможность расправиться с Маклюэром:

ушами прохлопал, надо было раньше действовать — теперь момент безвозвратно упущен. Это было единственным оружием, единственным способом выживания Лэнтри в обществе, где никто никого не убивал. Эти, кретины даже заподозрить друг друга в подобном грехе не смеют. К любому подходи и убивай себе на здоровье.

— Эй вы, вернитесь! Куда вы смылись?— И Лэнтри кинул в Маклюэра ножиком.

Но шустрый Маклюэр уже укрылся за креслом. Сама идея, что от этого зомби надо куда-то прятаться, защищаться — уже сама такая идея была для него слишком нова. То есть, в принципе, он вроде уже начал что-то соображать, но еще не полностью, так что у Лэнтри еще оставался какой-то, пускай мизерный, но шанс. Если, конечно, ему достанет ума и ловкости воспользоваться им.

— О нет,— сказал Маклюэр, укрываясь за креслом от надвигающегося на него Лэнтри.— Вы, верно, хотите убить меня. Это очень странно, однако, тем не менее, так оно и есть. Вы пытаетесь зарезать меня перочинным ножом или сотворить что-нибудь в том же роде. Так что не обессудьте, но мне придется воспрепятствовать вам совершить подобное злодеяние, потому что оно слишком странное, чтобы иметь место в нынешнем здоровом мире, оно противно человеческому разуму.

— Я и вправду убью вас,— признался Лэнтри и тут же пожалел, что у него вырвали это признание, даже ругнулся про себя за подобную неосторожность: ничего более худшего в этой обстановке он и произнести не мог.

Лэнтри сделал выпад через кресло, пытаясь достать противника по нелепому единоборству его нелогичной по всем нынешним меркам ненависти.

А Маклюэр, напротив, был до противного логичен.

— Вы ничего хорошего не добьетесь, если убьете меня. И вы сами об этом отлично знаете.

Они схватились не на шутку в рукопашной схватке, переворачивая столы и разбрасывая на пути все предметы обстановки в комнате.

— Вы разве не помните, что произошло в морге?

— Я плевать хотел на то, что там происходило!— закричал Лэнтри.

— Вы же не смогли заставить тех мертвецов восстать из их неживого состояния, правда?

— А я плевать на все хотел!— голосил в отчаянии Лэнтри.

— Да поймите же вы, наконец,— урезонивал его Маклюэр.— Таких, как вы, уже больше никогда не будет. Все ваши старания обречены на провал, что бы вы ни предпринимали.

— Я все равно уничтожу вас, всех, всех вас!— кричал Лэнтри.

— А потом что? Вы же все равно останетесь в полном одиночестве, подобных вам больше не будет. Никого рядом с вами не будет.

— Я улечу на Марс. У них там еще есть могилы, есть надгробия — не то что у вас. Я там обнаружу для себя новых друзей, таких же, как я сам, найду себе новых соратников.

— Да ничего подобного,— обескуражил его Маклюэр.— Только вчера выпустили новый декрет, который немедленно был принят к исполнению. В тех могилах вы уже не застанете покойников. Их тела будут на следующей же неделе преданы огню.

Они уже катались по полу в яростной схватке. Лэнтри удалось вцепиться руками в горло противника.

— Да послушайте же, пожалуйста, слова здравого смысла,— умолял его Маклюэр.— Поймите же, вы все-таки умрете.

— Что вы там мне толкуете, черт бы вас подрал?— недоумевал Лэнтри, пораженный нелепостью такого заявления.

— Ну вот перебьете вы всех на свете, останетесь в полном одиночестве, и тогда вы умрете. Умрет ваша ненависть. Вами же движет одна только ненависть, и ничего больше. Вами движет зависть ко всем нам, ничто другое. И вы неизбежно должны будете погибнуть, когда умрет она. Никакой вы не бессмертный. Вы даже не живой человек, вы просто одна только голая ненависть на двух ногах.

— Ну и плевать!— взвизгнул Лэнтри и стал душить за горло поверженного противника, колотить его кулаками по лицу, намертво вцепившись в беззащитное тело последнего. А Маклюэр смотрел на него снизу вверх умирающими помутневшими глазами.

Вдруг открылась входная дверь и в комнату вошли двое мужчин.

— Ну и ну,— прокомментировал странную сцену один из вошедших.— Это что, игра такая новая?

— Ага, новая игра!— откликнулся Маклюэр, с трудом высвобождаясь от мертвой хватки Лэнтри, который сразу

же, перепугавшись новых действующих лиц, вскочил и бросился наутек.— Игра, точно. Поймайте его, и вы выиграли.

Те двое, не теряя времени, поймали Лэнтри.

— Вот мы и выиграли в эту новую игру,— заключили они.

— Отпустите меня!— вырывался из их рук Лэнтри, нещадно разбивая им в кровь лица.

— Держите его, держите крепче!— советовал Маклюэр.

И те двое держали, крепко держали, на совесть.

— Ну и крутая же это игра,— не мог не признать один из вошедших.— А теперь-то что с ним делать?

* * *

Их дурацкий «таракан» шуршал по мокрому шоссе. С неба на землю непрерывно падали дождевые капли, а порывы резкого ветра трепали темно-зеленую листву мокрых же деревьев. Сидя за штурвалом «таракана», Маклюэр все говорил и говорил тихим, журчащим, гипнотическим голосом, почти шепотом. Двое его визитеров разместились на заднем сиденье салона машины, а Лэнтри сидел или даже полулежал впереди, откинув на спинку сиденья голову. Глаза его были полураскрыты, на щеках играли зеленые отсветы от круговых шкал на приборной панели, губы безвольно распушены. Он молчал.

Маклюэр спокойно и логично говорил о жизни и движении, о смерти и отсутствии движения, о солнце в небе и огромном величественном солнце Крематория, об опустошенных кладбищах, о ненависти и о том, как эта ненависть возрождается, заставляя глиняного человека оживать и начинать двигаться по земле. Подумать только, человеческий прах вдруг восстает из могилы — как это нелогично все, как безумно и глупо! Если ты мертв, значит, мертв — и все тут, и все тут. Так и должно быть, иначе нельзя. Машина шуршала монотонно по убегающей назад дороге, дождь мерно колотил по ветровому стеклу. Мужчины на заднем сиденье тихо о чем-то разговаривали между собой. Куда же они едут, куда, зачем? Ну конечно же, к Крематорию — куда же еще. Дым от сигарет неспешно поднимался вверх, завиваясь в серые спирали, причудливые узоры. Вот так, если ты мертв, то будь добр подчиняться общим правилам, веди себя достойно, подобающим мертвецу образом.

Лэнтри сидел неподвижно, напоминая марионетку, у которой обрезали нити, за которые ее прежде дергали. Только в глубине мертвого сердца, в глазах его еще теплилась неостывшими углями ненависть. Теплилась слабо, едва заметно, постепенно угасая.

Я есть По, думал он. Я есть все, что осталось от Эдгара Аллана По, все, что осталось от Амброза Бизерса, что осталось от человека по имени Лавкрафт. Я серая ночная летучая мышь с острыми как бритва зубами, и я тот самый черный квадратный монстр-монолит. Я Озирис, я Бальдр, я Сет. Я Некрономикон, Книга Мертвых. Я дом Ашера, падающий в пламя. Я есть Красная Смерть. Я человек, заброшенный в катакомбы с бочонком... Я танцующий скелет. Я гроб и я саван, яркая молния, озарившая ночное окно старого дома. Я по-осеннему облетевшее под ветром дерево, хлопающая и скрипящая на сквозняке ставня. Я пожелтевшая от времени магическая книга, чьи страницы преворачивает иссохшая рука мертвеца. Я тот орган, который играет по ночам на чердаке. Я маска, маска в форме черепа, лежащая под старым дубом в последнюю ночь октября. Отравленное яблоко, плавающее в пруду с тем, чтобы дети наткнулись на него, чтобы запустили в него детские свои зубки... Я черная свеча, зажженная перед обратным крестом. Я есть крышка гроба, простыня с глазами, я звук шагов в лестничном колодце, гулкие шаги в его черной пустоте. Я Дансани и Махен, я Легенда Спящей Пещеры. Я Обезьянья Лапа и Фантом Рикши. Я Кот и Канарейка, Горилла, я Летучая Мышь. Я привидение отца Гамлета на стене замка.

Я — все эти вещи, вместе взятые. И теперь все эти остатки былой славы будут преданы огню. Пока я существовал, существовали и они. Когда я ходил по земле, ненавидел — они еще не умерли. Они жили, потому что в моем лице их еще помнили. Я воплощал в себе те силы, которые продолжали их дело. А теперь они умрут окончательно, умрут сегодня вечером вместе со мной. Сегодня вечером мы будем гореть все вместе: Эдгар По и Бизерс, отец Гамлета — все, все. Они соберут нас в большую бесформенную кучу и разложат из нас один большой костер, как все, что относилось к временам Гая Фоукса, обольют бензином и поднесут факел, не обращая ровным счетом никакого внимания на наши крики. Все, все пожрет ненасытный и безжалостный костер!

А какой же вой мы поднимем, когда будем уходить!

На прощание мы им все расскажем: и про их дрянной мир, в котором нет места страхам, где темное изошренное изображение не связывают с темным временем суток, где навсегда утрачено мрачное очарование конца октября, чтобы никогда больше не потревожить их снова. Растоптано и поругано, предано огню в языках пламени их дурацких топков, сожжено в ракетном горячем идиотских и претенциозных монстро-Крематориев, когда самодовольные невежды навеки уничтожают, глумясь над суевериями, навеки стирают из памяти людской сокровища прошлых времен. И только затем, чтобы не запирасть ни от кого двери своих домов, чтобы не бояться темноты. Да если бы только знали, презренные глупцы, как мы жили когда-то, что для нас значил праздник Хэллоуин, чем для нас был По и как мы красиво веселились над мрачными историями и розыгрышами. Ну что ж, друзья мои, выпьем посошок на дорожку, еще немного амонтильядо, прежде чем мы отправимся в огонь. Ведь все эти чудесные вещи сохранились в одном лишь экземпляре, в мозгу единственного человека на земле. Сегодня вечером должен умереть целый мир. Так что, прошу вас, выпьем напоследок.

— Вот мы и приехали,— произнес Маклюэр.

* * *

Крематорий был ярко освещен, где-то неподалеку тихо играла умиротворяющая музыка. Маклюэр вышел из машины и обогнул ее, подойдя к противоположной дверце. Открыл. Лэнтри практически уже лежал на сиденье. Все эти бесконечные разговоры о том, что логично, а что нет, постепенно обессилили его, лишив последних признаков жизни. Он был теперь бледный и неживой как воск, только слабый свет в глазах и напоминал о том, что совсем недавно этот человек боролся, сопротивлялся законам этого будущего мира, а они своими разговорами, своими нескончаемыми ссылками на логику просто лишили его всех сил на сопротивление, отговорили от жизни. Они в него отказывались верить, и сила их неверия заморозила его. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Мог только бессвязно бормотать, холодно мерцая глазами.

Маклюэр и те двое вынули его из машины, погрузили в золотистый ящик и откатили на каталке в тепло внутреннего помещения Крематория.

Я Эдгар Аллан По, я Аброуз Биэрс, я славный праздник Хэллоуин, я гроб и саван, я Обезьянья Лапа, я Фантом, я Вампир...

— Да-да, конечно,— увещевал его Маклюэр, склоняясь над его телом.

— Я знаю. Все знаю.

Каталка мягко скользила по полу, стены раздвигались и сдвигались над ним, раскачивались и проносились мимо, тихо звучала музыка. Ты мертвец, по всем законам логики ты мертвец.

Я Ашер, я Мальстрем, я Рукопись, найденная в бутылке. Я Колодец и Маятник, я Сердце-обличитель. Я Ворон, каркающий «никогда» в ответ на все вопросы.

— Да, да,— твердил на это Маклюэр.— Я знаю, знаю.— А каталка все плыла и плыла.

— Я заточен в катакомбы,— в отчаянии кричал Лэнтри.

— Да-да, именно в катакомбы,— подтверждал идущий рядом мужчина.

— Меня приковали цепями к стене, и здесь нет ни одной бутылки амонтильядо! — слабо возмущался с закрытыми глазами Лэнтри.

— Да,— ответил ему кто-то.

Потом он ощутил движение впереди. Открылась дверь, ведущая в огонь.

— Сейчас меня заточили в камеру и замуровали!

— Да-да. Я знаю.— Какой-то шепот рядом.

— Меня заживо замуровали! Что это еще за шутки такие? Отпустите меня отсюда! Всех на волю! — Безумный крик и снова смех.

— Мы все знаем, мы все понимаем...

Открылась внутренняя дверца, ведущая в топку, и золотистый гроб покатился прямо в огненную пасть Крематория.

— Во имя Господа Всемогущего! Во имя Господне!

Бэйзил Коппер

ДОКТОР ПОРТОС

Современные писатели, разрабатывающие тему Вампиризма, разумеется, так или иначе сталкиваются с проблемой повтора тем, сюжетов и ситуаций, которые уже использовались их предшественниками. Но мне не пришлось сталкиваться с подобными проблемами в рассказе Бэйзила Коппера «Доктор Портос», который он подготовил специально для этого сборника. В рассказе удачно сочетается атмосфера готического стиля и современный «закрученный» финал. Этим произведением Коппер несомненно уже не в первый раз подтвердил свою репутацию одного из самых многообещающих и изобретательных британских писателей нового поколения.

I

Доктор ставит диагноз «неврастения». А как такое возможно, если Анжелина в жизни ничем таким не страдала? Это же надо, неврастения! Нет, тут что-то нечисто, видно, замешаны какие-то более могущественные силы. Я уж подумывал, не пригласить ли для консультации какого-нибудь крупного специалиста, на чье мнение я бы смог положиться. Но с другой стороны, мы теперь настолько оторваны от всего мира, да к тому же все местные его пациенты очень лестно отзываются о докторе Портосе. Ну зачем мы, в самом деле, вообще сюда приехали? С Анжелиной было все в порядке до нашего переезда в этот дом. Для меня остается полнейшей загадкой, как это всего два месяца нашей жизни здесь могли так удручающе отразиться на здоровье моей жены.

Когда мы жили в городе, она была всегда так оживлена и весела, а нынче я просто не в состоянии смотреть на нее без чувства глубокого и искреннего сочувствия. Щеки ее бледны и впалы, глаза ввалились и смотрят устало и печально. В двадцать пять лет она, кажется, навеки утратила цветущий вид. Может быть, что-то в воздухе этого дома, в его атмосфере так губительно отражается на ее здоровье? Какая-то коварная лихорадка, порожденная нездоровым расположением владения, ей противопоказана? Нет, пожа-

луй, маловероятно. Но в таком случае заботы доктора Портоса должны бы были дать хотя бы какой-то эффект, но пока все безрезультатно. Если бы не условия, оговоренные в завещании моего покойного дядюшки, мы бы никогда не переехали сюда жить.

Пускай друзья называют это корыстолюбием с моей стороны, свет может думать на этот счет что хочет, но голая правда такова, что я остро нуждался в деньгах. Собственное мое здоровье тоже не отличается большой крепостью, а долгие часы, проведенные за работой в нашем семейном бизнесе, очень почтенная и солидная бухгалтерская фирма, привели меня к закономерному и недвусмысленному выводу о том, что я должен искать другой образ жизни. А отказаться от фамильного дела, не располагая при этом достаточными средствами к безбедному существованию, и уйти в отставку я себе позволить не мог. Условия же завещания дядюшки, как мне изложили дело его душеприказчики и юристы, пользовавшие членов-нашей семьи, предоставили мне наконец замечательный и пристойный выход из создавшегося положения.

Дядюшка завещал мне ежегодную ренту, причем очень крупную, но при обязательном условии, что я с женой поселюсь в доме старика и проживу в нем не менее пяти лет со дня вступления во владение его имением. Сомневался я и колебался довольно долго: дело в том, что жена да и я сам больше привыкли к жизни в городе, а в его имении, расположенном, надо сразу сказать, в довольно отдаленной местности, люди более привычны к простому и безыскусному существованию, не рассчитанному на городские удобства. Насколько я себе уяснил со слов стряпчего, в самом доме не было даже предусмотрено элементарное газовое освещение и отопление. Ну ладно, летом все не так уж плохо, а вот долгими зимними вечерами мы были обречены на прозябание и меланхолическое времяпровождение при свечах и бледном свете масляной лампы, только они и разгоняли мрачное уныние, царящее в старом доме.

В конце концов, обсудив обстоятельно и взвесив все «за» и «против» с моей Анжелиной и выбрав подходящий уик-энд для вылазки на разведку, я отправился, в одиночку разумеется, в свое имение. О приезде я известил прислугу телеграммой заблаговременно и после долгой и, надо сказать, холодной прогулки по железной дороге — уже она одна заняла у меня большую часть дня — я был встречен на конечной станции почтовой каретой. Остальную

часть своего паломничества я должен был проехать именно этим видом транспорта, причем ни много ни мало заняло у меня это путешествие целых четыре часа. Неудивительно поэтому, что я был весьма раздосадован тем, в какой дикой и отдаленной местности мой дорогой родственник предпочел уединиться и избрать себе место для постоянного жительства.

Ночь была темная, хотя иногда сквозь завесу облаков пробивался луч лунного света, чтобы как-то обрисовать призрачные контуры скал, холмов или деревьев; почтовая карета немилосердно тряслась из стороны в сторону и вверх-вниз по неухоженной дороге, где немногие имевшиеся в округе средства транспорта пробороздили в ней глубокие колеи за многие месяцы пользования местными жителями ее негостеприимных долгих миль. Наш стряпчий также позаботился предупредить о моем приезде старого друга семейства доктора Портоса. Именно его любезным стараниям я был обязан за мое нынешнее средство передвижения. Кроме того, он пообещал встретить меня лично в ближайшей от имения деревушке.

И в самом деле, едва фэзтон показался на дворе местной харчевни, как на ее крыльце, гордости местного плотничьего дела, изрядных размеров бревенчатой конструкции, парадном крыльце появился он собственной персоной. Это оказался высокого роста сухопарый мужчина в квадратном пенсне, крепко оседлавшем его тонкий хрящеватый и породистый нос. Одет он был в плащ со множеством складок, какие обычно носят кучера, и зеленый цилиндр, который носил, сдвинув на сторону, что придавало ему слегка ухарский вид, эдакий, знаете ли, гуляка. Он приветствовал мое появление обильным потоком всяких вежливых слов, но что-то непередаваемое словами в его внешности заставило меня слегка насторожиться и не принимать его излияния близко к сердцу.

Точно уловить, что же это было, я не решился. Ничего, впрочем, в отдельности, а общая его манера, разве только холодность рукопожатия, производившего впечатление, что держишь в руках скользкую рыбу. Потом еще этот его приводящий в замешательство взгляд поверх стекол пенсне водянисто-серых глаз. Этот многоопытный пронизывающий взгляд в одну секунду пригвождал ноги к земле. К великому моему разочарованию, я тут же узнал, что пригвоздили меня к этому месту вовсе не случайно: я, как выяснилось, еще не доехал до места назначения. По словам

доктора, имение находилось еще дальше, в стороне от местной столбовой дороги, и нам предстоит провести эту ночь здесь, на постоялом дворе. Но дурное мое расположение, вызванное этим сообщением, скоро развеялось от жаркого огня в камине и отличного ужина, которым он меня угостил. Вообще, как я узнал, в это время года проезжающих и путешествующих было немного, и мы сидели лишь вдвоем в просторной, обшитой дубовыми панелями зале столовой.

Доктор пользовал моего дядюшку как домашний врач, и, несмотря на то обстоятельство, что с родственником я в последний раз виделся немало уже лет назад, не скрою: мне было чрезвычайно любопытно узнать, что он был за человек.

— Барон был выдающимся человеком, его очень все здесь уважали, — пояснил мне Портос.

Искренность его высказывания побудила меня поинтересоваться вопросом, который давно уже меня занимал.

— А от чего умер дядюшка? — спросил я напрямик.

Свет от огня в камине разбрасывал красные искры в стакане вина доктора Портоса и янтарно золотил черты его лица, когда он ответил мне просто и прямо:

— От недостаточной полнокровности организма. Или вернее — малокровия. Насколько мне известно, этим недугом страдали многие его родственники по прямой линии. Фатальное, можно сказать, свойство.

Я замешкался на минуту, обдумывая его слова. Потом решился:

— По вашему мнению, почему он избрал меня своим наследником?

Доктору же Портосу нечего было и обдумывать, ответ его отличался исключительной прямоотой.

— Вы принадлежите к другой ветви семейства, — сказал он. — Новая кровь, мой дорогой сэр. Свежая струя. Барон на этот счет отличался большой шепетильностью. Он твердо знал, чего хотел. А хотел он, чтобы добрые традиции его рода не угасли, не пресеклись.

От дальнейших расспросов он решительно воздержался, резко встав из-за стола.

— Таковы были точные слова барона, когда он лежал на смертном одре. А сейчас я бы предложил вам отдохнуть хорошенько, поскольку завтра нам предстоит дальняя дорога.

II

Эти слова доктора Портоса постоянно приходят мне на ум, когда я задумываюсь о теперешних своих проблемах. «Новая кровь, свежая струя...» Как эти слова соотносятся с теми мрачными легендами, которые рассказывают о моем доме местные жители? Тут, право, не знаешь, что и думать. Инспекционная поездка в эти места подтвердила самые худшие мои подозрения: прогибающиеся и провисшие перемычки в дверях и окнах, крошащиеся карнизы, изъеденная червями деревянная обшивка стен. Единственные обитатели дома — супружеская пара привратника и кухарки, которые в меру своих сил следили за домом с самой смерти барона; народ кругом живет угрюмый, пришибленный и невежественный — так мне объяснил доктор Портос. И действительно когда мы с Портосом посетили небольшую деревушку в миле или около того от барского дома, то ни одна дверь, ни один любопытствующий взгляд из-под ставень не заметили. А казалось бы, в деревенской скуке и глуши это самое естественное проявление реакции на незнакомых людей — нет, ни одна душа не показалась, когда мы проходили мимо их окон.

Само же здание, на мой взгляд, вполне можно охарактеризовать как жемчужину готической архитектуры, если, разумеется, смотреть на него издали. Перестроенное в немалой степени совсем не так давно, на руинах старого замка, серьезно пострадавшего от пожара. Реставратор, я так и не удосужился узнать, был ли им мой дядюшка или еще более ранний обитатель, явно питал недюжинное пристрастие ко всяким романтическим деталям: пристраивал башенки, обносил жилище рвом с водой и подъемным мостом, вдобавок еще и зубчатые проездные башни воздвиг. Когда мы обходили мои владения, но не стану забегать вперед, то шаги наши отдавались траурным эхом по пустому дому.

Я немало удивился, когда обнаружил мраморные статуи и обшарпанные обелиски — все до единого либо покосившиеся, либо повергнутые наземь, словно беспокойные мертвецы, карабкались из земли на свет Божий, через древнюю поросшую мхом каменную ограду кладбища, которое граничило с внутренним двором.

Доктор Портос сардонически улыбался.

— Кладбище прежних хозяев имения, — пояснял он. — Ваш покойный дядюшка также похоронен здесь. Он говорил, что хотел бы остаться поближе к дому и своим предкам.

III

Ну вот, что сделано, то сделано. Мы живем в этом доме уже два месяца, и с самого первого дня начали происходить те глубокие и печальные изменения в здоровье моей жены, о которых я уже упоминал. Наступил период жесточайшей меланхолии. И дело даже не в атмосфере, царящей в доме, хотя каждый камень здесь сочится враждебными шорохами. И сами окрестности, темные, застывшие в зловещем молчании огромные деревья, даже предметы мебелировки — буквально все пропитано откровенной неприязнью к привычной нам среде и жизни, которой наслаждаются те счастливые, что обитают в городах.

В сумерках из рва поднимается ядовитый туман, он словно подчеркивает и усугубляет многократно нашу изоляцию, которую не в силах скрасить присутствие в доме горничной Анжелины и моего камердинера, мастера на все руки, который ранее был в услужении у моего отца, а теперь перешел ко мне. Но атмосфера этого места все равно остается прежней, ее не в силах поколебать здоровая прагматичность наших слуг; им тоже очень не по душе те миазмы, которые буквально сочатся из всех щелей здания. Дошло в последнее время до того, что я стал даже поощрять ежедневные визиты к нам доктора Портоса. И это несмотря на то, что я крепко подозреваю в нем зачинщика и автора всех наших нынешних бед и тревог.

Все эти беды начались спустя неделю после нашего приезда, когда мне не удалось однажды поутру разбудить Анжелину, лежавшую рядом со мной. Я тряс ее за плечи, пытался привести в чувство, кричал, и мои крики, должно быть, разбудили горничную. Я тогда, кажется, потерял сознание, а когда пришел в себя, очнувшись в большой спальне, то вся кровать была в крови: пятна крови покрывали простыни и подушки под головой моей очаровательной жены. Любопытствующие серые глаза Портоса светились каким-то стальным блеском, которого я ранее у него не замечал. Он прописал Анжелине сильные лекарства, и уже после этого начал заниматься мной.

Что бы или кто бы это ни было, что напало на мою Анжелину, у этого существа были клыки поострее волчьих или собачьих — так сказал Портос, обнаруживший на горле жены два отчетливых следа от укуса, достаточные, по его мнению, чтобы объяснить такое огромное количество крови, которой была залита постель. Действительно, крови

было столько, что еехватило, чтобы забрызгать мои руки и ночное белье, когда я в ужасе и отчаянии коснулся жены, стараясь разбудить ее. Наверное, тогда-то я и поднял всех на ноги своими криками. Портос заявил, что следующую ночь он проведет, дежуря у постели пациентки.

Анжелина все еще спала, как я обнаружил, когда вошел на цыпочках несколько позднее: Портос дал ей успокаивающего, предложил и мне, чтобы я так не волновался, но я решительно отказался от его снадобья и сказал, что тоже подежурю у постели любимой. У доктора, оказывается, была своя теория о крысах и других ночных существах, он потом еще долго сидел в библиотеке, читая и разглядывая старые книги барона по естествознанию. Нет, положительно этот человек меня поражает своими странными взглядами и подходами: ну какой, скажите на милость, ночной хищник может напасть на Анжелину в собственной спальне? Глядя в его странные глаза, я начинаю ощущать, как ко мне возвращаются прежние мои подозрения по поводу Портоса, принося вместе с собой еще и новые.

IV

Затем на протяжении двух с лишним недель случилось еще три подобных нападения. Дорогая моя супруга на глазах становится все слабее и слабее, хотя Портос ездил в ближайший от нас городок, раздобывая там все более сильные снадобья и лекарства для нее. Я живу словно в Чистилище, за всю свою жизнь не упомяну более тяжелых и мрачных часов, чем те, которые мне приходится переживать сейчас, когда я вижу, как буквально на моих глазах тает самый дорогой мне человек. Но сама Анжелина настаивает на том, чтобы мы остались в этом проклятом доме, чтобы увидеть самые последние акты происходящего с нами причудливого кошмара. В тот первый вечер совместного с Портосом дежурства у ее постели мы оба заснули на своем посту, не выдержав нервного перенапряжения. А поутру результат был тот же, что и прошлой ночью: опять была залита кровью постель, а бинты, прикрывавшие ранки у нее на горле, были сняты, чтобы злодей мог добраться до ее горла. Я просто теряюсь в догадках, что же это может быть за существо, которое способно на такое преступление.

Я был настолько измотан и доведен до крайней степени нервного возбуждения, что вечером следующего дня согла-

сился выпить ту успокаивающую микстуру, снадобье, которое мне предлагал Портос. Несколько ночей подряд ничего не происходило, Анжелина вроде начала поправляться, силы ее восстанавливались. А затем, как удар грома, снова тот же кошмар. И я начинаю подозревать, что этот ужас будет длиться и дальше. Я не осмеливаюсь верить Портосу, но ведь и не вправе предъявить ему открыто обвинение в присутствии всех домашних. Голова от всего этого просто идет кругом. Мы здесь изолированы от всего мира, живем как на острове, и малейшая ошибка с моей стороны может стать роковой.

В последний раз я чуть было его не поймал с поличным. Я проснулся на утренней заре, прошел в спальню Анжелины и нашел его растянувшимся у нее на постели, вся его темная худая фигура дрожала и тряслась, а руки свои он протянул к горлу моей жены. Я набросился на него, ударил, не зная спросонья, кто это; он обернулся ко мне, и я увидел, как сияют в полутьме спальни его серые глаза нестерпимым стальным блеском. В руке он держал шприц для подкожных впрыскиваний, полный наполовину кровью. Кажется, я вырвал у него шприц, швырнул на пол и раздавил каблуком.

Ну да, в глубине души я уверен, что застал это страшное создание, поразившее нашу семейную жизнь подобно чуме, застал на месте преступления. Но как мне доказать, что преступник он? Доктор Портос теперь днюет и ночует в нашем доме, а я не решаюсь ни на минуту сомкнуть глаз, неизменно отвергаю его дьявольские снадобья, которые он настойчиво старается мне всучить. Сколько же времени могут длиться наши страдания, прежде чем ему удастся уничтожить сначала меня, потом Анжелину? Да приходилось ли хоть одному человеку терпеть страшные эти адовы муки с самого сотворения мира?

Я сижу и наблюдаю за Портосом, который искоса поглядывает на меня странными, любопытствующими глазами, а по его ничего не выражающему лицу нельзя прочесть и намек на то, что он может себе позволить выжидать, что, мол, все равно его время придет; моя бледная несчастная супруга во время тех редких периодов, когда приходит в сознание, сидит в постели и со страхом наблюдает за нами обоими. И все-таки я не могу ей довериться в своих ужасных подозрениях, потому что она, без сомнения, посчитает меня сумасшедшим. Я стараюсь успокоить свой лихорадочно пульсирующий мозг. Думаю, что рано или поздно, но я

все равно обречен на безумие — ночи такие длинные Боже, помоги мне!

V

Все закончилось. Кризис наступил и миновал. Я одолел сумасшедшего дьявола, который обратил нас и нашу жизнь в рабство. Я его поймал за работой, в руках его поблескивал шприц. Портос извивался, когда я схватил его за горло. Я бы прямо и убил его на месте гнусного преступления, но ему удалось выскользнуть, вырваться из моих рук. Но это лишь ненадолго. Мои крики заставили проснуться и прибежать сюда всех слуг, я дал им исчерпывающие инструкции поймать его и обезвредить. На этот раз ему не скрыться от возмездия. Я шагаю по коридорам изъеденного червями и древоточцами особняка; когда загоню его в угол, я уничтожу его. Анжелина будет жить! Своими собственными руками я осуществляю исцеляющий акт уничтожения... А теперь я могу немного передохнуть. Снова наступает рассвет. Я буду сидеть у колонны в этом кресле, откуда я могу обозревать весь зал. Я засыпаю.

VI

Позднее. Я просыпаюсь от боли и холода. Лежу на земле. Что-то липкое течет по моей руке. Я открываю глаза, подношу руку ко рту и провожу ладонью по губам. Она вся кроваво-красная. Теперь я могу различать все более отчетливо. Анжелина тоже здесь. Она выглядит напуганной, но одновременно с этим и печальной, какой-то умиротворенной. Она держит за руку доктора Портоса. А тот нагнулся надо мной, лицо его сияет сатанинским торжеством в сумраке склепа, что находится под моим домом. Он замахивается молотом, и тишина подземелья оглашается одним жутким криком, за ним следует другой. Боже Всемиловитый, они же забивают кол в мою грудь!

Роберт Блох

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ

Имя Роберта Блоха в последнее время находилось в поле зрения общественного мнения как автора сценариев, пользующихся высокой популярностью у зрителя фильмов из разряда «триллеров». Начиная с его феноменального успеха в фильме «Психо», поставленном Альфредом Хичкоком, Блох стал уделять значительно больше внимания работе над экранизацией своих произведений. Поэтому я смело могу назвать красным днем в своем календаре тот, когда узнал, что маститый Блох ненадолго оторвался от сценариев, чтобы написать небольшой рассказ о псевдо-Вампире! О достоинствах рассказа предоставляю судить вам, поскольку это первая его публикация в книжном варианте.

Весь день, пока внизу в деревне грохотала орудийная канонада, он отдыхал. Когда уже начало смеркаться и грохот залпов затих вдали, он понял, что все закончилось: наступающие американские войска форсировали реку. Наконец они ушли, и он снова был в безопасности.

Граф Барсак вышел из тайника среди развалин большого замка, расположенного близ деревни, на вершине поросшего лесом холма.

В черном плаще, темноволосый, с черными глазами и синюшными подглазьями на бледно-восковом лице, он стоял высокий и худой — худой как скелет, безобразно худой — и кривил в усмешке ярко-красные губы. Во всей его внешности только губы имели цвет жизни.

Граф стоял в сумерках и усмехался: пробил час — можно приступить к игре.

К игре под названием смерть, к игре, им уже множество раз сыгранной.

Он играл смерть на сцене Гранд-Гиньол в Париже. Тогда его звали просто Эрик Карон, тем не менее он имел определенную известность как исполнитель необычных ролей. Затем началась война, а с ней появился шанс.

Задолго до падения Парижа под ударами немецких войск он стал тайным агентом Рейха. Деятельность на

шпионском поприще складывалась удачно, и его очень ценили: помогал талант актера.

И он добился-таки высшей награды — получил главную роль, правда, не на сцене, а в реальной жизни. Играть без света юпитеров, в крошечной тьме — это ли не воплощение актерской мечты. Да к тому же играть в пьесе, самим тобой написанной.

— Все проще простого,— доложил он своему начальству.— Замок Барсака необитаем со времен Великой французской революции. Даже днем никто из деревенских не рискует приблизиться к нему. Из-за легенды, согласно которой последний граф Барсак был Вампиром.

Предложение приняли. В большом тайнике неподалеку от замка установили коротковолновый передатчик и разместили там троих опытных радистов, работавших по очереди. И возглавил всю операцию он — «граф Барсак». Ангел-хранитель, а, точнее, демон-хранитель.

— Ниже по склону холма находится кладбище,— сообщил он своим подопечным.— Это скромное место последнего приюта бедных невежественных людей. Единственное внушительное сооружение там — родовой склеп Барсаков. Мы вскрыем его, вынесем останки последнего графа наружу и устроим так, что жители деревни обнаружат пустой гроб. После этого они никогда более не осмелятся приблизиться ни к склепу, ни к замку, потому что получают подтверждение правдивости легенды: граф Барсак — Вампир и он снова бродит по свету.

Тогда возник вопрос:

— А если будут скептики? Если кто-нибудь не поверит?

— Поверят,— последовал незамедлительный ответ.— Потому что по ночам буду появляться я — граф Барсак.

И когда он появился в гриме и черном плаще, все вопросы сразу отпали: это была его роль.

Да, это была его роль, и он отлично с ней справился. Взираясь по лестнице, граф одобрительно покачивал головой. Он вошел в фойе замка. Крыши не было, и только паутина скрывала от взгляда сияние восходящей луны.

Да, это была его роль, но всему приходит конец. Американские войска стремительно наступают, значит, пора спустить занавес, пора раскланяться и уйти со сцены. Об уходе он позаботился заранее.

С началом отступления немецких войск склепу нашли еще одно применение. Там устроили надежный склад ан-

тиквариата, принадлежавшего Герингу, а в замок пригнали грузовик. Трое радистов получили новые роли: они должны спуститься на грузовике вниз к склепу и погрузить в него ценности.

Ко времени появления графа все должно быть погружено. Затем они наденут похищенную американскую военную форму, возьмут поддельные документы и пропуска, проскочат через линию фронта за рекой и в установленном месте присоединятся к немецким войскам. Он предусмотрел всякого рода случайности. Когда-нибудь в своих мемуарах...

Но думать об этом сейчас было некогда. Граф посмотрел на небо — луна взошла высоко. Пора отправляться в путь.

Ему не очень-то хотелось уходить. Там, где другие видели только пыль и паутину, он видел сцену — декорации его самого удачного спектакля. Играя роль Вампира, он не пристрастился к вкусу крови, но как актер, он обожал вкус славы. А здесь он достиг ее.

«Расставанье есть сладкая печаль». Строка из Шекспира. Шекспир писал о привидениях, ведьмах и Вампирах: он знал, что публика — тупая масса — верила в подобные вещи. Верила тогда, верит и сейчас. Великий актер всегда может заставить своих зрителей поверить.

Выйдя из замка в ночную тьму, он спустился по тропинке к раскачивающимся деревьям.

Именно там, среди деревьев, он как-то вечером, несколько недель назад натолкнулся на Раймонда, старосту деревни Барсак, который, вероятно, рыскал неподалеку от замка с намерением чем-нибудь поживиться. Суровый, величавый, седой старик оказался на самом деле его самым чутким зрителем. Едва завидев маячившую во тьме фигуру графа, старый дурак враз лишился своей величавости и, по-женски заголосив, бросился бегом прочь.

И именно старика следовало бы поблагодарить за распространение слухов о возвращении графа-Вампира. После той встречи староста и придурковатый мельник по имени Клодес привели на кладбище группу вооруженных крестьян. Войдя в склеп Барсаков, они обнаружили, что гроб графа открыт и пуст. Ужас обуял их.

Крестьяне не могли знать, что прах из гроба развеяли по ветру, а кроме праха там больше ничего не было. Не могли они знать и о том, что случилось с Сюзанной.

Вспоминая прошедшие дни, граф добрался до неболь-

шого ручейка и пошел вдоль него. Здесь он тоже как-то натолкнулся на девушку, дочку Раймонда. И какая удача! — она была не одна, а со своим возлюбленным, Антуаном Лефевром. Они обнимались. Антуан был хром на одну ногу, и в свое время данное обстоятельство спасло его от службы в армии, но, едва завидев скалящегося графа в черном плаще, он побежал быстрее лани. Сюзанна, к своему несчастью, осталась, и от нее пришлось избавиться. Граф закопал ее тело в лесу меж валунов, так что обнаружить труп не представлялось возможным. Тем не менее он сожалел о содеянном.

Однако, в конечном счете, все сложилось как нельзя лучше: суеверный Раймонд еще раз убедился, что Вампир вернулся. Он своими глазами видел призрак, видел открытый пустой гроб. Его дочь исчезла. И старик запретил кому-либо приближаться к кладбищу, лесу, замку.

Бедный Раймонд! Старостой он больше не был — деревню разрушили при обстреле. Невежественный, сломленный старик, он только и делал, что нес бессвязную чушь о «живом мертвце».

Граф улыбнулся и продолжил свой путь, легкий ветерок развеивал его плащ, и отбрасываемая им тень напоминала летучую мышь. Он уже мог разглядеть кладбище с покосившимися могильными камнями, торчащими из земли, будто гниющие в лунном свете пальцы прокаженного. Вероятно, величайшей данью его таланту актера было то, что на самом деле он испытывал отвращение к смерти, к мраку, к тому, что таилось в ночи. Он не выносил вида крови, и в нем развилось чувство почти патологического страха перед замкнутым пространством склепа.

Да, это была великая роль, но он благодарил судьбу за то, что пьеса близилась к концу. Хотелось сыграть заключительную сцену и сбросить с себя личину существа, самим им придуманного.

Приблизившись к склепу, он разглядел в темноте очертания грузовика. Вход в склеп был открыт, но оттуда не доносилось ни звука. Следовательно, радисты закончили погрузку и подготовились к отъезду. Оставалось только переодеться, снять грим и отправиться в путь.

Граф подошел к темному пятну грузовика. И тут...

И тут они набросились на него: он почувствовал, как зубцы вил впились в спину и, ослепленный светом фонарей, услышал чей-то суровый голос, приказавший ему не двигаться.

Он и не двигался. Он мог только следить взглядом за тем, как они сходятся вокруг него. Они — Антуан, Клодес, Раймонд и другие. Угрожая ему вилами, с десятков крестьян уставились на него со смешанным чувством ярости и страха.

Да как же они посмели?

Вперед вышел капрал американской армии. Так вот где ответ: капрал американской армии и еще один человек в форме и со снайперской винтовкой. Это их заслуга. Ему даже не было нужды смотреть на сваленные в грузовике, изрешеченные пулями тела трех радистов, чтобы понять, что произошло. Американцы перестреляли его людей, застав их врасплох, а потом позвали крестьян.

Американцы забросали его вопросами: «Как тебя зовут? Эти люди работали по твоему приказу? Куда вы собирались отправиться на грузовике?» Спрашивали по-английски, конечно. Но граф молчал, хотя прекрасно понимал английскую речь. Он только улыбался и качал головой. Вскоре, как он и предполагал, американцы оставили его в покое.

Капрал повернулся к своему напарнику.

— Хорошо, — сказал он, — поехали.

Тот кивнул головой в знак согласия, залез в кабину грузовика и включил зажигание.

Капрал направился к машине, но не дойдя до нее, повернулся к Раймонду:

— Мы переправим грузовик через реку. Присмотрите за нашим другом. Через часок вам пришлют караульных забрать его.

Раймонд в ответ кивнул головой. Грузовик исчез в темноте. Стало совсем темно: луна исчезла за тучей. Граф оглядел своих охранников, и улыбка исчезла с его лица. Сброд, куча угрюмых невежественных идиотов. Однако вооруженных. Ни единого шанса на побег. Крестьяне все таранились на него и что-то бормотали.

— Отведите его в склеп.

Граф узнал голос Раймонда. Крестьяне повиновались его приказу и начали вилами подталкивать пленника вперед. И тут у графа затеплился первый слабенький лучик надежды. Крестьяне подталкивали его крайне осторожно, близко к нему не подходили и под его взглядом опускали глаза.

Они боялись его, и потому заталкивали в склеп. Американцы уехали, и страх вернулся к ним — они боялись его присутствия, его силы. Ведь в их глазах он был Вампиром.

Он мог превратиться в летучую мышь и исчезнуть. По этой причине они решили закрыть его в склепе.

Граф пожал плечами и оскалился своей самой зловещей улыбкой. Когда он вошел в склеп, крестьяне отпрянули назад. Граф повернулся и, поддавшись порыву, завернулся в плащ. Это был инстинктивный заключительный жест, соответствовавший его роли, и реакция зрителей оказалась адекватной. Крестьяне издали стон, а старый Раймонд осенил себя крестом. В чем-то их реакция доставляла больше удовольствия, чем аплодисменты.

Во тьме склепа граф позволил себе слегка расслабиться. Он ушел со сцены. Жаль, что ему не удалось уйти так, как это задумывалось, но таковы превратности войны. Скоро его отвезут в американский штаб и там допросят. Ему, конечно, не избежать кое-каких неприятностей, но самое худшее, что его может ожидать, — это несколько месяцев в лагере военнопленных. И даже американцы склонятся перед ним в знак восхищения, когда услышат историю о мастерском обмане.

В склепе было темно и пахло плесенью. Граф беспокойно ходил взад-вперед. Он ободрал колено о край пустого гроба, стоявшего на возвышении внутри склепа. Он невольно вздрогнул и ослабил завязки плаща. Хорошо бы снять этот плащ, хорошо бы выбраться отсюда, хорошо бы навсегда покончить с ролью Вампира. Он хорошо сыграл эту роль, но сейчас ему страстно хотелось уйти.

Из-за двери слышалось тихое бормотание, к которому примешивался другой, едва уловимый звук — что-то похожее на царапанье. Граф подошел к закрытой двери и внимательно прислушался: тихо.

Чем там занимаются эти придурки? Он желал скорейшего возвращения американцев. Внутри стало слишком жарко. И почему вдруг стих шум снаружи? Может быть, они ушли?

Да. Они ушли. Американцы велели им ждать и охранять его, но они испугались. Они действительно считают его Вампиром: старый Раймонд убедил их в этом. И тогда они убежали. Они убежали, а значит, он свободен и может идти... Граф открыл дверь.

И увидел их, увидел их, стоящих в ожидании. Сурово взглянув на него, Раймонд сделал шаг вперед. В руках он что-то держал, и граф узнал этот предмет и понял, что за странный звук он слышал. В руках у Раймонда был длинный, заостренный на конце деревянный кол.

И тогда граф во всю глотку завопил, что это лишь трюк, что он не Вампир, что они — куча суеверных идиотов.

Не обращая внимания на его вопли, крестьяне затащили его обратно в склеп, затолкнули в открытый гроб и, удерживая его там, стали ждать, когда мрачнолицый Раймонд проткнет сердце Вампира заостренным колом.

И только тогда, когда кол пронзил его тело, граф понял, что значит слишком хорошо играть свою роль.

Фриц Лейбер

**ДЕВУШКА
С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ**

Это последнее произведение в антологии нельзя назвать произведением о Вампирах в традиционном смысле слова, поскольку «Девушка с голодными глазами» не стремится насытиться человеческой кровью, чтобы поддержать силы,— нет, ее устремления идут дальше, к самым жестоким и зловещим целям. Она пополняет свои жизненные силы за счет других. Этот рассказ — яркая сатира на наше современное общество. Его автор, Фриц Лейбер, больше известен любителям научно-фантастической литературы, но именно это его произведение прекрасно демонстрирует значительно более широкий диапазон его таланта. «Девушка с голодными глазами», несомненно, заставит вас задуматься, а это очень высокая похвала для короткого рассказа.

Н у ладно, я расскажу вам, почему один вид этой девушки вызывает у меня мурашки по спине. Почему я терпеть не могу появляться в деловой части города и смотреть на то, как мужики пускают слюни, когда на рекламных щитах небоскребов видят ее рядом с бутылкой какого-нибудь популярного напитка, пачкой сигарет или еще бог знает с чем. Почему я больше не читаю журналов, зная, что наверняка она где-нибудь появится в бюстгальтере или в ванне с пенящейся водой. Почему мне противно думать о том, что миллионы американцев впитывают в себя эту ядовитую полуулыбку. Впрочем, это целая история — история куда более серьезная, чем может показаться.

Нет, не подумайте только, что я вдруг стал относиться к порокам рекламы и присущему американцам комплексу перед шикарными девицами с интеллигентским пренебрежением. Для человека с такой работой, как у меня, это было бы просто смешно. Но ведь не станете же вы спорить, что желание подзаработать на сексуальной привлекательности — уже своего рода извращение. Впрочем, меня это устраивает. Так вот, предположим, мы знаем, каким должно быть и Лицо, и Тело, и Взгляд, и все прочее. И поэтому

вполне возможно появление некоего субъекта, соединяющего в себе самое лучшее настолько полно, что мы волея-неволей назовем ее Девушкой и украсим ее внешностью все рекламные щиты от Таймс-сквер до Телеграф-хилл?

Но эта Девушка не такая, как другие. Она ненастоящая. Она отвратительная. Она порочная.

Сейчас не эпоха средневековья, скажете вы, и то, на что я намекаю, ушло в небытие вместе с колдовством. Однако я и сам не вполне уверен, на что я намекаю. Вампиры ведь бывают разные, и не все из них сосут кровь.

И были же убийства, а может, и не убийства. Кстати, позвольте спросить у вас вот что. Почему, когда Америка одержима Девушкой, о ней совершенно ничего не известно? Почему она не появляется на обложках «Тайм» и почему там не публикуются какие-нибудь забавные факты из ее жизни? Почему нет статей о ней в «Лайф» или «Пост»? Профиля в «Нью-Йоркер»? Почему «Чарм» и «Мадемуазель» не написали сагу о ее карьере? Еще не доросла до этого? Чепуха!

Почему ее не снимают киношники? Почему ее не до-нимают телевизионщики? Почему мы не видим ее целующейся на политических сборищах? Почему ее не выбрали королевой какого-нибудь конкурса?

Почему мы не читаем о ее вкусах и увлечениях, о ее взглядах на положение в России? Почему репортеры из отдела светской хроники не берут у нее, одетой в кимоно, интервью на последнем этаже самого высокого отеля в Манхэттене и не рассказывают нам о ее приятелях?

И наконец,— самое поразительное,— почему нет ни одного ее портрета, нарисованного с натуры?

Нет, и все тут. Если вы слышали что-нибудь о коммерческом искусстве, но наверняка знаете, что все эти чертовы картинки сработаны с фотографией. Мастерски? Еще бы. Там у них этим занимаются самые классные художники. Вот так-то.

А сейчас я вам отвечу на все «почему». Дело в том, что никто — от шнурка до начальника — в мире рекламы, новостей и бизнеса не знает, откуда Девушка взялась, где она живет, чем занимается, кто она и даже как ее зовут.

Вам не послышалось. Более того, никто никогда не видит ее, за исключением одного бедолаги-фотографа, делающего на ней денег больше, чем ему когда-либо снилось. Бедолаги-фотографа, чертовски жалкого и вечно чего-то боящегося.

Нет, я понятия не имею, как его зовут и где его мастерская. Но знаю, что такой человек должен быть, и не сомневаюсь нисколько, что чувствует он себя именно так, как я описал.

Да, я мог бы найти ее, если бы захотел. Впрочем, не уверен — она наверняка уже скрылась в другом месте. К тому же и искать ее не хочется.

Что, думаете, у меня крыша поехала? Мол, в век атома подобное невозможно? Никто, даже Гарбо, не может спрятаться от людских глаз?

А я знаю, что кое-кто может, потому что год назад я и был таким бедолагой-фотографом. Да, год назад, когда Девушка впервые выплеснула свой яд здесь, в этом нашем большом городишке.

Да, я в курсе, что год назад вас здесь не было и что вы не знаете об этом. Но если порыться в подшивках местных газет, то среди рекламы можно, пожалуй, найти несколько старых фотографий с ее изображением — мне кажется, что «Ловлибелт» до сих пор пользуется одной из них. У меня самого была куча фотографий, но я сжег их.

Да, я сорвал на ней свой куш. Не так много, конечно, как, должно быть, заколачивает на ней этот другой фотограф, но все же достаточно, во всяком случае на виски мне до сих пор хватает. Она странно относилась к деньгам. Но об этом позже.

Вы сначала представьте меня год назад. Я снимал помещение под мастерскую на четвертом этаже «Хаузер Билдинг», в этой крысиной норе неподалеку от Ардлей-парк.

До этого я работал в мастерских «Марш-Мейсон», а когда мне там обрыдло, решил начать собственное дело. Новое место ужасало — никогда не забуду, как там скрипела лестница, — но обходилось мне дешево и там было достаточно светло.

Дела шли паршиво. Я непрерывно мотался по всем рекламодателям и агентствам. Некоторые из них не имели ничего против меня лично, но мои работы им не подходили. Я оказался совсем на мели. Задолжал арендную плату. Черт, даже на девчонку не хватало денег.

Случилось все одним из серых, мрачных дней, ближе к вечеру. В доме стояла мертвая тишина. Я как раз закончил проявлять несколько снимков, которые делал на свой страх и риск для «Ловлибелт Герлз», «Будфорд'з пул» и «Плейграунд». Моя натурщица уже ушла. Некто мисс Леон. Она преподавала основы гражданского права в средней школе

и побочно не так давно стала мне позировать, тоже на свой страх и риск. Едва взглянув на отпечатки снимков, я понял, что мисс Леон вряд ли подойдет «Ловлибелт» да и мне тоже. Я уже собирался прекратить работу.

И тут услышал, как внизу хлопнула парадная дверь, кто-то поднялся по лестнице — и в мастерскую вошла она.

В дешевеньком, блестящем черном платье. В черных туфлях-лодочках. Без чулок. С серым матерчатым пиджаком в обнаженных до плеч худеньких руках. Очень худеньких руках, но разве сейчас такие не встречаются больше?

И далее тоненькая шея, слегка вытянутое и почти чопорное лицо, копна темных, разлохмаченных волос, и из-под них на тебя смотрят самые голодные глаза на свете.

Знаете, пожалуй, именно в этих глазах причина того, что ее изображение развешано сегодня по всей стране. В них напрочь отсутствовала вульгарность, но одновременно они смотрели на тебя с голодным вожделением, воплощая саму чувственность и нечто большее, чем чувственность. Вот что все ищут со дня сотворения мира — что-то чуть большее, чем чувственность.

Стою я, значит, парень, наедине с Девушкой, а в мастерской уже темнеет, да и в доме почти никого. Ситуация, которую миллионы американских мужчин, несомненно, рисовали себе с различными красочными подробностями. А я как себя чувствовал? Испуганным.

Я знаю, так иногда бывает, когда ты наедине с девушкой и предвкушаешь, что сейчас дотронешься до нее, и от этого начинает колотиться сердце, и бросает в дрожь. Но если в этот раз я и ощущал нечто подобное, то совсем по иной причине. По крайней мере о близости с ней я не думал.

Я помню, как сделал шаг назад, как неловко отдернул руку — и фотографии, лежавшие на столе, разлетелись по полу.

Я ощущал едва уловимое головокружение, как будто из меня что-то вытягивали. Так, чуть-чуть.

Вот и все. Потом она раскрыла рот, и я на время опять почувствовал себя в норме.

— Я вижу, вы фотограф,— сказала она.— Вам натурщица нужна?

Судя по ее манере говорить, образованностью она не отличалась.

— Вряд ли,— ответил я, подбирая фотографии с пола. Понимаете, она не произвела на меня впечатления. При нашей первой встрече я не уловил коммерческих возмож-

ностей ее голодного взгляда.— Раньше этим занималась?

Ну, она не поведала мне ничего определенного, и я начал проверять, что она знала о рекламных агентствах, мастерских, расценках и всем таком прочем. Довольно быстро раскусив ее, я сказал:

— Послушай, за всю свою жизнь ты никогда не позировала фотографу. Ты просто зашла сюда наудачу — вдруг да выгорит.

Она призналась, что я в общем-то попал в точку.

Все время, пока мы разговаривали, меня не оставляло ощущение, что она зондирует почву, как это обычно делает человек в незнакомом месте. Не то чтобы она сомневалась в себе или во мне, а так, в общей обстановке.

— А ты думаешь, любая может стать натурщицей? — спросил я из чувства жалости.

— Конечно,— ответила она.

— Послушай,— не утерпел я,— фотограф может извести с десятков негативов, прежде чем получит более-менее приличное изображение обычной женщины. А сколько ему, по-твоему, придется их извести, чтобы получить действительно запоминающуюся, шикарную фотографию?

— Мне кажется, у меня получится,— сказала она.

Мне бы надо было вытолкать ее за дверь прямо тогда. Но то ли меня восхитило, как эта немногословная малышка хладнокровно стояла на своем, то ли меня тронул ее голодный взгляд. А вероятнее всего, мне было стыдно, что все с пренебрежением относились к моим фотографиям, и захотелось сорвать на ней раздражение, показав ей, что она представляла собой на самом деле.

— Хорошо, сейчас ты у меня поймешь, что к чему,— сказал я ей.— Я сделаю парочку твоих снимков. Но запомни: снимаю тебя просто так, на всякий случай. И если кто-нибудь когда-нибудь захочет вдруг воспользоваться твоей фотографией — что может произойти приблизительно с вероятностью один к двум миллионам,— я оплачу твои услуги по твердым расценкам. И никак иначе.

Она одарила меня улыбкой. Первой.

— Вот и славно,— сказала она.

Ну, я сделал три-четыре снимка — лицо крупным планом: ее дешевенькое платье мне как-то не приглянулось. По крайней мере мой сарказм она выдержала. Потом я вспомнил о материалах для «Ловлибелт», и, видимо, меня все еще обуревала досада, потому что я выдал ей корсет, приказав переодеться в него за ширмой. Так она и сделала,

причем безо всякого волнения, как я того ожидал. И раз уж мы зашли так далеко, я решил, что, пожалуй, стоит еще отснять сцену на пляже для ровного счета и на этом закончить.

Пока мы снимали, я не ощущал ничего особенного, разве что регулярно повторявшиеся слабые приступы головокружения, и я никак не мог понять, то ли у меня неприятности с желудком, то ли я неосторожно поработал с реактивами.

И все же, знаете, меня тогда не покидало чувство тревоги.

Швырнув в ее сторону листок бумаги и карандаш, я сказал:

— Напиши свое имя, адрес и номер телефона.

И ушел в проявочную.

Чуть позже ушла и она. Я даже не попрощался с ней. Меня взбесило, что к позам она относилась с внешним спокойствием, не суетилась и не выражала мне благодарности — разве что разок улыбнулась.

Я проявил негативы и сделал несколько снимков. Взглянув на них и решив, что они ненамного хуже фотографий мисс Леон, я машинально засунул их в пачку с фотографиями, с которыми следующим утром собирался пробежаться по возможным клиентам.

В тот день я работал достаточно долго и поэтому порядком выдохся и разнервничался. Однако не решился транжирить деньги на спиртное, чтобы расслабиться. Есть особенно не хотелось. И кажется, тогда я пошел на дешевенький фильм.

Я совсем не думал о Девушке, только, может быть, слегка удивлялся, что, не имея в тот момент подружки, не приударил за ней. Внешне она принадлежала э-э-э... как бы это сказать, ну, к явно более доступному социальному слою, чем мисс Леон. Но с другой стороны, конечно, имелись всякого рода оправдания моего бездействия.

Утром следующего дня я приступил к поиску заказов. Сначала я отправился на пивоваренный завод Мюнша. Там требовалась «Девушка Мюнша». Папаша Мюнш испытывал ко мне своего рода привязанность, хоть и подшучивал над моими работами. Кстати, одаренный от природы, он хорошо разбирался в фотографии. Пятьдесят лет назад он мог бы быть одним из тех безденежных ребят, что стояли у истоков Голливуда.

Отыскал я его в цехе завода, где он занимался своим

любимым делом. Отставив покрытую капельками кружку и чмокнув губами, он вытер толстые руки о свой здоровенный фартук и сграбастал тонкую пачку моих фотографий.

Цокая языком, он добрался где-то до середины пачки и тут увидел ее. Я кусал себе локти от досады, что принес эту фотографию.

— Это она,— сказал вдруг папаша Мюнш.— Фотография так себе, но девушка мне нужна именно такая.

Дело было решенным. Хотел бы я знать сейчас, почему папаша Мюнш сразу же разглядел ее, а я нет. Думаю, причина в том, что я сначала увидел ее во плоти, если так можно выразиться.

А тогда при разговоре с ней мне просто стало плохо.

— Кто она? — поинтересовался папаша Мюнш.

— Так, одна из моих новых натурщиц,— ответил я, стараясь придать голосу оттенок непринужденности.

— Приведи ее сюда завтра утром,— распорядился он.— Да, и притащи свое барахло. Будем снимать здесь. Ну-ну, полно тебе, взбодрись,— добавил он.— Хлебни-ка пивка.

Шел я, значит, от него и думал, что папаша Мюнш обмусолился, что завтра она, скорее всего, сорвет из-за своей неопытности съемки и что Бог его знает, что еще может произойти.

Однако, когда я почтительно выложил фотографии поверх розовой папки на столе мистера Фитча из «Ловлибелт», ее фотография была первой.

Мистер Фитч, бывший кинокритик, откинулся на спинку стула, покосился в сторону и, поманив длинным пальцем мисс Виллоу, сказал:

— Хм. Что вы думаете об этом, мисс Виллоу? Конечно, при таком освещении всего не ухватишь. Может, нам попробовать «Чертенка Ловлибелт» вместо «Ангела». Н-да, девушка... Подойдите сюда, Биннз.— Опять движение пальцем.— Я хочу услышать мнение женатого мужчины.— Он не смог скрыть того, что попался на крючок.

Совершенно то же самое произошло и в «Будфорд'з пул» и в «Плейграунд», разве что Да Коста не потребовалось мнение женатого мужчины.

— Что надо,— сказал он, облизывая губы.— Ну, вы, ребята-фотографы, того — ого-го!

Обратно в мастерскую я неся как на пожар. Там на столе я схватил листок бумаги, который давал ей, чтобы она оставила имя и адрес.

На нем ничего не было.

Стоит ли говорить, что последующие пять дней оказались, пожалуй, наихудшими из прожитых мною при обычных обстоятельствах. К утру следующего дня я так и не знал, где она, и начал тянуть резину.

— Она болеет, — сказал я папаше Мюншу по телефону.

— В больнице, что ли? — удивился он.

— Все не так серьезно, — ответил я.

— Тогда тащи ее сюда. Что, головка побаливает?

— Извините, не могу.

У папаши Мюнша возникли подозрения.

— У тебя действительно есть эта девчонка?

— Конечно, есть.

— Ну, тогда не знаю. Если бы я не признал твою дрянную работу, принял бы ее за натурщицу из Нью-Йорка.

Я рассмеялся.

— Эй, послушай, давай тащи ее сюда ко мне завтра утром, понял?

— Попытаюсь.

— Нечего тут пытаться. Тащи сюда, и все.

Он не догадывался, как я пытался. Я обегал все агентства по найму натурщиц и бюро по трудоустройству. Как заправский сыщик выяснял о ней в фото- и художественных мастерских. Потратил последние гроши на объявления во всех трех газетах. Просмотрел альбомы с фотографиями выпускников средних школ, просмотрел фотографии государственных служащих. Заглядывал в рестораны и закусочные — искал среди официанток, обегал магазинчики и универмаги — искал ее среди продавщиц. Осматривал толпы, выходящие из кинотеатров. Как зверь, рыскал по улицам города.

Вечерами я заглядывал на улицу проститутток. Мне почему-то казалось, что я могу ее встретить там.

К вечеру пятого дня я понял, что обречен. Папаша Мюнш установил мне контрольный срок — уже не первый, но в этот раз последний — и он истекал в шесть часов вечера. Мистер Фитч от заказа уже отказался.

Сидя у окна мастерской, я смотрел на Ардлей-парк. И тут появилась она.

Я так часто прокручивал у себя в мозгу эту сцену, что мне не составило труда притвориться. И даже слабое головокружение мне не помешало.

— Привет, — сказал я, почти не глядя в ее сторону.

— Привет, — ответила она.

— Еще не пропала охота?

— Нет, — в ее голосе не звучало ни вызова, ни стеснения. Просто констатация факта.

Я бросил взгляд на часы, поднялся на ноги и отрывисто произнес:

— Послушай меня, я дам тебе шанс. У меня есть клиент, которому нужна девушка приблизительно твоего типа. И если ты постарайся, то у тебя может появиться возможность стать профессиональной натурщицей. Если поспешим, то застанем его еще сегодня, — добавил я, складывая свое снаряжение. — Пошли. И кроме того, если хочешь пользоваться моей благосклонностью, не забудь оставить свой номер телефона.

— Ух, ух, — услышал я в ответ. Она как стояла, так и стояла.

— Что это значит? — спросил я.

— Я не собираюсь идти ни к какому твоему клиенту.

— Черт тебя подери, — выкрикнул я. — Ты что, придурочная?

Она медленно качнула головой.

— Ты меня не проведешь, малыш, никак не проведешь. Я им нужна, — и она улыбнулась мне во второй раз.

В тот момент я подумал, что она, вероятно, прочитала мои объявления в газетах. Сейчас я не столь в этом уверен.

— А сейчас я скажу тебе, как мы будем работать, — продолжила она. — Ты не узнаешь ни моего имени, ни адреса, ни номера телефона. Никто не узнает. И мы будем снимать только здесь. И только вдвоем: я и ты.

Вы можете себе представить, какой я тут поднял шум. Что я только ни делал — кричал, терпеливо объяснял, бегая, угрожал, снова умолял.

Я был готов надавать ей по физиономии, если бы она не представляла собой фотографический капитал.

В конце концов мне ничего не оставалось, как позвонить папаше Мюншу и изложить ему ее условия. Я понимал, что у меня не было ни шанса, однако позвонил.

В ответ я услышал возмущенный рев, трехкратное «нет», после чего папаша Мюнш бросил трубку.

Ее это совершенно не обеспокоило.

— Начнем снимать завтра утром, в десять часов, — сказала она.

Избитые фразы из киножурналов были в ее вкусе.

Около полуночи мне позвонил папаша Мюнш.

— Не знаю, в каком сумасшедшем доме ты ее откопал, — сказал он, — но я согласен. Подходи ко мне завтра

утром, и я попробую вдолбить тебе в голову, какие именно фотографии мне нужны. Да, кстати, я очень рад, что выгашил тебя из постели!

После этого положение начало выправляться. Даже мистер Фитч пересмотрел свое решение: два дня поупрямился, ссылаясь на полную невозможность принять такие условия, и все же принял их.

Конечно, сейчас вы все зачарованы Девушкой, и вам не понять, какого самоотречения потребовало от мистера Фитча согласие отказаться от руководства съемками моей натурщицы для своего журнала.

Утром следующего дня она пришла вовремя, как и обещала, и мы приступили к работе. Одно о ней скажу: она никогда не уставала и не возмущалась тем, как я дергаюсь, когда снимаю. Дело спорилось, и только вот ощущение того, что из меня что-то осторожно вытягивали, не пропадало. Может быть, и вы испытывали нечто подобное, глядя на ее изображение.

Когда мы закончили съемку, оказалось, что существовали и другие правила. Была уже середина дня, и я собрался спуститься с ней на улицу, чтобы где-нибудь перекусить.

— Ух, ух,— произнесла она.— Я спущусь одна. И послушай, малыш, если ты когда-нибудь попробуешь пойти за мной или хотя бы высунешь мне вслед голову из окна — ищи тогда себе другую натурщицу.

Вы можете себе представить, как весь этот идиотизм накалил мои нервы... и разбередил мое воображение. Помню: я открыл окно после ее ухода... сначала подождал несколько минут... а потом, стоя там и вдыхая свежий воздух, попытался понять, что за этим скрывалось: то ли она пряталась от полиции; то ли была избалованной дочкой чьих-то родителей; то ли она втемяшила себе в голову, что быть эксцентричной — модно; то ли, что вероятнее всего, папаша Мюнш оказался прав — она не совсем нормальная.

Но меня ждали мои фотографии.

Оглядываясь назад, просто диву даюсь, как быстро тогда ее чары начали завладевать городом. Вспоминая последующие события, я прихожу в ужас от того, что происходит со всей страной... а может быть, и миром. Вчера прочитал в «Тайме» что-то насчет того, что изображение Девушки появилось на рекламных щитах в Египте.

Оставшаяся часть моего рассказа поможет вам разобраться, почему я испытываю такой сильный, всеобъемлю-

щий ужас. Но у меня еще есть теория, которая кое-что проясняет, хоть и касается одной из тех вещей, что находятся за «определенным пределом». Теория эта имеет отношение к Девушке, и сейчас я ее выдам вам в двух словах.

Вы знаете, как современная реклама заставляет всех людей плясать под свою дудочку, и что психологи не столь скептически, как раньше, настроены к телепатии.

Добавьте сюда еще вот что. Предположим, что одинаковые желания миллионов людей сфокусировались на одном человеке с телепатическими способностями. Скажем, на девушке, которую они сложили в своем воображении.

Представьте, что она знает самые потаенные неутоленные желания миллионов мужчин. Представьте, что она проникает в эти желания глубже, чем те, кто их испытывает; что она за похотью видит ненависть и желание смерти. Представьте, что она подгоняет себя под это целостное представление, одновременно оставаясь совершенно недоступной. Еще представьте неутоленные желания, которые, возможно, испытывает она в ответ...

...Однако мы сильно уклонились от событий моего рассказа. А некоторые из них таковы, что им просто нельзя не верить. Как нельзя не верить деньгам. А мы делали деньги.

Помните, я собирался рассказать вам о ее странном отношении к деньгам. Так вот: я боялся, что она будет тянуть из меня как только сможет. Ведь она прижала меня к стенке своими условиями.

Но она не просила больше того, что ей полагалось по твердым расценкам. Позднее я заставил ее брать больше — целую кучу денег. Но она всегда принимала деньги с нескрываемым пренебрежением, как будто, выйдя из моего дома, собиралась сразу же вышвырнуть их на ближайшей помойке. Что она, возможно, и делала.

В любом случае у меня появились деньги. Впервые за многие месяцы мне хватало на то, чтобы напиться, купить новую одежду и проехаться на такси. Я мог приударить за любой девчонкой, какую бы ни пожелал. Только выбирай. И я, конечно же, шел и выбирал...

Но сначала давайте я вам расскажу о папаше Мюнше.

Папаша Мюнш не был первым, кто попытался познакомиться с моей моделью, но, мне кажется, он был первым, кто действительно свихнулся от нее. У него менялось выражение глаз, когда он разглядывал ее фотографии. Оно становилось сентиментальным, благоговейным. Мамаша Мюнш умерла два года назад.

Он все хитро придумал. Выудил у меня кое-какие сведения, которые позволили ему прикинуть время ее прихода на съемки, и вот как-то утром, с грохотом протопав по лестнице, он ввалился ко мне в мастерскую за несколько минут до ее появления.

— Мне надо ее видеть, Дейв,— сказал он.

Я спорил с ним, подшучивал, объяснял ему, что он просто не представляет себе, насколько серьезно она относится к своим идиотским условиям, особо напирая на то, что он нас своим приходом без ножа режет. И к моему крайнему удивлению, я даже раскричался на него.

Он отнесся ко всему в несвойственной ему манере. Только повторял без конца:

— Дейв, мне надо ее видеть.

Внизу хлопнула дверь.

— Это она,— сказал я, понижая голос.— Вам надо уйти отсюда.

Он не уступал, и мне пришлось затолкать его в проявочную.

— И тихо там,— прошептал я.— Я скажу ей, что не могу работать сегодня.

Я понимал, что он попытается посмотреть на нее и, вероятно, вырвется наружу, но мне ничего больше не оставалось делать.

Я услышал ее шаги на четвертом этаже. Но в дверь она не вошла. Мне стало не по себе.

— Выгони эту задницу оттуда! — вдруг выкрикнула она из-за двери. Негромко, своим самым обычным голосом.

— Я поднимусь этажом выше,— сказала она.— И если эта толстопузая задница сейчас же не выметется на улицу, то больше никогда не получит ни одной моей фотографии, разве что ту, где я буду плевать в его дерьмовое пиво.

Папаша Мюнш, побледневший, вышел из проявочной. Покидая мастерскую, он даже не взглянул в мою сторону. Больше в моем присутствии он не смотрел на ее фотографии.

Ну, хватит о папаше Мюнше. Теперь я расскажу о себе. Я поговаривал с ней на данную тему, намекал и даже пытался приобнять ее.

Она убрала мою руку так, будто это была мокрая тряпка.

— Нет, малыш,— сказала она.— Мы на работе.

— А потом...— упорствовал я.

— Правила остаются в силе,— и она одарила меня, кажется, пятой улыбкой.

Трудно поверить, но она никогда ни на йоту не отступала от своей идиотской линии поведения. Мне запрещалось приставать к ней в мастерской — наша работа очень важная, а она любила ее, и поэтому отвлекаться не следовало. В другом месте мы встретиться не могли, а если бы я попытался разыскать ее, то нашим съемкам пришел бы конец, а вместе с ними пришел бы конец и гонорарам, а я же не настолько глуп, чтобы считать, будто мое фотографическое мастерство имело хоть какое-то отношение к гонорарам.

Конечно, я не был бы мужиком, если бы не пробовал еще и еще. Но все мои приставания с презрением отвергались, и улыбок больше не было.

Я изменился. Я вроде как тронулся и чувствовал легкость в голове — иногда мне даже казалось: еще чуть-чуть и мозги мои выскочат наружу. Я все время ей что-то рассказывал. О себе.

Я как будто постоянно бредил, но работе это совершенно не мешало. Я не обращал внимания на головокружение. Оно казалось естественным.

Обычно стою, и вдруг на мгновение прожектор превращается в лист раскаленного добела железа, или тени начинают напоминать скопища моли, или камера превращается в огромный черный углевоз. Но в следующее мгновение все опять приходит в норму.

По-моему, иногда я ее до смерти боялся. Она мне казалась самым ужасным человеком на свете. Но в остальное время...

И я говорил и говорил. Неважно, что я делал — подавал освещение, добивался позы, возился с аппаратурой или щелкал, — неважно, где находилась она — на подставке, за ширмой, в кресле с журналом, — я болтал без умолку.

Я рассказал ей все о себе. Рассказал о моей первой девушке. Рассказал о велосипеде моего братца Боба. Рассказал о том, как однажды сбежал из дома на товарняке и какую трепку мне задал отец, когда я вернулся. Рассказал о морском путешествии в Южную Америку и синем ночном небе. Рассказал о Бетти. Рассказал о матери, умершей от рака. Рассказал, как меня избили в драке в аллее за баром. Рассказал о Милдред. Рассказал о моей первой проданной фотографии. Рассказал о том, как выглядит Чикаго, если на него смотреть из парусной лодки. Рассказал о моем самом продолжительном запое. Рассказал о «Марш-Мейсон». Рассказал о Гвен. Рассказал о том, как познако-

мился с папашей Мюншем. Рассказал о том, как я разыскивал ее. Рассказал о том, что испытывал в тот момент.

Она никогда не обращала ни малейшего внимания на то, что я рассказывал. Я даже не был уверен, слышала ли она меня.

И вот, когда мы работали над нашими первыми заказами для центральных рекламных агентств, я решил проследить за ней.

Подождите, попробую более точно определить когда. Что-то вы наверняка помните из центральных газет — те вроде как бы убийства, о которых я уже говорил. Помоему, шесть убийств.

Я говорю «вроде как бы» потому, что полиции так и не удалось доказать, что смерть во всех случаях наступила не в результате сердечных приступов. Естественно, возникают подозрения, когда здоровые люди умирают от сердечного приступа, тем более ночью, одни, далеко от дома, — и сразу возникает вопрос: а что они там делали?

Шесть смертей породили страх перед «таинственным отравителем». И впоследствии возникло ощущение, что убийства не прекратились в действительности, а совершались и совершались, но так, чтобы не вызывать столь явных подозрений.

Вот это-то и пугает меня сейчас.

Но тогда, решив проследовать за ней, я почувствовал только облегчение.

Я заставил ее как-то раз работать допоздна, пока не стемнело. В предлоге нужды не было: нас завалили заказами. Я подождал, пока хлопнет парадная дверь, и бегом слетел вниз по лестнице. На мне были ботинки с резиновой подошвой. Я надел темный плащ, в котором она меня никогда не видела, и темную шляпу.

Я постоял в дверном проеме, пока не разглядел ее. Она шла по Ардлей-парк в центр города. Стоял теплый осенний вечер. Я шел за ней по другой стороне улицы. Тем вечером я намеревался только выяснить, где она жила. Это дало бы мне зацепку.

Она остановилась перед витриной универмага Эверлея. Стоя там спиной к людскому потоку, она разглядывала витрину.

Я вспомнил, что мы по заказу универмага сделали большую фотографию, предназначенную для демонстрации дамского белья. Именно на эту фотографию она и смотрела.

Тогда мне показалось в порядке вещей, что она любит себя самой, ведь это была ее работа.

Когда подходили люди, она чуть-чуть отворачивалась или отходила в тень. Затем подошел какой-то мужчина. Один. Я не очень хорошо разглядел его лицо, на вид он был средних лет. Остановившись, он тоже стал смотреть на витрину. Она вышла из тени и встала рядом с ним.

Как вы, ребята, почувствуете себя, когда вот так вот разглядываете фотографию Девушки и вдруг она оказывается рядом — ее рука в вашей? Реакция того мужика была ясна как божий день: для него сбылась сумасшедшая мечта. Они недолго поговорили. Затем остановили такси. Сели в него и уехали. В тот вечер я напился. Походило на то, что она как бы знала, что я следил за ней, и избрала такой способ досадить мне. Может быть, знала. И может быть, пришел конец. Но утром следующего дня она появилась в обычное время, и я снова погрузился в бредовое состояние, только теперь к этому примешивалось нечто новое.

В тот вечер, когда я последовал за ней, она выбрала место под фонарным столбом напротив рекламных щитов с Девушкой Мюнша.

Сейчас мне страшно подумать о том, как она, притаившись, ждала своего часа. Где-то минут через двадцать показался открытый автомобиль. Поравнявшись с ней, автомобиль притормозил, потом дал задний ход и остановился у обочины.

Я находился ближе, чем в прошлый раз. И хорошо разглядел лицо парня. Моего приблизительно возраста.

Утром следующего дня то же самое лицо смотрело на меня с первой страницы газет. Машину обнаружили припаркованной в переулке. А его — в машине. Как и в других случаях — якобы убийство — причина смерти оставалась неясна.

В тот день в моей голове путались самые разные мысли. Но только пару вещей я знал наверняка — я получил первое по-настоящему серьезное предложение от одного центрального рекламного агентства, и когда мы закончим работать, я возьму Девушку за руку и спущусь с ней вниз по лестнице.

Она не выказала удивления.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросила она.

— Да.

Она улыбнулась.

— Я все думала, когда ты сделаешь это.

Мне было хорошо. Я прощался со всем, но я держал ее под руку.

Осенний вечер выдался теплым. Мы прошли через улицу и оказались в парке. Там было темно, но по всему небу разлилось желтовато-розовое сияние рекламных огней.

Мы долго шли по парку. Она молчала и не смотрела на меня, но я видел, как у нее подергивались губы, и чуть спустя ее пальцы сжали мою руку.

Мы остановились. В траве. Она опустилась вниз и потянула меня за собой. Положила мне руки на плечи. Я смотрел ей сверху в лицо. На нем слегка играли желтоватопрозовые блики рекламного зарева. Голодные глаза походили на темные кляксы.

Я возился с ее блузкой. Она убрала мою руку, но не так, как в мастерской.

— Я не хочу этого, — сказала она.

* * *

Сначала расскажу вам, что я сделал потом. Затем расскажу почему. И наконец, расскажу, что она мне сказала.

Что сделал я? Убежал. Я не помню всех подробностей — меня шатало и розовое небо качалось над темными деревьями. Но вскоре я доковылял до какой-то улицы. На следующий день я закрыл мастерскую. Потом, спустя месяцы, когда, вернувшись, я открыл дверь, звонил телефон и на полу валялись нераспечатанные письма. Более Девушку я во плоти, если я правильно выражаюсь, не видел.

Я убежал, потому что не хотел умирать. Я не хотел, чтобы из меня вынули жизнь. Вампиры ведь бывают разные, и те, что сосут кровь, не самые худшие. Если бы не предостережение в виде приступов головокружения, если бы не случай с папашей Мюншем и если бы я не наткнулся на фотографию того парня в утренней газете, меня ожидала бы та же участь, что и других. Но до меня дошло, что могло произойти, пока еще оставалось время вырваться из ее сетей. До меня дошло, что откуда бы она ни была родом и чьим бы творением она ни была, она — квинтэссенция ужаса позади яркой рекламы. Она — улыбка, выманивающая твои деньги и твою жизнь. Она — глаза, без конца соблазняющие тебя, а затем показывающие тебе смерть. Она — существо, которому ты отдаешь все, ничего не получая взамен. Она — существо, которое забирает

все, ничего не отдавая. Вспомните мои слова, когда вас потянет к ее изображению на рекламных щитах. Она — приманка. Она — наживка. Она — Девушка.

А вот что она сказала: «Хочу тебя. Хочу все лучшее в тебе. Хочу все, что делает тебя счастливым и несчастным. Хочу твою первую девушку. Хочу тот блестящий велосипед. Хочу ту взбучку, что устроил тебе отец. Хочу твою камеру. Хочу ноги Бетти. Хочу синее небо, усыпанное звездами. Хочу смерть твоей матери. Хочу твою кровь на булыжной аллее. Хочу губы Милдред. Хочу твою первую проданную фотографию. Хочу огни Чикаго. Хочу джин. Хочу руки Гвен. Хочу, чтобы ты хотел меня. Хочу твою жизнь. Насыть меня, малыш, насыть меня»

Монтею Саммерс

ПОСТСКРИПТУМ

Существует мнение, что случаи Вампиризма в наше время представляют собой очень редкое оккультное явление. И хотя нам приводят аргументы в пользу того, что они встречаются намного реже, чем в прошлых столетиях, я позволю себе усомниться в подобной точке зрения. Мне представляется бесспорной лишь одна истина — не то, что они практически изжиты в наши годы, а только то, что они тщательно замалчиваются и утаиваются от общественности. Я могу привести довольно много примеров их реального существования, сообщенных мне свидетелями и участниками этих зловещих актов.

Некая миссис Хэйес рассказала мне о своем опыте общения с Вампиром, который произошел каких-то десять лет назад, но, по счастью, не завершился ее кончиной, поскольку темные силы зла, пусть и с самыми опасными намерениями, оказались довольно древними по происхождению и с иссякающими возможностями нанести действительный ущерб человеческому существу, ибо не сумели накопить достаточный резерв новых сил, к которому они с таким упорством стремятся, чтобы, вооружившись поддержкой, могли бы проявить в полную мощь мерзкие свои намерения.

Так вышло, что миссис Хэйес приобрела небольшой дом в Пенли, графство Саут Девон, неподалеку от Дартмута. Она пишет:

«В моем доме тогда гостила подруга, и, кроме нас двоих, в доме никого не было. Однажды утром мы спустились вниз, в гостиную, где обнаружили сатанинский знак в виде отпечатка раздвоенного копыта. Паркетный пол, на котором грязью отпечаталось одно-единственное копыто, был абсолютно чист, кроме середины гостиной. Сам дом, приобретенный мной, невелик, окошки слишком малы, так что абсолютно невозможно, чтобы через них могло проникнуть в дом какое-либо животное, да если бы это и про-

изошло, то оно, несомненно, оставило бы не один след своего пребывания в доме. Мы искали везде подобные следы, но наши старания не увенчались успехом. На протяжении нескольких последующих ночей я испытала исключительно неприятные и пугающие ощущения от присутствия в доме невидимого, но вполне осязаемого существа. Сердце мое пребывало в постоянной тревоге и беспокойстве до тех пор, пока я не воспользовалась последним средством, развесив по углам головки чеснока, которые по многовековым народным поверьям служат верным средством, чтобы отгонять нечистого».

В недавно увидевшей свет книге «Странные случаи» Коммандер Гоулд пишет о Дьявольских отпечатках, которые время от времени появляются в Саут Девоне, так что с достаточной степенью вероятности можно было предполагать, что странный случай в Пенли не что иное, как проявление демонизма, чья энергия не иссякла окончательно, и что сатанинские силы, древние по своему происхождению, посещали это место и творили колдовские ритуалы на каком-то своем сборище или традиционном празднестве. Однако факт, что очищение и изгнание их было успешно осуществлено при помощи чеснока, — неоспоримое свидетельство в пользу того, что их ужасное по своей сути появление имеет явно вампирическое происхождение. Не сомневаюсь, что немало есть еще таких районов и мест, где происходят подобные случаи и где Вампиры в большей или меньшей степени заявляют о своем существовании, но сущность досадных этих явлений остается нераспознанной в силу самых разных причин и не заносится в анналы.

В 1924 году преподобный Ральф Ширли писал:

«Действительно, вследствие отсутствия документальных источников вера в то, что Вампиры совершенно исчезли в условиях цивилизованного общества, как это принято считать, в той или иной форме из человеческой практики, может быть подвергнута серьезной и обстоятельной критике. Несмотря на то что нам неизвестны случаи Вампиризма так называемого «славянского» типа, когда Вампир высасывает человеческую кровь, что приводит к смерти жертвы в двух- или трехдневный срок, время от времени в печати публикуются материалы о странных случаях, когда люди подвергаются нападениям Вампиров в человеческом обличье. Причем отмечается, что они, как правило, вступают в непосредственный контакт с представителями противоположного пола. Люди, пострадавшие от Вампиров в

последнее время, неизменно попадают за стены психиатрических лечебниц и не выходят за их пределы, тем самым не имея возможности оповестить об этом широкую общественность. Мне довелось, в частности, услышать о подобном происшествии совсем недавно. Жертва в данном случае была помолвлена с молодым человеком, причем необходимо отметить, что семья девушки весьма неодобрительно относилась к этой помолвке, так как жених был недостаточно знатного происхождения. Неожиданно для всех молодой человек умер, оставив свою суженую в глубоком горе. Спустя некоторое время она пережила свою утрату и вновь вернулась к активной жизни, причем впоследствии она призналась матери, что ее постоянно навещал покойный любовник, принимая для этого вполне осязаемое и реальное физическое обличье. Когда она попробовала вести нормальный образ жизни, приличествующий молодой женщине ее круга, и решила на брак с другим мужчиной, покойный ее прежний возлюбленный путем угроз заставил ее расторгнуть помолвку. Последние известия о той несчастной юной леди, которые достигли моих ушей, таковы: у нее был обнаружен туберкулез в тяжелой форме. Естественно, такого рода факты практически никогда не попадают на страницы печати, и профессиональный врач, без сомнения, отнесет их в разряд чистой галлюцинации больной девушки. Тем не менее, если мы все-таки задумаемся над ними с точки зрения оккультной философии, мы будем обязаны трижды подумать, прежде чем вправе будем заявить, что Вампиризм во всех своих проявлениях — явление прошлых времен и окончательно изжит».

Должен признаться, такие случаи и вправду нередки, они происходят чуть ли не повседневно, это я могу подтвердить из своей собственной практики, как священнослужитель.

СИНДРОМ ДРАКУЛЫ

Рассказы и повести

Перевод
И. В. Феоктистовой

ОНИ ВЫХОДЯТ ТОЛЬКО НОЧЬЮ

Во всей нашей округе люди твердо уверены в том, что док Джудд носит в своем черном кожаном саквояже какое-то волшебное средство, которое помогает всем без исключения. Но, кроме всего прочего, он очень хороший доктор. Когда со мной случилась беда и я потерял ногу на лесопилке, мы с ним очень подружились. И я всегда был у него на подхвате. Бывает, ночью дока поднимет срочный вызов, а он так устал, что не может сесть за руль, тогда он вызывает меня и я превращаюсь в шофера. Моя новая пластиковая нога, которую док достал за полцены, управляется с тормозами не хуже настоящей.

На стареньком драндулете дока мы подкатываем к дому фермера, чтобы помочь разродиться молодой жене хозяина или успокоить кашель его старой бабушке, и пока док занимается своим делом, я жду в машине и прислушиваюсь, как они расхваливают старину дока. В наших краях любой скажет: док Джудд может справиться с любой хворью. Я слушаю и киваю, слушаю и киваю... И все это время размышляю: любопытно, как бы они удивились, если бы узнали, что он сделал, когда его единственный любимый сын влюбился в Вампира...

В том году выдалось очень жаркое лето. Стив — сын доктора — приехал домой на каникулы. Воздух был раскален и, казалось, обжигал кожу до волдырей. Сын очень хотел помогать по хозяйству отцу, всюду сопровождать в поездках, но док сказал, что первый год обучения в медицинском колледже самый тяжелый и поэтому мальчик заслуживает полноценный отдых.

— Сейчас лето и у нас довольно спокойно, — сказал он парнишке. — В основном обычные отравления, да еще солнечные перегревы. И так будет до августа, а потом наступает сезон полиомиелита. Я также склонен думать, что ты не хочешь лишиться работы Тома, так ведь? А ты, Стиви, развлекайся, дело молодое, катайся в своем драндулете: побольше гуляй, да и вообще наслаждайся жизнью.

Стив согласно кивнул и... загулял, да, самым настоящим образом. Он приходил домой в пять-шесть утра, примерно до трех дня спал, потом еще пару часов шатался по дому, а в половине девятого садился в свой маленький дребезжащий драндулет и уезжал в неизвестном направлении. Так как парень он был примерный, то придорожные забегаловки отпадали. Значит... девушка — решили мы.

Доку все это не нравилось, но он не хотел давить на парня — пока. Но я — бесшабашный старый Том — нет, другое дело. Я был своим человеком в этой семье и помогал растить парня, после того как умерла его мать. Частенько мне приходилось шлепать его. Так было, когда он забрался в холодильник.

Я пытался намекнуть ему, чтобы парень не бросался головой в омут или не прыгал в пропасть — потом, мол, не выберешься, но он был как каменный идол: Стив не грубил, а просто пропускал мимо ушей болтовню старика. Очевидно, он слишком сильно увлекался какой-то девушкой.

А потом началась эта странная эпидемия, и мы с доком забыли о Стиве.

Хворь поражала в основном детей нашего округа и погубила уже около тридцати ребятишек.

— Просто не представляю, что делать, Том,— сетовал док, пока мы разъезжали с ним по разбитым дорогам нашей глубинки,— Болезнь коварная — симптомы, как при лихорадке, но температура почти не поднимается. Ребенок слабее, развивается малокровие. Ничего не помогает, все остается без изменений.

Каждый раз, когда он затевал этот разговор, у меня начинала болеть культия. У меня это вызывало раздражение, и я пытался скорее сменить тему разговора, но из этого ничего не получалось. У дока уже вошло в привычку размышлять вслух обо всем, что его тревожило, а проклятая эпидемия, как назло, никак не выходила у него из головы.

Положение создалось тревожное, и он даже написал в несколько научных медицинских учреждений, чтобы они посоветовали что-нибудь, но никакого толку не добился. А убитые горем родители ходили за доком по пятам и ждали, когда же, наконец, он вынет из своего маленького черного саквояжа это волшебное средство в ярком целлофане, потому что все знали в нашем округе Гроппа, что нет такой болезни, которую бы док Джудд не излечил. А ребятишки с каждым днем все больше и больше слабели.

У дока появились под глазами мешки оттого, что он просиживал ночи напролет над медицинскими журналами о новейших исследованиях в области детских заболеваний, но ничего в них не нашел, хотя ложился спать почти так же поздно, как гулена Стив.

И тут однажды он принес платок. Малюсенький шикар- ный платочек, батистовый, с вышивкой, обшитый по краям кружевом. Я как увидел его, аж весь передернулся, и у меня появилось желание поскорее уйти из кухни куда-нибудь подальше.

— Вот так-то, Том. Что ты об этом можешь сказать? Вроде бы ничего особенного, нашел платок на полу в спаль- не ребятишек Стоппсов. Ни Бетти, ни Вилли никогда не видели этого платка и не имеют представления, как он по- пал к ним в дом. Может быть, именно с этим платком за- несена инфекция в дом, но родители не будут мне врать. Раз они говорят, что это не их платок и не знают чей он, значит, так оно и есть.— Он бросил маленький кусочек хорошего батиста на кухонный стол и вздыхая доба- вил: — У девочки Стоппсов анемия прогрессирует. Если бы узнать... Ну ладно.

Он медленно пошел в свой кабинет с опущенными пле- чами и грустно поникшей головой, словно нес мешок с це- ментом.

Я не мог оторвать глаз от платка и в задумчивости грыз ноготь. Внезапно на кухню буквально влетел Стив. Он быстро налил кофе, поставил чашку на стол и вдруг уви- дел платок.

— Ой,— воскликнул он,— это же Татьянин платок. Как он к нам попал?

Я поперхнулся остатком ногтя и от неожиданности плюхнулся на стул напротив Стива.

— Стив,— начал я и умолк, потирая ноющую культю.— Стиви, ты знаком с девушкой, которой принадлежит этот платок? Ее зовут Татьяна?

— Да, знаком, и очень даже хорошо. Это Татьяна Латьяну. Смотри, вот в уголке вышиты ее инициалы — Т. Л. Это очень хорошая девушка, из древнего румынского аристократического семейства. Но самое главное — это то, что я собираюсь на ней жениться.

— Так это та девушка, к которой ты мотаешься каждый день и по ночам?

Он молча кивнул:

— Да, ты прав, Том, она выходит только ночью. Потому

что терпеть не может солнечный свет. Она очень поэтическая натура, и, если бы ты знал, Том, какая она красивая...

Больше часа я слушал исповедь Стива, и с каждой минутой мне становилось все хуже и хуже. Я сам румын по материнской линии и сразу понял, почему от этой исповеди мою культю дергало как будто током.

Итак, как поведал мне Стив, девушка жила в городке Браскет, примерно двенадцать миль от нас. Стив познакомился с ней ночью на шоссе — у нее сломалась машина. Он подвез девушку к дому — недавно снятому старому особняку Мидда — и с тех пор влюбился в нее, или, вернее сказать, попался на крючок. Да так прочно, что теперь барахтаться бесполезно.

Иногда, когда он приезжал к ней, ее не было дома и служанка говорила, что она катается на машине по окрестностям в ночной прохладе, и, пока Татьяна не приходила, Стив играл в карты со служанкой, старой крюконосой румынкой. Несколько раз он хотел найти ее где-нибудь, но ничего из этого не получилось. Девушка исчезала, будто сквозь землю проваливалась.

— Если леди хочет быть наедине с собой, — говорила служанка Стиву, — значит, так тому и быть.

Частенько ждал ее целыми часами. Но, как говорил Стив, когда она приезжала домой, возбужденная, красивая и ласковая, он забывал обо всем. Они вместе слушали музыку, беседовали, танцевали и ели необычные острые румынские блюда, приготовленные колдуньей-служанкой. Так проходила ночь, а наутро он возвращался домой.

Стив дотронулся до моей руки.

— Том, может быть, ты слышал когда-нибудь эти стихи: «Филин и кошечка»? Мне очень нравятся последние строки:

И они танцевали при свете луны,
в лунном свете кружились они.

Я очень хочу, чтобы так у нас было с Татьяной. Если она согласится выйти за меня замуж. Но пока об этом не может быть и речи.

Я облегченно вздохнул.

— Ну этим ты действительно порадовал меня, — выпалил я, не подумав. — Жениться на этой девушке!..

Не успел я произнести эту фразу, как увидел выражение глаз Стива и сразу заткнулся, но было уже поздно.

— Как это понять, Том, «э т а девушка»? Как ты можешь так говорить, ведь ты ее даже не видел.

Я начал выкручиваться, но Стив стоял стеной, его очень заделли мои слова. Поколебавшись, наконец, я решился: лучше горькая правда, чем сладкая ложь!

— Стиви, дорогой, выслушай меня внимательно. Отнесись к этому серьезно. Твоя новая подружка — Вампир.

— Том, да ты что, ты просто спятил... — У него отвисла челюсть.

— Нет, Стив, со мной все в порядке. Я очень тебя люблю, ведь ты мне как сын. Поэтому выслушай меня.

И я рассказал ему все, что знал о Вампирах. Все, что довелось слышать от матери, приехавшей в эти края из Старого Света, из Трансильвании, совсем молодой, когда ей едва было двадцать. Рассказал, как живут Вампиры и каким странным образом поддерживают свои силы: время от времени подкрепляясь человеческой кровью. Поведал, что это передается по наследству: как правило, Вампиром бывает один ребенок в семье, из своего убежища на промысел Вампиры выходят только ночью, потому что солнечный свет губительно на них действует.

Когда я произнес это, Стив побледнел, но я был жесток и продолжил рассказ. Я напомнил ему о странной эпидемии, жертвой которой стали дети нашего округа, — болезнь, отнимающая у детей силы. Закончил я свой рассказ эпизодом, как его отец нашел платок в доме Стоппсов, возле постели двух самых обессиленных ребятешек. И еще я рассказал, как... но здесь, увлеченный своим повествованием, обнаружил, что разговариваю сам с собой. Стива не было. Он выскочил как ошпаренный и умчался на драндулете.

Вернулся он примерно в полночь и выглядел каким-то постаревшим. Я оказался прав.

Он приехал к Татьяне и прямо в лоб спросил ее, правда ли все, что я ему рассказал? Девушка ужасно расстроилась и заплакала. Да, сказала она, Вампир, но потребность насыщаться кровью появилась недавно — всего несколько месяцев назад. Она всеми силами боролась с этим, но безрезультатно. Наконец почувствовала, что сойдет с ума, если не утолит жажду. Кровь она пила только у детей, потому что боялась взрослых: ведь они могли проснуться и убить ее. За один вечер она посещала нескольких ребятешек, чтобы ни один из них не потерял слишком много крови. Но вся беда в том, что жажда с каждым днем все растет и растет... Вот такую историю поведала она нашему Стиву.

И все-таки он решил жениться на Татьяне и попросил ее руки.

— Не может быть, чтобы не было какого-нибудь способа избавиться от этого недуга,— решительно сказал он.— Но она, Том,— можешь мне поверить,— она мне отказала, сказала нет.

Она вытолкала Стива и заставила его уйти. Когда я узнал об этом, то мысленно прочитал благодарственную молитву.

— Где сейчас отец? — спросил меня Стив.— Может быть, он что-нибудь придумает.

Я ответил, что док ушел, но куда я не знаю. Потом мы со Стивом сели и стали думать, что делать. Так мы сидели довольно долго и думали. Д у м а л и...

Зазвонил телефон, мы от неожиданности чуть не свалились со стульев. Стив схватил трубку, и я слышал, как он что-то орал.

Затем прибежал на кухню, схватил меня за руку и потащил к своей машине.

— Это звонила служанка Татьяны, Магда,— сказал он, когда мы мчались по шоссе.— Она сообщила, что после разговора со мной с Татьяной была истерика, а когда она успокоилась, то села в автомобиль и уехала, не сказала ей куда. Магда предполагает, что Татьяна хочет покончить жизнь самоубийством.

— Самоубийство? Но ведь она же Вампир, как...

И тут меня осенило, как именно она поступит. Я посмотрел на часы.

— Стиви,— закричал я,— быстро едем к перекрестку Криспина. И гони что есть духу!

Он выжал из своего драндулета, казалось, все. Было впечатление, что мотор сейчас оторвется от машины и побежит впереди нее.

Ее автомобиль мы увидели сразу, как только подъехали к Криспину. Он стоял на обочине одной из трех скрещивающихся дорог. Посредине пустынной улицы стояла хрупкая фигурка в развевающемся пеньюаре. Мне казалось, что по культе стучат молотком, так она болела.

Церковные часы начали отбивать двенадцать ударов, но мы успели вовремя. Стив выпрыгнул из машины, подбежал к девушке и выбил у нее из рук заостренный кол. Он прижал ее хрупкую фигуру к себе и дал выплакаться.

Не могу сказать, чтобы меня очень умиляла эта сцена, потому что думал я только об одном: вот и дожили, Стив влюбился в Вампириху! Я не думал о том, как себя чувствует девушка — ведь она так сильно любила Стива, что хотела

покончить с собой единственно возможным для Вампира способом: в полночь на скрещении дорог воткнуть в сердце деревянный кол.

Когда мы немного пришли в себя, я увидел, что девушка очень миленькая. Я ожидал, что передо мной появится леди-Вампа: такая высокая, вертлявая, в плотно облегающем платье. Ведьма-соблазнительница. Но в машине рядом со мной сидела до смерти перепуганная и ужасно расстроенная девочка, прижавшаяся к руке Стива так, словно боялась, что ее сейчас оторвут от него. И сразу было видно, что она моложе нашего Стива.

На обратном пути я мысленно повторял: «Да, эти ребята здорово влипли. Ужасно, если влюбишься в Вампира, но Вампиру полюбить обычного человека... тут уж и говорить нечего».

— Как я могу стать твоей женой? — шептала Татьяна. — Какая же у нас будет жизнь? Ведь Стив, дорогой, в одну прекрасную ночь жажда может довести меня до того, что я наброшусь даже на т е б я!

Но все это были разговоры, а о главном мы забыли, точнее, на время забыли. Забыли, что у нас был док.

Мы приехали домой, док с нетерпением ждал нас, и как только он познакомился с Татьяной и услышал ее историю, плечи его распрямились, а в глазах зажегся прежний огонь. Самое главное, что теперь больше не будут болеть дети. Ведь мы нашли причину этой «эпидемии». Что касается Татьяны...

— Ерунда, — сказал он ей. — Вампиризм считался неизлечимым в пятнадцатом веке, но в двадцатом, я уверен, есть средство избавиться от него. Ночной образ жизни Вампиров говорит о вероятной аллергии к солнечному свету, а также о наличии элементов фотобии. Я думаю, что тебе, моя девочка, могут помочь очки с затемненными стеклами и гормональные уколы. А вот утоление жажды свежей кровью представляет более серьезную проблему.

Но и эту проблему через некоторое время док решил.

Он узнал, что кровь продается в виде кристаллического концентрата. И теперь, уже не первый год, каждый вечер перед сном миссис Татьяна Стивен Джудд в стакане воды размешивает немного порошка, добавляет пару кусочков льда для вкуса и принимает свою ежедневную дозу. Помоему, молодые супруги живут душа в душу. А мы с доком только радуемся этому.

Дэвид Х. Келлер

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

а, это производит впечатление», — подумал доктор Теодор Оверфилд, осматривая огромный участок, расположенный вокруг большого каменного дома. Высокая красивая ограда из кованого чугуна, опоясывающая имение, свидетельствовала о богатстве. Несмотря на то что дом был уже довольно старый и деревья прямо-таки дышали древностью, участок отличался хорошей планировкой, а ограда выглядела как новая. Венчавшие ее острые наконечники, блестя, вздымались ввысь, как будто ружейные штыки на параде.

Когда доктора пригласили в этот дом, то он подумал, что случай не слишком серьезный: какой-нибудь припадок неврастения, алкогольный психоз или простая женская истерика. Он миновал ворота и, когда услышал, как со стуком захлопнулись за ним створки, невольно почувствовал, что может встретить в этом доме необычного пациента или неординарный случай. Несколько ланей, испуганных резким звуком, бросились врассыпную и исчезли в лесу. «Какие прекрасные создания, — подумал доктор, — должно быть, ради них соорудили эту красивую ограду».

Когда Теодор Оверфилд позвонил, дверь открыл мрачный слуга и провел его в комнату, похожую на библиотеку. В ней было много книг, и создавалось впечатление, будто ими довольно часто пользовались. Собраний сочинений не очень много, но обилие отдельных томов, очевидно, первых изданий. В одном углу комнаты стояла скульптура Меркурия, в другом — белоснежная статуя Венеры. Между ними камин, рядом с ним несколько кресел — комната выглядела очень уютно.

«Провести неделю в такой обстановке, да еще за хорошую плату — не плохо», — подумал доктор. Его размышления были внезапно прерваны; вошел довольно пожилой человек небольшого роста, с блестящими молодыми глазами и копшой красивых седых волос.

— Я Петерсон,— представился он,— это я вас пригласил. Ведь вы — доктор Оверфилд?

Они пожали друг другу руки и уселись в кресла возле камина. Хотя было только начало сентября, но в этой горной местности уже стояли прохладные дни.

— Мне сказали, что вы — хороший психиатр, доктор Оверфилд,— после приветствия сказал седовласый хозяин.— Меня даже уверяли, что вы в силах разрешить мою проблему.

— Пока ничего не могу сказать по поводу вашей проблемы,— ответил доктор,— но я освободил всю следующую неделю и могу быть в вашем распоряжении. В своих письмах вы не касались того, что вас беспокоит, а мне бы хотелось об этом узнать. Когда вы сможете мне что-либо рассказать?

— Только не сейчас. Отдыхайте и после обеда вернемся к этому вопросу. А может быть, вы и сами увидите. Я провожу вас в вашу комнату; к шести часам спускайтесь в столовую, и я познакомлю вас с остальными членами моей семьи.

Комната, в которую хозяин привел Оверфилда, была более чем комфортабельной. Петерсон, пожелав доктору приятного отдыха, вышел, но быстро вернулся и, смущенно глядя на доктора, промолвил:

— Хочу вас предупредить. Когда вы останетесь в комнате один, закройте дверь.

— Запереть, когда я буду уходить?

— Нет. В этом как раз нет необходимости. Никто ничего в этом доме не украдет. Я прошу вас запирать дверь в том случае, когда вы будете в комнате один.

Когда Петерсон вышел, доктор запер за ним дверь и подошел к окну. Оно выходило в лес. Вдали он увидел ланей, возле дома, на лужайке, прыгали белые кролики. Вид был прелестный. Но почему на всех окнах решетки?

«Решетки на окнах! Очень странно, как будто тюрьма,— подумал он.— Предупреждение закрывать дверь... Кого или чего здесь можно опасаться? Ну уж не грабителей ведь. Любопытно, очень любопытно. А эта красивая ограда? Чтобы перелезть через нее, надо быть смельчаком, даже используя переносную лестницу. Да и хозяин дома — Петерсон выглядит неврастеником и в то же время отложил нашу беседу. Вероятно, хочет, чтобы я сам докопался до некоторых вещей»,— размышлял доктор.

Он утомился долгим путешествием, поэтому снял бо-

тинки, расстегнул воротничок рубашки, прилег на удобную кровать и сразу задремал. Кругом стояла тишина. Прошло несколько минут, послышался слабый шум, словно кто-то пытался повернуть ручку двери, доктор проснулся и спросил: «Кто там?» Но никто не ответил и не постучал, не было слышно и шагов. Перебирая в памяти события дня, он не заметил, как крепко уснул. Когда он проснулся, за окном было темно — он посмотрел на часы, десять минут шестого. Пора переодеваться и спускаться в столовую к обеду.

Внизу его ожидали Петерсон и миссис Петерсон.

За столом хозяин дома молчал, но его жена оказалась прекрасной собеседницей, и доктор просто наслаждался беседой с ней, так же как и изысканным обедом. Миссис Петерсон побывала во многих странах, очень живо рассказывала о своих впечатлениях от путешествий. Создавалось впечатление, что эту женщину интересовало абсолютно все.

«Умница, просто образец культурной женщины, — подумал доктор Оверфилд, — она умеет выбрать все самое увлекательное для своих рассказов и причем к месту, удивительное умение поддерживать живую беседу».

К этим достоинствам доктор не мог не добавить еще одно: миссис Петерсон была очень красива. Доктор был очарован исходящим от нее неотразимым обаянием и поражен, как могла такая прелестная женщина полюбить такую мумию, как Петерсон. Очевидно, он неплохой человек, но совершенно ей не пара.

Миссис Петерсон была миниатюрной и хрупкой, она излучала здоровье и живость. Если в этом доме кто-то и болен, то, конечно же, не она. Доктор перевел взгляд на ее супруга. Может быть, он и есть его пациент? Мрачный, подозрительный, молчаливый... запертые двери и зарешеченные окна... Возможно, перед ним скрытый случай паранойи, а оживленность миссис Петерсон, ее стремление поддержать разговор — защитная реакция?

Может быть, она только выглядит веселой, а на самом деле это всего лишь маска? Временами на ее лицо набегает тень, но она тотчас же исчезает, как только женщина улыбается или весело смеется. Сомнительно, что она по-настоящему счастлива с таким мужем!

За столом прислуживал мрачный, молчаливый слуга. Его манеры были безупречны, но доктору он не понравился с первого взгляда. Оверфилд никак не мог понять причину своей антипатии. Вскоре, однако, все прояснилось. Доктор

сидел задумавшись, стараясь понять, для чего его пригласили в этот дом. Вдруг он обратил внимание, что стол накрыт на четверых, а обедало только трое. И в тот момент, когда он подумал об этом, дверь открылась и в столовую в сопровождении коренастого мужчины в черном костюме вошел подросток.

— Доктор Оверфилд, разрешите вам представить моего сына Александра. Поздоровайся, пожалуйста, с джентльменом, Александр.

Мальчик и сопровождающий его человек, следовавший за ним по пятам, обошли стол, мальчик поздоровался за руку с доктором и сел на свободный стул. На десерт подали мороженое. Человек в черном, стоя за стулом подростка, внимательно наблюдал за каждым его движением. Столь оживленный разговор замер. Десерт съели в полном молчании. Наконец мистер Петерсон произнес:

— Вы можете отвести Александра в его комнату, Йорри.

— Слушаюсь, мистер Петерсон.

Они опять остались за столом вдвоем, но разговор не возобновлялся. Мужчины молча курили, а миссис Петерсон, встав, извинилась:

— Простите, но я придумываю фасон для своего нового платья и стою перед сложной проблемой, на чем остановиться: сделать кнопки или пуговицы. Если взять пуговицы, то они должны быть не избитыми, с изюминкой, чтобы украсить платье и ни в коем случае не испортить общего впечатления. Поэтому еще раз прошу вас, джентльмены, извинить меня. Надеюсь, вам понравится у нас, доктор Оверфилд.

— О, мне уже понравилось, миссис Петерсон, — ответил доктор вставая. Ее седоволосый супруг не встал. Он отсутствующими глазами смотрел на висевшую на стене картину, не замечая ее. Наконец, докурив сигарету, он поднялся из-за стола.

— Доктор, может быть, мы пройдем в библиотеку и там с вами поговорим?

Они прошли в комнату и уселись в кресла перед камином.

Мистер Петерсон обратился к доктору:

— Если хотите, можете снять пиджак и галстук, а ноги положите вот на этот стул. Мы с вами одни и можно не церемониться.

Доктор отрицательно покачал головой.

— Мне показалось, вас что-то угнетает, мистер Петер-

сон? — сказал доктор. Именно этими словами он всегда начинал свое исследование состояния пациента. Они располагали больного к доктору, создавали ощущение, что врач понимает и сочувствует ему, ведь многие больные приходят к врачу просто для того, чтобы снять состояние угнетения или поделиться тем, что они несчастливы.

— Вы совершенно правы, — произнес Петерсон. — Кое-что я вам расскажу, но я бы хотел, чтобы вы сами во всем разобрались без моей помощи. Это началось в то время, когда я только начинал свое дело. Родители нарекли меня Филиппом. Филипп Петерсон — звучит! В школе я познакомился с историей Филиппа Македонского, и он меня покори́л. Я восхищался эпизодами из его биографии, ведь по натуре он был первопроходцем. Личность неординарная — он завоевал много стран, создал империю, реорганизовал армию. Если прибегнуть к современному сленгу, то он был «мужик что надо». Конечно, и у него, как у большинства великих людей, были свои слабости: вино, женщины, но в целом это была уникальная фигура.

Но одно дело быть царем Македонии, а другое — стать президентом кожевенной компании, и я решил, что для успеха важен принцип. Я досконально изучал жизнь Филиппа и пытался применить все что было возможно из его жизни в своей работе. В конце концов это позволило мне разбогатеть.

Вскоре я женился. Как вы видели, моя жена — образованная, красивая и весьма одаренная женщина. Вскоре у нас родился сын. В честь Александра Македонского я назвал его Александром. Сосредоточив в своих руках все кожевенное производство Америки, я мечтал, что мой наследник станет главой этого бизнеса во всем мире. Но — увы... Сегодня, за обедом, вы видели мальчика?

— Да.

— Каков ваш диагноз?

— Я не могу сказать точно, но на первый взгляд это похоже на болезнь Дауна.

— Да, вы правы. Несколько лет мы держали сына дома, а затем поместили в одну из лучших частных школ Америки. Когда ему исполнилось десять лет, они категорически отказались держать его в школе, хотя я предлагал им большие деньги. Что мне оставалось делать? И я решил купить это имение, затем обустроил его, продал все свои предприятия и стал жить здесь. Это мой сын — и я должен заботиться о нем.

— Меня удивляет, что его отказались держать в частной школе. С вашими деньгами...

— Да, это не просто, что-то там произошло. Они же мне сказали, что не могут взять на себя ответственность за его поступки.

— А в чем это проявляется? И что об этих поступках думает его мать?

— Ну вы как врач должны знать, что мнение матери в подобных случаях довольно предвзятое.

— Да, в большинстве случаев это так.

— Тогда вы меня поймете. Мать убеждена, что ребенок само совершенство, мало того, он гениален и о его слабостях не может быть и речи. Она говорит «о запоздалом развитии», уверяет, что со временем он «перерастет свою отсталость» и со временем сравняется в развитии со своими сверстниками.

— Как врач убежден, что она ошибается.

— Боюсь, что так. Но я бессилен ее убедить. Когда заходит речь о ребенке, она начинает раздражаться, а в таком состоянии говорить с ней просто невозможно. Итак, когда родился ребенок, мы переехали сюда. У лакея несколько обязанностей. Он живет у нас много лет, и мы полностью ему доверяем, к тому же он глухонемой.

— Теперь мне все понятно! — воскликнул доктор. — А я-то удивлялся, почему он такой мрачный. Почти все глухонемые отличаются некоторой агрессивностью.

— Вполне может быть. Этот человек ведет все наше хозяйство. В этой глуши и с таким ребенком прислугу удерживать трудно. Слуги охотно приходят к нам, но, узнав Александра, долго не задерживаются.

— Их что, пугает его слабоумие?

— Нет, его поведение. Я стараюсь познакомить вас только с фактами и стараюсь делать это совершенно беспристрастно. Йорри, бывший борец, человек без нервов — ему незнакомо чувство страха. Йорри очень хорошо относится к мальчику, но буквально заставляет его себя слушаться. С тех пор как он пришел к нам, Александр садится за стол вместе с нами, и мать просто счастлива. Но иногда Йорри должен отдохнуть, и тогда он отпускает Александра в парк.

— Так ведь это прекрасно, и ребенку должно там нравиться. Я видел в парке ланей и кроликов.

— Да, конечно, это полезно для развития, но он в основном любит на них охотиться.

— А вам, мистер Петерсон, не кажется, что мальчик нуждается в приятелях, с которыми он мог бы играть?

— Я с вами совершенно согласен и даже усыновил одного мальчика, но он, к сожалению, умер. После этого я опасаюсь экспериментировать.

— Но причем здесь эксперимент? Ведь умереть мог любой ребенок,— возразил доктор,— почему бы вам не приглашать какого-нибудь паренька из местных хотя бы на несколько часов в день, чтобы ваш сын мог немного поболтать и поиграть с ним?

— Нет, нет, никогда! Поживите у нас, понаблюдайте за мальчиком, осмотрите его; может быть, сможете посоветовать что-нибудь.

— Как врач, думаю, что сделать для него сейчас можно очень немного: ну, скажем, внимательно следить, исправлять дурные привычки, которые могли у него выработаться.

Петерсон удивленно поднял брови:

— Это не ново. Несколько лет назад я советовался с одним крупным специалистом, и он заявил, что ребенку необходимо предоставить свободу действий. Он что-то советовал относительно подавленных желаний и утверждал, что единственный шанс добиться хоть какого-нибудь улучшения — позволить ребенку жить как он хочет. Вот почему мы очутились здесь и завели ланей и кроликов.

— Вы, кажется, упоминали, что мальчик любит охотиться на них?

— Не совсем так. Не буду ничего добавлять к сказанному, а хочу, чтобы вы хорошенько понаблюдали за ним. Я сказал Йорри, чтобы он по возможности помогал вам. Он знает моего сына лучше, чем я, да простит меня Бог, а уж я знаю его более чем достаточно. Мне трудно говорить об этом; лучше узнайте все подробности у Йорри. А сейчас поздно, наверное, вам пора спать. Пожалуйста, закройте дверь на ночь.

— Я обязательно это сделаю,— сказал доктор.— Но зачем? Ведь вы сказали, что здесь никто ничего не украдет.

Обескураженный всем увиденным и услышанным, доктор отправился в свою комнату. Из своего богатого опыта он знал, какие разнообразные симптомы бывают при болезни Дауна. Ему приходилось встречаться с сотней подобных случаев, и Александр Петерсон еще один такой пациент, но что-то отличало его от других. Что-то в его поведении противоречило поставленному диагнозу. Поведение? Но в чем оно проявляется? Привычки, но каковы они?

А Петерсон почему-то боится своего сына. Поэтому он нанял для него бывшего борца. Вот почему на окнах решетки... Но зачем здесь кролики и карликовые олени?

Странно, что ребенок охотится на них? И как же с чувством жалости?

Он уже почти уснул, когда раздался резкий стук в дверь. Доктор вскочил, подошел к двери и, не открывая, спросил:

— Кто?

— Это я, Йорри, — отозвался голос из-за двери. — У вас все в порядке?

— Да, а что случилось?

— Впустите, пожалуйста, меня.

Доктор открыл дверь, выпустил Йорри и снова повернул ключ.

— Что произошло?

— Александр убежал из своей комнаты. Если бы это произошло днем, я бы не стал вас беспокоить, но ночь — другое дело. Посмотрите, пожалуйста!

В окне с улицы белело лицо Александра Петерсона, который обеими руками ухватился за оконную решетку и тряс ее изо всех сил, пытаясь выломать. Йорри покачал головой.

— Ну и мальчишка! Нельзя держать этого звереныша здесь, но что делать? Хорошо, что у вас все в порядке, теперь пойду туда и попытаюсь его поймать. Обязательно запирайте за мной дверь.

— Вы боитесь?

— Да, но не за себя — за других. Мне бояться нечего. Мистер Петерсон сказал мне, что вы хотите завтра осмотреть мальчика.

— Да!

— А когда бы вы хотели это сделать?

— В десять часов утра. Можно прямо здесь.

— Хорошо, я приведу его сюда. Спокойной ночи, и не забудьте запереть дверь.

Доктор, проводив Йорри, закрыл дверь и прилег. Он так за день вымотался, что сразу уснул, оставив все вопросы на следующий день. Утром глухонемой лакей принес доктору завтрак, а ровно в десять Йорри привел Александра. Вид у мальчика был испуганный, но он беспрекословно подчинялся воспитателю.

Осмотр показал все признаки болезни Дауна. Правда, доктор заметил некоторые отклонения. Несмотря на небольшой рост для своего возраста, мальчик обладал разви-

той мускулатурой. У него были прекрасные зубы, ни одного дупла и странные верхние клыки — необычайной длины, как у тигра или кошки.

— У мальчика прекрасные зубы, Йорри,— сказал доктор.

— Согласен, сэр, даже очень прекрасные, и он ими частенько пользуется,— отозвался воспитатель.

— У него зубы не человека, а скорее всего хищника.

— Так он и есть хищник!

Последовала пауза. Затем доктор произнес:

— Я хочу, чтобы вы все откровенно рассказали мне, Йорри. Ну например, почему его исключили из частной школы?

— Разве мистер Петерсон вам не сказал? Из-за его привычек.

— Каких таких привычек?

— Мне трудно вам это рассказать — лучше вам увидеть все самому. Давайте сходим прогуляться втроем в лес. Это вполне безопасно, пока я буду с вами. Но ни в коем случае сами из комнаты не выходите.

Доктор засмеялся.

— Ну что вы, это вам в новинку, а я привык к ненормальным.

— Возможно, но мне бы не хотелось, чтобы с вами что-нибудь случилось. Пошли, Александр,— поманил он мальчика пальцем.

Ребенок послушно пошел за воспитателем.

— А теперь, доктор, пойдемте с нами.

Они вышли на лужайку перед домом и направились к лесу.

В лесу Йорри помог парнишке раздеться, и тот сразу побежал в чащу.

— А он не выберется наружу? — спросил доктор.

— Нет, отсюда не выбраться никому. Давайте подождем его здесь. Когда мальчик закончит охоту, он сам вернется.

Они ждали его часа два. Наконец на четвереньках среди высокой травы появился Александр. Йорри невозмутимо вынул из кармана влажное полотенце, вытер кровь с лица и рук мальчика и помог ему одеться.

— Боже, так, значит, вот чем он занимается,— промолвил пораженный доктор.

— Да, но иногда кое-чем похуже.

— И поэтому его отчислили из школы?

— Думаю, что да. Мистер Петерсон рассказывал мне,

что он начал с мух, жуков и лягушек, когда был еще совсем маленьким.

И тут доктор сразу все понял:

— Скажите, Йорри, мистер Петерсон усыновил одного мальчика, и ребенок умер. Вы об этом что-нибудь слышали?

— Нет, об этом я ничего не знаю. И ничего не хочу знать. Думаю, что этот случай произошел до меня.

Оверфилд догадался, что Йорри не хочет говорить правду. Доктор решил еще раз поговорить с отцом мальчика. Бесплезны попытки помочь, если не знаешь всех подробностей.

Во время лэнча разговор не клеился. Петерсон сидел мрачный, его супруга предупредительна, но сдержанна. Совершенно явно они делали над собой усилие, чтобы поддерживать беседу. После лэнча супруги обменялись репликами, которые не ускользнули от внимания доктора. Петерсон заметил, что у него болит зуб и, вероятно, придется ехать к дантисту. Его жена вскользь заметила:

— У меня прекрасные зубы, и за всю свою жизнь я ни разу не была у зубного врача.

Ожидая в библиотеке Петерсона, доктор Оверфилд размышлял над словами хозяйки дома.

Вошел Петерсон, и доктор обратился к нему:

— Я осмотрел вашего сына, мистер Петерсон, и наблюдал его в лесу во время очередной охоты. Йорри мне кое-что рассказал, но кое о чем умолчал. Сейчас я задам вам вопрос, на который хочу услышать правдивый ответ. Отчего умер мальчик, которого вы усыновили, чтобы он играл с вашим сыном?

— Я не могу точно ответить на ваш вопрос, потому что не знаю. Однажды утром мы нашли ребенка в его комнате мертвым. В спальне было разбито окно. Вокруг окоченевшего трупа валялись осколки. На шее у мальчика была глубокая рана. Как предположил коронер, мальчик во сне пошел к окну, сонный наткнулся на раму и один из осколков перерезал ему вену. Так записано в заключении о причине смерти.

— А ваше мнение, мистер Петерсон, что вы подумали?

— Я уже давно ничего не думаю.

— Скажите, а как же решетки на окнах? Вы их поставили до или после этого случая?

— Конечно, после него. Доктор, скажите откровенно, вы можете помочь мальчику?

— Боюсь, что теперь ему уже никто не поможет. Совет,

который вам дали врачи много лет назад, в вашем случае только усугубил болезнь. Правда, физическое ваш сын в отличном состоянии, но физическое здоровье далеко не все, что необходимо для нормальной человеческой жизни. Если бы это касалось моего сына, я как можно скорее убрал бы подальше всех оленей и кроликов, которые еще живы. Я приложил бы все усилия к тому, чтобы отучить его от подобных... привычек.

— Я обязательно подумаю над вашим советом. Я заплатил вам за то, чтобы услышать ваше мнение, и ценю его. А сейчас еще один вопрос: скажите, эти привычки могут быть наследственными? Не думаете ли вы, что один из предков мальчика занимался тем же?

Вопрос показался доктору Оверфилду странным, и он в свою очередь спросил:

— Вы предполагаете о какой-нибудь душевной болезни в вашей семье?

— Да. Но у меня в роду все были здоровы.

— Хорошо, а в семье вашей супруги?

— У нее наследственность не хуже моей, может быть, даже лучше.

— Тогда вот что я могу вам сейчас сказать: болезнь Дауна может быть в любой нормальной семье; что же касается привычек вашего сына, то, мне кажется, это можно назвать атавизмом. Ведь в свое время наши предки питались сырым мясом. Внешность человека, страдающего слабоумием, вызванным болезнью Дауна, напоминает предков современного человека: возьмите хотя бы покатый лоб.

— Хотелось бы верить вам,— признал Петерсон.— Я бы отдал многое, лишь бы точно знать, что я не виноват в болезни сына.

— Вы или ваша жена? — спросил доктор.

— О ней не может быть и речи,— ответил Петерсон, слабо улыбаясь.— Это самая прекрасная женщина в мире.

— Может быть, что-нибудь скрытое, подсознательное? Петерсон покачал головой.

— Нет. Моя жена само совершенство.

На этом беседа закончилась. Доктор уступил просьбам хозяина остаться до конца недели, хотя понимал, что его присутствие будет совершенно бесполезным. За обедом миссис Петерсон была прекрасна в белом вечернем платье с золотыми блестками, она блистала не только туалетом, но и остроумием. Недавно она сделала большой вклад на закупку молока в фонд помощи истощенным детям. Благо-

творительность была одним из ее хобби. Петерсон выглядел усталым и говорил о наследственности, но на него не обращали внимания, и никого не интересовали его размышления вслух. Вскоре хозяин дома замолк.

Эти поразительные контрасты между супругами были непонятны доктору Оверфилду. Желая спокойной ночи седоволосому хозяину дома, он поделился с ним своими сомнениями.

— Я ничего не понимаю, что со мной происходит, ведь раньше я не был таким,— признался Петерсон.— Может быть, перед смертью пойму. Но в болезни сына, я чувствую, виновата наследственность, но ничего не могу доказать.

Доктор запер дверь своей комнаты и сразу же улегся. Он чувствовал сонливость и вместе с тем был до предела возбужден. Оверфилд надеялся, что за ночь сумеет отдохнуть, но сон его был недолгим. Сильный стук в дверь заставил доктора вскочить с постели.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, Йорри. Откройте, пожалуйста.

— Что случилось?

— Этот мальчишка, Александр, опять удрал, и я нигде не могу его найти.

— Может быть, он в лесу?

— Нет. Я проверил — все наружные двери заперты. Он где-то внутри дома.

— Вы везде искали его?

— Да. Лакей заперся у себя в комнате и не открывает. Я обыскал весь дом, кроме комнаты хозяина.

— Надо поискать и там! Подождите минутку, пока я что-нибудь накину на себя. Мистер Петерсон ведь запирает комнату? Он несколько раз предупреждал меня, чтобы я не оставлял дверь открытой. Может быть, он не заперся?

— Нет, вечером дверь в его комнату точно была заперта. Я проверил. Каждую ночь я проверяю двери всех спален.

— У кого-нибудь еще есть ключи от этих спален?

— Только у миссис Петерсон. Думаю, у нее есть все ключи. Но она спит у себя в комнате, ее дверь на замке. По крайней мере вечером она была заперта.

— Думаю, мальчика надо поискать именно там. Не испарился же он. Скорее всего у мистера или у миссис Петерсон.

— Если у матери, тогда беспокоиться нечего — у них полное взаимопонимание. Она с ним делает все, что хочет.

Вдвоем они бросились вверх по лестнице. Дверь в комнату миссис Петерсон была открыта, внутри никого не было, постель нетронута. Они никак не ожидали этого. Дверь в соседнюю комнату — спальню Петерсона — была прикрыта, но не заперта. Толкнув ее, Йорри зажег свет.

Но, прежде чем зажегся свет, они услышали из темной комнаты странный, низкий, какой-то хлюпающе-рычащий звук. Зажглась люстра... они увидели на полу всю семью Петерсонов. Отец тихо и неподвижно лежал посередине, рубашка его была изорвана в клочья. Справа, терзая зубами руку отца, скорчился маленький Александр, ладони и щеки его были густо измазаны кровью. С другой стороны к Петерсону припала его жена. Она жадно высасывала у него кровь из раздутой вены на шее. Все ее платье было покрыто кровавыми пятнами. Когда зажегся свет, она подняла голову, ее лицо было маской свирепого, но сытого и довольного демона. Казалось, она раздражена светом и тем, что ей помешали, но была слишком занята насыщением, чтобы понять, что происходит. Женщина снова наклонилась, продолжая пить кровь, а мальчик сердито зарычал. Оверфилд быстро вытолкнул Йорри из комнаты, потушил свет и захлопнул дверь. Потом, схватив Йорри за руку, он потащил его вниз по ступенькам.

— Где телефон? — крикнул доктор.

Наконец Йорри, придя в себя, подвел его к аппарату. Доктор рывком поднял трубку.

— Алло! Алло! Центральная? Мне нужен коронёр. Нет, я не знаю его номера. Давайте немедленно коронера! Алло! Это коронер? Вы меня слышите? Говорит доктор, доктор Оверфилд. Немедленно выезжайте в имение Филиппа Петерсона. Здесь совершено убийство. Да. Он умер. Кто его убил? Хм. Думаю, наследственность. Не понимаете? Ну правильно, как вам понять! Послушайте. Ему перерезали горло, может быть, осколком стекла, может, чем-нибудь другим. Это вы понимаете? Помните того мальчика, который погиб в этом доме? Приезжайте немедленно, я буду ждать вас.

Доктор повесил трубку. Йорри не отрывая глаз смотрел на него.

— Хозяина всегда очень беспокоил мальчик, — произнес он шепотом.

— Теперь он больше не будет беспокоиться, — отозвался доктор.

Генри Каттнер

МАСКАРАД

— Почему ты не понимаешь, — с горечью сказал я Розамунде, — что я не могу так начинать рассказ, ни один издатель его не возьмет...

— Ты скромничаешь, Чарли.

— ...отказ будет обоснован обычными вежливыми отговорками типа «ваш-рассказ-вовсе-не-лишен-достоинства-в-целом-требуется-серьезной-переработки». Медовый месяц. Сильная гроза. Огненные стрелы молний пронзают небо. Дождь льет как из ведра. Мы бежим к дому, чтобы укрыться от непогоды. Похоже, это заброшенная психиатрическая лечебница. Стучим в дверь старомодным дверным молотком. Раздаются шаркающие шаги, и неприятного вида псих открывает нам. У него на лице радостное изумление. Он приглашает нас войти и начинает с воодушевлением рассказывать легенду о Вампирах, которые здесь повсюду шныряют. В это мгновение он верит всему, но...

— А у него очень острые зубы? — любопытствовала Розамунда.

При свете молнии мы увидели дом. Мы увидели какую-то покосившуюся дверь и постучали в створку орехового дерева, сначала обычно, потом сильнее.

Розамунда предложила:

— Я рекомендую дверной молоток. Это проверенный способ.

Я подошел к двери и постучал старомодным дверным молотком. Послышалось шарканье. Мы с Розамундой переглянулись и улыбнулись друг другу. Она очень красивая. У нас много общего, главным образом нам нравятся незаурядные вещи, поэтому мы прекрасно ладим. В этот миг дверь открылась. В проеме двери перед нами предстал весьма неприятный старик, держащий в худой костлявой руке масляную лампу.

Глядя на его изборозженное морщинами лицо, трудно было понять, что оно выражает: безразличие или удивление. Его клювообразный нос походил на серп, маленькие глазки

в тусклом свете лампы были прозрачно зелеными. Зато у него были великолепные густые и жесткие черные волосы. «Такие волосы хороши для покойника»,— подумал я.

— Вы посетители? — проскрипел он.— У нас их почти не бывает.

— И поэтому между двумя визитами вы успеваете изрядно проголодаться,— отрезал я, сопровождая Розамунду в холл. В помещении стоял неприятный запах сырости и плесени. Старик, казалось, тоже был насквозь пропитан плесенью. Сильные порывы ветра врывались в дверь. Старик поспешил закрыть ее и поманил нас в гостиную. Он раздвинул старомодные бисерные портьеры, и мы очутились в викторианской эпохе.

Старик саркастически заметил:

— Не в наших правилах есть посетителей,— буркнул он.— Проще их убить и забрать деньги. Но сейчас не те времена, на этом много не заработаешь.— Он закудахтал как довольная наседка, которая только что снесла пять яиц, и добавил: — Я Джек Карта.

— Картер?

— Нет, Карта. Садитесь, сушите свою одежду, я разведу огонь.

Пробежав под ливнем, мы с Розамундой были мокрые насквозь. Я спросил:

— А у вас не найдется какая-нибудь сухая одежда? Позвольте представиться: мы Денхемы, Розамунда и Чарли, мы женаты уже несколько лет, но все еще чувствуем себя грешниками.

— У вас медовый месяц? — заинтересованно спросил Карта.

— Нет, первый медовый месяц уже прошел,— уточнил я.— Пошел второй, но он для нас намного интереснее первого. Более романтичный. Верно, дорогая?

— Да, потрясающе,— согласилась она. Молодчина моя женушка. Она все равно очень хорошенькая, даже если похожа на мокрого котенка.

Карта терпеливо разводил огонь в камине.

— Когда-то тут было полно народу,— заметил он,— но все они сошли с ума, и жили они здесь не по своей воле. Теперь это уже не сумасшедший дом.

— Это вы так считаете? — спросил я.

Он разжег камин и снова зашаркал к двери.

— Поищу вам какую-нибудь одежду,— пояснил он, если вы, конечно, не возражаете побыть здесь одни.

— Вы не верите, что мы женаты? — спросила Розамунда.— Поверьте, мы не нуждаемся в компаньонках.

Карта изобразил на лице что-то вроде улыбки, обнажив пеньки сгнивших зубов.

— Э, да я не об этом. О разном поговаривают в наших краях. А вы,— он хихикнул,— слышали, наверное, о Вампирах? Ходят слухи, много людей здесь недавно померло.

— Наш-отказ-печатать-вашу-работу-вовсе-не-означает-что-она-лишена-достоинств,— произнес я.

— Чего?

— Да так... ничего.— Мы с Розамундой переглянулись. Карта сказал:

— Мне нет до этого дела — я не имею к этому никакого отношения.— Он ехидно ухмыльнулся, облизал губы и вышел. Захлопнув за собой дверь, он запер ее снаружи.

— Ты обратила внимание, дорогая,— сказал я,— что у него зеленые глаза? Я сразу заметил это.

— И острые клыки, да?

— Нет, у него всего один клык, да и тот стерт до основания. А не могут Вампиры глотать свои жертвы деснами? По крайней мере, это довольно необычно.

— Может быть, Вампиры бывают разными, не похожими друг на друга.— Розамунда неотрывно смотрела на огонь. Тени замысловато плясали на стенах комнаты. За окном снова блеснула молния.— Наш-отказ-печатать-вовсе-не-означает...

Я нашел пыльные вязаные шерстяные платки, вытряхнул их и предложил Розамунде.

— Снимай с себя все мокрое,— посоветовал я ей. Мы повесили промокшую одежду перед пылающим камином, завернулись в платки и стали похожи на индейцев.— Мне кажется, это вовсе не рассказ о привидениях,— размышлял я,— а скорее, порнографический рассказ.

— Этого не может быть, ведь мы женаты,— не согласилась Розамунда.

Я улыбнулся. И сразу вспомнил о том, что говорил Карта. Я не верю в совпадения. Пожалуй, легче поверить в Вампиров.

В это мгновение дверь отворилась, но вошел не Карта. Огромный толстый человек с выпяченными слюнявыми губами и складками жирной кожи, расправившими расстегнутый воротник рубашки, предстал перед нами. Он походил на деревенского дурачка с этакой идиотской усмешкой. Он

установился на нас, то почесываясь, то подтягивая широкие брюки.

— У него тоже зеленые глаза,— шепнула Розамунда.

У вошедшего была заячья губа, но мы поняли все, что он сказал.

— Меня жовут Лем Карта. У вшей нашей родни железные глажа. Дедуля жанят. Он пошлал меня отдать вам это.— И бросил мне приличный сверток. Старая одежда — рубашки, брюки, ботинки — были довольно чистые, но пропитанные сыростью.

Лем с трудом доковылял до огня и буквально уронил свое огромное тело на пол. Надо было полагать, что он сел.

Как и у старика, у него был клювообразный нос, утонувший в отвисшем жире. Он хрипло захихикал.

— Мы любим пошетителей,— поведал он.— Мамуля тоже шпущтитшя вниз пождороватышя с вами. Она переодеваетшя.

— Наверное, в чистый саван, да? — полюбопытствовал я.— Уходи, Лем. И не подглядывай в замочную скважину. Это неприлично.

Он пробурчал что-то невнятное, но зашаркал к двери. Мы напялили на себя принесенные Лемом заплесневелые тряпки. Розамунда внимательно осматривала себя.

— Пейзанский тип,— заявил я. Она поняла мою издевку и стукнула меня ногой.

— Дорогая, рекомендую вам побереечь силы,— сказал я.— Они могут пригодиться нам, чтобы отбиться от этих Карта. Довольно страшная семейка. Похоже, это их наследственное владение. Они, верно, жили здесь, когда это был настоящий сумасшедший дом. Как бы в гостях. Мне так хочется выпить.

Розамунда взглянула на меня.

— Чарли, ты веришь, что...

— Что Карта — Вампиры? — спросил я.— Да нет. Скорее всего, это опустившиеся деревенские обитатели. Их желание напугать нас — своеобразная шутка. Я тебя люблю, детка, успокойся.

Я крепко обнял ее и почувствовал, что она дрожит.

— Что с тобой? — спросил я.

— Мне холодно,— ответила она.

— Иди поближе к огню.— Я протянул ей руки.— Вот так. Погрейся. Все в порядке. А теперь дай мне эту лампу, нужно сходить на разведку.

— Может быть,ждемся мамулю?

Снаружи о стекло ударилась летучая мышь. Обычно во время бури они не летают. Розамунда этого не заметила.

— А зачем нам ждать,— сказал я,— идем.

У дверей я остановился. Моя жена опустилась на колени. Сначала я думал, что она молится. Но она внимательно смотрела на какую-то грязь на полу.

Я поднял ее.

— Ты знаешь, что это такое? Могильная земля. Граф Дракула не дремлет! Нужно обязательно осмотреть псих-дом. Уверена, мы найдем парочку скелетов.

Мы вышли в холл. Розамунда направилась к входной двери и попыталась открыть ее. Она посмотрела на меня. В ее глазах был страх.

— Заперто. И на окнах решетки.

Я взял ее за руку, и мы пошли вдоль холла, заглядывая в темные пустые комнаты. Нигде никаких скелетов. Молчаливая пустота да затхлый запах. Похоже, в доме много лет никто не жил. В голове словно наваждение, промелькнуло: «Наш-отказ-вовсе-не-означает...»

Мы вышли в кухню. Тусклый свет просачивался туда через дверь. В кухне слышался странный шипящий звук. Шевельнулась огромная тень. Это был, вероятно, молодой Лем, надежда этого милого семейства.

Шипение внезапно прекратилось. Раздался хриплый голос Джеда Карта:

— Кажется, острый.

Что-то вылетело и попало Лему прямо в лицо. Он ловко поймал брошенное. Когда мы обходили его, то увидели, что он жадно грызет кусок сырого мяса.

— Ждорово! — причмокивал он, пуская слюни от удовольствия. Его глаза излучали яркий зеленый свет.— Вот здорово!

— Молодец. У тебя будут крепкие, здоровые зубы,— похвалил я его. Мы прошли в кладовую. Там Джек Карта усердно точил на камне нож или саблю. Предмет был достаточно большой, им можно было сражаться. Вид у старика был явно растерянный. Я подбодрил его:

— Как идет подготовка?

— У меня никогда не получается как следует,— про-шамкал он.— Осторожнее обращайтесь с лампой. Дом сухой как труха, достаточно искры — и все загорится.

— Огонь — очень чистая смерть,— ответил я и охнул. Розамунда сильно толкнула меня локтем под ребро. Она почти ласково заворковала:

— Ах, мистер Карта, если бы вы знали, как страшно мы проголодались. Не будете ли вы так добры...

Его голос резко изменился. Он вдруг стал низким и рычащим:

— Как здорово. Я тоже чертовски голоден.

— А жажда вас не мучит? — вставил я. — Мне бы не помешал стаканчик виски и капелька крови на закуску, если вы не возражаете, — добавил я. Розамунда опять ткнула меня локтем под ребро.

— Что за люди! Сами напрашиваются на неприятности, — сказала она язвительно.

— Мое поведение — обычная маскировка, — объяснил я. — На самом деле я очень напуган, мистер Карта. Клянусь вам. Я отношусь к вам предельно серьезно.

Он положил нож, на лице появилось подобие кривой улыбки.

— Вы просто не знакомы с деревенской жизнью, вот и все.

— Да, наверное, — ответил я, прислушиваясь, как, пуская слюни, Лем грызет на кухне сырое мясо. — Должно быть, прекрасно жить такой естественной здоровой жизнью.

— Верно! — ухмыльнулся старик. — Наша округа Хеншейв — хорошее место. Мы живем здесь давно и довольно замкнуто. Соседи очень редко навещают нас...

— Неужели, — расхрабрилась Розамунда. Она стала более раскованной.

— Да, община у нас старая. Мы живем здесь со времен Революции. У нас есть свои обычаи и свои легенды. — Он посмотрел на говяжий бок, который висел на крюке. — Например, легенда о хеншейвских Вампирах. А я вам уже говорил, помните?

— Да, — подтвердил я, покачиваясь на каблуках. — И вы говорили, что не замешаны в таких делах.

— Кое-кто другой замешан, — усмехнулся он. — Я, конечно, не верю в эти истории о бледнолицых дьяволах в черных плащах, которые пролезают в щели и превращаются в летучих мышей. Вампиры должны быть разными, понимаете? Скажем, Вампир из округа Хеншейв не будет похож на заморского Вампира. Наш должен быть веселым парнем. — Карта опять ехидно захихикал. — Могу поспорить на что угодно, никому и в голову не придет, кто он на самом деле. И он остается таким до тех пор, пока... — Карта рассматривал свои узловатые натруженные руки. — Пока не умрет.

— Если вы хотите напугать нас...— начал я.

— Я пошутил,— замаялся Карта. Он опять посмотрел на говяжий бок, висевший на крюке.— Все это глупости. Вы ведь проголодались? Как насчет бифштекса?

Розамунда торопливо заявила:

— Я вообще-то не ем мяса.

Она солгала, но я поддержал ее.

Карта ехидно хмыкнул:

— А как насчет чего-нибудь горяченького?

— Наверное, я... не против виски.

— Понятно. Эй, Лем! — крикнул старик.— Поддай нам бутылку крепкого, быстро, а то щас возьмусь за тебя!

Мне дали две грязные треснутые рюмки и покрытую паутиной бутылку дешевого бурбона.

— Располагайтесь, будьте как дома,— пригласил Карта.— Если где-нибудь увидите мою старуху, не очень слушайте ее. Она может такое наговорить вам! — Видимо, вспомнив что-то смешное, он занудно, монотонно захихикал.— Она ведет дневник. Я ее отговаривал, убеждал, что это не очень-то осмотрительно, но все бесполезно, Рути уперлась на своем.

Мы перешли в гостиную, уселись перед камином и принялись пить бурбон. Рюмки были настолько грязные, что мы решили пить из горлышка. Я обратился к Розамунде:

— Что же, придется пить так. Помнишь, как-то сидели в парке с бутылкой...

Розамунда кивнула мне и нежно улыбнулась.

— Мы были тогда так молоды, Чарли. Как давно это было!

— А сейчас у нас второй медовый месяц. Я люблю тебя, дорогая,— спокойно сказал я.— Помни всегда, что я тебя люблю. И не принимай близко к сердцу, если я иногда выпендриваюсь.— Я протянул ей бутылку.— А ты знаешь, вполне терпимо.

Летучая мышь билась снаружи об оконную раму.

Гроза бушевала вовсю. Раскаты грома и частые вспышки молний не прекращались. Виски согрело меня. Я предложил Розамунде:

— Пошли искать скелет. Кто первый найдет, тот и выигрывает.

Розамунда с недоверием посмотрела на меня.

— Ты обратил внимание на труп, висевший в кладовой на крюке?

— Что ты выдумала. Это был говяжий бок,— небрежно

бросил я.— Хватит, пошли. Прихвати бутылку, а я возьму лампу. И не забудь о всяких ловушках, провалах, потайных дверях и скрюченных когтистых лапах.

— А хеншейвских Вампиров ты забыл?

— Опасайся ловушек,— повторил я. По расшатанной, скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж. На некоторых дверях были железные решетки. Двери не были заперты. Когда-то здесь действительно был сумасшедший дом.

— Даже не верится,— удивленно воскликнула Розамунда, отпивая из бутылки,— что здесь когда-то держали душевнобольных.

— Да,— согласился я.— Эта болезнь заразна, судя по семейке Карта.— Мы остановились возле одной комнаты и через решетку увидели сидевшую в углу женщину. На ней была смирительная рубашка, прикованная к стене. Лампа освещала ее безобразное мертвенно-бледное, плоское как тарелка лицо. Большие зеленые глаза горели. Она криво улыбалась.

Я толкнул дверь, она открылась. Женщина повернула голову. Взгляд ее ничего не выражал.

— Вы... больная? — тихо спросил я.

Она освободилась из смирительной рубашки, стряхнула цепи и поднялась.

— Нет,— сказала она с прежней застывшей кривой усмешкой.— Я Рут Карта. Джек сказал мне, что у нас гости.— Глядя на смирительную рубашку, она добавила: — Очень давно я попала в психиатрическую лечебницу и провела в ней несколько лет. Когда я выздоровела, меня выписали, но я иногда скучаю по этой комнате и одежде.

— Я могу вас понять,— едко сказал я.— Вампир всегда возвращается утром на свое место, в свою могилку.

Она взглянула на меня, ее пустые зеленые глаза блеснули как стекляшки.

— Что вам наговорил Джек?

— Ничего особенного, только местные сплетни.— Я протянул ей бутылку.— Хотите выпить, миссис Карта?

— Это? — Ее улыбка стала совсем кислой.— Нет уж!

Разговор зашел в тупик. Рут не отрывала от нас зеленых непроницаемых глаз. Затхлый запах, исходящий от всего окружающего, душил меня. Как поступить дальше?

Выручила Розамунда, она нарушила молчание.

— Так вы миссис Карта? — спросила она.— Значит, вы...

— Молчи,— перебил я.— Если мы с тобой женаты, то не обязательно...

Но Рут Карта внесла ясность.

— Джед — мой отец, а Лем — мой сын,— объяснила она.— Мой муж Эдди Карта был моим двоюродным братом. После его смерти меня и отправили в сумасшедший дом.

— Почему? — спросил я.

— Я его убила,— ответила она.— Помню, все вокруг было красным.— В ее улыбке промелькнуло что-то издевательское.— В то время судьи не принимали во внимание подобный способ защиты. Да, это было состояние аффекта. Люди ошибаются, полагая, что набившие оскомину, сто раз описанные ситуации не могут соответствовать действительности.

— Я не ошибаюсь, вы получили гораздо лучшее образование, чем Джед или Лем,— заметил я.

— Сначала я училась в школе для девушек на востоке. Хотела продолжать образование, но Джед не мог позволить себе этого. Я стала очень злой оттого, что мне была уготована жизнь на этой каторге, но теперь успокоилась, не имею ничего против здешней жизни.

Я слушал Рут, и мне очень хотелось, чтобы она перестала улыбаться. Потянувшись к бутылочке, Розамунда сказала:

— Я понимаю вас и сочувствую.

Миссис Карта резко подалась назад и прижала ладони к стене. Ее глаза неестественно блестели. Голос стал похож на хриплый вой.

— Нет, такая, как вы, никогда не поймет, что значит увидеть настоящую жизнь в ее блеске, развлечения, красивые наряды, элегантных мужчин, а потом очутиться здесь, жить в этой тюрьме, мыть полы, варить капусту и выйти замуж за идиота с мозгами обезьяны. Я часто сидела на кухне у окна, смотрела наружу и ненавидела всех и вся. Эдди никогда не понимал меня. Я неоднократно просила его повезти меня в город, но он всякий раз отвечал, что у него нет на это денег. Однажды мне удалось собрать немного и я поехала в Чикаго. Наконец-то мечта сбылась. Но люди на улицах глазели на мое платье и мне хотелось плакать. Я все понимаю, я больше не была ребенком.

Я отпил виски и сказал:

— Я, кажется, способен вас понять.

Она уже не плакала, а выла. С уголков ее губ стекала слюна.

— Я вернулась сюда. Однажды я увидела, как Эдди целовал нашу поденщицу. Я взяла топор и ударила его по голове. Он упал и стал извиваться как змея. В то мгновение мне показалось, что я опять молода. Все смотрели на меня и говорили, какая я красивая, какая я чудесная.

Она монотонно выкрикивала слова, словно старая пластинка. Потом соскользнула по стене на пол, села на голые доски. На губах показалась пена, начались судороги. Она билась в истерическом припадке, не то рыдая, не то смеясь, это было еще страшнее и отвратительнее.

Я схватил Розамунду за руку, и мы выбежали в холл.

— Скорее отсюда,— торопился я,— пока Рут не нашла топор.

Мы спустились вниз на кухню, и я рассказал Джеду и Лему о случившемся. Жирные складки на щеках Лема затряслись от хохота. Он направился к лестнице. Наполнив графин водой, Джек последовал за ним.

— С Рут такое случается,— бросил он через плечо,— но обычно быстро проходит.— Он ушел.

Розамунда держала в руках лампу. Я взял лампу, поставил на стол и протянул ей бутылку. Мы допили виски. Подойдя к задней двери, я толкнул ее. Естественно, она была заперта.

— Я всегда была очень любопытна,— произнесла Розамунда и указала на стену.— Что-то странное?

— Попробуем выяснить.— Спиртное начало действовать. Освещая стену лампой, я нажал на панель, и перед нами открылось темное пространство: внизу был подвал. На нас пахнуло затхлостью и сыростью.

Я осторожно спустился вниз по лестнице. Розамунда последовала за мной. Мы огляделись. Темное помещение, похожее на сводчатый подвал, было совершенно пусто, но у наших ног зияло отверстие открытого люка. Засов был отодвинут, крепкая деревянная крышка откинута.

Мы решили спуститься туда и отыскивали ведущую вниз лестницу. Примерно через десять футов лестница привела нас в проход с глинобитными стенами. Здесь было тихо. Шум бури сюда не доносился. На полке мы увидели потрепанную записную книжку. На засаленном шнурке к ней был привязан карандаш. Розамунда открыла ее, я смотрел ей через плечо.

— Гостевая книга,— уверенно сказала она.

На всех страницах были записаны имена и рядом интересные отметки. Например, такие:

«Томас Дарди — 57 долларов 53 цента. Золотые часы. Кольцо».

Пролистав книгу до конца, Розамунда засмеялась и на последней странице записала: «Мистер и миссис Денхем».

— У тебя отвратительное чувство юмора, дорогая,— холодно заметил я.— Если бы я не любил тебя, я бы свернул тебе шею.

— Поверь мне, иногда умничать безопаснее,— прошептала она.

Мы последовали дальше. Проход заканчивался маленькой каморкой с прикованным к стене скелетом. Пол закрыт деревянной крышкой с вделанным в нее кольцом. Я поднял круг и осветил лампой отверстие. Заглянув в глубокий мрак, мы ничего не увидели. Ну и запах, это, конечно, не «Шанель»!

— Есть скелеты? — спросила Розамунда.

— Не знаю,— ответил я.— Можем спуститься и выяснить.

— Нет, не хочу, я ненавижу темноту,— прерывающимся голосом сказала она.— Я закрыл крышку люка, поставил на пол лампу и прижал ее к себе. Она доверчиво, как ребенок, испугавшийся темноты, припала ко мне.

— Успокойся, дорогая,— проговорил я, целуя ее волосы.— Все в порядке.

— Ах, Чарли! Мне стало так страшно. Я тебя люблю, Чарли. Я безумно тебя люблю!

Мы перестали обниматься, потому что слышали звук шагов. Перед нами предстали Лем, Джек и Рут. Казалось, они не удивились, застав нас в этом погребе. Лем уставился на скелет, облизал свои толстые губы и противно захихикал. Рут смотрела перед собой невидящими глазами, на губах была та же застывшая кривая улыбка. Зеленые глаза Джека злобно сверкнули на нас. Он поставил на пол лампу, которую принес с собой.

— Молодцы, ребята,— сказал он.— Сами нашли сюда дорогу, а?

— Нас интересовало, есть ли у вас бомбоубежище,— ответил я ему.— В убежище всегда чувствуешь себя более безопасно, особенно при современном международном положении.

Джек засмеялся. Его смех скорее был похож на хрип.

— Ты, оказывается, не из пугливых.— Он снял со стены кнут из воловьей кожи и бросил его в руки Рут. Та словно очнулась, ожила. Она подошла к прикованному ске-

лету и стала избивать его кнутом. На ее лице была прежняя смеющаяся маска.

— После случившегося с ней припадка только это и может успокоить ее,— обратился к нам Джед.— После смерти Бесс Рут явно не в себе.

— Кто эта Бесс? — спросила Розамунда.

— Она была у нас поденщицей. Я думаю, щас ей уже не больно, а Рут успокоится.

Наконец миссис Карта бросила кнут. Выражение ее лица не изменилось, но, когда она заговорила, голос звучал вполне естественно.

— Предлагаю подняться наверх. Нашим гостям, должно быть, здесь не очень приятно.

— Да,— подхватил я.— Пойдемте. У вас не найдется еще одна бутылочка, Джед?

Но Джед кивнул на деревянный круг на полу.

— Хотите заглянуть туда?

— Уже смотрел.

— Лем у нас сильный,— заметил старик как бы между прочим.— Ну-ка, попробуй, Лем, цепь Бесси. Щас неважно, даже если будет сломана, верно? — Все семейство, казалось, забавлялось от души.

Лем всей своей тушей наклонился над скелетом и легко оторвал цепь.

— Молодец,— сказал я.— Малютка действует ручками. У вас есть нож, Джед. А Рут пользуется топором, я полагаю?

Джед ухмыльнулся.

— Неужели вы поверили, что мы и вправду убиваем людей, которые останавливаются у нас? А их машины мы топим в большой луже за домом?

— Если вы хеншейвские Вампиры, то не поверим,— сказал я.— Вы бы до смерти боялись проточной воды.

— Это не проточная вода,— возразил Джед.— Она загнила. И вам бы не надо ввязываться в эти дела.

Розамунда сказала:

— Все двери заперты, на окнах решетки. Мы нашли книгу с записью гостей. Открыли люк и заглянули туда. Все сходится, верно?

— Забудь все эти глупости,— поучающим тоном посоветовал Карта.— Спать лучше будешь.

— Я абсолютно не хочу спать,— ответила Розамунда.

Я поднял лампу и, держа Розамунду за руку, двинулся в обратный путь. Семейство Карта следовало за нами. Мы

миновали проход, поднялись по лестнице в кладовую, потом прошли на кухню. Я обратил внимание на стоявшую в углу ванну с водой.

Буря неистовствовала все сильнее.

Карта обратился к нам:

— Я приготовил для вас сухую постель. Проводить вас?

Я держал в руке потухшую лампу.

— Подлей сюда керосину, ладно? Моя жена не заснет от страха, если ночью у нас не будет света.

Джед кивнул Лему. Тот прошаркал в кладовую и вернулся, держа в руке жестяную банку. Он налил в лампу керосина.

Все поднялись наверх. За нами шел Джед, похожий на пугало в черном парике. За ним с неизменной наглой ухмылкой следовал Лем. Замыкала это шествие Рут со своей застывшей улыбкой и пустыми зелеными глазами.

— Эй, послушайте,— съязвил я,— к чему вам лишние хлопоты? Вам все равно придется тащить наши трупы обратно в подвал.

— Вы, наверное, притомились, вам надо отдохнуть,— хихикнул Джед.— У меня еще есть дела, увидимся позже.

Вся эта кошмарная процессия прошествовала вверх по лестнице, сопровождаемая страшным скрипом ступеней, словно о чем-то предупреждая. Я пошутил по этому поводу.

Розамунда надула губы:

— Дешевый розыгрыш.

— Интересно, если здесь окажется тринадцать ступенек,— заметил я.— Это символично. Тринадцать ступеней на виселицу,— сказал я Джеду. Он окинул нас угрюмым пронизательным взглядом. И хрипло пробормотал:

— Болтаете всякую чепуху. Если вы считаете нас убийцами, то почему не уходите?

— Дверь заперта.

— Попросите меня, открою.

В его голосе чувствовались издевательские нотки. Я не ответил ему. Мне стало не по себе. У нас за спиной Лем радостно пускал слюни. Мы проследовали через верхний холл к последней спальне. Комната пропахла сыростью, ветви деревьев ударялись о решетку окна, летучая мышь лихорадочно билась снаружи о стекло.

Я поставил лампу на пыльный столик у кровати. Лем, Джед и Рут стояли у двери. Три зеленоглазых волка смотрели на нас.

— А вы о нас ничего не знаете. Может, мы не такие уж безобидные овечки? — промолвил я. — Вы даже не спросили, как мы оказались здесь и откуда явились.

Джед более любезно улыбнулся нам, демонстрируя свой единственный зуб.

— Я думаю, мистер, вы незнакомы с Хеншейвским округом? У нас тут свои законы, вернее, их вообще нет. Мы старались, чтобы никто ничего не знал и не замечал. А властям просто не до нас. В нашем округе нет даже толкового шерифа. И нечего со мной хитрить, зря время теряешь.

Я пожал плечами:

— А откуда вы взяли, что мы вас боимся?

В тоне Джеда прозвучало восхищение.

— А вас не просто напугать. Ну ладно, у меня еще дела. Потом увидимся.

Он растворился в темноте

Рут как-то странно дернула рукои. Лем облизал губы и тоже исчез.

Улыбка Рут была похожа на застывшую гримасу.

— Я знаю, его вы боитесь, — произнесла она. — И вы не ошибаетесь.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Мы услышали шелчок замка снаружи.

— Я забыл взять у Джеда новую бутылку, — заметил я. — Скоро я окончательно протрезвею и захочу спать. — Я прислушивался к собственному голосу. Он немного изменился. — Все в порядке, дорогая. Иди ко мне.

Розамунда дрожала, губы ее были холодными.

— Это не комната, а холодильник, — прошептала она, стуча зубами. — К такому холоду невозможно привыкнуть, Чарли. Не хочу привыкать к холоду!

Я обнял ее и крепко прижал к себе.

— Попробайся вспомнить, — спокойно сказал я. — Сейчас день. Нет никакой бури. Мы в парке, и над нашими головами ослепительное солнце. Помнишь, дорогая?

Она спрятала лицо у меня на плече.

— Это очень трудно сделать. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы видели солнечный свет. Этот дом ужасен... ох, здесь витает дух мертвецов!

Я легонько потряс ее.

— Розамунда! — Она сделала судорожный глоток.

— Прости, дорогой. Я страшно переживаю то, что с нами случилось.

Я покачал головой:

— Может, это судьба. Поверь, мы не первые. Попробуй закрыть глаза и вспоминать.

— Ты думаешь, они что-то подозревают?

— Вряд ли. Они просто увлечены игрой в убийц.

Я чувствовал, как она дрожит от охватившего ее отвращения к происходящему.

— Давай подождем, что же может случиться,— уговаривал я Розамунду.— Мы не можем изменить их... или себя.

Она тихо заплакала. Слезы медленно потекли из-под ее ресниц. Мы прижались друг к другу, словно боящиеся темноты дети. Я не мог даже найти никаких слов, чтобы успокоить ее. Иногда так случается.

Лампа мигнула и погасла. Стало темно. Спичек у меня не было. Но теперь это уже было неважно.

— Хорошо, если Лем не забудет принести бутылку,— проговорил я через некоторое время,— виски нам сейчас просто необходимо. Нам повезло, что мы успели немного выпить.

Буря постепенно затихала. Слабый лунный свет уже проникал сквозь окна и немного освещал комнату. Я вспомнил Дракулу и появляющиеся в лучах луны таинственные формы. Падая даже на прутья решеток, эти лучи делали их прозрачными.

Я мысленно разговаривал сам с собой. Семейство Карта не состоит из Вампиров. Это обычные убийцы, безумные, хладнокровные и безжалостные. А если бы они были Вампирами, то в их словах не было бы никаких намеков. Настоящие Вампиры так не поступают.

Я крепко сжал в своих объятиях Розамунду и закрыл глаза. Где-то часы пробили полночь.

И тогда...

Около двух часов ночи, как я и ожидал, кто-то повернул ключ в замке. Дверь открылась, и на пороге появился Джек Карта. Его била лихорадка, лампа прыгала в его руке. Он попытался заговорить, но не смог вымолвить ни слова.

Сделал лишь знак следовать за ним. Мы молча пошли за ним. Я слышал, как Розамунда еле слышно простонала:

— Лучше б нам не жить! О, лучше б нам не жить...

Джек провел нас в спальню напротив. На полу лежала Рут Карта. Она была мертва. На ее тощей шее мы увидели крохотные кровавые ранки, обескровленные сосуды превратились в глубокие извивающиеся впадины.

Через открытую дверь соседней спальни виднелось огромное неподвижное тело Лема, он тоже был мертв.

— Что-то пришло, и...— его голос сорвался на крик. На лице его была застывшая маска ужаса.— Хеншейвские Вампиры! — с трудом выговорил он.

— Волки пожирают друг друга,— сказал я и посмотрел на Розамунду. Она поняла мой взгляд, но отвела глаза, чтобы скрыть хорошо знакомое мне отвращение. Я решил разыграть всех, лишь бы она не смотрела на меня так.

— Я сейчас удивлю тебя, Джед,— сказал я и доверительно придвинулся ближе к нему.— Я знаю, что ты думаешь о случившемся, но хочешь — верь, хочешь — нет, мы и есть те самые хеншейвские Вампиры.

Роберт Блох

ПЛАЩ

олнце в предсмертной агонии было страшным. Словно истекая кровью, оно залило прощальными закатными лучами небо и медленно уходило на вечный покой, опускаясь в гробницу за холмами на горизонте. Солнце умирало. Свирепый ветер неистово гнал опавшие листья на запад, боясь не успеть на солнечные похороны.

— Чушь какая-то, — произнес Хендерсон, пытаясь отогнать неприятные мысли.

Заходящее солнце окрашивало небо в ржаво-красные тона, леденящий промозглый ветер в неистовом вихре кружил полусгнившие листья, прижимая их к земле и сметая в канаву. И почему лезет в голову эта выпренная чепуха?

— Чушь, — повторил Хендерсон.

Сегодня праздник — День Всех Святых, Хеллоуин. Именно он виновник такого страшного заката, думал он. После заката наступит роковая ночь, когда по миру будут бродить духи, а из могил будут доноситься стоны мертвецов.

А может быть, это обычная промозглая осенняя ночь. У Хендерсона было тяжело на душе. «В давние времена, — размышлял он, — к встрече этой ночи все готовились и торжественно отмечали. Средневековая Европа трепетала перед ужасом НЕВЕДОМОГО. Суеверный страх крепко держал людей. Во всем мире миллионы дверей наглухо запирались, чтобы злые духи не проникли в дом. Миллионы голосов неустанно читали молитвы, в храмах зажигали миллионы свечей. Эти таинства были величественны, — рассуждал Хендерсон. — В жизни было так много загадочного и необъяснимого, что люди цепенели от ужаса. Они не знали, что увидят за каждым новым поворотом полуночной дороги. Людей всегда окружали демоны и чудовища, охотившиеся за человеческими душами. И видит Бог, в те времена к слову «душа» относились почтительно и серьезно, без нынешнего легкомыслия. Массовый скептицизм уничтожил истин-

ный смысл святая святых человека — душу. Он уже не страшился потерять свою душу».

— Чушь,— механически произнес Хендерсон. Это жесткое лаконичное слово всегда помогало ему оборвать бесконечные мысли, потому что его суть была конкретным проявлением сути двадцатого века, жестокой и страшной реальности.

Часть его мозга всегда быстро реагировала на романтический настрой, заменяя Хендерсону голос миллионов здравомыслящих людей. Только они могли хором воскликнуть: «Чушь!», узнав о столь несовременных взглядах, потому что они — общественное мнение. Хендерсон нашел в себе силы вынести приговор самому себе. Он выбросил из памяти навязчивые мысли о кровавых россыпях солнечных лучей, перечертивших небо, и прочем.

Перед ним простиралась улица, освещенная закатом. Он уверенным шагом направился вниз по улице. Хватит рассуждать о природе Хеллоуина, думал он. Нужно зайти в лавочку и купить костюм для ночного бала-маскарада.

Он бросил взгляд на силуэты темных зданий, между которыми вилась улица, нашел бумажку с адресом, найденном в телефонной книге.

В квартале жила беднота. Быстро темнело. Окна их жалких лачуг были не освещены. Он шел по улице, пытаясь разглядеть номера домов. Сумерки сгущались все больше.

Внезапно Хендерсон увидел нужный ему номер на противоположной стороне; он пересек улицу и остановился перед домом. Слабый, скользящий лучик солнца затерялся в узкой щели между темными зданиями, осторожно освещая витрину. Хендерсон посмотрел, что там выставлено, и от удивления охнул.

«Наверное, я сошел с ума. Ведь это обычная витрина, а я словно глянул в преисподнюю». Его взору представились раскаленно-красные языки пламени, в извивающихся бликах которого страшно ухмылялись и гримасничали морды невероятных чудовищ.

— Да это же отблески заката,— пытался успокоить себя Хендерсон.— И нет никаких чудовищ, а эти ужасающие маски — обычный товар, который выставляют в подобных лавках. Но зрелище довольно впечатляющее и может ошарашить любого человека.— Он открыл дверь и вошел внутрь.

Его встретила полная темнота и тишина. Он сразу почувствовал затхлый неприятный дух помещения, где давно

не было людей. Такой дух окутывал обычно гробницы, вырытые в чаще густого леса могилы, скрытые глубоко в земле пещеры и...

— Что за чушь!

Какое-то наваждение. Хендерсон попытался улыбнуться. Прочь эти мысли. Такой запах обычно бывает в магазине, где продают театральные костюмы и прочие реквизит. На мгновение он словно перенес себя во времена учебы в колледже, вспомнил дни любительского спектакля. Эти запахи ему удивительно знакомы: запах нафталина, старого меха, красок и грима. Он вспомнил себя в роли Гамлета. В сцене на кладбище он держал в руках череп, в пустых глазницах которого таилась земная мудрость... Череп был куплен в таком же магазине.

Сегодняшний день вернул его в атмосферу прошлого. Он подумал о том, что в такой праздник, как Хеллоуин, нелепо одеваться каким-нибудь раджей, турком или другом. Это выглядело бы пошло. Почему бы не прийти на вечеринку, например, в облике чудовища, колдуна или оборотня? Хендерсон представил себе выражение лица Линдстрома, когда он в таком жутком облачении переступит порог его элегантной квартиры. Он не сомневался, что поразит избранное общество, гостей, одетых в роскошные наряды. Они просто сойдут с ума! Но Хендерсону было абсолютно все равно, как отреагируют высококультурные знакомые Линдстрома, самозванные великие писатели и прочие творческие деятели, дамы, единственным украшением которых были тонны бриллиантов, которые они навесили на себя. Почему бы не поддержать дух праздника, не сделаться монстром?

Хендерсон постоял в темноте, ожидая, когда кто-нибудь включит свет и подойдет к прилавку. Но все оставалось по-прежнему. Не вытерпев, он громко постучал по прилавку.

— Есть кто-нибудь? Отзовитесь!

И вдруг в крошечной темноте и тишине раздался довольно неприятный звук, похожий на гулкое эхо шагов где-то внизу. Хендерсон невольно отшатнулся. Непроницаемо-черная тень поднялась от пола и медленно выпрямилась перед ним!

Господи, наверное, кто-то вышел из подвала, вот и все. Теперь Хендерсон разглядел, что за прилавком стоит человек с зажженной лампой в руке. Он щурился и беспрерывно мигал.

Его блеклое лицо сморщилось в улыбке.

— Простите, сэр, я заснул, — негромким голосом произнес человек. — Что вам угодно?

— Я хотел бы приобрести маскарадный костюм для вечеринки.

— Пожалуйста. Что вас интересует?

В голосе чувствовалась терпеливость и угодливость. Освещенное свечой желтое лицо ничего не выражало, глаза продолжали мигать.

— Я бы хотел какой-нибудь необычный костюм. Мне пришла мысль: не нарядиться ли на День Всех Святых чудовищем. Что вы могли бы мне предложить?

— Могу показать вам маски.

— Нет, мне хотелось бы одеяние оборотня или что-нибудь в таком роде. Что-то натуральное.

— Ах, натуральное. Понимаю.

— Да, да. — Почему старая развалина так подчеркнула это слово?

— Думаю, что я смогу подыскать для вас такое облачение, сэр. — Глаза опять мигнули, а узкий рот сжался в улыбку. — Вещь как раз для Хеллоуина.

— Что же именно?

— Вам не хотелось бы стать Вампиром?

— Вроде Дракулы?

— Гм... да, вроде Дракулы.

— Неплохая идея. А подойдет мне?

Человек внимательно смотрел на него все с той же улыбкой.

— Такой наряд подойдет любому человеку. Вампиром может стать каждый. Из вас получится прекрасный Вампир.

— Спасибо за комплимент, — хмыкнул Хендерсон. — Что ж, я согласен. А что за костюм?

— Обычный костюм, он подойдет вам. Я даю вам натураль н ы й плащ.

— Как? Только плащ?

— Да. В него надо завернуться, как в саван. Понимаете, это погребальное одеяние. Сейчас я его вам покажу.

Человек снова зашаркал в глубину магазина и исчез в темноте. Он спустился в подвал, Хендерсон терпеливо ждал. Опять послышался странный стук, появился старик, держа в руках плащ. Он стряхивал с него пыль.

— Прошу, п о д л и н н ы й плащ.

— Подлинный?

— Позвольте я помогу вам примерить его. Плащ сразу преобразит вас, сэр. Не сомневайтесь!

Он протянул ему широкое одеяние черного цвета. Тяжелая, пронизанная холодом одежда буквально сковала Хендерсона. От ткани исходил удушливый странный запах. Он немного отступил, пытаясь рассмотреть себя в зеркале. Даже при тусклом свете лампы он заметил, что абсолютно изменился, едва надел на себя плащ. Его продолговатое лицо еще больше вытянулось, щеки ввалились, глаза горели, и кожа казалась особенно бледной на фоне непроницаемой темноты плаща.

— Подлинный плащ, сэр, подлинный,— бормотал старик. Хендерсон не заметил в зеркале, как старик очутился возле него.

— Благодарю вас,— произнес Хендерсон.— Сколько я вам должен?

— Убежден, вас ожидает незабываемое впечатление.

— Сколько он стоит?

— Ах, сколько он стоит? Пять долларов, устраивает?

— Пожалуйста.

Старик взял деньги, не переставая моргать, и снял плащ с Хендерсона. Едва ткань соскользнула с плеч, ощущение холода исчезло.

— Наверное, ваш подвал не отапливается — плащ буквально ледяной.

Загадочно улыбаясь, старик завернул плащ и протянул его Хендерсону.

— Завтра я верну его,— пообещал Хендерсон.

— Зачем? Теперь эта ваша вещь, вы ее купили.

— Но...

— Я скоро оставлю это дело. Не сомневаюсь, вам он принесет больше пользы.

— Но...

— Желаю приятно провести вечер, всего доброго.

Чувство растерянности не покидало Хендерсона. Он направился к двери, повернулся, чтобы кивнуть на прощание беспорядочно моргавшему старику.

Он увидел, как из темноты за ним неотрывно следила пара светящихся глаз. Но они больше не моргали.

— Всего доброго,— сказал Хендерсон и закрыл за собой дверь. Станный человек. Похоже, немного не в себе сегодня.

В восемь часов Хендерсон уже собирался позвонить Линдстрому и извиниться, что не сможет прийти. С той самой минуты, как он надел плащ, его знобило как в лихорадке. Едва он подходил к зеркалу, все расплывалось перед

глазами, трудно было различить даже свое отражение.

Он выпил виски, потом повторил и так пил до тех пор, пока не почувствовал себя лучше. Он не обедал, спиртное немного согрело и взбодрило его. Теперь он готов был идти на вечеринку. Хендерсон прошелся по комнате, пытаясь привыкнуть к новому одеянию, — заворачивался в плащ, кривил рот в кровожадной усмешке, как подобает Вампиру. Черт возьми, из него получится первоклассный Дракула! Хендерсон вызвал такси. Завернутый в непроницаемо-черную ткань, он спустился в вестибюль. Вошел шофер.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня, — произнес он низким голосом.

Шофер взглянул на его длинную фигуру в плаще и сразу побледнел.

— Что это?

— Я вызвал вас, — угрожающе торжественным тоном произнес Хендерсон, едва удерживаясь от распивавшего его смеха. Давно ему не было так смешно. Он сверлил водителя взглядом, придав лицу «Вампирское» выражение.

— Да, да, конечно, босс, о'кей.

Хендерсон назвал адрес. Водитель больше не смотрел в его сторону. Его лицо сковала маска ужаса.

Такси рванулось с места. Хендерсон рассмеялся, но это был глухой, наводящий ужас смех Вампира. При этих звуках водителя охватила паника, и он едва не превысил скорость. Хендерсон снова захохотал. Таксист едва сдерживал себя, он дрожал как в лихорадке. Но финал превзошел все ожидания. Когда они наконец приехали и Хендерсон вышел из машины, дверца за ним тотчас захлопнулась. Водитель рванул с места, забыв получить плату за проезд.

«Вероятно, я уже вошел в роль», — довольный собой, подумал Хендерсон, заходя в лифт.

С ним в кабине поднималось еще несколько человек. Было очевидно, они спешили в гости к Линдстрому. Хендерсон помнил их по прошедшим вечеринкам, но ни один из них не узнал его. Хендерсону было приятно сознавать, что новый плащ и устрашающие гримасы настолько изменили его внешность. Стоящие с ним рядом люди были облачены в замысловатые костюмы: одна дама походила на пастушку с картины Ватто, другая напоминала испанскую танцовщицу, высокий мужчина изображал паяца, а его спутник — тореадора. Но Хендерсон легко узнал каждого из них. Их дорогостоящие наряды — просто павлиньи перья, которые подчеркивали достоинства и скрывали недостатки

внешности, а не изменяли ее. Многие участники маскарадных увеселений, выбирая костюм, отдают дань своим сокровенным желаниям. Женщины всегда подчеркивают свои прелести, мужчины демонстрируют мускулатуру, как, например, тореадор. Хендерсон жалел их. Он знал, что они задыхаются от однообразия и серости обыденной жизни. Их респектабельные костюмы и заседание очередного тайного ордена, любительский спектакль или костюмированный бал — все это для того, чтобы дать хоть какую-то пищу воображению. Хендерсон думал, а почему они не разгуливают в этих живописных одеждах по улицам?

Все, кто поднимался с ним, прекрасно выглядели в своих маскарадных нарядах — здоровые мужчины и розовощекие, полные сил женщины. Хендерсон остановил взгляд на одной из них. Какая прекрасная шея, нежное горло! Он скользнул взглядом по полным, гладким рукам женщины и долго не мог оторвать от нее глаз. Потом он обратил внимание на то, что все отодвинулись от него. Они стояли, плотно прижавшись в углу кабины, словно боялись его гримасы, искажившей лицо, его черного плаща. Разговоры прекратились, все напряженно молчали. Женщина посмотрела на Хендерсона, видимо, пытаясь что-то сказать ему, но в это мгновение лифт остановился.

Происходит что-то странное. Сначала реакция водителя, теперь взгляд этой женщины. Может быть, он слишком много выпил?

Но на размышления уже не осталось времени. Он увидел Маркуса Линдсгрома собственной персоной.

— Что это такое? А, inferнальный злодей! — Линдстром, как всегда бывает на таких вечеринках, уже изрядно выпил. Хозяин маскарада словно был окружен завесой алкогольных паров.

— Хендерсон, дружище, выпей! А я — прямо из горлышка! Я просто ошарашен при виде тебя. Как тебе удалось так загримироваться?

— Ты что! На мне нет ни капли грима!

— Ох! Неужели? Как глупо с моей стороны.

Хендерсон наблюдал за Линдстромом. Тот с испугом отшатнулся от него. В глазах хозяина дома появилось что-то, похожее на панику. А может быть, просто алкоголь ударил в голову?

— Я... я... Потом увидимся, — невнятно пробормотал Линдстром и стал пятиться назад. Он быстро отвернулся от Хендерсона и направился к другим гостям. Хендерсон

сосредоточенно смотрел на мясистый загривок Линдстрема. Вот его толстая белая шея, тесный ворот стягивает ее, складки кожи сильно выпирают. Там проходит вена. Она призывно пульсирует на шее смертельно перепуганного Линдстрема.

Хендерсон остался в прихожей один. Вечеринка была в разгаре. Из комнаты слышались смех, звуки музыки. Стоя у раскрытой двери, он колебался, войти или нет. Он попробовал содержимое бокала. Довольно крепкий ром. Он уже изрядно выпил сегодня и боялся этой порции рома. Не переставая размышлять о случившемся, Хендерсон машинально опустошил бокал. В чем же дело, наверное, в его одежде? Почему все отшатываются от него? Наверное, он так вошел в образ, что бессознательно ведет себя как Вампир? Он вдруг вспомнил слова Линдстрема насчет грима...

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, Хендерсон подошел к большому зеркалу в прихожей. Он качнулся вперед, потом выпрямился. Он стоял перед зеркалом в ярко освещенной прихожей, но в зеркале ничего не было!

Он посмотрел в зеркало и не увидел своего отражения!

Он попытался засмеяться, но из горла вырвался лишь злоеший смех.

— Я просто пьян,— промолвил он.— Конечно, пьян. В своей квартире едва различал себя в зеркале, а сейчас допился до такого состояния, что вовсе ничего не вижу. Нализался как последняя свинья. Веду себя как последний дурак, пугаю людей. А теперь еще начались галлюцинации: я не вижу то, что должен видеть. Появились призраки, ангелы.— Он понизил голос.— Точно, ангел стоит позади меня. Привет, ангел.

— Привет.

Хендерсон так резко повернулся, что едва не упал. Перед ним стояла девушка в темном плаще; золотистые волосы, словно нимб, обрамляли бледное, прекрасное лицо, глаза были небесной голубизны, губы цвета яркого пламени.

— Вы не видение? — мягко обратился к ней Хендерсон.— Или я напрасно поверил в чудо?

— Это чудо зовут Шейла Дарли, она собиралась напудрить себе нос.

— Стефен Хендерсон любезно разрешает вам воспользоваться этим зеркалом,— улыбаясь, произнес закутанный в плащ мужчина. Он сделал шаг назад, не в силах оторвать от нее восхищенного взгляда.

Повернув голову, девушка одарила его кокетливо-задумчивой улыбкой.

— Вам не приходилось видеть, как пудрятся женщины? — спросила она.

— Я не знал, что ангелы пользуются косметикой, — отозвался Хендерсон. — Я почти ничего не знаю о жизни ангелов. Я должен посвятить себя изучению этой проблемы. Мне многое хочется выяснить! Не удивляйтесь, если весь вечер я буду наблюдать за вами и заносить все интересующее меня в записную книжку.

— А у Вампира может быть записная книжка?

— Я вполне интеллигентный Вампир и не имею ничего общего с неотесанными уроженцами Трансильвании, снующими по лесам. Я могу быть очень милым Вампиром. Вы поймете это, когда мы познакомимся поближе.

— Что вы не такой, как все, — это видно с первого взгляда, — насмешливо произнесла девушка. — Но, по-моему, ангел и Вампир — довольно странное сочетание.

— Я думаю, нам есть что поведать друг другу, — возразил Хендерсон. — В вас таится что-то дьявольское. Этот темный плащ поверх белоснежного одеяния ангела: черный ангел! Возможно, вы пришли не из рая и у нас есть что-то общее.

Хендерсон расточал обычные салонные любезности, но в душе у него бушевал ураган. Когда-то в спорах с друзьями он заявлял цинично такие вещи, справедливость которых, казалось, утверждала сама жизнь.

Однажды Хендерсон заявил, что любовь с первого взгляда — выдумка. Такой драматический ход нужен в книгах и спектаклях, чтобы подстегнуть действие. Именно из этих книг и спектаклей люди узнают о такой романтической ерунде и искренне верят в ее существование. На самом деле они ощущают обычную животную страсть.

И вот перед ним стоял этот белокурый ангел. С появлением Шейлы все мрачные мысли, глупые эксперименты с зеркалом и пьяная одурь — все исчезло. Теперь он не думал ни о чем, только о ней, мечтал о спелых как вишни губах, небесно-голубых глазах, белоснежных, как у фарфоровой статуэтки, руках.

Его глаза, вероятно, отразили все его чувства. Глядя на него, девушка поняла, в чем дело.

— Ну как? — выдохнула она. — Осмотр вас удовлетворил?

— О да. Но меня многое интересует из жизни небесных

созданий, особенно хотелось бы узнать, танцуют ли ангелы?

— Оказывается, Вампиры могут быть тактичными. Что ж, тогда я приглашаю вас.

Он взял ее под руку, и они вошли в гостиную. Веселье достигло своего апогея. Выпитое спиртное подняло праздничное настроение собравшихся до нужной высоты. Танцевальная фаза вечеринки, судя по всему, закончилась. Гости, разбившись на небольшие группы и парочки, разгоряченные царящей непринужденной обстановкой и крепкими напитками, смеялись, шептались, переговаривались. Неизменные «заводилы» развлекали всех желающих своими остроумными выходками. Этот дух бездумного, пустого веселья был ненавистен Хендерсону.

Он выпрямился во весь рост и плотнее закутался в плащ; на бледном лице появилась «Вампирская» усмешка. Это был его вызов всем. Хендерсон в мрачном молчании следовал за Шейлой. Она восприняла его поведение как забавный розыгрыш.

— Им нужно показать настоящего Вампира,— засмеялась она, прижавшись к его руке. Хендерсон пристальным гипнотическим взглядом встречал проходящие мимо парочки, растягивал губы, демонстрируя жуткую Вампирскую ухмылку. Все, мимо кого он проходил, замолкали и напряженно смотрели в его сторону. Словно Красная Смерть, он плавно двигался по просторной гостиной. Его шествие сопровождал приглушенный удивленный шепот:

— Кто этот человек?

— Он поднимался с нами на лифте и...

— Какие страшные глаза.

— Это же Вампир!

— Хелло, Дракула! — окликнул его Маркус Линдстром, который в сопровождении довольно мрачной брюнетки в костюме Клеопатры буквально выскочил навстречу Хендерсону. Линдстром едва держался на ногах, его спутница была не в лучшем состоянии. Хендерсону нравилось общаться с Линдстромом в клубе, где они часто встречались, толстяк был приятным собеседником. На вечеринках пьяный Линдстром становился особенно невыносим: он начинал хамить. Это раздражало Хендерсона.

— Позволь, детка, представить тебе моего очень хорошего знакомого. Сегодня День Всех Святых, и я пригласил на нашу вечеринку графа Дракулу вместе с дочерью. Бабушка тоже должна была пожаловать, но, к сожалению, сегодня ночью улетела на шабаш вместе с тетушкой Дже-

маймой. Ха! Ха! Моя маленькая подружка мечтает с вами познакомиться, граф.

Брюнетка, кривя рот, уставилась на Хендерсона.

— О-о-о, Дракула, какие большие у тебя глаза! О-о-о, какие большие у тебя зубы! О-о-о...

— Довольно, Маркус, — пытался остановить его Хендерсон, но хозяин уже обратился к окружившим его гостям:

— Друзья, я безумно счастлив представить вам единственного и неповторимого, подлинного Вампира в неволе — остерегайтесь подделок! Перед вами Дракула Хендерсон. Обратите внимание на вставные клыки этого редчайшего экземпляра.

В любой другой ситуации Хендерсон оборвал бы монолог Линдстрома крепким ударом в челюсть, но рядом стояла Шейла, а в доме гости. Он не нашел другого выхода, как обратить все в шутку, высмеять неловкие потуги на остроумие. Он должен вести себя как настоящий Вампир?

Хендерсон улыбнулся девушке, повернулся к гостям, выпрямился в полный рост, нахмурился и провел руками по плащу. Только сейчас он заметил, что края плаща были немного в грязи или в пыли. Холодный шелк легко скользил между пальцев. Хендерсон закутался в ледящую ткань. Ощущение холода придало ему уверенности. Он широко открыл глаза и увидел людей, которые, словно замороженные его горящим взглядом, застыли на своих местах. Его опьянило ощущение собственной силы и власти над ними. Он неотрывно смотрел на мягкую, толстую шею Маркуса Линдстрома и пульсирующую на ней вену. Он сознавал, что внимание собравшихся приковано только к нему. Какое-то непреодолимое желание овладело им. Хендерсон бросился вперед, не отрывая взгляда от смявшейся в жирные складки шеи и мягких жировых валиков на затылке толстяка.

Его руки схватили Линдстрома. Тот взвизгнул, словно пойманная крыса. Да, жирная, пронырливая, гладкая белая крыса. Какая у нее свежая горячая кровь! Вампирам нужна кровь. Сейчас она брызнет из голубоватой вены. Он упивался предсмертной агонией крысы.

— Горячая кровь!

Хендерсон услышал свой низкий гулкий голос.

Его руки крепко вцепились в добычу.

Они чувствовали живое тепло, нащупывали вену. Хендерсон медленно наклонял голову к шее своей жертвы.

Линдстром пытался вырваться, но ему не удавалось. Руки все плотнее сжимали его горло. Лицо жертвы залила багровая краска. Хорошо, когда горячая кровь приливает к лицу!

Хендерсон обнажил зубы, они почти касались жирной шеи, и...

— Все! Оставьте его!

Голос Шейлы; как дуновение легкого ветерка, вернул Хендерсона к действительности. Кровавый туман рассеялся. Она сжимает его руку. Хендерсон, словно выйдя из какого-то оцепенения, резко выпрямился и отпустил Линдстрома. Тот медленно сполз на пол, раскрыв рот.

Гости с состраданием взирали на хозяина дома. Гримаса боязливого любопытства застыла на их лицах.

Шейла шепнула:

— Браво, Хендерсон! Он заслужил, чтобы ты напугал его до смерти!

Хендерсон с трудом взял себя в руки, попытался изобразить приятную улыбку и обратился к гостям.

— Леди и джентльмены,— объявил он,— эта небольшая демонстрация была необходима для того, чтобы вы убедились в абсолютной справедливости утверждений нашего дорогого Маркуса, который представил меня как Вампира. Это действительно так. После такого предупреждения опасность больше никому не угрожает. Если среди вас есть доктор, можно организовать для пострадавшего переливание крови.

Постепенно выражение страха покидало лица гостей. Нервное напряжение спало. Опять появились улыбки и слышался смех. Все восприняли поступок Хендерсона как застольную шутку. И только в глазах Маркуса Линдстрома застыл панический ужас. Он знал правду.

В этот момент в гостиную влетел один из гостей и привлек к себе внимание окружающих. Он выбежал на улицу и позаимствовал у продавца газет фартук и кепку. Надев все на себя, он стремительно носился по гостиной, размахивая стопкой газетных листов.

— Экстра! Экстра! Новости в День Всех Святых! Экстра!

Гости, смеясь, расхватывали газеты. Одна женщина подошла к Шейле. Неуверенно девушка последовала за ней.

— Увидимся позже,— сказала она.— Ее взгляд словно воспламенил Хендерсона. Он не мог забыть охватившее его страшное возбуждение, когда он крепко держал Линдстрома в своих руках и чувствовал его полную беспомощность. Почему он сделал это?

Он машинально взял в руки газету. Псевдогазетчик кричал: «Страх и ужас в День Всех Святых». Что это?

Он пробежал глазами листок бумаги. Буквы расплывались перед глазами, он едва различал написанное. Это действительно был экстренный выпуск. Пока он читал его, в нем росло чувство безнадежного страха.

«Пожар в магазине маскарадных костюмов... около восьми часов вечера к магазину вызвали пожарных... огонь не удалось остановить... магазин полностью сгорел... убытки оцениваются... странное обстоятельство: фамилия владельца неизвестна... обнаружен скелет в...» Хендерсон отшатнулся от зажатой в руках газеты.

— Не может быть! — воскликнул Хендерсон.

Он еще раз медленно и внимательно перечитал это место. В подвале магазина в ящике с землей обнаружен скелет. Нет, не в ящике, в гробу. Два других гроба пусты. Скелет завернут в плащ, огонь не тронул его...

В конце колонки были напечатаны рассказы очевидцев, сопровождаемые страшными, леденящими душу заголовками, набранными черным жирным шрифтом. Это место пользовалось дурной славой. Соседи боялись его. Ходили слухи о Вампирах, странных незнакомцах, посещавших магазин. Один сосед утверждал, что там тайно собирались члены какого-то страшного культа. Ходили суеверные слухи о предметах, продававшихся в магазине: любовные зелья, таинственные амулеты, одежда, обладающая магическими свойствами.

Странная одежда... Вампиры... плащи — глаза, его глаза! «Это подлинный плащ».

«Я собираюсь вскорости оставить это дело... Вам он принесет больше пользы».

Воспоминания вихрем пронеслись в голове Хендерсона. Он снова захотел посмотреть на себя в зеркало; выбежал в прихожую и на мгновение замер перед стеклом. Его охватил ужас. Он вскинул руку, заслонил глаза — в зеркале не было его отражения.

Вампиры не отражаются в зеркале.

Он вспомнил все, что произошло на вечеринке. Теперь он понимал, почему его вид пугал окружающих, почему в нем пробуждались странные желания, когда он смотрел на плечи, шею человека. И он чуть было не убил Линдстрема, идя на поводу у этих желаний. Господи, что же делать, должен же быть выход?

Всему виной этот непроницаемо-черный плащ, испач-

канный по краям могильной землей. Именно холодный как лед плащ внушал ему ощущение подлинного Вампира. Этот проклятый кусок ткани некогда служил одеянием живущему-в-смерти. Коричневое пятно на рукаве — засохшая кровь.

Кровь. Животворный красный ручеек. Все-таки прекрасно почувствовать языком его теплоту.

Нет! Это безумие. Я пьян или совсем лишился разума.

— А, вот ты где, мой милый Вампир.

Рядом снова стояла Шейла. И сразу пропал панический ужас. Сердце забилося тревожно и радостно. На него смотрели сияющие глаза, алые губы приоткрылись в манящем ожидании. Горячая волна желания захлестнула Хендерсона. Он видел ее хрупкую белую шею, окаймленную переливающейся чернотой плаща, и не было никаких сил, которые бы потушили пожар внутри него. Любовь, страсть, ж а ж д а — все переполнило его.

Эти чувства, вероятно, отразились в его глазах, но девушка не дрогнула, только ее взгляд источал то же пламя

Шейла любит его!

Хендерсон больше не раздумывая распахнул плащ на шее. Ледяная тяжесть упала с плеч. Он легко вздохнул. Какая-то часть его сопротивлялась, не желая, чтобы он освободился от плаща, но он уже не остановится ни перед чем. Нужно скорее сбросить эту зловещую, проклятую одежду. Он обнимет девушку, захочет поцеловать ее, и тогда...

Мысли путались у него в голове.

— Устал от перевоплощений? — спросила она. Девушка сняла свой плащ, представ перед ним во всем великолепии белоснежного одеяния ангела. Она была само совершенство. Глядя на ее окаймленное золотым ореолом лицо и стройную фигуру, Хендерсон не удержался от возгласа восхищения.

— Ангел,— шепнул он.

— Дьявол,— засмеялась она.

Какая-то неодолимая сила толкала их в объятия друг друга. Они словно стали единым целым. Хендерсон крепко сжимал в руке оба плаща. Их губы слились в поцелуй, время для них остановилось. Они стояли, замороженные охватившим их чувством. Внезапно группа гостей во главе с Линдстромом ворвалась в прихожую.

Увидев Хендерсона, толстяк побледнел и съежился.

— Ты...— прошептал он.— Ты хочешь...

— Просто уйти,— Хендерсон улыбнулся.— Мы уходим.— Взяв девушку за руку, он устремился к лифту. И дверь захлопнулась, оставив в прихожей бледного, оцепеневшего от страха Линдстрона.

— Мы покидаем их? — шепнула Шейла, тесно прижавшись к его руке.

— Да. Но мы не будем спускаться вниз, в мои владения, мы устремимся к тебе, на небеса!

— Ты хочешь в райский сад?

— Да, мой бесценный ангел. Я хочу целовать тебя среди райских кущ, окруженный облаками, и...

Пока лифт поднимался, их губы снова нашли друг друга.

— Ангел и дьявол. Какой фантастический союз!

— Я тоже подумала об этом,— призналась девушка.— Интересно, у наших детей будет нимб или рожки?

— Думаю, и то и другое.

Они поднялись на крышу дома. Здесь было царство праздника Всех Святых.

Хендерсон сразу почувствовал это. Где-то внизу, в ярко освещенной гостиной был в полном разгаре маскарад. Там веселился Линдстром со своими друзьями из высшего света. Здесь была безмолвная, темная, величественная ночь. Яркий свет, музыка, звон бокалов, шум разговоров — все это делало праздники похожими один на другой. Теперь все растворилось в ночи. Здесь чувствовалась торжественная тишина сегодняшней ночи.

Небо было темно-голубым. Густые облака, словно седые бороды невиданных гигантов, взиравших на оранжевый шар луны, нависли над землей. Пронизывающий ветер, дующий с моря, словно нашептывал разные истории, которые он принес с собой и теперь наполнял ими воздух.

По небу на свой шабаш спешили ведьмы. В зловещей тиши слышалось неясное бормотание нечистых молитв и заклинаний. Луна незримо посылала на землю свои колдовские чары. Облака скрывали чудовищные лики тех, кто явился на зов из пределов тьмы. Здесь было царство Хеллоуина. Сегодня — День Всех Святых.

До чего же холодно!

— Дай мой плащ,— шепнула Шейла. Она накинула его, великолепная черная ткань мягко обернула ее тело. Он не отрывал от нее глаз, он был бессилен против завораживающей силы ее взгляда. Дрожа от холода, он поцеловал ее.

— Ты совсем замерз,— произнесла девушка.— Надень плащ.

Да, Хендерсон, ты должен надеть плащ. Сейчас, когда ты с волнением смотришь на ее шею, ты снова поцелуешь ее и захочешь прильнуть к ее горлу. Она покорится, потому что ждет твоей любви. Ты примешь ее дар, потому что... жаждешь ощутить вкус ее крови.

— Надень его, милый,— настойчиво повторяла девушка. Его переполняло лихорадочное нетерпение, глаза излучали желание.

Хендерсона била дрожь.

Что делать? Опять закутаться в этот зловещий символ тьмы? Мрачный могильный плащ смерти, плащ Вампира? Дьявольский плащ, имеющий свою собственную призрачную, ледяную жизнь, которая входит в тебя, искажает гримасой ужаса лицо, поражает рассудок, поселяя в твое естество вечную жажду крови.

— Так будет хорошо.

Она набросила тяжелую ткань ему на плечи, закрепила плащ на шее и ласково провела рукой по горлу.

Хендерсона била дрожь.

Он чувствовал, как все тело пронзает ледяной холод, который превратился в такой же невыносимый жар. Он ощутил себя исполином. На лице появилась зловещая усмешка. У него была власть, абсолютная власть над мертвыми.

Глаза девушки неотрывно смотрели на него, призывали, манили. Красивая белая шея, полная горячей жизненной силы, напряглась. Она ждала прикосновения его губ.

И з у б о в.

Он гнал от себя эту страшную мысль. Он любит ее. Любовь способна победить безумие. Он не будет снимать плащ. Надо одолеть власть плаща над человеком. Тогда он обнимет любимую, а не схватит ее, как добычу. Он должен заставить себя преодолеть силы зла.

— Шейла,— низким голосом позвал он.

— Да, милый.

— Я хочу рассказать тебе все.

В ее глазах светились ожидание и покорность. Она целиком была во власти этого чувства.

— Шейла, пожалуйста, выслушай меня. Ты читала газету?

— Да.

— Я... я купил плащ в том магазине. Мне трудно объяснить, что со мной происходит. Ты видела, как я поступил с Линдстромом? У меня было желание довести дело до

конца, укусить его. Ты понимаешь? Когда на мне этот чертов плащ, у меня такое ощущение, будто я — одно из этих созданий.

Но ее взгляд остался прежним. Она не испугалась. Почему? Боже, какая ангельская наивность и доверчивость! Она не пытается убежать отсюда. А ведь он может потерять контроль над собой, схватить ее... и...

— Я люблю тебя, Шейла. Верь мне.

— Я верю.— Ее глаза мерцали в лунном свете.

— Но я должен проверить себя, поцеловать тебя в этом плаще и убедиться, что моя любовь сильнее, чем эта... вещь. Если я не выдержу, обещай мне, что быстро убежишь отсюда. Пойми меня правильно. Я должен побороть эту страшную силу и доказать, что моя любовь к тебе чиста и непобедима. Тебе страшно?

— Нет.— Ее глаза светились прежним желанием. Она и представить не могла, что сейчас творится в его душе.

— Я говорю тебе правду, я не сошел с ума. Я пришел в этот магазин, и его хозяин, страшный маленький старик, дал мне плащ. Он заверил, что это подлинный плащ Вампира. Я думал, что он шутит, но потом убедился, что это правда. Сегодня я смотрел на себя в зеркало и не видел своего отражения. Потом я готов был прокусить вену на шее Линдстрорма, теперь я хочу тебя. Но я должен пройти это испытание.

— Я верю, что ты не сошел с ума. Я все понимаю и не боюсь.

— Тогда...

Губы девушки приоткрылись в призывной, вызывающей улыбке. Хендерсон собрал все свои силы. Он наклонился к девушке, борясь с собой. Освещенный призрачным светом луны, он застыл на мгновение. Его лицо исказилось.

Девушка, казалось, ничего не замечала и манила его дразнящим взглядом. Ее огненно-красные губы раскрылись, в тишине послышался насмешливый серебристый смех. Ее белоснежные руки освободились от плаща, протянулись к нему и ласково обняли Хендерсона за шею.

— Я сразу все поняла, когда посмотрела в зеркало. Я догадалась, что на тебе такой же плащ, что и на мне. Ты купил его там же, где и я...

Он застыл, ошеломленный тем, что услышал. Она притянула его к себе, но не поцеловала. Его горло обожгло ледяное прикосновение маленьких острых зубов. Он почувствовал умиротворяющий, ласковый укус. Потом его поглотила непроглядная, вечная тьма.

Роберт Шпехт

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Чарли Аткинса и Тэда Уинтерса в сумасшедший дом увезли в один и тот же день, но отъезд проходил по-разному: Чарли ехал спокойно, как и полагается недоумку, не все ли равно, где спать — дома или там. С Тэдом же получилось иначе: когда за ним пришли, он кричал и выл, будто попавший под машину пес...

Почти в каждом поселке есть свой местный дурачок и свой шутник. И, как правило, первый служит объектом шуток для второго. Ну вот хотя бы Чарли и Тэд. Создавалось впечатление, что шутки Тэда Чарли совсем не трогали: на любую шутку над ним или розыгрыш Чарли лишь глуповато улыбался и говорил:

— Ох и насмешник, ей-Богу, этот Тэд.

Чарли жил в маленькой комнатенке, расположенной в похоронном бюро мистера Экинса. Экинс давал Чарли кое-какую работенку, чисто символически, просто чтобы Чарли не думал, будто его кормят из милосердия. Чарли любил свое жилье, совершенно не реагируя на то, что рядом, в гостиной, почти всегда лежал во всем облачении покойник.

Как-то в апреле лопнула ведущая в поселок центральная водопроводная труба. Вся вода из нее хлынула на кладбище и превратила его в грязное месиво. «Похоронное бюро Экинса» оказалось в затруднении, так как хоронить на кладбище было нельзя, а в очереди уже стояли три покойника. Было решено двоих положить в ритуальном зале, а одного — ею оказалась девушка по фамилии Дэйтон, умершая совсем недавно, — положили в комнатенке Чарли, которого это соседство ничуть не смутило.

Узнав об этом, Тэд захихикал и при встрече спросил Чарли:

— Чарли, дорогой, я слышал, что у тебя появилась подружка, это правда?

Чарли посмотрел на него с любопытством.

— Ну что ты смотришь? Речь идет о той девушке, которая поселилась у тебя перед дальней дорогой.

— Не говори глупости, Тэд. Это же девица Дэйтон, которую ты прекрасно знаешь.

Промолвив эту тираду, Чарли посмотрел на приятелей Тэда, не смеются ли они над ним. Он все еще никак не мог понять — розыгрыш это или нет.

— Так ты утверждаешь, что девица Дэйтон не твоя подружка?

— Хм,— хмыкнул Чарли.— Какая подружка? Ведь девица-то, Тэд, мертвая. Какая же из нее подружка? Ну и остряк же ты!

Присутствующие при этой беседе дружки Тэда еле сдерживались, чтобы не рассмеяться, но он строго глянул на них, и они с трудом сдержались.

А Тэд тем временем продолжал:

— Чарли... ты крепко спишь?

— Крепко,— ответил Чарли, посерьезнев.

— Разве ты не видел, как твоя подружка встает и бродит по ночам?

— А, да ты шутишь, Тэд.

— И не думаю шутить,— серьезно возразил Тэд.— Хочу предупредить тебя, что лучше наверняка проверить, плотно ли закрыта крышка.

У присутствующих вытянулись физиономии

— А зачем мне проверять?

— Сейчас скажу. Люди давно поговаривают, что перед смертью девицу Дэйтон укусил волк,— таинственно сказал Тэд почти на ухо Чарли.— Но это так говорят, что волк, а на самом деле — оборотень. И теперь, после смерти, ты знаешь кем она стала?

— Вампиром?

В голове у Чарли перемешались все рассказы и легенды, и он назвал первое, что удалось вспомнить, но Тэд не стал его разубеждать.

— Правильно. И когда ночью ты заснешь, она вопьется тебе в горло своими зубами и высосет всю кровь

Решив, что дело сделано, Тэд вместе с дружками ушел, а Чарли, озадаченный, остался. Было над чем подумать.

У Чарли были прекрасные отношения с мистером Экинсом. Чтобы вновь не вызвать насмешки, он исподволь спросил мистера Экинса о Вампирах, и тот подробно рассказал Чарли все, что знал. Но когда Экинс хотел спросить у Чарли, почему его это интересует, вошел клиент, и Экинс забыл и о своем намерении и вообще о разговоре. О чем, впрочем, он потом очень сожалел.

Как только наступила ночь, Тэд с друзьями тайно собрались у похоронного бюро. Дело в том, что некоторые лавочники платили Чарли по пятьдесят центов в неделю, чтобы он проверял, закрыты ли двери магазинчиков, перед тем как идти спать. Именно этого момента и ожидали Тэд с друзьями. Правда, в компании была одна девица — невеста Тэда — Сюзанна. Скоро должна была быть их свадьба, но в эту ночь лицо ее было так загримировано, что даже жениха брала оторопь при ее виде: обведенные черным глаза были ужасны на белом как мел лице, губы выкрашены в алый цвет, а темные полосы вдоль щек придавали ей изможденный вид.

Чувствовалось, что девушке было не по себе.

— Тэд, может, не стоит,— прошептала она.

— Ерунда, дорогая,— ведь это всего лишь шутка...

— Шутка шуткой, но я боюсь лезть в гроб.

— Брось, ящик и есть ящик, да и пробудешь ты в нем лишь пару минут, пока не придет Чарли. Мы уложим тебя в новенький — один из тех, которые Экинс держит в ритуальном зале как образцы. Когда Чарли придет, ты пару раз застони или покашляй, а потом открывай крышку, и все мы повеселимся.

— А вдруг ему станет плохо с сердцем или еще что-нибудь приключится?

— А, что с ним может приключиться? От страха он завопит и дай Бог ноги, дочешет аж до границы, добежит за пару минут...

Сюзанна улыбнулась.

— Тихо,— прошептал один из парней, следящих из-за угла дома за главным входом.— Все, ребята, Чарли ушел. А ну быстро. Пора.

Они быстренько побежали вперед, а когда Чарли скрылся за углом, все торопливо протиснулись в незапертую дверь конторы. Еще быстрее поменяли местами гробы и уложили Сюзанну. Через некоторое время вернулся Чарли, но компания уже была снаружи, у наблюдательного пункта за конторой.

— Подсадите меня,— попросил Тэд,— я буду комментировать!

Двое парней наклонились, он залез на их спины и заглянул через маленькое решетчатое окно в комнатку Чарли.

— Он входит,— прокомментировал Тэд приятелям.— Сел на кровать и разувается.

Здесь комментарий прервался, так как даже снаружи

был слышен донесшийся из гроба стон. Сидящий на кровати Чарли вздрогнул, как-то передернулся весь и как струна выпрямился. Снова раздался стон, Чарли не шевелился, только руки его, вцепившиеся в край кровати, побелели от напряжения. Тэд, наблюдавший все это держась одной рукой за оконную раму, другой судорожно зажимал рот, чтобы громко не рассмеяться. Все его тело дрожало от внутреннего смеха.

— Ну давай говори, что там? — спросил кто-то снизу.

— Ой, не могу, вот умора, погодите, — прохрипел он, сдерживая смех. — Гроб открывается. Сюзанна села. Ну ребята, она выглядит точь-в-точь как настоящая Дэйтон! Думаю, у Чарли уже полные штаны и...

Тэд умолк, увидев, что Чарли вдруг вскочил и бросился — но не к двери, как предполагали Тэд и его приятели, а прямо к гробу. Сидящая Сюзанна удивилась еще больше, и Тэду это было хорошо видно. Она даже не стала сопротивляться, когда подскочивший как пружина Чарли толкнул ее обратно в гроб и быстро закрыл крышку.

— Ну что там, Тэд? — прошипели снизу.

— Не пойму, — изумленно произнес Тэд. — Он почему-то закрыл ее в гробу. А сейчас зачем-то полез под кровать. Похоже на... Ой, Господи! Боже мой, это невозможно... нет, нет! — в голосе Тэда послышался ужас, он уже не шептал, а кричал.

Снизу донесся смех, один из державших Тэда парней вдруг упал, и Тэд полетел на землю. Пока приятели смеясь вставали с земли и приходили в себя, из комнаты Чарли вдруг раздался жуткий крик, все застыли на месте. Это был мучительный предсмертный женский крик.

Тэд, с трудом поднявшись на ноги, бросился к входу в похоронное бюро, бежавшие за ним друзья увидели, как он яростно бросается на тяжелую входную дверь, стараясь во что бы то ни стало открыть ее. Увидев, что его попытки тщетны, один из парней схватил стоявший рядом с витриной стул и, размахнувшись, ударил по двери. Наконец она распахнулась, и Тэд оказался внутри первым. Вопли в комнате становились все более пронзительными. Казалось, они достигли апогея. Внезапно смолкли.

Увидев происходящее, Тэд тихо застонал. Плетеный из прутьев гроб, обтянутый шелком декоративный гроб для витрины все еще стоял на деревянных козлах в комнате Чарли, куда его поставили всего несколько минут назад. Чарли стоял над гробом с молотком в руках. Из гроба

послышался слабый не то вскрик, не то всхлип, и длинный деревянный кол, вбитый сквозь плетеную крышку, шевельнулся. Проткнутая насквозь Сюзанна содрогнулась в последних конвульсиях, и кровь закапала на пол.

Тэд потерял человеческий облик, он катался по полу, кричал, стонал, плакал...

Через некоторое время, когда Тэда и Чарли увезли, все были единодушны в одном — виноват Тэд. Все... кроме мистера Экинса. Молча он целую неделю пил, в тысячный раз укоряя себя в том, что чертовски глупо было с его стороны рассказывать Чарли о самом верном способе убить Вампира. забив ему в сердце кол...

Алексей Толстой

УШЫРЬ

Повесть

Бал был многолюден. После шумного вальса Руневский отвел свою даму на ее место и стал прохаживаться по комнатам, посматривая на различные группы гостей. Ему бросился в глаза человек, по-видимому, еще молодой, но бледный и почти совершенно седой. Он стоял, прислонясь к камину, и с таким вниманием смотрел в один угол залы, что не заметил, как пола его фрака дотронулась до огня и начала куриться. Руневский, возбужденный странным видом незнакомца, воспользовался этим случаем, чтоб завести разговор.

— Вы, верно, кого-нибудь ищете, — сказал он, — а между тем ваше платье скоро начнет гореть.

Незнакомец оглянулся, отошел от камина и, пристально посмотрев на Руневского, отвечал:

— Нет, я никого не ищу; мне только странно, что на сегодняшнем балу я вижу *Упырей!*

— Упырей? — повторил Руневский, — как Упырей?

— Упырей, — отвечал очень хладнокровно незнакомец. — Вы их, Бог знает почему, называете *Вампирами*, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название: *Упырь*; а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и даже в Азии, то и неосновательно придерживаться имени, исковерканного венгерскими монахами, которые вздумали было все переворачивать на латинский лад и из Упыря сделали *Вампира*. *Вампир*, *Вампир!* — повторил он с презрением, — это все равно, что если бы мы, русские, говорили вместо привидения — *фантом* или *ревенант!*

— Но, однако, — спросил Руневский, — каким образом попали сюда Вампиры или Упыри?

Вместо ответа незнакомец протянул руку и указал на пожилую даму, которая разговаривала с другою дамою и приветливо поглядывала на молодую девушку, сидевшую возле нее. Разговор, очевидно, касался девушки, ибо она время от времени улыбалась и слегка краснела.

— Знаете ли вы эту старуху?— спросил он Руневского.

— Это бригадирша Сугробина,— отвечал тот.— Я ее лично не знаю, но мне говорили, что она очень богата и что у нее недалеко от Москвы есть прекрасная дача совсем не в бригадирском вкусе.

— Да, она точно была Сугробина несколько лет назад, но теперь она не что иное, как самый гнусный Упырь, который только ждет случая, чтобы насытиться человеческой кровью. Смотрите, как она глядит на эту бедную девушку; это ее родная внучка. Послушайте, что говорит старуха: она ее расхваливает и уговаривает приехать недели на две к ней на дачу, на ту самую дачу, про которую вы говорите; но я вас уверяю, что не пройдет трех дней, как бедняжка умрет. Доктора скажут, что это горячка или воспаление легких; но вы им не верьте!

Руневский слушал и не верил ушам своим.

— Вы сомневаетесь?— продолжал тот.— Никто, однако, лучше меня не может доказать, что Сугробина упырь, ибо я был на ее похоронах. Если бы меня тогда послушались, то ей бы вбили осиновый кол между плеч для предосторожности; ну, да что прикажете? Наследники были в отсутствии, а чужим какое дело?

В эту минуту подошел к старухе какой-то оригинал в коричневом фраке, в парике, с большим Владимирским крестом на шее и с знаком отличия за сорок пять лет беспорочной службы. Он держал обеими руками золотую табакерку и еще издали протягивал ее бригадирше.

— И это Упырь? — спросил Руневский.

— Без сомнения,— отвечал незнакомец.— Это статский советник Теляев; он большой приятель Сугробиной и умер двумя неделями прежде ее.

Приблизившись к бригадирше, Теляев улыбнулся и шаркнул ногой. Старуха также улыбнулась и опустила пальцы в табакерку статского советника.

— С донником, мой батюшка?— спросила она.

— С донником, сударыня,— отвечал Теляев.

— Слышите? — сказал незнакомец Руневскому.— Это слово в слово их ежедневный разговор, когда они еще были живы. Теляев всякий раз, встречаясь с Сугробиной, подносил ей табакерку, из которой она брала щепотку, спросив наперед, с донником ли табак. Тогда Теляев отвечал, что с донником, и садился возле нее.

— Скажите мне,— спросил Руневский,— каким образом вы узнаете, кто Упырь а кто нет?

— Это совсем не мудрено. Что касается до этих двух, то я не могу в них ошибаться, потому что знал их прежде смерти и (мимоходом будь сказано) немало удивился, встретив их между людьми, которым они довольно известны. Надобно признаться, что на это нужна удивительная дерзость. Но вы спрашиваете, каким образом узнавать Упырей? Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щелкают языком. Это по-настоящему не щелканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и так они друг друга приветствуют.

Тут к Руневскому подошел один щеголь и напомнил ему, что он его *vis-a-vis* *. Все пары уже стояли на месте, и так как у Руневского еще не было дамы, то он поспешил пригласить ту молодую девушку, которой незнакомец пророчил скорую смерть, ежели она согласится ехать к бабушке на дачу. Во время танца он имел случай рассмотреть ее с примечанием. Она была лет семнадцати; черты лица ее, уже сами по себе прекрасные, имели какое-то необыкновенно трогательное выражение. Можно было подумать, что тихая грусть составляет ее постоянный характер; но когда Руневский, разговаривая с нею, касался смешной стороны какого-нибудь предмета, выражение это исчезало, а на место его появлялась самая веселая улыбка. Все ответы ее были остроумны, все замечания разительны и оригинальны. Она смеялась и шутила без всякого злословия и так чистосердечно, что даже те, которые служили целью ее шуткам, не могли бы рассердиться, если б они их слышали. Видно было, что она не гоняется за мыслями и не изыскивает выражений, но что первые рождаются внезапно, а вторые приходят сами собою. Иногда она забывалась, и тогда опять облако грусти помрачало ее чело. Переход от веселого выражения к печальному и от печального к веселому составлял странную противоположность. Когда стройный и легкий стан ее мелькал между танцующими, Руневскому казалось, что он видит не существо земное, но одно из тех воздушных созданий, которые, как уверяют поэты, в месячные ночи порхают по цветам, не сгибая их под своей тяжестью. Никогда никакая девушка не произвела на Руневского такого сильного впечатления; он тотчас после танца попросил, чтоб его представили ее матери.

Вышло, что дама, разговаривавшая с Сугробиной, была

* Сидящий или стоящий напротив (*фр*)

не мать ее, а какая-то тетка, которую звали Зориной и у которой она воспитывалась. Руневский узнал после, что девушка уже давно сирота. Сколько он мог заметить, тетка ее не любила; бабушка ее ласкала и называла своим сокровищем, но трудно было угадать, от чистого ли сердца происходили ее ласки? Сверх этих двух родственников у нее никого не было на свете. Одинокое положение бедной девушки еще более возбудило участие Руневского — но, к сожалению его, он не мог продолжать с ней разговора. Толстая тетка, после нескольких пошлых вопросов, представила его своей дочери, жеманной барышне, которая тотчас им завладела.

— Вы много смеялись с моей кузиной,— сказала она ему.— Кузина любит смеяться; когда бывает в духе. Я чаю, всем от нее досталось?

— Мы мало говорили о присутствующих,— отвечал Руневский.— Разговор наш более касался Французского театра.

— Право? Но признайтесь, что наш театр не заслуживает даже, чтоб его бранили. Я всегда страх как скучаю, когда туда езжу, но я это делаю для кузины; маменька по-французски не понимает, и для нее все равно, есть ли театр или нет, а бабушка и слышать про него не хочет. Вы еще не знаете бабушки; это в полном смысле слова — бригадирша. Поверите ли, она сожалеет, что мы более не пудримся?

Софья Карповна (так называли барышню), посмеявшись насчет бабушки и желая ослепить Руневского своею колкостью, перешла и к прочим гостям. Более всех от нее доставалось одному маленькому офицеру с черными усами, который очень высоко прыгал, танцуя французскую кадрили.

— Посмотрите, пожалуйста, на эту фигуру,— говорила она Руневскому.— Можно ли видеть что-нибудь смешнее ее и можно ли для нее придумать приличнее той, которой она гордится: ее зовут Фрышкин! Это самый несносный человек в Москве, и, что всего досаднее, он себя считает красавцем и думает, что все в него влюблены. Смотрите, смотрите, как его эпюлеты хлопают о плечи! Мне кажется, он скоро проломает паркет!

Софья Карповна продолжала злословить всех и каждого, а Фрышкин между тем, приняв сердитый вид и закручивая усы, прыгал самым отчаянным образом. Руневский, глядя на него, не мог удержаться от смеха. Софья Карповна, ободренная его веселостью, удвоила свое злословие насчет

бедного Фрышкина. Наконец Руневскому удалось избавиться от докучливой собеседницы. Он подошел к ее толстой матери, попросил позволения ее навестить и завел разговор с бригадиршей.

— Смотри ж, мой батюшка, — сказала ему ласково старуха, — к Зориной-то ходи, к Федосье Акимовне, да и меня, грешную, не забывай. Ведь не все ж с молодежью-то балагурить! В наше время не то было, что теперь: тогда молодые люди меньше франтили да больше слушали стариков; куцых-то фраков не носили, а хуже вашего одевались. Ну, не в укор тебе сказать, а на что ты похож, мой батюшка, с своими хвостиками-то? Птица не птица, человек не человек! Да и обхождение-то было другое; учтивее люди были, нечего сказать! А офицеры-то не ломались на балах, вот как этот Фрышкин, а дрались-то не хуже ваших. Вот как покойный мой Игнатий Савельич, бывало, начнет рассказывать, как они под турку-то ходили, так индо слушать страшно. Мы, говорит, стоим себе на Дунае, с графом Петром Александровичем, а на той стороне турка стоит; наших-то немного, да и все почти новички, а ихних-то тьма-тьмущая. Вот от матушки-государыни повеленье пришло к графу перейти, дескать, через Дунай да разбей басурмана! Нечего делать, не хотелось графу, а послушался, перешел через Дунай, с ним и мой Игнатий Савельич. В наше время не расуждали, мой батюшка: куда велят идти, туда и шли. Вот стали осаждать крепость-то басурманскую, что зовут Силистрией, да силы не хватило; начал отступать граф Петр Александрович, а они-то, некрести, и заслонили ему дорогу. Прищемили его между трех армий; тут бы ему и живот кончить, да и моему Игнатью Савельичу с ним, если б немец-то, Вейсман, не выручил. Напал он на тех, что переправу-то стерегли, да и разбил в пух супостата, даром что немец. Тут же и Игнатий Савельич был, и ногу ему прострелили басурманы, а Вейсмана-то убили совсем. Что ж, мой батюшка? Граф-то переправился на свою сторону, да тотчас и начал готовиться опять к бою с некрестями! Не уступлю, дескать; знай наших! Вот каковы, мой батюшка, в старину люди-то были, не вашим чета, даром что куцых-то фраков не носили, не в укор тебе буде сказано!

Старуха еще много говорила про старину, про Игнатия Савельича и про Румянцева.

— Вот приехал бы ты ко мне на дачу, — сказала она ему под конец, — я бы тебе показала портрет графа Петра Александровича, и князя Григория Александровича, и мо-

его Игнатъя Савельича. Живу я не так, как жили прежде, не то теперь время; а гостям всегда рада. Кто меня вспомнит, тот и завернет ко мне в Березовую Рощу, а мне-то оно и любо. Семен Семенович,— прибавила она, указывая на Теляева,— меня также не забывает и через несколько дней обещался ко мне приехать. Вот и моя Дашенька у меня погостит; она доброе дитя и не оставит своей старой бабушки; не правда ли, Даша?

Даша молча улыбнулась, а Семен Семенович поклонился Руневскому и, вынув из кармана золотую табакерку, обтер ее рукавом и поднес ему обеими руками, сделав притом шаг назад, вместо того чтоб сделать его вперед.

— Рад служить, рад служить, матушка Марфа Сергеевна,— сказал он сладким голосом бригадирше,— и да же... если бы... в случае... то есть...— Тут Семен Семенович щелкнул точно так, как описывал незнакомец, и Руневский невольно вздрогнул. Он вспомнил о странном человеке, с которым разговаривал в начале вечера, и, увидев его на том же месте, возле камина, обратился к Сугробиной и спросил ее: не знает ли она, кто он? Старуха вынула из мешка очки, протерла их платком, надела на нос и, поглядев на незнакомца, отвечала Руневскому:

— Знаю, мой батюшка, знаю; это господин Рыбаренко. Он родом малороссиянин из хорошей фамилии, только он, бедняжка, уж три года, как помешался в уме. А все это от модного воспитания. Ведь кажется, еще молоко на губах не обсохло, а надо было поехать в чужие края! Пошатался он там года с два, да и приехал с умом наизнанку.— Сказав это, она своротила разговор на кампанию Игнатъя Савельича.

Вся тайна обращения г. Рыбаренки объяснилась теперь в глазах Руневского. Он был сумасшедший, бригадирша Сугробиная добрая старушка, а Семен Семенович Теляев не что иное, как оригинал, который щелкал только потому, что заикался или что у него недоставало зубов.

Прошло несколько дней после бала, и Руневский короче познакомился с тетужкой Даши. Сколько Даша ему нравилась, столько же он чувствовал отвращение к Федосье Акимовне Зориной. Она была женщина лет сорока пяти, замечательно толстая, очень неприятной наружности и с большими притязаниями на щегольство и на светское общение. Недоброжелательство ее к племяннице, которое, несмотря на свои старания, она часто не могла скрыть, Руневский приписал тому, что собственная ее дочь, Софья Карповна,

не имела ни Дашиной красоты, ни молодости. Софья Карповна, казалось, сама это чувствовала и старалась всячески отмстить своей сопернице. Она была так хитра, что никогда открыто ее не злословила, но пользовалась всеми случаями, когда могла неприметно подать об ней невыгодное мнение; между тем Софья Карповна притворялась ее искреннею приятельницею и с жаром извиняла ее мнимые недостатки.

Руневский заметил с самого начала, что ей очень хочется его пленить, и сколько это ни было ему неприятно, но он почел за нужное не показывать, до какой степени она ему противна, и старался обходиться с ней как можно учтивее.

Общество, посещавшее дом Зориной, состояло из людей, которых не встречали в высших кругах и из коих большая часть, по примеру хозяйки дома, проводила время в сплетнях и злословии. Среди всех этих лиц Даша являлась как светлая птичка, залетевшая из цветущей стороны в темный и неопрятный курятник. Но, хотя она не могла не чувствовать пред ними своего превосходства, ей и в мысль не приходило чуждаться или пренебрегать людьми, коих привычки и воспитание так мало согласовались с тем родом жизни, для которого она была рождена. Руневский удивлялся ее терпению, когда из снисхождения к старикам она слушала их длинные рассказы, не занимающие ее нисколько; он удивлялся ее постоянной приветливости к этим барышням и барышням, из коих большая часть не могла ее терпеть. Не раз также он был свидетелем, как она, со всею приличною скромностию, иногда одним только взглядом, удерживала молодых франтов в границах должной почтительности, когда в разговорах с нею им хотелось забыться. Мало-помалу Даша привыкла к Руневскому. Она уже не старалась скрыть своей радости при его посещениях; казалось, внутреннее чувство говорило ей, что она может положиться на него как на верного друга. Доверенность ее с каждым днем возрастала; она уже поверяла ему иногда свои маленькие печали и наконец однажды призналась, как она несчастлива в доме своей тетки.

— Я знаю,— говорила она.— что они меня не любят и что я им в тягость; вы не поверите, как это меня мучит. Хотя я с другими смеюсь и бываю весела, но зато как часто, наедине, я горько плачу!

— А ваша бабушка? — спросил Руневский

— О, бабушка совсем другое дело! Она меня любит, всегда меня ласкает и не иначе со мной обходится, когда

мы одни, как и при чужих. Кроме бабушки и еще старой маменькиной гувернантки, я думаю, нет никого, кто бы меня любил! Эту гувернантку зовут Клеопатрой Платоновной, она меня знала еще ребенком, и только с ней я и могу разговаривать про маменьку. Я так рада, что увижу ее у бабушки на даче, не правда ли, вы также туда приедете?

— Непременно приеду, если это вам не будет неприятно.

— О, напротив! Не знаю почему, хотя я с вами знакома только несколько дней, но мне кажется, будто бы я вас знаю уж так давно, так давно, что и не припомню, когда мы в первый раз виделись. Может быть, это оттого, что вы мне напоминаете двоюродного брата, которого я люблю как родного и который теперь на Кавказе.

Однажды Руневский застал Дашу с заплаканными глазами. Боясь ее еще более расстроить, он притворился, что ничего не примечает, и начал разговаривать об обыкновенных предметах. Даша хотела отвечать, но слезы брызнули из ее глаз, она не могла выговорить ни слова, закрыла лицо платком и выбежала из комнаты.

Чрез несколько времени вошла Софья Карповна и стала извинять Дашу в странности ее поступка.

— Мне самой стыдно за сестрицу,— сказала она,— но это такой ребенок, что малейшая безделица может привести ее в слезы. Сегодня ей очень хотелось ехать в театр, но, к несчастью, никак не могли достать ложи, и это ее так расстроило, что она еще долго не утешится. Впрочем, ежели бы вы знали все ее хорошие качества, вы бы ей охотно простили эти маленькие слабости. Я думаю, нет на свете существа добрее ее. Кого она любит, тот хоть сделай преступление, она найдет средство его извинить и уверить всех, что он прав. Зато уж об ком она дурного мнения, того она не оставит в покое и всем расскажет, что она об нем думает.

Таким образом, Софья Карповна, расхваливая бедную Дашу, успела намекнуть Руневскому, что она малодушна, пристрастна и несправедлива. Но слова ее не сделали на него никакого впечатления. Он в них видел одну только зависть и вскоре удостоверился, что не ошибся в своем предположении.

— Вам, вероятно, показалось странным,— сказала ему на другой день Даша,— что я от вас ушла, когда вы со мной говорили; но, право, я не могла сделать иначе. Я нечаянно нашла письмо от моей бедной маменьки. Теперь уж девять

лет, как она скончалась; я была еще ребенком, когда его получила, и оно мне так живо напомнило время моего детства, что я не могла удержаться от слез, когда при вас об нем подумала. Ах, как я тогда была счастлива! Как я радовалась, когда получила это письмо! Мы тогда были в деревне, маменька писала из Москвы и обещалась скоро приехать. Она в самом деле приехала на другой день и застала меня в саду. Я помню, как я вырвалась из рук нянюшки и бросилась к маменьке на шею.

Даша остановилась и несколько времени молчала, как бы забывшись.

— Вскоре потом,— продолжала она,— маменька вдруг, без всякой причины, сделалась больна, стала худеть и чахнуть и через неделю скончалась. Добрая бабушка до самой последней минуты от нее не отходила. Она по целым ночам сидела у ее кровати и за ней ухаживала. Я помню, как в последний день ее платье было покрыто маменькиной кровью. Это на меня сделало ужасное впечатление, но мне сказали, что маменька умерла от чахотки и кровохарканья. Вскоре я переехала к тетушке, и тогда все переменялось!

Руневский слушал Дашу с большим участием. Он старался превозмочь свое смущение; но слезы показались на его глазах, и, не будучи в состоянии удержать долее порыва своего сердца, он схватил ее руку и сжал ее крепко.

— Позвольте мне быть вашим другом,— вскричал он,— положитесь на меня! Я не могу вам заменить той, которую вы потеряли, но, клянусь честью, я буду вам верным защитником, доколе останусь жив!

Он прижал ее руку к горячим устам, она приклонила голову к его плечу и тихонько заплакала. Чьи-то шаги слышались в ближней комнате.

Даша легонько оттолкнула Руневского и сказала ему тихим, но твердым голосом:

— Оставьте меня, я, может быть, дурно сделала, что предалась своему чувству, но я не могу себе представить, что вы чужой, внутренний голос мне говорит, что вы достойны моей доверенности.

— Даша, любезная Даша!— вскричал Руневский,— еще одно слово! Скажите мне, что вы меня любите, и я буду самый счастливый смертный!

— Можете ли вы в этом сомневаться?— отвечала она спокойно и вышла из комнаты, оставя его пораженным этим ответом и в недоумении, поняла ли она точный смысл его слов?

В тридцати верстах от Москвы находится село Березовая Роща. Еще издали виден большой каменный дом, выстроенный по-старинному и осененный высокими липами, главным украшением просторного сада, который расположен на покатом пригорке, в регулярном французском вкусе.

Никто, видя этот дом и не зная его истории, не мог бы подумать, что он принадлежит той самой бригадирше, которая рассказывает про походы Игнатия Савельича и нюхает русский табак с донником. Здание было вместе легко и величественно; можно было с первого взгляда угадать, что его строил архитектор итальянский, ибо оно во многом напоминало прекрасные виллы в Ломбардии или в окрестностях Рима. В России, к сожалению, мало таких домов; но они вообще отличаются своею красотою, как настоящие образцы хорошего вкуса прошедшего века, а дом Сугробовой можно бесспорно назвать первым в этом роде.

В один теплый июльский вечер окна казались освещенными ярче обыкновенного, и даже, что редко случалось, в третьем этаже видны были блуждающие огни, переходящие из одной комнаты в другую.

В это время на дороге показалась коляска, которая, поравнявшись с дачею, въехала через длинную аллею на господский двор и остановилась перед подъездом дома. К ней подбежал казачок в изорванном платье и помог выйти Руневскому.

Когда Руневский вошел в комнату, он увидел множество гостей, из которых иные играли в вист, а другие разговаривали между собою. К числу первых принадлежала сама хозяйка, и против нее сидел Семен Семенович Теляев. В одном углу комнаты накрыт был стол с огромным самоваром, и за ним заседала пожилая дама, та самая Клеопатра Платоновна, о которой Руневскому говорила Даша. Она казалась одних лет с бригадиршей, но бледное лицо ее выражало глубокую горестъ, как будто бы ее тяготила страшная тайна.

При входе Руневского бригадирша ласково его приветствовала.

— Спасибо тебе, мой батюшка,— сказала она,— что ты не забыл меня, старуху. А я уж начинала думать, что ты совсем не приедешь, садись-ка возле нас, да выпей-ка чайку, да расскажи нам, что у нас нового в городе?

Семен Семенович сделал Руневскому очень оригиналь-

ный поклон, коего характер невозможно выразить словами, и, вынув из кармана табакерку, сказал сладким голосом.

— Не прикажете ли? Настоящий русский, с донником. Я французского не употребляю; этот гораздо здоровее, да и к тому ж... в рассуждении насморка...

Громкий удар языком окончил эту фразу, и щелканье старого чиновника обратилось в неопределенное сосанье.

— Покорно благодарю,— отвечал Руневский,— я табаку не нюхаю.

Но бригадирша бросила недовольный взгляд на Теляева и, обратившись к соседке, сказала ей вполголоса:

— Что за неприятная привычка у Семена Семеновича вечно щелкать. Уж я бы на его месте вставила себе фальшивый зуб да говорила бы, как другие.

Руневский очень рассеянно слушал и бригадиршу и Семена Семеновича. Взоры его искали Дашу, и он увидел ее в кругу других девушек возле чайного стола. Она приняла его с обыкновенной своей приветливостью и со спокойствием, которое могло бы показаться равнодушием. Что касается до Руневского, ему было трудно скрыть свое смущение, и неловкость, с которой он отвечал на ее слова, можно было принять за замешательство. Вскоре, однако, он оправился, его представили некоторым дамам, и он стал с ними разговаривать как будто ни в чем не бывало.

Все в доме бригадирши ему казалось необычайным. Богатое убранство высоких комнат, освещенных сальными свечами, картины итальянской школы, покрытые пылью и паутиной, столы из флорентинского мозаика, на которых валялись недовязанные чулки, ореховая скорлупа и грязные карты,— все это, вместе с простонародными приемами гостей, с старосветскими разговорами хозяйки и со щелканьем Семена Семеновича, составляло самую странную смесь.

Когда приняли самовар, девушки захотели во что-нибудь играть и предложили Руневскому сесть за их стол.

— Давайте гадать,— сказала Даша.— Вот какая-то книга, каждая из нас должна по очереди ее раскрыть на удачу, а другая назвать любую строчку с правой или с левой стороны. Содержание будет для нас пророчеством. Например, я начинаю; господин Руневский, назовите строчку.

— Седьмая на левой стороне, считая снизу.
Даша прочитала:

— Пусть бабушка внучкину высосет кровь.

— Ах, боже мой!— вскричали девушки смеясь,— что это значит? Прочитайте это сначала, чтобы можно было понять!

Даша передала книгу Руневскому. Это был какой-то манускрипт, и он начал читать следующее:

Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удалцов
К соседу собирается в гости.
Хоть много цепей и замков у ворот,
Ворота хозяйка гостям отопрет.

«Что ж, Марфа, веди нас, где спит твой старик?
Зачем ты так побледнела?
Под замком кипит и клубится Дунай,
Ночь скроет кровавое дело.
Не бойся, из гроба мертвец не встанет,
Что будет, то будет,— веди нас вперед!»

Под замком бежит и клубится Дунай,
Бегут облака полосую;
Уж кончено дело, зарезан старик,
Амвросий пирует с толпою.
В кровавые воды глядится луна,
С Амвросьем пирует злодейка-жена.

Под замком бежит и клубится Дунай,
Над замком пламя пожара.
Амвросий своим удалцам говорит:
«Всех резать от мала до стара!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Сверкая, клубясь, отражает Дунай
Весь замок, пожаром объятый;
Амвросий своим удалцам говорит:
«Пора уж домой нам, ребята!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Над Марфой проклятие мужа гремит,
Он проклял ее, умирая:
«Чтоб сгнула ты и чтоб сгинул твой род,
Сто раз я тебя проклиная!
Пусть вечно иссякнет меж вами любовь,
Пусть бабушка внучкину высосет кровь!»

И род твой проклятье мое да гнетет,
И места ему да не станет
Дотоль, пока замуж портрет не пойдет.
Невеста из гроба не встанет,

И, череп разбивши, не ляжет в крови
Последняя жертва преступной любви!»

Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов
К соседу нахлынули в гости.
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты пустила веселых гостей!

Руневский замолчал, и ему опять пришли в голову слова того человека, которого он видел несколько времени тому на бале и который в свете слыл сумасшедшим. Пока он читал, Сугробина, сидя за карточным столом, со вниманием слушала и сказала ему, когда он кончил:

— Что ты, мой батюшка, там за страсти читаешь? Уж не вздумал ли ты пугать нас, отец мой?

— Бабушка,— отвечала Даша,— я сама не знаю, что это за книга. Сегодня в моей комнате передвигали большой шкаф, и она упала с самого верху.

Семен Семенович Теляев мигнул бригадирше и, повернувшись на стуле, сказал:

— Это должна быть какая-нибудь аллегория, что-нибудь такое метафорическое, гм!.. фантазия!..

— То-то, фантазия!— проворчала старуха.— В наше время фантазий не писали, да никто бы их и читать не захотел! Вот что вздумали!— продолжала она с недовольным видом.— Придет же в голову писать стихи про летучих мышей! Я их смерть боюсь, да и филинов тоже. Нечего сказать, не трус был и мой Игнатий Савельич, как под турку-то ходил, а мышей и крыс терпеть не мог; такая у него уж натура была; а все это с тех пор, как им в Молдавии крысы житья не давали. И провизию-то, мой батюшка, и амуницию — все поели. Бывало, заснешь, говорит, в палатке-то, ан крысы придут да за самую косу теребят. Тогда-то косы еще носили, мой батюшка, не то что теперь, взьероша волосы, ходят.

Даша шутила над предсказанием, а Руневский старался прогнать странные мысли, теснившиеся в его голове, и ему удалось себя уверить, что ответственность читанных им стихов с словами г. Рыбаренко не что иное, как случай. Они продолжали гадать, а старики между тем кончили вист и встали из-за столов.

К крайней досаде Руневского, ему ни разу не удалось поговорить с Дашей так, чтобы их не слышали другие. Его мучала неизвестность; он знал, что Даша на него смотрит

как на друга, но не был уверен в ее любви и не хотел просить руки ее, не получив на то позволения от нее самой.

В продолжение вечера Теляев несколько раз принимался щелкать, со значительным видом посматривая на Руневского.

Около одиннадцати часов гости начали расходиться. Руневский простился с хозяйкою, и Клеопатра Платонова, позвав одного лакея, коего пунцовый нос ясно обнаруживал пристрастие к крепким напиткам, приказала отвести гостя в приготовленную для него квартиру.

— В зеленых комнатах?— спросил питомец Бахуса.

— Разумеется, в зеленых!— отвечала Клеопатра Платонова.— Разве ты забыл, что в других нет места?

— Да, да,— проворчал лакей,— в других нет места. Однако с тех пор, как скончалась Прасковья Андреевна, в этих никто еще не жил!

Разговор этот напомнил Руневскому несколько сказок о старинных замках, обитаемых привидениями. В этих сказках обыкновенно путешественник, застигнутый ночью на дороге, останавливается у одинокой корчмы и требует ночлега; но хозяин ему объявляет, что корчма уже полна проезжими, но что в замке, коего башни торчат из-за густого леса, он найдет покойную квартиру, если только он человек нетрусливого десятка. Путешественник соглашается, и целую ночь привидения не дают ему заснуть.

Вообще, когда Руневский вступил в дом Сугробиной, странное чувство им овладело, как будто что-то необыкновенное должно с ним случиться в этом доме. Он приписал это влияние слов Рыбаренки и особенному расположению духа.

— Впрочем, мне все равно,— продолжал лакей,— в зеленых так в зеленых!

— Ну, ну, возьми свечку и не умничай!

Лакей взял свечку и повел Руневского во второй этаж.

Прошедши несколько ступенек, он оглянулся и, увидев, что Клеопатра Платонова ушла, стал громко сам с собой разговаривать:

— Не умничай! Да разве я умничаю? Какое мне дело до их комнат? Разве с меня мало передней? Гм, не умничай! Вот кабы я был генеральша, так я бы, разумеется, их не запираю, велел бы освятить, да и принимал бы в них гостей или сам жил. А то на что они? Какой от них прок?

— А что это за комнаты?— спросил Руневский.

— Что за комнаты? Позвольте, я вам сейчас растол-

кую. Блаженной памяти Прасковья Андреевна,— сказал он набожным голосом, остановясь среди лестницы и подымая глаза кверху,— дай, Господь, ей царство небесное...

— После, после расскажешь!— сказал Руневский,— прежде проводи меня.

Он вошел в просторную комнату с высоким камином, в котором уже успели разложить огонь. Предосторожность эта, казалось, была взята не столько против холода, как для того, чтобы очистить спертый воздух и дать старинному покою более живой вид. Руневского поразил женский портрет, висевший над диваном, близ небольшой затворенной двери. То была девушка лет семнадцати, в платье на фижмах с короткими рукавами, обшитыми кружевом, напудренная и с розовым букетом на груди. Если бы не старинное одеяние, он бы непременно принял этот портрет за Дашин. Тут были все ее черты, ее взгляд, ее выражение.

— Чей это портрет?— спросил он лакея.

— Это она-то и есть, покойница Прасковья Андреевна. Господа говорят, что они похожи на Дарью Васильевну-с; но, признательно сказать, я тут сходства большого не вижу: у этой волосы напудренные-с, а у Дарьи Васильевны они темно-русого цвета. К тому же Дарья Васильевна так не одеваются, это старинный манер!

Руневский не счел за нужное опровергать логические рассуждения своего чичероне, но ему очень хотелось знать, кто была Прасковья Андреевна, и он спросил об ней у лакея.

— Прасковья Андреевна,— отвечал тот,— была сестрица бабушки теперешней генеральши-с. Они, извольте видеть, были еще невесты какого-то... как бишь его!.. ну, провал его возьми!.. Приехал он из чужих краев, скряга был такой престрашный!.. Я-то его не помню, а так понаслышке знаю, Бог с ним! Он-то, извольте видеть, и дом этот выстроил, а наши господа уже после всю дачу купили. Вот для него да для Прасковьи Андреевны приготовили эти покои, что мы называем зелеными, отделали их получше, обили полы коврами, а стены обвешали картинами и зеркалами. Вот уже все было готово, как за день перед свадьбою жених вдруг пропал. Прасковья Андреевна тужила, тужила, да с горя и скончались. А матушка, вишь, их, это выходит бабушка нашей генеральши, купили дом у наследников, да и оставили комнаты, приготовленные для их дочери, точь-в-точь как они были при их жизни. Прочие покои несколько раз переделывали да обновляли, а до этих никто не смел и дотронуться. Вот и наша генеральша их до сих пор запира-

ли, да, вишь, много наехало гостей, так негде было бы вашей милости почевать.

— Но ты, кажется, говорил, что на месте генеральши велел бы освятить эти комнаты?

— Да оно бы, сударь, и не мешало; куда лет шестьдесят никто крещеный не входил, там мудрено ли другим хозяевам поселиться?

Руневский попросил красноного лакея, чтобы он теперь его оставил; но тот, казалось, был не очень расположен исполнить эту просьбу. Ему все хотелось рассказывать и рассуждать.

— Вот тут,— говорил он, указывая на затворенную дверь возле дивана,— есть еще целый ряд покоев, в которых никто никогда не жил. Если б их отделать по-нынешнему да вынести из них старую мебель, так они были бы еще лучше тех, где живет барыня. Ну, да что прикажете, сами господа не догадуются, а у нашего брата совета не спросят!

Чтобы от него скорее избавиться, Руневский всунул ему в руку целковый и сказал, что ему теперь хочется спать и что он желает остаться один.

— Чувствительнейше благодарим,— отвечал лакей,— желаю вашей милости спокойной ночи. Ежели вам что-нибудь, сударь, понадобится, извольте только позвонить, и я сейчас явлюсь к вашей милости. Ваш камердинер не то, что здешний человек, им дом неизвестен, а мы, слава Богу, впотьмах не споткнемся.

Он удалился, и Руневский еще слышал, как он, уходя с его человеком, толковал ему, сколь бы выгодно было, если бы бригадирша не запирала зеленых комнат.

Оставшись один, он заметил углубление в стене и в нем богатую кровать с штофными занавесами и высоким балдахинном; но либо из почтения к памяти той, для кого она была назначена, либо оттого, что ее считали беспокойною, ему приготовили постель на диване, возле маленькой затворенной двери.

Собираясь лечь, Руневский бросил еще взгляд на портрет, столь живо напоминавший ему черты, врезанные в его сердце.

«Вот,— подумал он,— картина, которая по всем законам фантастического мира должна ночью оживиться и повести меня в какое-нибудь подземелье, чтобы показать мне неотпетые свои кости!» Но сходство с Дашей дало другое направление его мыслям. Потушив свечку, он старался заснуть, но никак не мог. Мысль о Даше не давала ему покою;

он долго ворочался с боку на бок и наконец погрузился в какой-то полусон, где, как в тумане, вертелись перед ним старая бригадирша, г. Рыбаренко, рыцарь Амвросий и Семен Семенович Теляев.

Тяжелый стон, вырвавшийся как будто из стесненной сильным отчаяньем груди, его внезапно пробудил. Он открыл глаза и при свете огня, еще не погасшего в камине, увидел подле себя Дашу. Вид ее очень его удивил, но его еще более поразило ее одеяние. На ней было совершенно такое платье, как на портрете Прасковьи Андреевны; розовый букет был приколот к ее груди, и в руке она держала старинное опахало.

— Вы ли это?— вскричал Руневский,— об эту пору, в этом наряде!

— Мой друг,— отвечала она,— если я вам мешаю, я уйду прочь.

— Оставайтесь, останьтесь!— возразил он.— Скажите, что вас сюда привело и чем я могу вам служить?

Она опять застонала, и стон этот был так странен и выразителен, что он пронзил ему сердце.

— Ах,— сказала она,— мне немного времени остается с вами говорить; я скоро должна возвратиться туда, откуда пришла; а там так жарко!

Она опустилась на кресло подле дивана, где лежал Руневский, и стала обмахивать себя опахалом.

— Где жарко? откуда вы пришли?— спросил Руневский.

— Не спрашивайте меня,— отвечала она, вздрогнув при его вопросе,— не говорите со мной об этом! Я так рада, что вас вижу,— прибавила она с улыбкой.— Вы долго здесь пробудете?

— Как можно дольше!

— И всегда будете здесь ночевать?

— Я думаю. Но зачем вы меня об этом спрашиваете?

— Для того чтобы мне можно было говорить с вами наедине. Я всякую ночь сюда прихожу, но в первый раз вас здесь вижу.

— Это не мудрено, я только сегодня приехал.

— Руневский,— сказала она, помолчав,— окажите мне услугу. В углу, возле дивана, на этажерке есть коробочка; в ней вы найдете золотое кольцо; возьмите его и завтра обручитесь с моим портретом.

— Боже мой!— воскликнул Руневский,— чего вы от меня требуете!

Она в третий раз застонала еще жалобнее, нежели прежде.

— Ради Бога,— закричал он, не в силах удержаться от внутреннего содрогания,— ради Бога, не шутите надо мной! Скажите мне, что вас сюда привело? Зачем вы так нарядились? Сделайте милость, поверьте мне свою тайну!

Он схватил ее руку, но сжал только холодные костяные пальцы и почувствовал, что держит руку скелета.

— Даша, Даша! — закричал он в исступлении,— что это значит?

— Я не Даша,— отвечало насмешливым голосом привидение,— отчего вы приняли меня за Дашу?

Руневский чуть не упал в обморок; но в эту минуту слышался сильный стук в дверь, и знакомый его лакей вошел со свечою в руках.

— Чего изволите, сударь? — спросил он.

— Я тебя не звал.

— Да вы изволили позвонить. Вот и снурок еще болтается!

Руневский в самом деле увидел снурок от колокольчика, которого прежде не заметил, и в то же время понял причину своего испуга. То, что он принял за Дашу, был портрет Прасковьи Андреевны; а когда он хотел взять ее за руку, он схватил жесткую кисть снурка, и ему показалось, что он держит костяные пальцы скелета.

Но он с нею разговаривал, она ему отвечала; он принужден был внутренне сознаться, что истолкование его не совсем естественно, и решил, что все виденное им — один из тех снов, которым на русском языке нет, кажется, приличного слова, но которые французы называют *cauchemar*. Сны эти обыкновенно продолжаются и после пробуждения и часто, но не всегда, бывают сопряжены с давлением в груди. Отличительная их черта — ясность и совершенное сходство с действительностию.

Руневский отослал лакея и готовился уснуть, как вдруг лакей опять явился в дверях. Пионы на его носу уступили место смертельной бледности; он дрожал всем телом.

— Что с тобой случилось? — спросил Руневский.

— Воля ваша,— отвечал он,— я не могу ночевать в этом этаже и ни за что не войду опять в свою комнату!

— Да говори же, что в твоей комнате?

— Что в моей комнате? А то, что в ней сидит портрет Прасковьи Андреевны!

— Что ты говоришь! Это тебе показалось, оттого что ты пьян!

— Нет, нет, сударь, помилуйте! Я только что хотел войти, как увидел, что она там, сердечная; прости меня, Боже! Она сидела ко мне спиной, и я бы умер со страха, если б она оглянулась, да, к счастью, я успел тихонько уйти, и она меня не заметила.

В эту минуту вошел слуга Руневского.

— Александр Андреевич,— сказал он дрожащим голосом,— здесь что-то не хорошо!

На вопрос Руневского он продолжал:

— Мы было поговорили с Яковом Антипычем, да и легли спать, как Яков Антипыч мне говорит: ваш барин звонит! Я, признаться, засыпал, да к тому ж Яков Антипыч не совсем были в пропорции, так я и думаю себе, что им так показалось; перевернулся на другой бок, да и захрапел. Чуть только захрапел, слышу — кто-то шарк, шарк, да как будто каблучками постукивает. Я открыл глаза, да уж не знаю, увидел ли что или нет, а так холодом и обдало; вскочил и пустился бежать по коридору; теперь уж как прикажете, а позвольте мне ночевать где-нибудь в другом месте.

Руневский решился исследовать эту загадку. Надев халат, он взял в руку свечу и отправился туда, где, по словам Якова, была Прасковья Андреевна. Яков и слуга Руневского следовали за ним и дрожали от страха. Дошедши до полуотворенной двери, Руневский остановился. Всех его сил едва достало, чтобы выдержать зрелище, представившееся его глазам.

То самое привидение, которое он видел у себя в комнате, сидело тут на старинных креслах и казалось погружено в размышления. Черты лица его были бледны и прекрасны, ибо то были черты Даши, но оно подняло руку — и рука ее была костяная! Привидение долго на нее смотрело, горестно покачало головой и застонало.

Стон этот проник в самую глубину души Руневского.

Он, сам себя не помня, отворил дверь и увидел, что в комнате никого нет. То, что казалось ему привидением, было не что иное, как пестрая ливрея, повешенная через спинку кресел и которую издали можно было принять за сидящую женщину. Руневский не понимал, как он до такой степени мог обмануться. Но спутники его все еще не решались войти в комнату.

— Позвольте мне ночевать поближе к вам,— сказал лакей,— оно все-таки лучше; да и к тому ж, если вы меня потребуете, я буду у вас под рукой. Извольте только крикнуть: Яков!

— Позвольте уж и мне остаться с Яковом Антипычем, а то неравно...

Руневский воротился в свою спальню, а слуга его и лакей расположились за дверьми в коридоре. Остаток ночи Руневский провел спокойно; но, когда проснулся, он не мог забыть своего приключения.

Сколько он ни заговаривал об зеленых комнатах, но всегда бригадирша или Клеопатра Платоновна находили средство своротить разговор на другой предмет. Все, что он мог узнать, было то же, что ему рассказывал Яков: тетушка Сугробиной, будучи еще очень молода, должна была выйти за богатого иностранца, но за день перед свадьбою жених исчез, а бедная невеста занемогла от горести и вскоре умерла. Многие даже в то время уверяли, что она отравила себя ядом. Комнаты, назначенные для нее, остались в том же виде, как были первоначально, и никто до приезда Руневекого не смел в них входить. Когда он удивлялся сходству старинного портрета с Дашей, Сугробина ему говорила:

— И не мудрено, мой батюшка; ведь Прасковья-то Андреевна мне родная тетка, а я родная бабушка Даши. Так что ж тут необыкновенного, если они одна на другую похожи? А что с Прасковьей-то с Андреевной несчастье случилось, так и этому нечего удивляться. Вышла бы за нашего, за русского, так и теперь бы еще жива была, а то полюбился ей бродяга какой-то! Нечего сказать, и в наше время иногда затмение на людей находило; только не прогневайся, мой батюшка, а все-таки умнее люди были теперешних!

Семен Семенович Теляев ничего не говорил, а только потчевал Руневекого табаком и щелкал и сосал попеременно.

В этот день Руневский нашел случай объясниться с Дашей и открыл свое сердце старой бригадирше. Она сначала очень удивилась, но нельзя было заметить, чтобы его предложение ей было неприятно. Напротив того, она поцеловала его в лоб и сказала ему, что с ее стороны она не желает для своей внучки жениха лучше Руневекого.

— А что касается до Даши, — прибавила она, — то я давно заметила, что ты ей понравился. Да, мой батюшка, даром что старуха, а довольно знаю вашу братью молодежь! Впрочем, в наше время дочерей-то не спрашивали; кого выберет отец или мать, за того они и выходили, а, право, женитьбы-то счастливее были! Да и воспитание было другое, не хуже вашего. И в наше время, отец мой, науками-то

не брезгали, да фанаберии-то глупой девкам в голову не вбивали; оттого и выходили они поскромнее ваших попрыгуний-то. Вот и я, мой батюшка, даром что сама по-французски не говорю, а взяла же гувернантку для Дашиной матери, и учителя-то к ней ходили, и танцмейстер был. Все-му научилась, нечего сказать, а все-таки скромной и послушной девушкой осталась. Да и сама-то я за Игнатя Савельича по воле отцовской вышла, а уж полюбила-то его как! Не наплачусь, бывало, как в поход ему идти придется, да нечего делать, сам, бывало, рассердится, как плакать-то начну. Что ты, говорит, Марфа Сергеевна, расхныкалась-то? На то я и бригадир, чтоб верой и правдой матушке-государыне служить! Не за печкой же сидеть мне, пока его сиятельство граф Петр Александрович будет с турками воевать! Ворочусь — хорошо! Не ворочусь — так уж, по крайней мере, долг свой исполню по-солдатски! А мундир-то какой красивый на нем был! Весь светло-зеленый, шитый золотом, воротник алый, сапоги как зеркало!.. Да что я, старуха, заболталась про старину-то! Не до того тебе, мой батюшка, не до того; поезжай-ка в Москву да попроси Дашиной руки у тетки ее, у Зориной, Федосьи Акимовны; от нее Даша зависит, она опекунша. А когда Зорина-то согласится, тогда уж приезжай сюда женихом да поживи с нами. Надобно ж тебе покороче познакомиться с твоей будущей бабшкой!

Старуха еще много говорила, но Руневский уж ее не слушал. Он бросился в коляску и поскакал в Москву.

* * *

Уже было поздно, когда Руневский приехал домой, и он почел за нужное отложить до другого утра свой визит к Дашиной тетушке. Между тем сон его убегал, и он, пользуясь лунной ночью, пошел ходить по городу без всякой цели, единственно чтоб успокоить волнение своего сердца.

Улицы были уже почти пусты, лишь изредка раздавались на тротуарах поспешные шаги или сонно стучали о мостовую дрожки извозчиков. Вскоре и эти звуки утихли, и Руневский остался посреди огромного города и самой глубокой тишины. Прошел всю Моховую, он повернул в Кремлевский сад и хотел идти еще далее, как на одной скамье увидел человека, погруженного в размышления. Когда он поравнялся со скамьею, незнакомец поднял голову, месяц осветил его лицо, и Руневский узнал г. Рыбаренко.

В другое время встреча с сумасшедшим не могла бы ему быть приятна, но в этот вечер, как будто нарочно, он все думал о Рыбаренке. Напрасно он сам себе повторял, что все слова этого человека не что иное, как бред расстроенного рассудка; что-то ему говорило, что Рыбаренко не совсем сумасшедший, что он, может быть, не без причины облекает здравый смысл своих речей в странные формы, которые для непосвященного должны казаться дикими и несвязными, но коими он, Руневский, не должен пренебрегать. Его даже мучила совесть за то, что он оставил Дашу одну в таком месте, где ей угрожала опасность.

Увидев его, Рыбаренко встал и протянул к нему руку.

— У нас, видно, одни вкусы,— сказал он улыбаясь.— Тем лучше! Сядем вместе и поболтаем о чем-нибудь.

Руневский молча опустил на скамью, и несколько времени оба сидели, не говоря ни слова.

Наконец Рыбаренко прервал молчание.

— Признайтесь,— сказал он,— что, когда мы познакомились на бале, вы приняли меня за сумасшедшего?

— Не могу скрыть от вас,— отвечал Руневский,— что вы мне показались очень странным. Ваши слова, ваши замечания...

— Да, да, я думаю, что я вам показался странным. Меня рассердили проклятые Упыри. Да, впрочем, и было за что сердиться, я никогда не видывал такого бесстыдства. Что, вы после никого из них не встречали?

— Я был на даче бригадирши Сугробиной и видел там тех, кого вы называли Упырями.

— На даче у Сугробиной?— повторил Рыбаренко.— Скажите, поехала ли к ней ее внучка?

— Она теперь у нее, я видел ее недавно.

— Как, и она еще жива?

— Конечно, жива. Не прогневайтесь, почтенный друг, но мне кажется, что вы сильно наклепали на бедную бригадиршу. Она предобрая старушка и любит свою внучку от чистого сердца.

Рыбаренко, казалось, не слышал последних слов Руневского. Он приставил палец к губам с видом человека, ошибшегося в своем расчете.

— Странно,— сказал он наконец,— Упыри обыкновенно так долго не мешкают. А Теляев там?

— Там.

— Это меня еще более удивляет. Теляев принадлежит к самой лютой породе Упырей, и он еще гораздо крово-

жаднее Сугробиной. Но это так недолго продолжится, и, если вы принимаете участие в бедной девушке, я вам советую принять свои меры как можно скорей.

— Воля ваша,— отвечал Руневский,— я никак не могу думать, чтоб вы говорили серьезно. Ни старая бригадирша, ни Теляев мне не кажутся Упырями.

— Как,— возразил Рыбаренко,— вы в них ничего не заметили необыкновенного? Вы не слыхали, как Семен Семенович щелкает?

— Слышал, но, по мне, это еще не есть достаточная причина, чтоб обвинять человека, почтенного летами, служащего уж более сорока пяти лет беспорочно и пользующегося общим уважением.

— О, как вы мало знаете Теляева! Но положим, что он щелкает без всякого намерения, неужели вас ничто не поразило во всем быту бригадирши? Неужели, проведши ночь у нее в доме, вы не почувствовали ни одного содрогания, ни одного из тех минутных недугов, которые напоминают нам, что мы находимся вблизи существ нам антипатических и принадлежащих другому миру?

— Что касается до такого рода ощущений, то я не могу сказать, чтобы их не имел, но я все приписал своему воображению и думаю, что почувствовал их у Сугробиной, как мог бы почувствовать и во всяком другом месте. К тому ж характер и приемы бригадирши, столь противоположные с архитектурой и убранством ее дома, без сомнения, много содействуют к особенному расположению духа тех, которые ее посещают.

Рыбаренко улыбнулся.

— Вы заметили архитектуру ее дома?— сказал он.— Прекрасный фасад! Совершенно в итальянском вкусе! Только будьте уверены, что не одно устройство дома на вас подействовало. Послушайте,— продолжал он, схватив руку Руневского,— будьте откровенны, скажите мне как другу, не случилось ли с вами чего-нибудь особенного на даче у старой Сугробиной?

Руневский вспомнил о зеленых комнатах, и так как Рыбаренко внушал ему невольную доверенность, то он не почел за нужное что-либо от него скрывать и все ему рассказал так точно, как оно было. Рыбаренко слушал его со вниманием и сказал ему, когда он кончил:

— Напрасно вы приписываете воображению то, что действительно с вами случилось. История покойной Градской Анны мне известна. Если хотите, я вам когда-

нибудь ее расскажу, впрочем, самые любопытные подробности могла бы вам сообщить Клеопатра Платоновна, если б она только захотела. Но, ради Бога, не говорите легкомысленно о вашем приключении; оно имеет довольно сходства и более связи, нежели вы теперь можете подозревать, с одним обстоятельством моей жизни, которое я должен вам сообщить, чтобы вас предостеречь.

Рыбаренко несколько времени помолчал, как бы желая собраться с мыслями, и, прислонившись к липе, возле которой стояла скамья, начал следующим образом.

* * *

— Три года тому назад предпринял я путешествие в Италию для восстановления расстроенного здоровья, в особенности чтобы лечиться виноградным соком.

Прибыв в город Комо, на известном озере, куда обыкновенно посылают больных для этого рода лечения, услышал я, что на площади piazza Volta есть дом, уже около ста лет никем не обитаемый и известный под названием *чертова дома* (la casa del diavolo). Почти всякий день, идучи из предместья bordo Vico, где была моя квартира, в albergo * del Angelo, чтобы навещать одного приятеля, я проходил мимо этого дома, но, не зная об нем ничего особенного, никогда не обращал на него внимания. Теперь, услышав странное его название и несколько любопытных о нем преданий, вовсе одно на другое не похожих, я нарочно пошел на piazza Volta и с особенным примечанием начал его осматривать. Наружность не обещала ничего необыкновенного: окна нижнего этажа с толстыми железными решетками, ставни везде затворены, стены обклеены объявлениями о молитвах по умершим, а ворота заперты и ужасно запачканы.

В стороне была лавка цирюльника, и мне пришло в голову туда зайти, чтобы спросить, нельзя ли осмотреть внутренность *чертова дома*?

Входя, увидел я аббата, развалившегося в креслах и обвязанного грязным полотенцем. Толстый цирюльник, засучив рукава, тщательно и проворно мылил ему бороду и даже, в жару действия, нередко мазал его по носу и по ушам, что, однако, аббат сносил с большим терпением.

На вопрос мой цирюльник отвечал, что дом всегда за-

* Постоялый двор, гостиница (итал.)

перт и что едва ли хозяин дозволит для кого-либо отпереть его. Не знаю почему, цирюльник принял меня за англичанина и, делая руками пояснительные знаки, рассказал очень красноречиво, что уже несколько из моих соотечественников старались получить позволение войти в этот дом, но что попытки их оставались тщетными, ибо дон Пьетро д'Урджина им всегда отвечал наотрез, что дом его не трактир и не картинная галерея.

Пока цирюльник говорил, аббат слушал его со вниманием, и я не раз заметил, как под толстым слоем мыльной пены странная улыбка показывалась на его губах.

Когда цирюльник, окончив свою работу, обтер ему бороду полотенцем, он встал, и мы вместе вышли из лавки.

— Могу вас уверить, синьор,— сказал он, обращаясь ко мне,— что вы напрасно так беспокоитесь и что *чертов дом* нисколько не заслуживает вашего внимания. Это совершенно пустое строение, и все, что вы могли о нем слышать, не что иное как выдумка самого дон Пьетро.

— Помилуйте,— возразил я,— зачем бы хозяину клепать на свой дом, когда он, при таком стечении иностранцев, мог бы отдавать его внаймы и получать большой доход?

— На это есть более причин, чем вы думаете,— отвечал аббат.

— Как,— спросил я с удивлением, вспомнив известный анекдот про Тюренна,— неужели он делает фальшивую монету?

— Нет,— возразил аббат,— дон Пьетро — большой чудак, но честный человек. Говорят про него, что он торгует запрещенными товарами и что даже он в сношениях с известным контрабандистом Титта Каннелли; но я этому не верю.

— Кто такой Титта Каннелли?— спросил я.

— Титта Каннелли был лодочником на нашем озере, но раз на рынке он поспорил с товарищем и убил его на месте. Совершив преступление, он убежал в горы и сделался начальником контрабандистов. Говорят, будто ввозимые им из Швейцарии товары он складывает в одной вилле, принадлежащей дон Пьетро; еще говорят, что, кроме товаров, он в той же вилле сохраняет большие суммы денег, приобретенные им вовсе не торговлею; но, повторяю вам, я не верю этим слухам.

— Скажите же, ради Бога, что за человек ваш дон Пьетро и что значит вся эта история про *чертов дом*?

— Это значит, что дон Пьетро, чтобы скрыть одно со-

бытие, случившееся в его семействе, и отвлечь внимание от настоящего места, где случилось это событие, распустил о городском доме своем множество слухов, один нелепее другого. Народ с жадностью бросился на эти рассказы, возбуждающие его любопытство...

Надобно вам знать, что хозяину *чертова дома* с лишком восемьдесят лет. Отец его, который также назывался дон Пьетро д'Урджина, не пользовался уважением своих сограждан. В неурожайные годы, когда половина жителей умирала с голоду, он, имея огромные запасы хлеба, продавал его по необыкновенно высокой цене, несмотря на несметные свои богатства. В один из таких годов, не знаю для чего, предпринял он путешествие в ваше отечество. Я давно заметил,— продолжал аббат,— что вы не англичанин, а русский, несмотря на то, что синьор Финарди, мой цирюльник, уверен в противном. Итак, в один из самых несчастных годов старый дон Пьетро отправился в Россию, поручив все дела своему сыну, теперешнему дон Пьетро.

Между тем настала весна, новые урожаи обещали обильную жатву, и цена на хлеб значительно спала. Пришла осень, жатва кончилась, и хлеб стал нипочем. Сын дон Пьетро, которому отец, уезжая, оставил строгие наставления, сначала так дорожился, что не много сбывал своего товара; потом ему не стали уже давать цены, назначенной его отцом, и, наконец, перестали к нему приходить вовсе. В нашем краю, слава Богу, неурожай очень редки, и потому весь барыш, на который надеялся старый Урджина, обратился в ничто. Сын его несколько раз к нему писал, но перемена в цене произошла так быстро, что он не успел получить от отца разрешения ее убавить.

Многие уверяют, что покойный дон Пьетро был скуп до невероятности, но я скорее думаю, что он был большой злодей и притом такой же чудак, как и его сын. Письма сего последнего заставили его поспешно покинуть Россию и воротиться в Комо. Если бы дон Пьетро был так скуп, как говорят, то он бы или продал свой хлеб по существующей цене, или оставил его в магазинах; но он распустил в городе слух, что раздаст его бедным, а вместо того приказал весь запас вывалить в озеро. Когда же в назначенный день бедный народ собрался перед его домом, то он высунувшись из окошка, закричал толпе, что хлеб ее на дне озера и что кто умеет нырять, может там достать его. Такой поступок еще более унижил его в глазах жителей Комо, и они дали ему прозвание злого, il cattivo.

В городе давно уже ходил слух, что он продал душу черту и что черт вручил ему каменную доску с кабалистическими знаками, которая до тех пор должна доставлять ему все наслаждения земные, пока не разобьется. С уничтожением ее магической силы черт, по договору, получит право взять душу дон Пьетро.

Тогда дон Пьетро жил в загородном доме, недалеко от villa d'Este. В одно утро приор монастыря св. Себастиана, стоя у окошка и смотря на дорогу, увидел человека на черной лошади, который остановился у окна и ему сказал: «Знай, что я черт и еду за Пьетро д'Урджина, чтобы отвести его в ад. Расскажи это всей братии!» Через несколько времени приор увидел того же человека, возвращающегося с дон Пьетро, лежащим поперек седла. Он скакал во весь опор, покрыв жертву свою черным плащом. Сильный ветер раздувал этот плащ, и приор мог заметить, что старик был в халате и в ночном колпаке: черт, посетивший его неожиданно, застал его в постели и не дал ему времени одеться.

Вот что говорит предание. Дело в том, что дон Пьетро, вскоре по возвращении своем из России, пропал без вести. Сын его, чтоб прекратить неприятные толки, объявил, что он скоропостижно умер, и велел для формы похоронить пустой гроб. После погребения, пришедши в спальню отца, он увидел на стене картину *al fresco* *, которой никогда прежде не знал. То была женщина, играющая на гитаре. Несмотря на красоту лица, в глазах ее было что-то столь неприятное и даже страшное, что он немедленно приказал ее закрасить. Через несколько времени увидел ту же фигуру на другом месте; ее опять покрасили; но не прошло двух дней, как она еще явилась там же, где была в первый раз. Молодой Урджина так был этим поражен, что навсегда покинул свою виллу, приказав сперва заколотить двери и окна. С тех пор лодочники, проезжавшие мимо нее ночью, несколько раз слышали в ней звук гитары и два поющих голоса, один старого дон Пьетро, другой неизвестно чей; но последний был так ужасен, что лодочники недолго останавливались под окнами.

— Вы видите, синьор, — продолжал аббат, — что хотя и есть нечто необыкновенное в истории дон Пьетро, но оно все относится к загородному дому, на берегу озера, недалеко от villa d'Este, по ту сторону Capriccio, а не к тому строению, которое вам так хотелось видеть.

* Фреска (итал.).

— Скажите мне,— спросил я,— что, слышны ли еще в вилле дон Пьетро голоса и звук гитары?

— Не знаю,— отвечал аббат.— Но если это вас интересует,— прибавил он с улыбкой,— то кто вам мешает, когда сделается темно, пойти под окна виллы или, что еще лучше, провести в ней ночь?

Этого-то мне и хотелось.

— Но как туда войти?— спросил я.— Ведь вы говорите, что сын дон Пьетро велел заколотить двери и окна?

Аббат призадумался.

— Правда,— сказал он наконец.— Но если я не ошибаюсь, то можно, влезши на утес, к которому прислонен дом, спуститься в незаколоченное слуховое окно.

Разговаривая таким образом, мы, сами того не замечая, прошли весь *bordo Viso* и очутились на шоссе, ведущем вдоль озера к *villa d'Este*. Аббат остановился перед одним *palazze* *, которого фасад казался выстроен по рисункам славного Палладия. Величественная красота здания меня поразила, и я не мог понять, как, живучи столько времени в Комо, я ничего не слышал о таком прекрасном дворце.

— Вот вилла дон Пьетро,— сказал аббат,— вот утес, а вот то окно, в которое вы можете влезть, если вам угодно.

В голосе аббата было что-то насмешливое, и мне показалось, что он сомневается в моей смелости. Но я твердо решил, что бы то ни стало проникнуть в тайну, сильно возбуждавшую мое любопытство.

В этот день мне не сиделось дома. Я рыскал по городу без цели, заходил в готический собор и без удовольствия смотрел на прекрасные картины *Bernandino Luini*. Я спотыкался на корзины с фигами и виноградом и раз даже опрокинул целый лоток горячих каштанов. Надобно вам знать, что в Комо каштаны жарят на улицах; обычай этот существует и в других итальянских городах, но нигде я не видел столько жаровен и сковород, как здесь. Добрые ломбардцы на меня не сердились, но только смеялись от всего сердца и даже провожали благодарениями, когда за причиненный им убыток я им бросал несколько *цванцигеров*.

Вечером было собрание в *villa Sallazar*. Большая часть общества состояла из наших соотечественников, прочие почти все были австрийские офицеры или итальянцы, приехавшие из Милана посетить прелестные окрестности Комо.

Когда я рассказал свое намерение провести следующую

* Дворец (*итал*)

ночь в villa Urgina, надо мной сначала начали смеяться, потом мысль моя показалась оригинальной, а напоследок вызвалось множество охотников разделить со мной опасности моего предприятия. Замечательно, что не только я, но и никто из жителей Милана не знал о существовании этой виллы.

— Позвольте, господа, — сказал я, — если мы все пойдем туда ночевать, то экспедиция наша потеряет всю свою прелесть, и я уверен, что черт не захочет петь в присутствии такого общества знатоков; но я согласен взять с собой двух товарищей, которых назначит судьба.

Предложение было принято, и жребий пал на двух моих приятелей, из коих один был русский и назывался Владимиром, другой италиянец, по имени Антонио. Владимир был мой искренний друг и товарищ моего детства. Он, так же как и я, приехал в Комо лечиться виноградом и вместе со мной должен был, по окончании лечения, ехать во Флоренцию и провести там зиму. Антонио был наш общий приятель, и хотя мы познакомились с ним только в Комо, но образ наших мыслей и вообще нравы наши так были сходны, что мы невольно сблизились. Мы поклялись вечно любить друг друга и не забывать до самой смерти. Антонио уже исполнил свою клятву.

Но я напрасно предаюсь печальным воспоминаниям и преждевременно намекаю на трагический оборот, который приняла наша необдуманная шалость.

Любезный друг! Вы молоды и имеете пылкий характер. Послушайте человека, узнавшего на опыте, что значит пренебрегать вещами, коих мы не в состоянии понять и которые, слава Богу, отделены от нас темной, непроницаемой завесой. Горе тому, кто покусится ее поднять! Ужас, отчаянье, сумасшествие будут наградою его любопытства. Да, любезный друг, я тоже молод, но волосы мои седые, глаза мои впали, я в цвете лет сделался стариком — я приподнял край покрывала, я заглянул в таинственный мир. Я так же, как и вы, тогда не верил ничему, что люди условились называть сверхъестественным; но, несмотря на то, нередко в груди моей раздавались странные отголоски, противоречившие моему убеждению. Я любил к ним прислушиваться, потому что мне нравилась противоположность мира, тогда передо мною открывшегося, с холодной прозою мира настоящего; но я смотрел на картины, которые развивались передо мною, как зритель смотрит на интересную драму. Живая игра актеров его увлекает, но между тем он

знает, что кулисы бумажные и что герой, покинув сцену, снимет шлем и наденет колпак. Поэтому, когда я затеял ночевать в villa Vrgina, я не ожидал никаких приключений, но только хотел возбудить в себе то чувство чудесного, которого искал так жадно. О, сколь жестоко я обманулся! Но если мое несчастье послужит уроком для других, то это мне будет утешением и пребывание мое в доме дон Пьетро принесет хотя какую-нибудь пользу.

На другой день, едва лишь смерклось, Владимир, Антонио и я уже шли на ночлег в таинственный pallazzo. Малайшие обстоятельства этого вечера врезались в моей памяти, и хотя с тех пор прошло три года, но я так живо помню все подробности нашего разговора и наших неосторожных шуток, в которых мы так скоро раскаялись, что мне кажется, будто все это происходило не далее как вчера.

Проходя мимо villa Remondì, Антонио остановился. В правом флигеле слышно было несколько женских голосов, поющих какую-то веселую песнь. Мелодия ее до сих пор раздается в моих ушах!

— Подождем,— сказал Антонио,— теперь еще рано, мы успеем вовремя туда прийти.

Сказав это, он хотел подойти к окну, чтобы лучше слышать, но, нагнувшись вперед, споткнулся на камень и упал на землю, разбив окно головой. На шум его падения выбежала молодая девушка со свечою. То была дочь сторожа villa Remondì. Лицо Антонио было покрыто кровью. Девушка казалась очень испуганною; она бегала, суетилась, принесла рукомойник с водою и, восклицая беспрестанно: «O dio! poverino! maladetta strada!»*— омыла ему лицо.

— Это дурной знак! — сказал улыбаясь Антонио, как скоро оправился от своего падения.

— Да,— отвечал я,— не лучше ли нам воротиться и отложить до другого раза нашу шалость.

— О нет, нет! — возразил он,— это совершенно ничего, и я не хочу, чтобы вы после смеялись надо мной и думали, что мы, жители Юга, нежнее вас, русских!

Мы пошли далее. Минут через десять нас догнала та самая девушка, которая из villa Remondì вышла на помощь к Антонио. Она и теперь к нему обратилась и долго с ним говорила вполголоса. Я заметил, что она с трудом удерживалась от слез.

— Что она тебе сказала? — спросил его Владимир, когда девушка удалилась.

* О Боже! бедняжка! проклятая дорога! (итал.)

— Бедная Пепина,— отвечал Антонио,— просит меня, чтобы я через отца моего выхлопотал прощение ее брату. Она говорит, что уже несколько раз ко мне приходила, но никогда меня не заставляла дома.

— А кто ее брат? — спросил я.

— Какой-то контрабандист, по имени Титта.

— А как фамилия этой девушки?

— Каннелли. Но что тебе до этого?

— Титта Каннелли! — воскликнул я и вспомнил аббата и рассказ его про старого Урджина. Воспоминание это очень неприятно на меня действовало. Все, что я тогда считал выдумками, бреднями или плутовством каких-нибудь мошенников, теперь в воображении моем приняло характер страшной истины, и я бы непременно воротился, если б мне не было стыдно. Я сказал своим товарищам, что уже прежде слышал о Титта Каннелли, и мы продолжали идти. Вскоре в стороне показался свет лампы. Она освещала одну из тех часовен, которых так много в северной Италии и которые служат хранилищем человеческих костей. Я всегда имел отвращение от этого рода часовен, где в симметрическом порядке и как будто в насмешку расставлены и развешаны узорами печальные останки умерших. Но в этот вечер я почувствовал невольный страх, когда мимоходом заглянул за железную решетку. Я ничего, однако, не сказал, и мы молча дошли до виллы Urgina.

Нам было очень легко взлезть на утес и оттуда посредством веревки спуститься в слуховое окно. Там мы зажгли одну из припасенных с собою свеч и, нашедши проход из-под крыши в верхний этаж, очутились в просторной зале, убранной по-старинному. Несколько картин, представлявших мифологические предметы, развешаны были на стенах, мебель обтянута шелковой тканью, а пол составлен из разноцветного мрамора. Мы прошли пять или шесть подобных покоев: в одном из них увидели маленькую лестницу и спустились по ней в большую комнату с старинной кроватью под золоченым балдахином. На столе, возле кровати, была гитара, на полу лежали дребезги от каменной доски. Я поднял один из обломков и увидел на нем странные, непонятные знаки.

— Это должна быть спальня старого дон Пьетро,— сказал Антонио, приблизив свечу к стене.— Вот та фигура, о которой тебе говорил аббат!

В самом деле, между дверью, ведущей на узкую лестницу, и кроватью виден был фреск, представляющий жен-

щину необыкновенной красоты, играющую на гитаре.

— Как она похожа на Пепину,— сказал Владимир,— я бы это принял за ее портрет!

— Да,— отвечал Антонио,— черты лица довольно схожи, но у Пепины совсем другое выражение. У этой в глазах что-то такое зверское, несмотря на ее красоту. Заметь, как она косится на пустую кровать; знаешь ли что, мне, при взгляде на нее, делается страшно!

Я ничего не говорил, но вполне разделял чувство Антонио.

Комната возле спальни была большая круглая зала с колоннами, а примыкавшие к ней с разных сторон покои были все прекрасно убраны и обтянуты гобеленами, почти как на даче у Сугробиной, только еще богаче. Везде отсвечивали большие зеркала, мраморные столы, золоченые карнизы и дорогие материи. Гобелены представляли сюжеты из мифологии и из Ариостова «Orlando». Здесь Парис сидел в недоумении, которой из трех богинь вручить золотое яблоко, а там Ангелика с Медором обнимались под тенистым деревом, не замечая грозного рыцаря, выглядывающего на них из-за кустов.

Пока мы осматривали старинные ткани, оживленные красноватым отблеском свечи, остальные части комнаты терялись в неопределенном мраке, и когда я нечаянно поднял голову, то мне показалось, что фигуры на потолке шевелятся и что фантастические формы их отделяются от потолка и, сливаясь с темнотою, исчезают в глубине залы.

— Я думаю, мы теперь можем лечь спать,— сказал Владимир,— но чтобы уже все сделать по порядку, то вот мой совет: ляжем в трех разных комнатах и завтра поутру расскажем друг другу, что с нами случится в продолжение ночи.

Мы согласились. Мне, как предводителю экспедиции, дали спальню дон Пьетро; Владимир и Антонио расположились в двух отдаленных комнатах, и вскоре во всем доме воцарилась глубокая тишина.

Здесь г. Рыбаренко остановился и, обращаясь к Руневскому, сказал:

— Я вас, может быть, утомляю, любезный друг, теперь уже поздно, не хочется ли вам спать?

— Нисколько,— отвечал Руневский,— вы меня обяжете, если будете продолжать.

Рыбаренко немного помолчал и продолжал следующим образом:

— Оставшись один, я разделся, осмотрел свои пистолеты, лег в старинную кровать, под богатый балдахин, накрыл себя штофным одеялом и готовился потушить свечу, как дверь медленно отворилась и вошел Владимир. Он поставил свечу свою на маленький комод возле кровати и, подошедши ко мне, сказал:

— Я целый день не нашел случая поговорить с тобой о наших делах. Антонио уже спит; мы можем немного поболтать, и я опять уйду дожидаться приключений. Я тебе еще не сказывал, что получил письмо от матушки. Она пишет, что обстоятельства ее непременно требуют моего присутствия. Поэтому я не думаю, что проведу с тобою зиму во Флоренции.

Известие это меня крайне огорчило. Владимир тоже казался невесел. Он сел ко мне на постель, прочитал мне письмо, и мы долго разговаривали о его семейных делах и о наших взаимных намерениях. Пока он говорил, меня несколько раз в нем поражало что-то странное, но я не мог дать себе отчета, в чем именно оно состояло. Наконец он встал и сказал мне растроганным голосом:

— Меня мучит какое-то предчувствие; кто знает, увидимся ли мы завтра? Обними меня, мой друг... может быть, в последний раз!

— Что с тобой! — сказал я, засмеявшись, — с которых пор ты веришь предчувствиям?

— Обними меня! — продолжал Владимир, необыкновенным образом возвыся голос. Черты лица его переменились, глаза налились кровью и горели, как уголья. Он простер ко мне руки и хотел меня обнять.

— Поди, поди, Владимир, — сказал я, скрывая свое удивление, — дай Бог тебе уснуть и забыть свои предчувствия!

Он что-то проворчал сквозь зубы и вышел. Мне показалось, что он странным образом смеется; но я не был уверен, его ли я слышу голос или чужой.

Между тем глаза мои мало-помалу сомкнулись, и я заснул. Не знаю, что я увидел во сне, но, вероятно, это было что-нибудь страшное, ибо я вскоре с испугом проснулся и начал протирать глаза. В ушах моих раздавались аккорды гитары, и я сначала думал, что звуки эти не что иное, как продолжение моего сновидения; но кто опишет мой ужас, когда между моею кроватью и стеною я увидел женщину-фреску, вперившую в меня какой-то страшный, нечеловеческий взгляд. В одной руке держала она гитару, другою

трогала струны. Ужас мною овладел, я схватил со стола пистолет и только что хотел в нее выстрелить, как она уронила гитару и упала на колени. Я узнал Пепину.

— Пощадите меня, синьор,— кричала бедная девушка,— я ничего не хотела у вас украсть; будьте милосердны, не убивайте меня!

Мне очень было стыдно, что я в глазах ее обнаружил свой страх, и я всячески старался ее успокоить, спросив ее, однако, зачем она ко мне пришла и чего от меня хочет?

— Ах,— отвечала Пепина,— после того как я догнала синьора Антонио и с ним говорила, я тихонько пошла за вами и видела, что вы влезли в окно. Но я знала другой вход, ибо этот дом служит иногда убежищем брату моему Титта, о котором вы, верно, слышали. Я из любопытства вошла за вами, и когда хотела воротиться, то увидела, что в торопливости захлопнула за собою потаенную дверь и что мне невозможно выйти. Я пришла к вам в комнату и, не смея вас разбудить, стала играть на гитаре, чтобы вы проснулись. Ах, не сердитесь на меня; любовь к моему брату заставила меня вас беспокоить. Я знаю, что вы друг синьора Антонио, так спасите, если можете, моего брата! Я вам клянусь всем, что дорого моему сердцу, он давно хочет сделаться честным человеком; но если его будут преследовать, как дикого зверя, он поневоле останется разбойником, убийствами отяготит свою душу и погубит себя навсегда! О, достаньте ему прощение, умоляю вас, на коленях умоляю вас, сжальтесь над его раскаяньем, сжальтесь над его бедною сестрою!

И, говоря это, она обнимала мои колена, и крупные слезы катились по ее щекам. Огненного цвета лента, опоясывавшая ее голову, развязалась, и волосы, извиваясь как змеи, упали на ее плечи. Она так была прекрасна, что в эту минуту я забыл о своем страхе, о вилле Urgina и об ее преданиях. Я вскочил с кровати, и уста наши соединились в долгий поцелуй. Знакомый голос в ближней зале нас пробудил.

— С кем ты там, Пепина? — сказал кто-то, отворяя дверь.

— Ах, это мой брат! — вскричала девушка и, вырвавшись из моих объятий, убежала прочь.

В комнату вошел человек в плаще и в шляпе с черным пером. Увидя меня, он остановился, и каково было мое удивление, когда, взглянув на черты его лица, я в нем узнал моего абба.

— А, это вы, signor Russo! *— сказал он, затыкая за пояс большой пистолет, которым готовился меня приветствовать.— Добро пожаловать! Не удивляйтесь перемене моего одеяния. Вы меня видели аббатом, в другой раз вы меня увидите ветурином или трубочистом. Увы, я до сих пор должен скрываться, пока не получу прощения от правительства!

Сказав это, Титта Каннелли глубоко вздохнул; потом, приняв веселый вид, подошел ко мне и ударил меня по плечу.

— Я вас нарочно,— сказал он,— зазвал в виллу друга моего дон Пьетро для небольшого дельца. Я нуждаюсь в деньгах, а у меня здесь спрятано множество дорогих вещей, между прочим, целый ящик колец, ожерелий, серег и браслет. За все я с вас возьму только семьдесят семь наполеонов.— Он нагнулся под мою кровать, вытащил оттуда большой ящик, и я увидел кучку золотых уборов, один прекраснее другого. Несколько фермуаров были украшены самыми редкими камнями, и все работано с таким вкусом, как я никогда еще не видывал. Цена, которую он требовал, мне показалась очень необыкновенною, и хотя она очевидно доказывала, что эти вещи достались ему даром, но теперь было не время входить в разбирательство; к тому ж Пепинин брат, стоя между моим оружием и мною, так красноречиво играл своим пистолетом, что я почел за нужное тотчас согласиться и, раскрыв свой кошелек, нашел в нем ровно семьдесят семь наполеонов, которые отдал разбойнику.

— Благодарю вас,— сказал он,— вы сделали доброе дело! Теперь мне только остается предупредить вас, что, если вы вздумаете открыть полиции, откуда получили эти вещи, я вам непременно размозжу голову. Желаю вам покойной ночи!

Он мне дружески пожал руку и исчез так скоро, что я не мог видеть, куда он скрылся. Я только слышал, как в стене повернулись потаенные петли, и потом все погрузилось в молчание. Взоры мои нечаянно упали на изображение на стене, и я невольно вздрогнул. Мне опять показалось, что это была не Пепина, а нарисованная женщина, которая несколько минут тому назад выступила из стены и которую я целовал. Я стал сожалеть, что в то время не догадался посмотреть на стену, чтобы увидеть, там ли она или нет.

* Синьор русский (итал.).

Но я превозмог свою боязнь и принялся шарить в ящике. Между разными цепочками, флакончиками и прочими вещами нашел я одну склянку *рококо*, величиною с большое яблоко и оправленную в золото с необыкновенным вкусом. Работа была так нежна, что я, боясь, чтобы склянка не исцарапалась в ящике, тщательно завернул ее в платок и поставил подле себя на стол. Потом, закрыв ящик, я опять лег и вскоре заснул. Во сне я всю ночь видел Пепину и женщину-фреск, и часто, среди самых приятных картин моего воображения, я вскакивал в страхе и опять засыпал. Меня также беспокоило какое-то болезненное чувство в шее. Я думал, что простудился на сквозном ветру. Когда я проснулся, солнце уже было высоко, и я, наскоро одевшись, спешил отыскать своих товарищей.

Антонио лежал в бреду. Он как сумасшедший махал руками и беспрестанно кричал:

— Оставьте меня! Разве я виноват, что Венера прекраснейшая из богинь? Парис человек со вкусом, и я его непременно сделаю совестным судьей в Пекине, как скоро въеду в свое Китайское государство на крылатом грифоне!

Я употреблял все силы, чтобы привести его в себя, как вдруг дверь отворилась и Владимир, бледный, расстроенный, вбежал в комнату.

— Как,— вскричал он радостно, увидев Антонио,— он жив? я его не убил? Покажи, покажи, куда я его ранил?

Он бросился осматривать Антонио; но раны нигде не было видно.

— Вот видишь,— сказал Антонио,— я тебе говорил, что бог Пан так же искусно играет на свирели, как и стреляет из пистолета.

Владимир не переставал щупать Антонио и наконец, удостоверившись, что он жив и не ранен, вскричал с восторгом:

— Слава Богу, я его не убил, это был только дурной сон!

— Друзья мои,— говорил я,— ради Бога, объяснитесь, я ничего не могу понять!

Наконец мне и Владимиру удалось привести Антонио в сознание; но он так был слаб, что я ничего не хотел у него спрашивать, а попросил Владимира, чтобы он нам рассказал, что с ним случилось ночью.

— Вошедши в свою комнату,— сказал Владимир,— я воткнул свечу в один из ветвистых подсвечников, которые, как огромные пауки, держались на золотой раме зеркала,

и тщательно осмотрел свои пистолеты. Мне удалось отворить заколоченную ставню, и с неизъяснимым удовольствием я стал дышать чистым воздухом ночи. Все вокруг меня было тихо. Луна была уже высоко, а воздух так прозрачен, что я мог различать все изгибы самых отдаленных гор, между которыми башня замка Baradello величественно подымала голову. Я погрузился в размышления и уже около получаса смотрел на озеро и на горы, как легкий шорох за моими плечами заставил меня оглянуться. Свеча очень нагорела, и я сначала ничего не мог различить, но, вглядевшись хорошенько в темноту, я увидел в дверях большую белую фигуру.

«Кто там?» — закричал я. Фигура испустила жалобный вопль и, как будто на невидимых колесах, приблизилась ко мне. Я никогда не видал лица страшнее этого. Привидение подняло обе руки, как бы желая завернуть меня в свое покрывало. Я не знаю, что я почувствовал в эту минуту, но в руке моей был пистолет, раздался выстрел, и призрак упал на землю, закричав: «Владимир! что ты делаешь? я Антонио!» Я бросился его подымать, но пуля пролетела ему сквозь грудь, кровь била фонтаном из раны, он хрипел, как умирающий.

«Владимир, — сказал он слабым голосом, — я хотел испытать твою храбрость, ты меня убил; прости мне, как я тебе прощаю!»

Я начал кричать, ты прибежал на мой крик; мы оба перенесли Антонио в его комнату.

— Что ты говоришь? — прервал я Владимира. — Я всю ночь не выходил из спальни. После того как ты мне прочитал письмо твоей матери и от меня ушел, я остался в постели и ничего не знаю про Антонио. К тому ж ты видишь, что он жив и здоров, стало быть, ты все это видел во сне!

— Ты сам говоришь во сне! — отвечал с досадою Владимир, — никогда я к тебе не приходил и не читал тебе никакого письма от матушки!

Тут Антонио встал со стула и к нам подошел.

— О чем вы спорите? — сказал он. — Вы видите, что я жив. Клянусь честью, что я никогда и не думал страшить Владимира. Впрочем, мне и не до того было. Когда я остался один, я, так же как Владимир, сначала осмотрел свои пистолеты. Потом я лег на диван, и глаза мои невольно устремились на расписанный потолок и высокие карнизы, украшенные золотыми арабесками. Звери и птицы стран-

ным образом сплетались с цветами, фруктами и разного рода узорами. Мне показалось, что узоры эти шевелятся, и, чтобы не дать воли своему воображению, я встал и начал прохаживаться по зале. Вдруг что-то сорвалось с карниза и упало на пол. Хотя в зале так было темно, что я ничего не увидел, но я рассудил по звуку, что упавшее тело было мягкое, ибо оно совсем не произвело стуку, а только глухой шум. Через несколько времени я услышал за собою шаги, как будто животного. Я оглянулся и увидел золотого грифона величиною с годовалого теленка. Он смотрел на меня умными глазами и повертывал своим орлиным носом. Крылья его были подняты, и концы их свернуты в кольца. Вид его меня удивил, но не испугал. Однако, чтобы от него избавиться, я на него закричал и притопнул ногою. Грифон поднял одну лапу, опустил голову и, пошевелив ушами, сказал мне человеческим голосом: «Напрасно вы беспокоитесь, синьор Антонио; я вам не сделаю никакого вреда. Меня нарочно прислал за вами хозяин, чтобы я вас отвез в Грецию. Наши богини опять поспорили за яблоко. Юнона уверяет, что Парис только потому отдал его Венере, что она обещала ему Елену. Минерва тоже говорит, что Парис покривил душой, и обе они обратились с жалобою к старику: а старик им сказал: пусть вас рассудит синьор Антонио. Теперь, если вам угодно, садитесь на меня верхом, я вас мигом привезу в Грецию».

Мысль эта мне так показалась забавна, что я уже подымал ногу, чтобы сесть на грифона, но он меня остановил. «Каждая земля,— сказал он,— имеет свои обычаи. Все над вами будут смеяться, если вы приедете в Грецию в сюртуке». — «А как же мне ехать?» — спросил я. «Не иначе как в национальном костюме: разденьтесь донага и обдрапируйтесь плащом. Все боги и даже богини точно так одеты». Я послушался грифона и сел к нему на спину. Он пустился бежать рысью, и мы долго ехали по разным коридорам, через длинные ряды комнат, спускались и подымались по лестницам и наконец прибыли в огромную залу, освещенную розовым светом. Потолок залы был расписан и представлял небо с летающими птицами и купидонами, а в конце ее возвышался золотой трон, и на нем сидел Юпитер. «Это наш хозяин, дон Пьетро д'Урджина!» — сказал мне грифон.

У ног трона протекала прозрачная река, и в ней купалось множество нимф и наяд, одна прекраснее другой. Реку эту, как я узнал после, называли Ладоном. На берегу ее

росло очень много тростнику, у которого сидел аббат и играл на свирели. «Это кто такой?» — спросил я у грифона. «Это бог Пан», — отвечал он. «Зачем же он в сюртуке?» — спросил я опять. «Затем, что он принадлежит к духовному сословию, и ему неприлично было ходить голым». — «Но как же он может сидеть на берегу реки, в которой купаются нимфы?» — «Это для того, чтобы умерщвлять свою плоть? Вы видите, что он от них отворачивается». — «А для чего у него за поясом пистолеты?» — «Ох, — отвечал с досадою грифон, — вы слишком любопытны; почему я это знаю!»

Мне показалось странным видеть в комнате реку, и я заглянул за китайские ширмы, из-за которых она вытекала. За ширмами сидел старик в напудренном парике и, по-видимому, дремал. Подошед к нему на цыпочках, я увидел, что река бежала из урны, на которую он опирался. Я начал его рассматривать с большим любопытством; но грифон подбежал ко мне, дернул меня за плащ и сказал мне на ухо: «Что ты делаешь, безрассудный? Ты разбудишь Ладона, и тогда непременно сделается наводнение. Ступай прочь или мы все погибнем!» Я отошел. Мало-помалу зала наполнилась народом. Нимфы, дриады, орады прогуливались между фавнами, сатирами и пастухами. Наяды вышли из воды и, накинув на себя легкие покрывала, стали также с ними прохаживаться. Боги не ходили, а чинно сидели с богинями возле Юпитерова трона и смотрели на гуляющих. Между последними заметил я одного человека в домино и в маске, который ни на кого не обращал внимания, но которому все давали место. «Это кто?» — спросил я у грифона. Грифон, очевидно, смешался. «Это так, кто-нибудь! — отвечал он, поправляя носом свои перья, — не обращайтесь на него внимания!» Но в эту минуту к нам подлетел красивый попугай и, сев ко мне на плечо, проговорил гнусливым голосом: «Дуррак, дуррак! ты не знаешь, кто этот человек? Это наш настоящий хозяин, и мы его почитаем более, нежели дон Пьетро!» Грифон с сердцем посмотрел на попугая и значительно мигнул ему одним глазом, но тот уже слетел с моего плеча и исчез в потолке между купидонами и облаками.

Вскоре в собрании сделалась суматоха. Толпа расступилась, и я увидел молодого человека в фригийской шапке, с связанными руками, которого вели две нимфы. «Парис! — сказал ему Юпитер или дон Пьетро д'Урджина (как называл его грифон). — Парис! говорят, что ты золотое яблоко несправедливо присудил Венере. Смотри, ведь я шу-

тить не люблю. Ты у меня как раз полетишь вверх ногами!»— «О могущий громовержец! — отвечал Парис.— Клянусь Стиксом, я судил по чистой совести. Впрочем, вот синьор Антонио; он, я знаю, человек со вкусом. Вели ему произвести следствие, и если он не точно так решит, как я, то я согласен полететь вверх ногами!»— «Хорошо! — сказал Юпитер.— Быть по-твоему!»

Тут меня посадили под лавровое дерево и дали мне в руки золотое яблоко. Когда ко мне подошли три богини, свирель аббата зазвучала сладостнее прежнего, тростник реки Ладона тихонько закачался, множество блестящих птичек вылетели из его середины, и песни их были так жалобны, так приятны и странны, что я не знал, плакать ли мне или смеяться от удовольствия. Между тем старик за ширмами, вероятно пробужденный песнями птичек и гармоническим шумом тростника, начал кашлять и произнес слабым голосом и как будто впросонках: «О Сиринга! о дочь моя!»

Я совсем забылся, но грифон очень больно ущипнул меня за руку и сердито сказал мне: «Скорей за дело, синьор Антонио! Богини вас ждут; решайте, пока старик не проснулся!» Я превозмог сладостное волнение, увлекшее меня далеко от виллы Urgina в неведомый мир цветов и звуков, и, собравшись с мыслями, устремил глаза на трех богинь. Они сбросили с себя покрывала. О мои друзья! Как вам описать, что я тогда почувствовал! Какими словами дать вам понятие об остром летучем огне, который в одно мгновение пробежал по всем моим жилам! Все мои чувства смутились, все понятия перемешались, я забыл о вас, о родных, о самом себе, обо всей своей прошедшей жизни; я был уверен, что я сам Парис и что мне предоставлено великое решение, от которого пала Троя. В Юноне я узнал Пепину, но она была сто раз прекраснее, нежели когда она вышла ко мне на помощь из виллы Remondi. Она держала в руках гитару и тихонько трогала струны. Она так была обворожительна, что я уже протягивал руку, чтобы вручить ей яблоко, но, бросив взгляд на Венеру, внезапно переменил намерение. Венера, сложив небрежно руки и приклонив голову к плечу, смотрела на меня с упреком. Взоры наши встретились, она покраснела и хотела отвернуться, но в этом движении столько было прелести, что я, не колеблясь, подал ей яблоко.

Парис восторжествовал; но человек в домино и в маске подошел к Венере и, вынув из-под полы большой бич, на-

чал немилосердно ее хлыстать, приговаривая при каждом ударе: «Вот тебе, вот тебе; вперед знай свою очередь и не кокетничай, когда тебя не спрашивают; сегодня не твой день, а Юнонин; не могла ты подождать? Вот же тебе за то, вот тебе, вот тебе!» Венера плакала и рыдала, но незнакомец не переставал ее бить и, обратившись к Юпитеру, сказал: «Когда я с ней расправлюсь, то и до тебя дойдет очередь, проклятый старикашка!» Тогда Юпитер и все боги соскочили со своих мест и бросились незнакомцу в ноги, жалобно вопия: «Умилосердись, наш повелитель! В другой раз мы будем исправнее!» Между тем Юнона или Пепина (я до сих пор не знаю, кто она была) подошла ко мне и сказала мне с очаровательной улыбкой: «Не думай, мой милый друг, чтобы я была на тебя сердита за то, что ты не мне присудил яблоко. Верно, так было написано в неисповедимой книге судьбы! Но чтобы ты видел, сколь я уважаю твое беспристрастие, позволь мне дать тебе поцелуй». Она обняла меня прелестными руками и жадно прижала свои розовые губы к моей шее. В ту же минуту я почувствовал в ней сильную боль, которая, однако, тотчас прошла. Пепина так ко мне ласкалась, так нежно меня обнимала, что я бы вторично забылся, если бы крики Венеры не отвлекли от нее моего внимания. Человек в домино, запустив руку в ее волосы, продолжал ее сечь самым бесчеловечным образом. Жестокость его меня взорвала. «Скоро ли ты перестанешь!» — закричал я в негодовании и бросился на него. Но из-под черной маски сверкнули на меня невыразимым блеском маленькие белые глазки, и взгляд этот меня пронзил как электрический удар. В одну секунду все боги и богини исчезли.

Я очутился в Китайской комнате, возле круглой залы. Меня окружила толпа фарфоровых кукол, фаянсовых мандаринов и глиняных китаек, которые с криком: «Да здравствует наш император, великий Антонио-Фу-Цинг-Танг!» бросились меня щекотать. Напрасно я старался от них отделаться. Маленькие их ручки влезали мне в нос и в уши, я хохотал как сумасшедший. Не знаю, как я от них избавился, но когда я очнулся, то вы оба, друзья мои, стояли подле меня. Стократ вас благодарю за то, что вы меня спасли!

И Антонио начал нас обнимать и целовать, как ребенок. Когда прошел его восторг, то я, обратившись к нему и к Владимиру, сказал им очень серьезно:

— Я вижу, друзья мои, что вы оба бредили нынешнюю

ночь. Что касается до меня, то я удостоверился, что все чудесные слухи про этот palazzo не что иное, как выдумка контрабандиста Титта Каннелли. Я сам его видел и с ним говорил. Пойдем со мною, я вам покажу, что я у него купил.

С сими словами я пошел в свою спальню, Антонио и Владимир за мною последовали. Я открыл ящик, всунул в него руку и вытащил человеческие кости! Я их с ужасом отбросил и побежал к столу, на который накануне поставил склянку *рококо*. Развернув платок, я остолбенел. В нем был череп ребенка. Пустой кошелек мой лежал подле него.

— Это ты купил у твоего контрабандиста? — спросили меня в один голос Антонио и Владимир.

Я не знал, что отвечать. Владимир подошел к окну и воскликнул с удивлением:

— Ах, Боже мой! Где же озеро?

Я также подошел к окну. Передо мной была piazza Volta, и я увидел, что смотрю из окна *чертова дома*.

— Как мы сюда попали? — спросил я, обращаясь к Антонио.

Но Антонио не мог мне отвечать. Он был чрезвычайно бледен, силы его покинули, и он опустился в кресла. Тогда я только заметил, что у него на шее маленькая синяя ранка, как будто от пиявки, но немного более. Я тоже чувствовал слабость и, подошед к зеркалу, увидел у себя на шее такую же ранку, как у Антонио. Владимир ничего не чувствовал, и ранки у него не было. На вопросы мои Владимир признался, что когда он выстрелил в белый призрак и потом узнал своего друга, то Антонио умолял его, чтобы он с ним в последний раз поцеловался; но Владимир не мог на это решиться, потому что его пугало что-то такое во взгляде Антонио.

Мы еще рассуждали о наших приключениях, как кто-то сильно стал стучаться в ворота. Мы увидели полицейского офицера с шестью солдатами.

— Господа! — кричал он снаружи. — Отворите ворота; вы арестованы от имени правительства!

Но ворота были так крепко заколочены, что их принуждены были сломать. Когда офицер вошел в комнату, мы его спросили, за что мы арестованы?

— За то, — отвечал он, — что вы издеваетесь над покойниками и нынешнюю ночь перетаскали все кости из Комской часовни. Один аббат, проходивши мимо, видел, как вы ломали решетку, и сегодня утром на вас донес.

Мы тщетно протестовали, офицер непременно хотел,

чтобы мы шли за ним. К счастью, я увидел комского подесту (известного археолога R...i), с которым был знаком, и призвал его на помощь. Узнав меня и Антонио, он очень перед нами извинялся и велел привести аббата, сделавшего на нас донос; но его нигде не могли отыскать. Когда я рассказал подесте, что с нами случилось, он несколько не удивился, но пригласил меня в городской архив. Антонио был так слаб, что не мог за нами следовать, а Владимир остался, чтобы проводить его домой. Когда мы вошли в архив, подеста раскрыл большой in folio * и прочитал следующее:

«Сего 1679 года сентября 20-го дня казнен публично на городской площади разбойник Giorambatista Cannelli, около двадцати лет с шайкою своею наполнявший ужасом окрестности Комо и Милана. Родом он из Комо, лет ему по собственному показанию 50. Пришед на место казни, он не хотел приобщиться святых тайн и умер не как христианин, а как язычник».

Сверх того, подеста (человек во всех отношениях заслуживающий уважение и который скорее бы дал себе отрезать руку, нежели согласился сказать неправду) открыл мне, что *чертов дом* построен на том самом месте, где некогда находился языческий храм, посвященный Гекате и ламиям. Многие пещеры и подземельные ходы этого храма, как гласит молва, и поныне сохранились. Они ведут глубоко в недра земли, и древние думали, что они имеют сообщение с тартаром. В народе ходит слух, что ламии, или эмпузы, которые, как вам известно, имели много сходства с нашими *Упырями*, и поныне еще бродят около посвященного им места, принимая всевозможные виды, чтобы заманивать к себе неопытных людей и высасывать из них кровь. Странно еще то, что Владимир через несколько дней в самом деле получил письмо от своей матери, в котором она его просила возвратиться в Россию.

Рыбаренко замолчал и опять погрузился в размышления.

— Что ж,— спросил его Руневский,— и вы не делали никаких розысканий о вашем приключении?

— Делал,— отвечал Рыбаренко.— Сколько я ни уважал подесту, но истолкование его мне не казалось вероятным.

— И что ж вы узнали?

— Пепина ничего не понимала, когда ее спрашивали о брате ее Титта. Она говорила, что у нее никогда не бывало брата. На наши вопросы она отвечала, что она действитель-

* Книга большого формата — в лист, согнутый пополам (лат.).

но вышла из виллы Remondì на помощь к Антонио, но что никогда она нас не догоняла и не просила Антонио, чтобы он выхлопотал прощение ее брату. Никто также ничего не знал о прекрасном дворце дон Пьетро между виллою Remondì и виллою d'Este, и, когда я нарочно пошел его отыскивать, я ничего не нашел. Происшествие это оказало на меня сильное впечатление. Я выехал из Комо, оставив Антонио больным. Чрез месяц я узнал в Риме, что он умер от изнеможения. Я сам так был слаб, как будто после сильной и продолжительной болезни; но наконец старания искусных врачей возвратили мне, хотя не совсем, потерянное здоровье.

Прожив еще год в Италии, я возвратился в Россию и вступил в круг своих прежних занятий. Я работал с усердием, и труды мои меня развлекали; но каждое воспоминание о пребывании моем в Комо приводило меня в содрогание. Поверите ли вы мне, что я и теперь часто не знаю, куда мне деваться от этого воспоминания! Оно повсюду меня преследует, как червь, подтачивает мой рассудок, и бывают минуты, что я готов лишиться себя жизни, чтобы только избавиться от его присутствия! Я бы ни за что не решился об этом говорить, если бы не думал, что рассказ мой вам послужит предостережением. Вы видите, что похождения мои несколько похожи на то, что с вами случилось на даче у старой бригадирши. Ради Бога, берегитесь, любезный друг, а особливо не вздумайте шутить над вашими приключениями.

Пока Рыбаренко говорил, заря уже начала освещать горизонт.

Сотни башен, колоколен и позолоченных глав заиграли солнечными лучами. Свежий ветер повеял с востока, и громкий, полновзвучный удар в колокол раздался на Иване Великом. Ему отвечали, один после другого, все колокола соборов кремлевских, потом всех московских церквей. Пространство наполнилось звуком, который, как будто на незримых волнах, колебался, разливаясь по воздуху. Москва превратилась в небъятную гармонику.

В это время странное чувство происходило в груди Руневского. С благоговением внимал он священному звону колоколов, с любовью смотрел на блестящий мир, красующийся перед ним. Он видел в нем образ будущего счастья, и чем более увлекался этою мыслью, тем более страшные видения, вызванные из мрака рассказами Рыбаренки, бледнели и исчезали.

Рыбаренко также был погружен в размышления, но глубокая грусть омрачала его лицо. Он был смертельно бледен и не сводил глаз с Ивана Великого, как будто бы желал измерить его высоту.

— Пойдем,— сказал он наконец Руневскому,— вам нужно отдохнуть!

Они оба встали со скамьи, и Руневский, простившись с Рыбаренко, отправился домой.

Когда он вошел в дом Дашиной тетушки, Федосьи Акимовны Зориной, то и она и дочь ее, Софья Карповна, приняли его с большою приветливостию. Но обхождение матери тотчас с ним переменилось, как скоро он объявил, зачем к ней приехал.

— Как,— вскричала она,— что это начит? а Софья-то? Разве вы для того так долго ездили в мой дом, чтобы над нею смеяться? Позвольте вам сказать: после ваших посещений, после всех слухов, которыми наполнен город о вашей женитбе, поведение это мне кажется чрезвычайно странным! Как, милостивый государь? обнадежив мою дочь, когда уже все ее считают невестой, вы вдруг сватаетесь на другой и просите ее руки — у кого же? у меня, у матери Софьи!

Слова эти как гром поразили Руневского. Он только теперь догадался, что Зорина давно уже на него метила как на жениха для своей дочери, а вовсе не для племянницы, и в то же время понял ее тактику. Пока еще она питала надежду, все ее действия были рассчитаны, чтобы удержать Руневского в кругу ее общества, она старалась отгадывать и предупреждать все его желания; но теперь, при неожиданном требовании, она решилась прибегнуть к последнему средству и чрез трагическую сцену надеялась вынудить у него обещание. К несчастью своему, она ошиблась в расчете, ибо Руневский весьма почтительно и холодно отвечал ей, что он никогда и не думал жениться на Софье Карповне, что он приехал просить руки Даши и надеется, что она не имеет причин ему отказать. Тогда Дашина тетушка позвала свою дочь и, задыхаясь от злости, рассказала ей, в чем дело. Софья Карповна не упала в обморок, но залилась слезами, и с ней сделалась истерика.

— Боже мой, Боже мой,— кричала она,— что я ему сделала? За что он хочет убить меня? Нет, я не снесу этого удара, лучше тысячу раз умереть! Я не могу, я не хочу теперь жить на свете!

— Вот в какое положение вы привели бедную Софью,—

сказала ему Зорина.— Но это не может так остаться!

Софья Карповна так искусно играла свою роль, что Руневскому стало ее жаль.

Он хотел отвечать, но ни матери, ни Софьи Карповны уже не было в комнате. Подождав несколько времени, он отправился домой с твердым намерением не прежде возвратиться на дачу к бригадирше, как попытавшись еще раз получить от Дашиной тетушки удовлетворительный ответ.

Он сидел у себя задумавшись, когда ему пришли доложить, что ротмистр Зорин желает с ним говорить. Он приказал просить и увидел молодого человека, коего открытое и благородное лицо предупреждало в его пользу. Зорин был родной брат Софьи Карповны; но так как он только что приехал из Тифлиса, то Руневский никогда его не видал и не имел об нем никакого понятия.

— Я пришел с вами говорить о деле, касающемся до нас обоих,— сказал Зорин, учтиво поклонившись.

— Прошу садиться,— сказал Руневский.

— Два месяца тому назад вы познакомились с моею сестрою, начали ездить в дом к матушке, и скоро распространились слухи, что вы просите руки Софьи.

— Не знаю, распространились ли эти слухи,— прервал его Руневский,— но могу вас уверить, что не я был тому причиной.

— Сестра была уверена в вашей любви, и с самого начала обхождение ваше с нею оправдывало ее предположения. Вам удалось внушить ей участие, и она вас полюбила. Вы даже с нею объяснились...

— Никогда! — воскликнул Руневский.

Глаза молодого Зорина засверкали от негодования.

— Послушайте, милостивый государь,— вскричал он, выходя из пределов холодной учтивости, в которых сначала хотел остаться,— вам, верно, неизвестно, что когда я еще был на Кавказе, то Софья мне об вас писала; от нее я знаю, что вы обещали просить ее руки, и вот ее письма!

— Если Софья Карповна в них это говорит,— отвечал Руневский, не дотрагиваясь до писем, которые Зорин бросил на стол,— то я сожалею, что должен опровергнуть ее слова. Я повторяю вам, что не только никогда не хотел просить ее руки, но и не давал ей малейшего повода думать, что я ее люблю!

— Итак, вы не намерены на ней жениться?

— Нет. И доказательством тому, что я приехал в Москву просить у вашей матушки руки ее племянницы.

— Довольно. Я надеюсь, что вы не откажете мне в удовлетворении за оскорбление, которое вы нанесли моему семейству.

— Я всегда к вашим услугам, но прежде прошу вас обдумать ваш поступок. Может быть, при хладнокровном размышлении вы убедитесь, что я никогда и не помышлял наносить оскорблений вашему семейству.

Молодой ротмистр бросил гордый взгляд на Руневского.

— Завтра в пять часов я вас ожидаю на Владимирской дороге, на двадцатой версте от Москвы,— сказал он сухо.

Руневский поклонился в знак согласия. Оставшись один, он начал заниматься приготовлениями к следующему утру. У него мало было знакомых в Москве; к тому ж почти все были на дачах; итак, неудивительно, что выбор его пал на Рыбаренку.

На другой день, в три часа утра, он и Рыбаренко уже ехали по Владимирской дороге и на условленном месте нашли Зорина с его секундантом.

Рыбаренко подошел к Зорину и взял его руку.

— Владимир,— сказал он, сжав ее крепко,— ты не прав в этом деле: помирись с Руневским!

Зорин отвернулся.

— Владимир,— продолжал Рыбаренко,— не шути с судьбою, вспомни виллу Урджина!

— Полно, братец,— сказал Владимир, освобождая свою руку из рук Рыбаренки,— теперь не время говорить о пустяках!

Они углубились в кустарник.

Секундант Зорина был маленький офицер с длинными усами, которые он крутил непрерывно. С самого начала лицо его показалось Руневскому знакомым; но когда, разменяя шаги для барьера, маленький офицер начал особенным родом подпрыгивать, Руневский тотчас узнал в нем Фрышкина, того самого, над которым Софья Карповна так смеялась на бале, где Руневский с ней познакомился.

— Друзья мои,— сказал Рыбаренко, обращаясь к Владимиру и к Руневскому,— помиритесь, пока еще можно; я чувствую, что один из вас не воротится домой!

Но Фрышкин, приняв сердитый вид, подскочил к Рыбаренке.

— Позвольте объяснить,— сказал он, уставив на него большие красные глаза,— здесь оскорбление нестерпимое-с... примирение невозможно-с... здесь обижено почтенное семейство-с, весьма почтенное-с... я до примирения

не допущу-с... а если бы приятель мой Зорин и согласился, то я сам, Егор Фрышкин, буду стреляться вместо его-с!

Оба противника уже стояли один против другого. Вокруг их царствовала страшная тишина, прерванная на одну секунду щелканьем курков.

Фрышкин не переставал горячиться; он был красен как рак.

— Да,— кричал он,— я сам хочу стреляться с господином Руневским-с! Если приятель мой Зорин его не убьет, так я его убью-с!

Выстрел прервал его речь, и от головы Владимира отлетел клочок черных кудрей. Почти в ту же минуту раздался другой выстрел, и Руневский грянулся на землю с окровавленной грудью. Владимир и Рыбаренко бросились его подымать и перевязали его рану. Пуля пробила ему грудь; он был лишен чувств.

— Это твоё видение в вилле Урджина! — сказал Рыбаренко на ухо Владимиру. — Ты убил друга.

Руневского перенесли в коляску, и так как дом бригадирши был самый ближний и хозяйка всем известна как добрая и человеколюбивая старушка, то его отвезли к ней, несмотря на сопротивление Рыбаренки.

Долго Руневский пролежал без памяти. Когда он начал приходить в себя, первое, что бросилось ему в глаза, был портрет Прасковьи Андреевны, висящий над диваном, на котором он лежал. В нише стояла старинная кровать с балдахинном, а посреди стены виден был огромный камин.

Руневский узнал свою прежнюю квартиру, но он никак не мог понять, каким образом в нее попал и отчего он так слаб. Он захотел встать, но сильная боль в груди удержала его на диване, и он стал вспоминать свои похождения до поединка. Он также вспомнил, как дрался с Зориным, но не знал, когда это было и сколько времени продолжался его обморок. Пока он размышлял о своем положении, вошел незнакомый доктор, осмотрел его рану и, пощупав пульс, объявил, что у него лихорадка. Ночью несколько раз приходил Яков и давал ему лекарство.

Таким образом прошло несколько дней, в продолжение коих он никого не видал, кроме доктора и Якова. С этим последним он иногда разговаривал о Дарье Васильевне; но он мог от него только узнать, что Даша еще находилась у своей бабушки и что она совершенно здорова. Доктор, посещая Руневского, говорил, что ему нужно как можно более спокойствия, и на вопрос его, скоро ли ему можно

будет встать, отвечал, что он еще должен пролежать по крайней мере неделю. Все это еще более усилило беспокойство и нетерпение Руневского, и лихорадка его, вместо того чтобы уменьшиться, значительно увеличилась.

В одну ночь, когда сильный жар никак не давал ему заснуть, странный шум раздался близ него. Он стал прислушиваться, и ему показалось, что шум этот происходит в покоях, смежных с его комнатою. Вскоре он начал различать голоса бригадирши и Клеопатры Платоновны.

— Подождите хоть один день, Марфа Сергеевна,— говорила Клеопатра Платоновна,— подождите хоть до утра!

— Не могу, мать моя,— отвечала Сугробина.— Да и ожидать-то к чему? Немного раньше, немного позже, а все тем же кончится. А ты, сударыня, уж всегда расхныкаешься, как девчонка какая. И в тот раз та же была история, как до Дашиной-то матери дошло. Какая бы я и бригадирша-то была, если бы крови-то видеть не могла?

— Вы не хотите? — вскричала Клеопатра Платоновна,— вы не хотите один раз отказаться от...

— Рыцарь Амвросий! — закричала Сугробина.

Руневский не мог удержаться, чтобы при этих словах не привстать и не приложить глаза к ключевой дыре.

Среди комнаты стоял Семен Семенович Теляев, одетый с ног до головы в железные латы. Перед ним на полу лежал какой-то предмет, закрытый красным сукном.

— Что тебе надобно, Марфа? — спросил он грубым голосом.

— Пора, мой батюшка! — прошептала старуха.

Тут Руневский заметил, что на бригадирше было платье яркого красного цвета, с вышитою на груди большою черною летучею мышью. На латах Теляева изображен был филин, и на шлеме его торчали филиновы крылья.

Клеопатра Платоновна, коей черты обнаруживали ужасное внутреннее борение, подошла к стене и, сорвав с нее небольшую доску с странными непонятными знаками, бросила ее на пол и разбила вдребезги.

Внезапно обои раздвинулись, и из потаенной двери вошел в комнату высокий человек в черном домино и в маске, при виде коего Руневский тотчас догадался, что это тот самый, которого видел Антонио в вилле дон Пьетро д'Урджина.

Сугробина и Теляев обмерли со страха, когда он вошел.

— Ты уже здесь? — сказала, дрожа, бригадирша.

— Пора! — отвечал незнакомец.

— Подожди хоть один день, подожди хоть до утра! Отец ты мой, кормилец, голубчик мой, благодетель!

Старуха упала на колени; лицо ее стало страшным образом кривляться.

— Не хочу ждать! — отвечал незнакомец.

— Еще хоть часочек! — простонала бригадирша. Она уже не говорила ни слова, но губы еще судорожно шевелились.

— Три минуты! — отвечал тот. — Воспользуйся ими, если можешь, старая ведьма!

Он подал знак Теляеву. Семен Семенович нагнулся, поднял с полу красное сукно, и Руневский увидел Дашу, лежащую без чувств, с связанными руками. Он громко вскрикнул и рванулся соскочить с дивана, но на него сверкнули маленькие белые глаза черного домино и пригвоздили его на месте. Он ничего более не видал; в ушах его страшно шумело; он не мог сделать ни одного движения. Вдруг холодная рука провела по его лицу, и оцепенение исчезло. За ним стояло привидение Прасковьи Андреевны и обмахивало себя опахалом.

— Хотите жениться на моем портрете? — сказала она. — Я вам дам свое кольцо, и вы завтра его наденете моему портрету на палец. Не правда ли, вы это сделаете для меня?

Прасковья Андреевна обхватила его костяными руками, и он упал на подушки, лишенный чувств.

* * *

Долго был болен Руневский, и почти все время он не переставал бредить. Иногда он приходил в себя, но тогда мрачное отчаянье блистало в его глазах. Он был уверен в смерти Даши; и хотя он ни в чем не был виноват, но проклинал себя за то, что не мог ее спасти. Лекарства, которые ему подносили, он с бешенством кидал далеко от себя, срывал перевязи с своей раны и часто приходил в такое исступление, что Яков боялся к нему подойти.

Однажды, страшный пароксизм только что миновал, природа взяла верх над отчаяньем, и он не приметно погружался в благодетельный сон, как ему показалось, что он слышит голос Даши. Он раскрыл глаза, но в комнате не было никого, и он вскоре заснул крепким сном. Во сне он

был перенесен в виллу Урджина. Рыбаренко водил его по длинным залам и показывал ему места, где с ним случились те необыкновенные происшествия, которые он ему рассказывал. «Сойдем вниз по этой лестнице,— говорил Рыбаренко,— я вам покажу ту залу, куда Антонио ездил на грифоне». Они начали спускаться, но лестнице не было конца. Между тем воздух становился все жарче и жарче, и Руневский заметил, как сквозь щели стен по обеим сторонам лестницы время от времени мелькал красный огонь. «Я хочу воротиться»,— говорил Руневский; но Рыбаренко дал ему заметить, что, по мере того как они подвигались вперед, лестница за ними заваливалась огромными утесами. «Нам нельзя воротиться,— говорил он,— надобно идти далее!» И они продолжали сходить вниз. Наконец ступени кончились, и они очутились перед большою медною дверью. Толстый швейцар молча ее отворил, и несколько слуг в блестящих ливреях проводили их через переднюю; один лакей спросил, как об них доложить, и Руневский увидел, что у него из рта выходит огонь. Они вошли в ярко освещенную комнату, в которой толпа народа кружилась под шумную музыку. Далее стояли карточные столы, и за одним из них сидела бригадирша и облизывала свои кровавые губы; но Теляева не было с нею; вместо его напротив старухи сидело черное домино. «Ох! — вздыхала она,— скучно стало с этой чучелой! Когда-то к нам будет Семен Семенович!»— и длинная огненная струя выбежала из ее рта. Руневский хотел обратиться к Рыбаренке, но его уже не было; он находился один посреди незнакомых лиц. Вдруг из той комнаты, где танцевали, вышла Даша и подошла к нему. «Руневский,— сказала она,— зачем вы сюда пришли? Если они узнают, кто вы, то вам будет беда!» Руневскому сделалось страшно, он сам не знал отчего. «Следуйте за мной,— продолжала Даша,— я вас выведу отсюда, только не говорите ни слова, а то мы пропадем». Он поспешно пошел за нею, но она вдруг воротилась. «Постойте,— сказала она,— я вам покажу наш оркестр!» Даша подвела его к одной двери и, отворив ее, сказала: «Посмотрите, вот наши музыканты!» Руневский увидел множество несчастных, скованных цепями и объятых огнем. Черные дьяволы с козлиными лицами хлопотливо раздували огонь и барабанили по их головам раскаленными молотками. Вопли, проклятия и стук цепей сливались в один ужасный гул, который Руневский сначала принял за музыку. Увидев его, несчастные жертвы протянули к нему длинные руки и завывали: «К нам!

ступай к нам!»— «Прочь, прочь!»— закричала Даша и повлекла Руневского за собою в темный узкий коридор, в конце которого горела только одна лампа. Он слышал, как в зале все заколыхалось. «Где он? где он? — блеяли голоса,— ловите его, ловите его!»— «За мной, за мной!»— кричала Даша, и он, запыхаясь, бежал за нею, а позади их множество копыт стучало по коридору. Она отворила боковую дверь и, втащив в нее Руневского, захлопнула за собою. «Теперь мы спасены!»— сказала Даша и обняла его холодными костяными руками. Руневский увидел, что это не Даша, а Прасковья Андреевна. Он громко закричал и проснулся. Возле его постели стояли Даша и Владимир.

— Я рад,— сказал Владимир, пожав ему руку,— что вы проснулись; вас тяготил неприятный сон, но мы боялись вас разбудить, чтоб вы не испугались. Доктор говорит, что ваша рана не опасна, и никто ему за это так не благодарен, как я. Я бы никогда себе не простил, если б вы умерли. Простите же меня; я признаюсь, что погорячился!

— Любезный друг! — сказала Даша улыбаясь,— не сердитесь на Владимира; он предобрый человек, только немножко вспыльчив. Ты его непременно полюбишь, когда с ним короче познакомишься!

Руневский не знал, верить ли ему своим глазам или нет. Но Даша стояла перед ним, он слышал ее голос, и в первый раз она ему говорила *ты*. С тех пор как он был болен, воображение столько раз его морочило, что понятия его совершенно смешались, и он не мог различить обмана от истины. Владимир заметил его недоверчивость и продолжал:

— С тех пор как вы лежите в постели, много произошло перемен. Сестра моя вышла замуж за Фрышкина и уехала в Симбирск; старая бригадирша... но я вам слишком много рассказываю; когда вам будет лучше, вы все узнаете!

— Нет, нет,— сказала Даша,— ему никогда не будет лучше, если он останется в недоумении. Ему надобно знать все. Бабушка,— продолжала она, обратившись со вздохом к Руневскому,— уже два месяца как скончалась!

— Сама Даша,— прибавил Владимир,— была опасно больна и поправилась только после смерти Сугробиной. Постарайтесь и вы поскорей выздороветь, чтобы нам можно было сыграть свадьбу!

Видя, что Руневский смотрит на них, ничего не понимая, Даша улыбнулась.

— Самое главное,— сказала она,— мы и забыли ему сказать: тетушка согласна на брак и меня благословляет!

Услыша эти слова, Руневский схватил Дашину руку, покрыл ее поцелуями, обнял Владимира и спросил его, точно ли они дрались?

— Я бы не думал,— отвечал смеясь Владимир,— что вы можете в этом сомневаться.

— Но за что же мы дрались? — спросил Руневский.

— Признаюсь вам, я и сам не знаю, за что. Вы были совершенно правы, и сказать правду, я рад, что вы не женились на Софье. Скоро я сам увидел ее неоткровенность и дурной нрав, особенно когда узнал, что из мщения к вам она пересказала Фрышкину, как вы над ним смеялись; но тогда уже было поздно, и вы лежали в постели с простреленною грудью. Не люблю я Софьи; но, впрочем, Бог с нею! Желаю, чтобы она была счастлива с Фрышкиным, а мне до нее нет дела!

— Как тебе не стыдно, Владимир,— сказала Даша,— ты забываешь, что она твоя сестра!

— Сестра, сестра! — прервал ее Владимир,— хороша сестра, по милости которой я чуть не убил даром человека и чуть не сделал несчастною тебя, которую люблю, уж верно, больше Софьи.

Еще месяца три протекли после этого утра. Руневский и Даша уже были обвенчаны. Они сидели вместе с Владимиром перед пылающим камином, и Даша, в красивом утреннем платье и в чепчике, разливала чай. Клеопатра Платоновна, уступившая ей эту должность, сидела молча у окошка и что-то работала. Взор Руневского нечаянно упал на портрет Прасковьи Андреевны.

— До какой степени,— сказал он,— воображение может овладеть человеческим рассудком! Если б я не был уверен, что во время моей болезни оно непростительным образом меня морочило, я бы поклялся в истине странных видений, связанных с этим портретом.

— История Прасковьи Андреевны в самом деле много имеет странного,— сказал Владимир.— Я никогда не мог добиться, как она умерла и кто был этот жених, пропавший так внезапно. Я уверен, что Клеопатра Платоновна знает все подробности, но не хочет нам их открыть!

Клеопатра Платоновна, до этих пор ни на кого не обращавшая внимания, подняла глаза, и лицо ее приняло выражение еще горестнее обыкновенного.

— Если бы,— сказала она,— смерть старой бригадирши не разрешала моей клятвы, а женитьба Руневского и Даши не разрушила страшной судьбы, обременявшей ее

семейство, вы бы никогда не узнали этой ужасной тайны. Но теперь обстоятельства переменились, и я могу удовлетворить вашему любопытству. Я подозреваю, об каких видениях говорит господин Руневский, и могу его уверить, что в этом случае он не должен обвинять своего воображения.

Чтобы объяснить многие обстоятельства, для вас непонятные, я должна вам объявить, что Дашина бабушка, урожденная Островичева, происходит от древней венгерской фамилии, ныне уже угасшей, но известной в конце пятнадцатого столетия под именем *Ostroviczu*. Герб ее был: черная летучая мышь в красном поле. Говорят, что бароны *Ostroviczu* хотели этим означать быстроту своих ночных набегов и готовность проливать кровь своих врагов. Враги эти назывались *Tellara* и, чтоб показать свое преимущество над прадедами бригадирши, приняли в герб свой филина, величайшего врага летучей мыши. Другие утверждают, что филин этот намекает на происхождение фамилии *Tellara* от рода Тамерлана, который также имел в гербу своем филина.

Как бы то ни было, но обе фамилии вели беспрестанную войну одна с другою, и война эта долго бы не кончилась, если б измена и убийство не ускорили ее развязки. Марфа *Ostroviczu*, супруга последнего барона этого имени, женщина необыкновенной красоты, но жестокого сердца, пленилась наружностью и воинскою славой Амвросия *Tellara*, прозванного *Амвросием с широким мечом*. В одну ночь она впустила его в замок и с его помощью задушила мужа. Злодеяние ее, однако, не осталось без наказания, ибо рыцарь Амвросий, видя замок *Ostroviczu* в своей власти, последовал голосу врожденной ненависти и, потопив в Дунае всех приверженцев своего врага, предал его замок огню. Сама Марфа с трудом могла спастись. Все эти обстоятельства подробно рассказаны в древней хронике фамилии *Ostroviczu*, которая находится здесь в библиотеке.

Сказать вам, как и когда эта фамилия очутилась в России, я, право, не могу; но уверяю вас, что за преступление Марфы были наказаны почти все ее потомки. Многие из них уже в России умерли насильственною смертью, другие сошли с ума, а, наконец, тетушка бригадирша, та самая, коей вы видите пред собою портрет, будучи невестою ломбардского дворянина Пьетро д'Урджина...

— Пьетро д'Урджина? — прервали Клеопатру Платоновну в один голос Руневский и Владимир.

— Да, — отвечала она, — жених Прасковьи Андреевны назывался дон Пьетро д'Урджина. Хотя это было давно, но я его хорошо помню. Он был человек уже не молодой и к тому ж вдовец; но большие черные глаза его так горели, как будто бы ему было не более лет двадцати. Прасковья Андреевна была молодая девушка, и учтивые приемы ловкого иностранца легко ее обворожили. Она страстно в него влюбилась. Мать ее не имела той ненависти ко всему иностранному, которую покойная бригадирша, может быть, лишь для того так часто обнаруживала, чтобы тем лучше скрыть свое собственное происхождение. Она желала выдать дочь за дон Пьетро, ибо он был богат, приехал с большою свитой и жил как владетельный князь. К тому же он обещался навсегда поселиться в России и уступить ломбардские свои имения сыну, находившемуся тогда в городе Комо.

Дон Пьетро привез с собою множество отличных художников. Архитекторы его выстроили этот дом, живописцы и ваятели украсили его с истинно итальянским вкусом. Но, несмотря на необыкновенную роскошь дон Пьетро, многие замечали в нем черты самой отвратительной скупости. Когда он проигрывал в карты, лицо его видимо изменялось, он бледнел и дрожал; когда же он был в выигрыше, жадная улыбка показывалась на его устах и он с судорожным движением пальцев загребал добытое золото. Низкий его нрав, казалось, должен был переменить к нему расположение Прасковьи Андреевны и ее матери, но он так хорошо умел притворяться перед ними обеими, что ни та, ни другая ничего не заметили, и день свадьбы был торжественно объявлен.

Накануне он дал в своей новой даче блистательный ужин, и никогда его любезность не показывалась с таким блеском, как в этот вечер. Умный и живой разговор его занимал все собрание, и все были в самом веселом расположении духа, пока хозяину дома не подали письмо с иностранным клеймом. Прочитав содержание, он поспешно встал из-за стола и извинился перед обществом, говоря, что неожиданные дела непременно требуют его присутствия. В ту же ночь он уехал, и никто не знал, куда он скрылся.

Невеста была в отчаянии. Мать ее, употребив все средства, чтобы отыскать след жениха, начала приписывать поведение его одной уловке, чтобы отделаться от брака с ее дочерью, тем более что дон Пьетро, несмотря на поспешность своего отъезда, успел оставить поверенному письменное наставление, как распорядиться с его домом и находя-

щимися в нем вещами, из чего ясно можно было видеть, что дон Пьетро, если бы он только хотел, мог бы найти время уведомить Прасковью Андреевну о причине и назначении неожиданного своего путешествия.

Прошло несколько месяцев, а о женихе все еще не было известия. Бедная невеста не переставала плакать и так похудела, что золотое кольцо, которое подарил ей дон Пьетро, само собой спало с ее руки. Все уже потеряли надежду что-нибудь узнать о дон Пьетро, как мать Прасковьи Андреевны получила из Комо письмо, где ее уведомляли, что жених вскоре по приезде своем из России скоропостижно умер. Письмо было от сына умершего. Но один дальний родственник невесты, только что приехавший из Неаполя, рассказывал, что в тот самый день, когда, по словам молодого Урджина, отец его скончался в Комо, он, родственник, собираясь влезть на Везувий, видел в корчме местечка *Torre del Greco* двух путешественников, из коих один был в халате и в ночном колпаке, а другой в черном домино и маске. Оба путешественника спорили между собой: человеку в халате не хотелось идти далее, а человек в домино его торопил, говоря, что им еще много дороги осталось до кратера и что на другой день праздник св. Антония. Наконец человек в домино схватил человека в халате и с исполинской силой потащил его за собой. Когда они скрылись, родственник спросил, кто эти чудаки? и ему отвечали, что один из них дон Пьетро д'Урджина, а другой какой-то англичанин, приехавший с ним нарочно, чтобы видеть извержение Везувия, и из странности никогда не снимающий с себя маску. Встреча эта, заключал родственник, ясно доказывает, что дон Пьетро не умер, а только отлучился на время из Комо в Неаполь.

К несчастью, другие известия подтвердили справедливость письма молодого Урджина. Несколько очевидцев уверяли, что они присутствовали при погребении дон Пьетро, и божились, что сами видели, как гроб его опущен был в землю. Итак, не осталось сомнения в участи жениха Прасковьи Андреевны.

Сын дон Пьетро, не желавший удалиться из Италии, поручил своему поверенному продать отцовскую дачу с публичного торга. Продажа состоялась довольно беспорядочно, и мать Прасковьи Андреевны купила Березовую Рошу за бесценок.

Сколько Прасковья Андреевна сначала горевала и плакала, столько она теперь казалась спокойною. Ее редко ви-

дали в покоях матери, но по целым дням она бродила в верхнем этаже из комнаты в комнату. Часто слуги, проходившие по коридору, слышали, как она сама с собой разговаривала. Любимое ее занятие было — припоминать малейшие подробности своего знакомства с дон Пьетро, малейшие обстоятельства последнего вечера, который она с ним провела. Иногда она без всякой причины смеялась, иногда так жалобно стонала, что нельзя было ее слышать без ужаса.

В один вечер с ней сделались конвульсии, и не прошло двух часов, как она умерла в страшных мучениях. Все полагали, что она себя отравила, и, со всем почтением к памяти покойницы, нельзя не думать, что это предположение справедливо. Иначе что бы значили эти звуки, которые вскоре после ее смерти начали раздаваться в ее комнатах? Чему приписать эти шаги, вздохи и даже несвязные слова, которые я сама не раз слышала, когда в бурные осенние ночи беспрестанный стук окон не давал мне заснуть, а ветер свистел в трубы, как будто бы наигрывал какую-то жалобную песнь. Тогда волосы мои становились дыбом, зубы стучали один об другой, и я громко молилась за упокой бедной грешницы.

— Но,— сказал Руневский, слушавший с возрастающим любопытством рассказ Клеопатры Платоновны,— можете ли вы нам сказать, какие именно слова произносила покойница?

— Ах,— отвечала Клеопатра Платоновна,— в то время в словах ее мне многое казалось странным. Смысл их всегда состоял в том, что ей до тех пор не будет покою, пока кто-нибудь не обручится с ее портретом и не наденет ему на палец ее собственного кольца. Слава всевышнему, теперь желание ее исполнилось, и ничто уже более не будет тревожить ее праха. Кольцо, которым обручалась Даша, есть то самое, которое дон Пьетро подарил своей невесте; а разве Даша не живой портрет Прасковьи Андреевны?

— Клеопатра Платоновна! — сказал Руневский после некоторого молчания,— вы не все мне открыли. В этой истории о фамилии *Ostrovicz*, от которой, как вы говорите, происходит покойная бригадирша, есть какая-то непостижимая тайна, окружающая меня с самого того времени, как я вступил в этот дом. Что делала Сугробина вместе с Теляевым в одну ночь, когда они оба перерядились, одна в красную мантию, другой в старинные латы? Все это я считал сном или бредом моей горячки, но в вашем рассказе есть

подробности, которые так хорошо соответствуют происшествиям той ужасной ночи, что их невозможно принять за игру воображения. Вы сами, Клеопатра Платоновна, присутствовали при каком-то страшном преступлении, от которого у меня осталось одно темное воспоминание, но коего главные участники были бригадирша и Семен Семенович Теляев. Мне самому стыдно,— продолжал Руневский, видя, что все на него смотрят с удивлением,— мне самому стыдно, что я еще думаю об этом. Рассудок мой говорит мне, что это бред, но это такой страшный бред, что я не могу не желать удостовериться в его ничтожности.

— Что ж вы видели? — спросила Клеопатра Платоновна с беспокойством.

— Я видел вас, видел Сугробину, Теляева и этого таинственного незнакомца в домино и в маске, который увлекал дон Пьетро д'Урджина в кратер Везувия и о котором мне уже рассказывал Рыбаренко.

— Рыбаренко! — вскричал смеясь Владимир, — твой секундант! Ну, любезный Руневский, если он тебе рассказывал похождения свои в Комо, то я не удивляюсь, что тебе это вскружило голову.

— Но ты сам и еще этот Антонио, вы вместе с Рыбаренкой ночевали в *чертовом доме*?

— Так точно, и все трое мы видели Бог знает что во сне, с тою только разницею, что Антонио и я скоро обо всем забыли, а бедный Рыбаренко через несколько дней сошел с ума. Впрочем, ему, надобно отдать справедливость, было от чего помешаться. Я сам не понимаю, как уцелел. Если бы я только знал, кто подмешал нам опиума в этот пунш, который мы пили, прежде нежели пошли в *чертов дом*, он бы мне дорого заплатил за эту шутку.

— Но Рыбаренко мне ни слова не говорил про пунш.

— Оттого что он до сих пор не верит, что бред его был следствием пунша. Я ж в этом вполне уверен, ибо у меня от одного стакана закружилась голова, а Антонио начал шататься и даже упал на ровном месте.

— Но ведь Антонио умер от последствий вашей шалости?

— Правда, что он вскоре после нее умер, но правда и то, что он еще прежде страдал неизлечимой хронической болезнью.

— А кости, а череп ребенка, а казненный разбойник?

— Не прогневайся, любезный Руневский, но в ответ на все это я тебе скажу только, что Рыбаренко, которого я,

впрочем, очень люблю, помешался в Комо со страха. Все, что он видел во сне и наяву, все это он смешал, перепутал и прикрасил по-своему. Потом он рассказал это тебе, а ты, будучи в горячке, всю его чепуху еще более перепутал и, сверх того, уверил себя в ее истине.

Руневский не довольствовался этим истолкованием.

— Отчего же, — сказал он, — история этого дон Пьетро, в дом которого вы забрались ночью, смешана с историей Прасковьи Андреевны, в которой, однако, мне кажется, никто из вас не сомневается.

Владимир пожал плечами.

— Все, что я тут вижу, — сказал он, — заключается в том, что дон Пьетро был жених Прасковьи Андреевны. Но из этого нисколько не следует, что он был унесен чертом в Неаполь и что все, что об нем снилось Рыбаренке, есть правда.

— Но родственник Прасковьи Андреевны говорил о человеке в черном домино, Рыбаренко также говорил об этом человеке, и я сам готов побожиться, что видел его своими глазами. Неужели бы три лица, не согласившись друг с другом, захотели сами себя обманывать?

— На это я тебе скажу, что черное домино вещь такая обыкновенная, что о ней могли говорить не три, а тридцать человек, вовсе между собою не согласившись. Это все равно что плащ, карета, дерево или дом — предметы, которые несколько раз в день могут быть в устах каждого. Заметь, что согласие слов Рыбаренки с словами родственника состоит в том, что они оба говорят о черном домино; но обстоятельства, в которых оно является у каждого из них, ничего не имеют между собою схожего. Что ж касается до твоего собственного видения, то воображение твое просто воссоздало лицо, уже знакомое по рассказам Рыбаренки.

— Но я ничего не знал о фамилии Ostroviszu, ни о фамилии Tellaга, а между тем ясно видел на Сугробиной красное платье с летучей мышью, а на латах Теляева изображение филина.

— А пророчество? — сказала Даша. — Ты разве забыл, что в первый день, когда ты сюда приехал, ты сам прочитал род баллады, в которой говорилось о Марфе и о рыцаре Амвросии, о филине и о летучей мыши. Только я не знаю, что может быть общего у Теляева с филином или с рыцарем Амвросием!

— Эту балладу, — прибавила Клеопатра Платоновна, — извлек Рыбаренко из старинной хроники, о которой я вам

уже говорила, но после того, как вы ее прочитали, Марфа Сергеевна мне приказала сжечь свою рукопись.

— И после этого вы полагаете,— продолжал Руневский, обращаясь к Владимиру и к Даше,— что она была не Упырь?

— Как не Упырь?

— Что она не Вампир?

— Что ты, помилуй! Отчего бабушке быть Вампиром?

— И Теляев не Упырь?

— Да что с тобой? С какой стати ты хочешь, чтобы все были Упырями или Вампирами?

— Отчего же он щелкает?

Даша и Владимир посмотрели друг на друга, и наконец Даша так чистосердечно захохотала, что она увлекла за собой и Владимира. Оба начали кататься со смеху, и когда одна переставала, другой начинал снова. Они смеялись так откровенно, что Руневский, сколько это ему ни казалось некстати, сам не мог удержаться от смеха. Одна Клеопатра Платоновна оставалась по-прежнему печальною.

Веселье Владимира и Даши, вероятно, еще долго бы продолжалось, если б не вошел Яков и не произнес громогласно: «Семен Семенович Теляев!»

— Просить, просить! — сказала радостно Даша. — Упырь! — повторяла она, помирая со смеху, — Семен Семенович Упырь! Рыцарь Амвросий! Ха-ха-ха!

В передней послышались шаги, и все замолчали. Дверь отворилась, и знакомая фигура старого чиновника представилась их очам. Коричневый парик, коричневый фрак, коричневые панталоны и никогда не изменяющаяся улыбка были отличительными чертами этой фигуры и тотчас бросались в глаза.

— Здравия желаю, сударыня Дарья Васильевна, мое почтение, Александр Андреевич! — сказал он сладким голосом, подходя к Даше и к Руневскому. — Душевно сожалею, что не мог ранее поздравить молодых супругов, но отлучка... семейные обстоятельства...

Он начал неприятным образом щелкать, всунул руку в карман и, вытащив из него золотую табакерку, поднес ее прежде Даше, а потом Руневскому, приговаривая:

— С донником... настоящий русский... покойница Марфа Сергеевна другого не употребляли...

— Посмотри,— шепнула Даша Руневскому,— вот откуда ты взял, что он рыцарь Амвросий!

Она указывала на табакерку Семена Семеновича, и Ру-

невский увидел, что на ее крышке изображен ушастый филин.

Приметив, что он смотрит на это изображение, Семен Семенович странным образом на него взглянул и проговорил, повертывая голову:

— Гм! Это так-с, фантазия... аллегория... говорят, что филин означает мудрость...

Он опустилсЯ в кресла и продолжал с необыкновенно сладкой улыбкой:

— Много нового-с! Карлисты претерпели значительные поражения. Вчера некто известный вам бросился с колокольни Ивана Великого, коллежский асессор Рыбаренко...

— Как, Рыбаренко бросился с колокольни?

— Как изволите говорить... вчера в пять часов...

— И убился до смерти?

— Как изволите говорить...

— Но что его к этому побудило?

— Не могу доложить... причины неизвестны... Но смею сказать, что напрасно... коллежский асессор!.. далеко ли до коллежского советника... там статский советник... действительный...

Семен Семенович впал в шелканье, и во все остальное время его визита Руневский ничего более не слышал.

— Бедный, бедный Рыбаренко! — сказал он, когда ушел Теляев.

Клеопатра Платоновна глубоко вздохнула.

— Итак, — сказала она, — пророчество исполнилось вполне. Проклятие не будет более тяготить этот род!

— Что вы говорите? — спросили Руневский и Владимир.

— Рыбаренко, — отвечала она, — был незаконнорожденный сын бригадирши!

— Рыбаренко? Сын бригадирши?

— Он сам этого не знал. В балладе, которую вы читали, он странным образом предсказал свою смерть. Но это предсказание не есть его выдумка; оно в самом деле существовало в фамилии Ostrovczy.

Веселое выражение на лицах Даши и Владимира уступило место печальной задумчивости. Руневский погрузился также в размышления.

— О чем ты думаешь, мой друг? — сказала наконец Даша, прерывая общее молчание.

— Я думаю о Рыбаренке, — отвечал Руневский, — и еще думаю о том, что видел во время своей болезни. Оно не вы-

ходит из моей головы, но ты здесь, со мною, и, стало быть, это был бред!

Сказав эти слова, он побледнел, ибо в то же время заметил на шее у Даши маленький шрам, как будто от недавно зажившей ранки.

— Откуда у тебя этот шрам? — спросил он.

— Не знаю, мой милый. Я была больна и, верно, обо что-нибудь укололась. Я сама удивилась, когда увидела свою подушку всю в крови.

— А когда это было? Не помнишь ли ты?

— В ту самую ночь, когда скончалась бабушка. Несколько минут перед ее смертью. Это маленькое приключение было причиною, что я не могла с нею проститься: так я вдруг сделалась слаба!

Клеопатра Платоновна в продолжении этого разговора что-то про себя шептала, и Руневскому показалось, что она тихонько молится.

— Да,— сказал он,— теперь я все понимаю. Вы спасли Дашу... вы, Клеопатра Платоновна, разбили каменную доску... такую ж доску, какая была у дон Пьетро...

Клеопатра Платоновна смотрела на Руневского умоляющими глазами.

— Но нет,— сказал он,— я ошибаюсь, не будем более об этом говорить! Я уверен, что это был бред!

Даша не совсем поняла смысл его слов, но она охотно замолчала. Клеопатра Платоновна бросила благодарный взгляд на Руневского и стерла две крупные слезы с своих бледных ланит.

— Ну что ж мы все четверо повесили головы? — сказал Владимир.— Жаль бедного Рыбаренки, но помочь ему нельзя. Постойте, я вас сейчас развеселю: не правда ли, Теляев славный Упырь?

Никто не засмеялся, а Руневский дернул за шнурок колокольчика и сказал вошедшему Якову:

— Когда бы ни приехал Семен Семенович, нас никогда для него нет дома. Слышишь ли? Никогда!

— Слушаю-с! — отвечал Яков.

С этих пор Руневский не говорил более ни про старую бригадиршу, ни про Семена Семеновича.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ.

Антология редкой литературы о Вампирах,
составленная Питером Хэйнингом.

Пер. А. В. Чикина

Предисловие	7
Монтегю Саммерс ГАННОВЕРСКИЙ ВАМПИР	11
Август Харе ВАМПИР ИЗ «КРОГЛИН ГРЭЙНДЖ»	17
Джон Полидори ВАМПИР	21
Томас Прест ПОСЕЩАЮЩИЙ В БУРЮ	46
Брэм Стокер ТРИ ЮНЫЕ ЛЕДИ	53
М. Р. Джеймс ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СОБОРА	58
Август Дерлет БАШНЯ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ	81
Э. Ф. Бенсон НЕ СЛЫШНО ПЕНИЯ ПТИЦ	90
Сидни Хорлер ИСТОРИЯ СО СВЯЩЕННИКОМ	107
Стефен Грендон МЕТЕЛЬ	114
Мэнли Уэллман В ЛУННОМ СВЕТЕ	126
Шуйлер Миллер НАД РЕКОЙ	145
Ричард Мэтисон ПЕЙ МОЮ КРОВЬ!	159
Рей Брэдбери ОГНЕННЫЙ СТОЛБ	167
Бэйзил Коппер ДОКТОР ПОРТΟΣ	219
Роберт Блох ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ	228

Фриц Лейбер	
ДЕВУШКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ	235
Монтегю Саммерс	
ПОСТСКРИПТУМ	252

СИНДРОМ ДРАКУЛЫ

Рассказы и повести

Пер. И. В. Феокистовой

Уильям Тенн	
ОНИ ВЫХОДЯТ ТОЛЬКО НОЧЬЮ	257
Дэвид Х. Келлер	
НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ	264
Генри Каттнер	
МАСКАРАД	277
Роберт Блох	
ПЛАЩ	293
Роберт Шпехт	
ВЕРНЫЙ СПОСОБ	310
Алексей Толстой	
УПЫРЬ	315

**Издательство
«РЕНЕССАНС»**

**Серия
МИР МИСТИКИ
вышли в свет:**

**Папюс
ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ
в трех частях**

**ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ
Книга первая
Сборник**

**МЕРТВЫЙ ГОСТЬ
Книга первая
Сборник рассказов о привидениях**

**ОТВЕРЖЕННЫЙ ДУХ
Сборник
(Уильям П. Блэтти «Экзорсист»,
Маргрит Стин «Отверженный дух»)**

**ВАМПИРЫ
Сборник**

**Говард Филипс Лавкрафт
ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ
Сборник**

**ВОЛШЕБНЫЕ БРАТСТВА САЙМАКА
Клиффорд Саймак
(«Братство талисмана», «Зачарованное паломничество»)**

**Брэм Стокер
ДРАКУЛА**

ЭТО:

ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ

Сборник мистических произведений
русских писателей

(А. Н. Апухтин, М. В. Лодыженский, К. К. Случевский)

ПРИЗРАКИ

Сборник мистических произведений
русских писателей

(И. Тургенев, Ф. Сологуб)

ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДУХОВ

Книга первая

Сборник оккультных и мистических
произведений

ТРАКТАТ О ВЕДЬМАХ

Книга вторая

Сборник

ПОРОЖДЕНИЯ ТЬМЫ

Книга первая

Сборник оккультных и мистических
произведений

ЧЕРНАЯ МАГИЯ. ЧЕРНАЯ МЕССА.

Доктор Жав, Доктор Кофейнон

История, теория и практика черной магии

Аллан Кардек

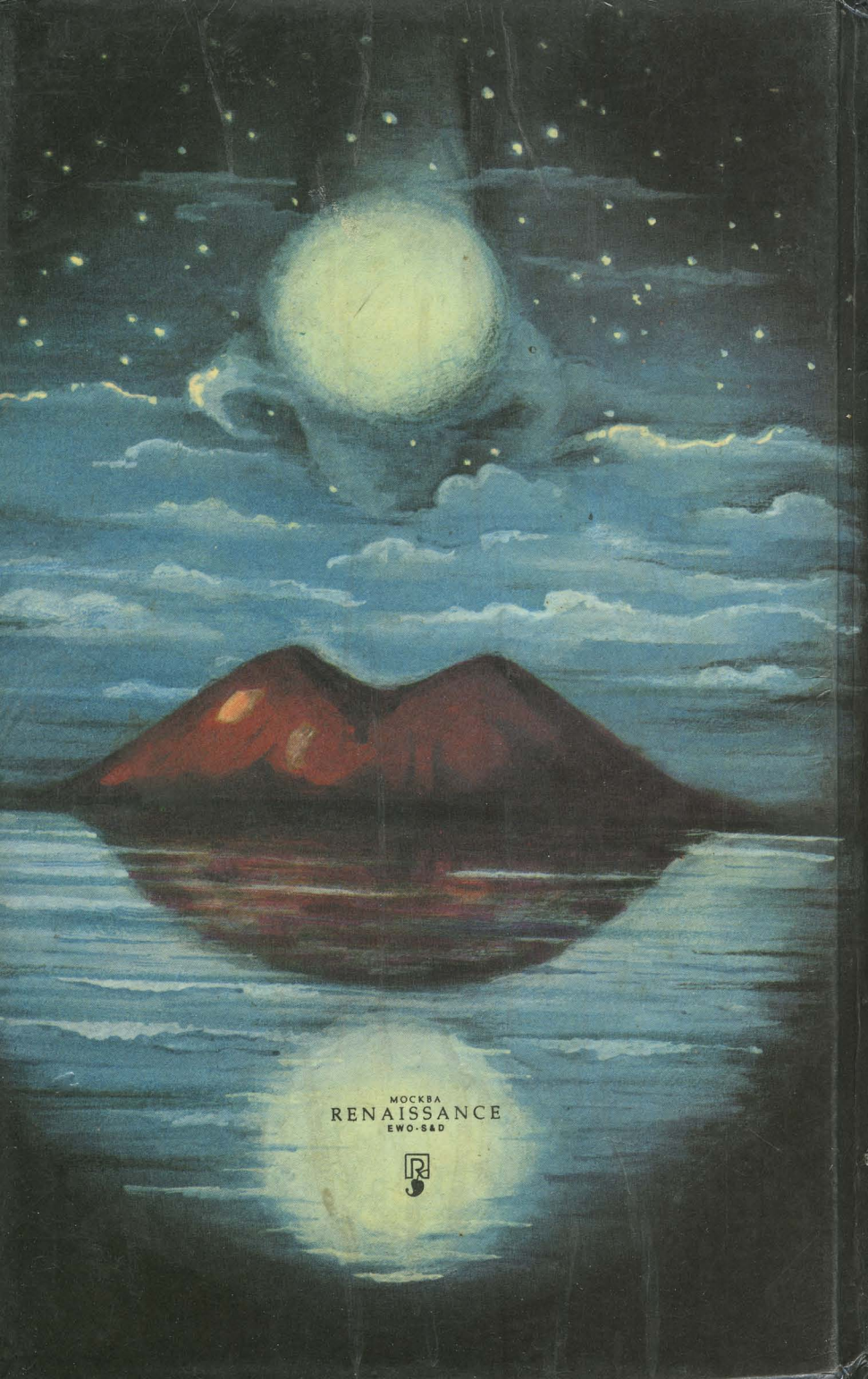
КНИГА ДУХОВ

Аллан Кардек

КНИГА МЕДИУМОВ

MOCKBA
RENAISSANCE
EWO-S&D

